Я. Г. ГУЛЯМОВ

ИСТОРИЯ ОРОШЕНИЯ ХОРЕЗМА

ЎЗБЕКИСТОН ССР
ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
ТАРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

Проф. Я. Ғ. ҒУЛОМОВ

ХОРАЗМНИНГ СУҒОРИЛИШ ТАРИХИ
ҚАДИМ ЗАМОНЛАРДАН ҲОЗИРГАЧА

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЁТИ
ТОШКЕНТ—1957

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Проф. Я. Г. ГУЛЯМОВ

ИСТОРИЯ ОРОШЕНИЯ ХОРЕЗМА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ—1957

Монография посвящена вопросу возникновения и развития искусственного орошения в низовьях Аму-Дарьи и охватывает период с древнейших времен до наших дней.

Книга Я. Г. Гулямова написана на основании многолетних археологических исследований, анализа первоисточника и дает большой конкретный материал по ирригации Хорезма, неразрывно связанный с историей его политического и экономического развития.

Книга рассчитана на специалистов-историков, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов.

Ответственный редактор—почетный академик АН УзССР,
член-корреспондент АН СССР *С. П. ТОЛСТОВ*

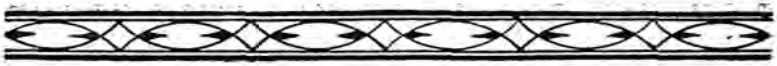
ОТ АВТОРА

Настоящая работа является первой попыткой последовательного освещения на археологическом материале истории возникновения и развития орошения в низовьях Аму-Дарьи. Осуществлению этой задачи благоприятствовала деятельность Хорезмской археологической экспедиции под руководством проф. С. П. Толстова; огромную помощь, оказанную С. П. Толстовым в решении ряда трудных задач, автор отмечает с бесконечной благодарностью.

Опыт, накопленный при изучении ирригации в Хорезме, помогает нам сейчас в освещении этапов развития орошения с древнейших времен в Бухарском оазисе, а также в Ферганской долине; думается, что он окажется вполне приемлемым в дальнейшем при изучении истории ирригации во всем Узбекистане.

Изучение истории орошения Хорезма велось автором до 1950 г., почему здесь и не затрагиваются те плодотворные результаты в области исследования вопроса, которых достигла Хорезмская археологическая экспедиция в особенности за последние годы.

Автор приносит искреннюю благодарность академикам В. В. Струве, И. А. Орбели, члену-корреспонденту АН СССР К. В. Тревер и кандидату исторических наук Н. Б. Байковой за их советы и помощь в осуществлении настоящей работы.



ВВЕДЕНИЕ

Хорезм, окруженный бесплодной пустыней, представляет собой часть той огромной территории Востока, где «условия климата и почвы... сделали **систему искусственного орошения** при помощи каналов и *водных сооружений* **основой восточного земледелия**»[1].

Высокая земледельческая культура зародилась в Хорезме на основе искусственного орошения очень давно и развивалась так же, как в Египте, Месопотамии и других странах Востока.

Советской исторической науке, особенно в национальных республиках Советского Востока, вменялась почетная обязанность раскрытия исторического процесса накопления народами Средней Азии ирригационного опыта, условий их многовековой борьбы за создание высокой земледельческой культуры и выяснения исторических причин возникновения и запустения целых цветущих в древности земледельческих районов.

Почему страна, располагавшая в древности огромной земельной площадью, громадными, удобными для орошения водными ресурсами Аму-Дарьи, не смогла выйти из состояния земельной тесноты, а ее трудолюбивое население страдало от нищеты под гнетом ханов, беков, мирабов и т. д.?

Почему в XVII в. и в первой половине XIX в. население Хорезма могло оросить — вернее, восстановить орошение — большие земельные площади, а *потом не смогло продолжить эти мероприятия, допуская* разорение цветущих районов?

Ответ на эти вопросы требует внимательного подхода к отдельным этапам исторического развития страны, ибо только так можно установить, в какой мере специфические условия развития производительных сил позволяли земледельцам Хорезма так же, как и земледельцам других стран Востока, в те или иные периоды добиваться от государственной власти заботы об охране ирригационной сети, а также внешнего и внутреннего спокойствия в государстве.

Маркс до тонкостей вскрыл роль правительства в государственной жизни стран Востока. Он пишет, что элементарная необходимость экономного и совместного использования воды там, «где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, повелительно требовала вмешательства централизующей силы правительства. От-

[1] К. Маркс, Британское владычество в Индии, Собр. соч., т. IX, 1933, стр. 347.

сюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно, функция организации публичных работ. Эта система искусственного оплодотворения почвы, зависевшая от центрального правительства и приходившая немедленно в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам, объясняет тот, необъяснимый иначе, факт, что мы видим теперь бесплодными и пустынными целые территории, некогда бывшие прекрасно обработанными»[2].

Мы действительно наблюдаем этот факт на всем протяжении истории Хорезма и других областей Средней Азии. При одних правителях, как мы старались показать это в работе, цветущий Хорезмский оазис превращался в объект раздора между правителями, причем каждым из правителей рассматривался только как богатая добыча, которой можно пользоваться без проявления заботы о ней. Нередко из корыстных соображений правитель закрывал исток крупного канала и вызывал гибель цветущего района. При других правителях такие действия рассматривались как «зло, как разорение подданных и как произвол»[3]. Случалось, что правитель казнил собственного сына за то, что тот проехал на охоту через голову канала, повредив исправность последнего копытами коней — и этот акт наказания расценивался передовыми летописцами как пример справедливости.

Несмотря на всю жестокость эксплуатации собственных подданных, правители стран орошаемого Востока в силу экономической необходимости вынуждены были понимать роль и значение искусственного орошения, регулирование которого испокон веков составляло их прерогативу и обязанность, так же как и организация труда земледельческой массы, плодами которого правители пользовались.

Например, в Хорезме издревле существовала практика, в силу которой каждый земледелец был обязан отбывать ежегодно двенадцатидневную повинность в пользу верховного правительства, которую последнее обычно использовало для мобилизации трудового населения на проведение и чистку магистральных каналов, на сооружение плотин, дамб и на другие общественные работы, связанные с поддержанием хозяйственного благополучия страны. Однако не все правители сознавали необходимость именно такого использования повинности; бывали случаи частых злоупотреблений, особенно при последних хивинских ханах, когда этот общеполезный труд народа использовался на удовлетворение частных нужд правящих групп. Иногда блестящие плоды длительного тяжелого труда народа уничтожались из-за корыстной антинародной политики правителей.

Так, например, в 1809 г. хивинский хан Мухаммед Рахим задумал лишить воды район Кунграда из-за того, что Аральское владение хивинских ханов во главе с г. Кунградом отпало от ханства. Военные силы ханства в течение ряда лет не могли справиться с восставшими. Тогда хан решил закрыть доступ воды в район Кунграда. Десятитысячная армия хана возвела на двух мощных протоках Аму-Дарьи грандиозные плотины и отвела воду. Кунградский район спасся от грозившей ему гибели лишь благодаря внезапному прорыву протоков в прежние их русла.

Возьмем другой пример: в районе Ханабада огромная территория земель древнего орошения была орошена и благоустроена силами насильственно согнанных сюда каракалпакских земледельцев. Однако хан

[2] К. Маркс, Британское владычество в Индии, Собр. соч., т. IX, 1933, стр. 348.
[3] Баяни, л. 115б.

Мухаммед Эмин (1846—1855), завершив орошение этого района, заселил его не каракалпаками, а туркменскими племенами с условием несения ими военной службы хану. Эта тяжкая военная служба не только отрывала туркмен от их собственного хозяйства, но и требовала от них участия в братоубийственной войне с родственными им племенами Южного Туркменистана и Северного Ирана, а также в военных авантюрах бухарских и хивинских ханов; туркмены в этих войнах не были заинтересованы. Туркмены Хорезма открыто выражали свое недовольство такой политикой. Это недовольство дошло до отказа от участия в войне против собственных соплеменников. При другом хане Сайид Мухаммеде (1856—1865) туркмены Хорезма превратились в грозную непокорную ему силу. Все карательные походы против туркмен терпели неудачу. Тогда хан решил закрыть воду в цветущий район Ханабада, где были поселены туркмены; «...его величество (хан) решил закрыть им воду и этим разорить их хозяйства и рассеять их самих»[4].

Таким хищническим образом территория Ханабада была превращена в пустыню. Среди туркмен начался голод. В дальнейшем, при малейшем неповиновении со стороны туркмен хан приказывал закрывать канал и не пропускать воду на их посевы, и каждый раз после этого туркменские предводители, «плача и раскаиваясь» приходили к хану с изъявлением согласия[5] на его новые, еще более жестокие условия[6].

История Хорезма изобилует многочисленными фактами превращения водных артерий в орудия насилия, в орудия господства сильных над слабыми, что отмечается еще в рассказах Геродота (Геродот, I, 202).

Громадные районы древнего орошения не только в Хорезме, но и во всех странах орошаемого Востока, были превращены в пустыню отнюдь не вследствие истощения или засоления почвы, как думают некоторые исследователи, но в результате гибели ирригационных систем из-за политических распрей или нерадивого отношения деспотических правителей к производительным силам страны.

Достижения советской исторической науки позволяют нам выявить и осмыслить весь длительный процесс борьбы народов Хорезма как со стихийными силами природы, так и с теми трудными социальными и политическими условиями, в которых слагалась история этого оазиса.

Для решения всех этих вопросов мы располагаем многочисленными фактическими данными, которые можно разбить на две основные категории:

Первая — сведения письменных источников, которые широко использовал выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд в трех своих основных исследованиях[7], значительно облегчивших выполнение настоящей работы.

Вторая — факты, добытые советской археологией.

Рассматривая данные первой категории, необходимо напомнить, что после завоевания Средней Азии арабами местные письменные источники были ими варварски уничтожены.

Несмотря на широкий размах географической и исторической литературы в X веке, отсутствие этих местных источников мешает нам

[4] Агехи, Гулшен-эд-дауля, ркп. ИВАН СССР, № 1891, л. 117б.

[5] Агехи, Шахид-и-икбал, ркп. ИВАН СССР, № С. 572, л. 87б.

[6] Туркмен расселяли в низовьях искусственных каналов, предоставляя весьма ограниченное количество орошенной земли.

[7] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900; он же, Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в., Известия ТОРГО, т. IV, вып. II, Ташкент, 1902; он же, К истории орошения Туркестана, Записки ВОРАО, т. XIX, СПб., 1914.

снять темную завесу с многовековой истории Хорезма, предшествовавшей времени арабского владычества. Исчезли записи, расчеты, таблицы и другие труды предшественников Мухаммеда бин Муса-Хорезми, Абу-Абдаллаха-Хорезми, Абурайхана Бируни и других, которые составляли традиционный круг ученых при дворе хорезмшахов, занимавшихся астрономией, математикой, медициной, историей, ирригацией и другими отраслями науки. Однако в календаре ирригаторов Хорезма до сих пор сохранились названия периодических паводков на Аму-Дарье, связанные с названиями рыб (например, белорыбица — «ок балык тошуви») и созвездий (Плеяды—«Хулкар тошуви»). Они являются результатами длительного и точного наблюдения средневековых ученых за движением звездного неба и за поведением живых существ, предвещающих поведение реки за вегетационный период.

Неспроста подчеркивает Мухаммед бин Муса-Хорезми в предисловии к своей книге, что его простая математика была нужна и полезна для людей при разных вычислениях, «или когда необходимо измерение земли, рытье каналов и для всяких других вещей»[8].

Абурайхан Бируни в своей книге точно определяет, что Аму-Дарья начинает разливаться и выходить из собственного русла 24 хазирана (июня), в результате чего происходит наводнение;[9] паводок начинается на Аму-Дарье с 25 тамуза (июля)[10].

Страна, зависящая от паводков реки, издревле создавала математиков, астрономов и других специалистов—и правители всячески поощряли их, прежде всего в интересах государства и собственной казны.

Все то, что было записано пером древнехорезмийских ученых, не сохранилось, но частично дошло до нас в трудах их последователей: Мухаммеда бин Муса-Хорезми, Абу-Абдаллаха-Хорезми и Абурайхана Бируни, которые двинули далеко вперед развитие феодальной науки, но уже не на хорезмском, а на арабском языке. Некоторые представители древней среднеазиатской науки, как Фергани и Мухаммед бин Муса-Хорезми, привлекались ко двору ранних аббасидских халифов в Багдаде, где руководили научной деятельностью, увековечивая свои имена в истории мировой науки.

Абу-Абдаллах-Хорезми (X в.) посвятил специальную главу своего словаря «Мафатих-ал-Улум» (ключи наук) ирригации и ирригационной технике Мервского оазиса. Эта весьма интересная глава об ирригации не могла быть широко использована нами, так как богатая ирригационная терминология, приведенная Абу-Абдаллахом, специфическая для Мервского оазиса, совершенно отлична от хорезмской.

Так, например, термин «файкал», обозначающий очередность в водопользовании в Мервском оазисе и в ряде районов Мавераннахра, в Хорезме обозначается термином «асвак»; водоподъемное колесо в Мерве называется «дулаба», а в Хорезме оно обозначается словом «чикир» (чигир) и т. д.

Большое оживление международного обмена и экономический подъем в странах Востока в IX—X вв. стимулировали быстрое развитие всех отраслей средневековой науки, в том числе географической и исторической.

И действительно, мы видим, что в этот период (IX—X вв.) возникает целый ряд сочинений с описанием различных стран и ведущих к ним

---

[8] The Algebra of Mohammed ben Musa, translated by F. Rosen, London, 1831. Оксфордская рукопись, стр. 3, английский перевод, стр. 2 — 3.

[9] Бируни, Памятники минувших поколений, ркп. л. 48.

[10] Там же, л. 59.

путей, экономического и культурного состояния населяющих их народов. Это было временем крутого поворота в истории науки Средней Азии, так как тогда началось собирание и фиксирование географических и исторических сведений. Труды географов и историков Ибн-Русте, Истахри, Макдиси, Табари, Наршахи, Белазури, книга «Худуд-ал-Алем», Якуби, Ибн-ал-Факиха, Ибн-Хордадбеха, Ибн-Фадлана, Абурайхана Бируни, Гардизи, Ибн-ал-Асира, Якута, Самани, Несеви и других являются сейчас — и навсегда останутся — общеобязательными и непревзойденными источниками для изучения географии и истории Средней Азии до нашествия Чингиз-хана.

Среди них особо выделяются Бируни, Ибн-Русте, Истахри, Макдиси, Якут, в трудах которых уделено большое внимание характеристике течения Аму-Дарьи, общей географии Хорезма, состоянию ирригации и описанию каналов, городов и селений. Здесь, впервые в письменных источниках, находим мы обстоятельное описание Хорезма в том виде, в каком его застали названные авторы как X—XI вв., так и более поздние. Вся же предшествующая история Хорезма, время заселения его в периоды первобытной истории, т. е. в периоды хозяйственного освоения девственного оазиса, пути возникновения и развития ирригации, хозяйственное, общественное и культурное состояние народов Хорезма на заре истории, возникновение магистральных каналов, античных городов, пути развития материального производства и производственных отношений, смена общественных формаций, — словом, весь путь, пройденный Хорезмом до того состояния, в каком его застали авторы X—XI вв., — все это оставалось покрытым мраком и историки ограничивались лишь тем, что называли его «домусульманским периодом». Освещение этого периода выпало на долю советской историографии и советской археологии.

Письменные источники о Хорезме после монгольского нашествия до Абулгази довольно скудны и односторонни. Путевые записки европейских и иных путешественников, таких, как Плано Карпини, Гайтон, Ибн-Батута, Балдуччи Пеголетти, Паскаль и другие, посвящены в основном вопросам торговли, религии, дорог и т. п. и ограничены весьма тесными рамками. Сведения Ибн-Батуты касаются главным образом Ургенча; но поскольку высказывания его о пустынном состоянии областей к юго-востоку от Ургенча, как мы увидим ниже, не подтверждаются, мы должны подходить к ним с известной осторожностью.

В сочинениях историков Тимура Низам-эд-дина Шами и Шереф-эддина Иезди, в географических и исторических сочинениях Хафизи-Абру, Хамдаллаха Казвини и других встречается много сведений о Хорезме; однако они весьма разнохарактерны. У первых двух отдельные географические пункты упоминаются вскользь, в связи с походами Тимура в Хорезм, а сведения двух остальных, несмотря на их подробный характер, не свободны от ряда серьезных ошибок и временами представляют собой компиляцию трудов географов X в. Поэтому приходится подходить и к ним с большой осторожностью. События в Хорезме в XVI—XVII вв., этническое, социально-экономическое и политическое состояние страны прекрасно зафиксированы в известном труде Абулгази-хана «Шаджара-и-тюрк» (Родословное древо тюрков). Этот ценный памятник переведен на русский[11] и ряд западноевропейских языков.

---

[11] Перевод на русский язык был осуществлен Г. С. Саблуковым в 1854 г. и издан в 1906 г. Кроме того, в 1871 г. Демезоном был издан полный текст петербургской рукописи «Шаджара-и-тюрк» в объеме 334 страниц с небольшим указателем. Подробнее см. МИТТ, т. II, стр. 31 и сл.

В процессе проведения настоящего исследования нам пришлось сопоставить различные тексты рукописи Абулгази, хранящиеся в библиотеках и у частных лиц.

В Фундаментальной библиотеке АН УзССР за № 217 и 47 хранились две рукописи «Шаджара-и-тюрк», переданные ныне в Институт Востоковедения АН УзССР. Из них в особенности рукопись № 217, списанная с экземпляра, хранившегося в библиотеке Хивинского музея, отличается наибольшей полнотой и точностью текста и раскрывает сущность ряда серьезных вопросов, вызывавших некоторые недоразумения как в отношении текста, изданного Саблуковым, так и его перевода.

Удалось установить не только значительные расхождения с прежними переводами и текстами, а также дефекты этих текстов и их перевода[12], но и выявить важные моменты в отношении создания этого ценного исторического труда.

Выясняется, во-первых, что труд Абулгази продолжен и закончен не Ануша-ханом, сыном и преемником Абулгази, а выполнен по поручению Ануша-хана неким Махмуди бин Мухаммед Заманом Ургенджи. Во-вторых, труд Абулгази не только продолжен Махмуди бин Мухаммед Заманом, но в значительной степени дополнен им с введением новых глав. Если сопоставить упомянутую рукопись № 217 с текстом, изданным Демезоном, то получается следующее: вводная часть, глава I и до середины II главы, т. е. от начала до 30 страницы, написаны самим Абулгази-ханом. Дальше, вторая половина II главы, III, IV, V, VI, VII главы, т. е. с 31 до 177 стр., написаны Махмуди бин Мухаммед Заманом. VIII глава и основная часть IX главы о царствовании потомков Шейбани-хана I в Дешти Кипчаке и в Хорезме до последней битвы Абулгази за Хиву, т. е. от 177 до 319 стр., вновь написаны самим Абулгази-ханом. Конец, т. е. от 319 до 334 стр., написан Махмуди бин Мухаммед Заманом. Таким образом, почти половина объема текста «Шаджара-и-тюрк» (162 из 334 стр.) не принадлежит перу Абулгази. В то же время необходимо подчеркнуть, что самая ценная и самая основная часть этого труда принадлежит именно перу самого Абулгази. В рукописи № 47 Махмуди бин Мухаммед Заман упоминает о своем участии в труде, но там совершенно не указывается степень этого участия, как это явствует из текста рукописи № 217.

Дальнейшие исторические события в Хорезме, вопросы освоения новых земель и развития ирригации освещаются в богатейших хивинских хрониках, составленных последовательно Шер-Мухаммед мирабом, сыном Эваз-бия, известным под псевдонимом «Мунис» (родился в 1778 г., умер в 1829 г.), Мухаммед Риза мирабом, сыном Эрниязбека, известным под псевдонимом «Агехи» (родился в 1809 г., умер в 1872 г.), Мухаммед Юсуфом, сыном Бабаджан бека, писавшем под псевдонимом «Баяни» (родился в 1859 г., умер в 1923 г.).

Мунис и Агехи, поэты и официальные историки хивинского двора, потомственно носили титул главного придворного мираба, что, однако, не было просто почетным титулом. На это мы имеем вполне ясные указания в их сочинениях, где зачастую подчеркивается, что возглавление особо важных работ по ханству, связанных с упорядочением головных частей магистральных каналов, с постройкой плотин, с нивелировкой трасс вновь выводимых каналов и т. п., входило в обязанность этих высокопоставленных придворных. В такой стране, как Хорезм, основой благосо-

[12] Эти дефекты настолько серьезны, что вызывают необходимость произвести тщательную сверку ряда рукописей и академического издания текста с новым переводом.

стояния которой являлось орошаемое земледелие, забота о нем действительно была заботой государства.

Кроме того, в сочинениях Муниса и Агехи проявляется определенная тенденция к выяснению развития водоснабжения в Хорезме; авторы стараются воспользоваться удобным случаем и дать при изложении официальной истории разъяснение развития того или иного канала или протока.

Мунис продолжил историю Хивинского ханства, начатую Абулгазиханом. При этом он также начал с обычного изложения ее легендарной версии, сильно сократил основную часть труда Абулгази и довел его до событий 1812 г.; Агехи, племянник и воспитанник سی ـ دست پرور دسی برادر زاده Муниса продолжил его труд «Фирдаус-ул-Икбал» («Райский сад счастия») до событий 1826 г. включительно.

Дальнейшую историю ханства до 1872 г. написал Агехи, в пяти отдельных книгах, посвященных правлению отдельных ханов. Каждая книга носит особое название[13].

Характеризуя значение рассматриваемых источников акад. В. В. Бартольд справедливо отмечает, что «каковы бы ни были недостатки работы Муниса и Агехи как литературного и исторического труда, этот труд по подробности изложения и количеству фактического материала далеко оставляет за собой все дошедшие до нас труды по истории ханств Бухарского и Кокандского»[14].

Баяни (Баёни) в заключении своей книги пишет, что в 1911 г. последний хивинский хан Исфендияр поручил ему составить полный свод истории хивинских ханов до времени правления самого Исфендияра. При этом хан поручил Баяни упростить язык изложения Муниса и Агехи и сделать их труды общедоступными. Автор мастерски справился с этой задачей и без ущерба для содержания упростил язык, сократил излишние алегории, метафоры и восхваления.

Поэтому после тщательного сличения сочинений Баяни с трудами Муниса и Агехи, мы до событий 1846 г. смело ограничиваемся в настоящей работе ссылкой на Баяни.

Всю историю ханства с 1846 г. по 1912 г. Баяни написал на основании сведений, собранных им лично. При сопоставлении сведений, которые находятся в трудах Агехи, хранящихся в Институте востоковедения АН СССР, больших расхождений со сведениями Баяни не обнаруживается, однако некоторых заслуживающих внимания подробностей, встречающихся у Баяни, у Агехи нет.

Поход генерала Кауфмана в Хиву в 1873 г., подробности этого события, внутренние разногласия в Хиве в это время, дальнейшие русско-хивинские отношения до 1912—1913 гг. изложены Баяни подробно и просто. Баяни начал свой труд в 1911 г., закончил в 1914 г. и назвал его «Шаджара-и-Хорезмшахи» (Родословное древо хорезмшахов).

К числу использованных нами первоисточников надо добавить еще огромный архив ханских грамот, актов пожалования и других документов, относящихся к разным периодам истории Хорезма. Среди них зачастую встречаются исключительно интересные материалы, освещающие целый ряд трудных и туманных вопросов исторической топографии, динамику развития ирригационной сети, социальных отношений и т. п. Например, в разрешении целого ряда вопросов состояния ирригации по течению Аму-Дарьи, уточнения названий некоторых крупных каналов в се-

[13] МИТТ, т. II, стр. 23 — 26.
[14] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 113.

редине XIV в. помог нам вакуфный документ Тимур Кутлука от 1349 г. Дальнейшее обнаружение все более ранних грамот хивинских ханов заставило нас отнести время возникновения нового названия канала Газиабад к середине XVII в., тогда как раньше его относили к концу XVIII в.

Значительный вклад в изучение истории развития хорезмского оазиса внесло русское востоковедение, использовавшее многочисленные и весьма ценные сведения послов, купцов, путешественников, пленников и т. п. В XIX в. были написаны прекрасные сводные труды по истории, географии и экономике Хивинского ханства; примером могут служить труды: Н. И. Веселовского, «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве», Я. В. Ханыкова, «Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями», Данилевского, «Описание Хивинского ханства», а также записки Гладышева, Муравина, Муравьева и других, заслуживающие исключительного внимания.

В связи с покорением Хивы русская географическая и востоковедческая наука широко развернула исследовательские работы по Узбою, по старым руслам Аму-Дарьи. Начались поиски возможности освоения легендарного водного пути от пределов Афганистана до Каспия. Целый ряд географических экспедиций тщательно изучал геологию, орографию, почву, гидрографию, климат, водное хозяйство Хорезма; по этим вопросам была создана огромная литература и накоплен обширный картографический материал.

В XX в. русская промышленность проявила большой интерес к развитию хлопководства в колониальном Туркестане. В связи с этим все снова и снова были развернуты геологические, почвенные, метеорологические и гидролого-гидрографические исследования.

Своим изучением истории орошения на Востоке В. В. Бартольд создал славу русскому буржуазному востоковедению. Основная заслуга В. В. Бартольда заключается в том, что в результате систематического упорного труда он исчерпывающим для своего времени образом поднял исторические и географические первоисточники на различных языках, основываясь на которых составил свой капитальный труд. Однако В. В. Бартольд не сделал всех возможных исторических обобщений, что было обусловлено тогдашним уровнем буржуазной исторической науки, далекой от подлинно научного марксистского освещения вопросов социальной истории. Исследования В. В. Бартольда по истории орошения Средней Азии, в том числе и Хорезма, основывались главным образом на письменных источниках и не могли быть подкреплены известным нам теперь богатейшим археологическим материалом, еще не выявленным при жизни В. В. Бартольда. Честь выявления его выпала на долю крупного советского востоковеда С. П. Толстова, которому удалось сочетать весь комплекс исторических сведений с обширным материалом археологического порядка. Значительный вклад в изучение истории орошаемого земледелия в Средней Азии, главным образом в Хорезме, был сделан историком П. П. Ивановым[15].

Сведения исторических источников, которыми пользовался автор настоящей работы[16], весьма разнообразны и противоречивы. Для освещения истории античного периода совершенно нет местных письменных источников. Основные сведения об этом периоде почерпнуты всеми историками-

[15] П. П. Иванов, «Удельные земли» Саид Мухаммед-хана хивинского, ЗИВАН, т. VI, 1937; он же, Архив Хивинских ханов, ЗИВАН, т. VII, 1939; он же, Архив Хивинских ханов XIX в., Л., 1940.

[16] В. В. Бартольд и С. П. Толстов также отмечали это обстоятельство.

востоковедами лишь из триумфальных наскальных и намогильных надписей царей ахеменидской Персии, из книг ранних греческих авторов, например, Гекатея Милетского, Геродота, Ктесия, Ксенофонта, Квинта Курция Руфа; позднегреческих и римских авторов: Трога Помпея, Страбона, Плиния Старшего, Полибия, Диодора, Арриана, Птолемея, а также из исторических хроник китайских дворов Старшего дома Хань, Младшего дома Хань и последующих династий, собранных в известном своде Н. Я. Бичурина[17].

Ни один из греческих, римских и китайских авторов лично не бывал в Хорезме, поэтому историко-географические и этнические сведения, приведенные в их работах, туманны и сбивчивы. Из работ древнегреческих авторов явствует, что они почерпнули свои сведения из древнеперсидских источников и из источников о причерноморских скифах. Поэтому у одних авторов народы Средней Азии причисляются к скифским племенам, а у других — к сакским. Так же сбивчивы и известия Геродота о существовании течения по Узбою, явно относящиеся к числу ранних преданий, проникших в Малую Азию. К числу таких путанных известий относится применение Геродотом названия Аракса к Оксу (Аму-Дарья), Танаиса к Яксарту (Сыр-Дарья) и т. п. Поход македонян во главе с Александром оказал значительное положительное влияние на позднегреческую и римскую историческую и географическую литературу; сведения Арриана, Трога Помпея и Страбона носят явный отпечаток этого влияния, хотя также пестрят ошибками и неточностями, вызванными тем, что в работах этих поздних писателей все же использованы некоторые сбивчивые данные древнегреческих авторов. Со II в. до н. э. исторические и географические сведения о Средней Азии все чаще начали фиксироваться в исторической хронике китайского двора Старшего дома Хань. Китайские сведения в сравнении с позднегреческими и римскими носят более конкретный и правдивый характер.

Фиксация китайской официальной историей фактов истории и географии Средней Азии продолжалась последовательно до X в. н. э. Точность и правдивость её сведений в каждый период истории зависели от характера и уровня развития связей Китая с народами Средней Азии, что полностью выявляется при тщательном исследовании данных китайских источников.

В IV—V вв. н. э. на западе появляются византийские и армянские исторические работы, которые вносят серьёзные коррективы в китайские известия.

Затем после арабского завоевания появляются исторические сочинения Табари, Наршахи и т. п., которые продолжают отечественную историческую науку народов Средней Азии, прерванную завоеванием и господством арабов.

Значительная работа в области освещения практических вопросов землепользования, водопользования и способов орошения в XIX—XX вв. была проведена А. Н. Аскоченским[18], С. Кондрашевым[19], Ор. Шкапским[20], М. Юлдашевым[21] и рядом исследователей, труды которых никак

[17] Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950.

[18] А. Н. Аскоченский, Южный Хорезм как объект водохозяйственного строительства, САзГИПРОВОД, Ташкент, 1934.

[19] С. Кондрашев, Орошаемое хозяйство и водопользование Хивинского оазиса, М., 1934; он же, Орошаемый Хорезм, М., 1931.

[20] Ор. Шкапский, Аму-Дарьинские очерки, Ташкент, 1900.

[21] М. Юлдашев, Землевладение и государственное устройство феодальной Хивы в XIX веке, Автореферат докторской диссертации, М. — Л., 1953.

не могут быть обойдены при исследовании экономики, истории и особенно истории орошения Хорезма.

После Октябрьской социалистической революции, в связи с декретом Совета Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина от 17 мая 1918 г. и постановлением Совета Народных Комиссаров от 2 ноября 1920 г., а также рядом указаний Ленина и Сталина о необходимости развертывания хлопководства и ирригации, исследовательские работы в Хорезме получили необычайный размах; были разработаны также большие ирригационно-мелиоративные проекты.

Октябрьская социалистическая революция вызвала в Средней Азии крутой подъем археологической науки; наряду с другими областями и районами Средней Азии начались серьёзные археологические исследования и в Хорезме. В работах А. Ю. Якубовского[22], М. В. Воеводского[23] и др. получили разрешение некоторые вопросы исторической топографии и стратиграфии отдельных археологических объектов Хорезма.

В 1936 г. автор настоящей работы приступил к широкой разведке археологических объектов южного Хорезма. При первом же знакомстве с историей, этнографией и фольклором народов Хорезма перед нами во весь рост встали вопросы истории ирригационного освоения страны, в которой социальные отношения выражены наиболее четко и выпукло.

В течение восьми лет осуществляя археологический надзор на грандиозных народных стройках Ташсакинского и Суанли-Ленин-ябского магистральных каналов, на чистке отдельных каналов и строительстве железнодорожной линии Чарджоу—Кунград и т. п., автору удалось среди строителей и местного населения собрать и уточнить сведения по всем вопросам ирригации.

Так, вооруженные данными письменных первоисточников и народных преданий, мы проникли и в другую область исторической науки — археологию древнего Хорезма.

В результате длительной и широко развернувшейся работы Хорезмской археологической экспедиции под руководством проф. С. П. Толстова[24] наши познания по истории Хорезма пополнились мощной струей фактических данных, другими словами, для нас заговорил «домусульманский период» истории Хорезма. Заговорили бесчисленные развалины на древних каналах, занесенных наступающими песками Кызылкумов и Каракумов.

Эта история тысячелетий, представленная памятниками материальной культуры, говорит прежде всего о том, что ирригация как основа земледелия и общего благосостояния страны могла развиваться и стать настоящей, полноценной основой их только тогда, когда страна объединялась, чтобы отстаивать свою независимость; в основном же тогда, когда господствующий класс и опиравшиеся на него правительства оказывались способными стать на общегосударственную точку зрения, т. е. сочетать свои классовые интересы с общегосударственными. Иными словами — когда правительства понимали, что эксплуатируемые ими трудовые массы смогут выполнять свою основную функцию — кормить господствующий класс и пополнять государственную казну, — лишь тогда, когда сами правители будут организовывать и направлять труд массы производителей на путь развития производительных сил страны.

---

[22] А. Ю. Якубовский, Развалины Ургенча, Л., 1930; он же, Городище Миздахкан, ЗКВ, кн. V, 1930.

[23] M. V. Woyevodsky, A. Summary Report of Khwarizm Expedition, Bull. of American Instit. for Iranian Arch., 1938, № 3.

[24] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 7—33.

Отдельные деспоты стран Востока поднимались до понимания зависимости их личного благополучия, а также благополучия правящих классов, от развития производительных сил страны. Обычно не проявляя заботы о развитии этих сил, они иногда старались не мешать их естественному развитию. В истории известны случаи, когда такие дальновидные правители обращались к своим приближенным феодалам с предупреждением о необходимости заботиться о благосостоянии подчиненного им трудящегося населения. Один из последних монгольских ханов в Иране Газан Махмуд говорил своим феодалам: «эти райя (крестьянство) отданы вам для того, чтобы они работали на вас и кормили вас. Вы их не разоряйте и не обижайте. *Если они будут разорены вами, то вы сами будете страдать в нужде*, и тогда не обращайтесь ко мне за помощью. Я буду вас наказывать»[25].

Такое заявление отнюдь не было вызвано гуманностью правителя в отношении к угнетаемому крестьянству. С такими предупреждениями и ранее выступали правители рабовладельческих государств, требуя лучшей организации труда рабов, однако целью таких выступлений была забота о пользе самого класса рабовладельцев.

Появление в свет двух выдающихся работ С. П. Толстова «Древний Хорезм» и «По следам древнехорезмийской цивилизации» ознакомило научный мир с основными путями развития древнехорезмийских обществ и особенно с динамикой ирригационного освоения Хорезма. Задачей настоящей работы является уточнение некоторых специфических подробностей и особенностей этого длительного процесса с использованием накопленного советской наукой археологического, этнографического и исторического материала, в свете той исторической закономерности в развитии орошаемого земледелия, которая была выявлена классиками марксизма-ленинизма.

В процессе выполнения настоящей работы автор убедился в том, что историю ирригации Хорезма за советский период нельзя рассматривать в отрыве от общего хода развития ирригации в Средней Азии вообще потому, что в этот период Хорезм не был уже изолирован от общего политического и исторического развития Узбекистана и что его экономика неотделима от его общего планового хозяйства. В особенности это относится к вопросам водного хозяйства, которые могут быть решены только в среднеазиатских масштабах.

За советский период в области ирригации Хорезма и Средней Азии проделана такая огромная работа, проектирование и осуществление гидротехнических сооружений приняло такие гигантские масштабы, что освещение истории ирригации за это время потребует специальной монографии.

Однако поскольку картина развития ирригации Хорезма была бы неполной без освещения советского периода, автор счел необходимым посвятить этому отдельный (VIII) раздел, в котором, не претендуя на исчерпывающее освещение вопроса, устанавливает основные этапы процесса орошения земель Хорезмского оазиса в советский период.

В основном же работа посвящена истории накопления народного опыта в искусственном орошении Хорезма.

---

[25] Рашид-эд-дин. Джами-ат-таварих, т. 3, Л., 1946, стр. 263. Курсив наш.

Глава I

АМУ-ДАРЬЯ И ЕЕ ДЕЛЬТА

«Хорезм — страна, которая извлекла всю пользу из Джейхуна»[1].

Истахри.

Слова Истахри напоминают слова Геродота о Египте, считавшего всю страну «даром Нила» (Геродот, кн. II, том I, 1888).

Обе эти великие реки земного шара обладают большим сходством, выполняя одинаковую народнохозяйственную функцию. Благодаря им, первобытный человек мог жить в окружении великих пустынь; заросли и водоемы на разливах и протоках этих рек доставляли много необходимого для существования человека во все периоды его общественного развития. На протяжении многих тысячелетий обитатели оазисов вдоль берегов обеих рек вели отчаянную борьбу с наступающими песками, с изменчивостью водных режимов; они обуздывали пустыни и реки, создавая цветущие оазисы.

Аму-Дарья берет свое начало в ледниках северного склона Гиндукуша на высоте около 4000 *м* и до впадения в нее Памира, или Памир-Дарьи, носит название Вахан-Дарья. Памир-Дарья, вытекающая из горного озера Зоркуль, считается вторым истоком Аму-Дарьи.

От устья Памир-Дарьи до места впадения притока Вахш Аму-Дарья известна под названием Пянджа, т. е. пяти рек—соединения пяти основных притоков[2]: Вахан-Дарьи, Памир-Дарьи, Гунта, Бартанг-Дарьи и Ванча. Кроме них, в Пяндж на 718-ом *км* от истоков Вахана впадает приток Язгулем.

Все эти притоки Пянджа берут свое начало в ледниках и горных озерах, расположенных на высоких Ваханских, Шугнанских, Аличурских, Дарвазских и других хребтах.

Аму-Дарья протекает между высокими скалистыми горами и имеет около пяти метров падения на один километр, что определяет быстроту и бурность ее течения и степень ее насыщенности минеральными веществами, несомыми ею в качестве взвешенных частиц.

Затем Пяндж выходит на равнину длиной около 5 *км*, шириной около 15 *км*, где разливается и образует болотистый остров Урта-тугай[3], за-

---

[1] Аму-Дарья.

[2] Н. Л. Корженевский, Физико-географический очерк Средней Азии, Ташкент, 1925, стр. 65; В. В. Цинзерлинг, Орошение на Аму-Дарье, М., 1927, стр. 85—86.

[3] В. В. Цинзерлинг, Указ соч., стр. 86.

тем река суживается, слева в нее впадает река Кукча, вытекающая из ледников центральной части Гиндукуша в Афганистане. Через 70 *км* Пяндж снова выходит на такую же равнину. Здесь в Пяндж с правой стороны впадает могучий горный приток Вахш и после этого река получает название Аму-Дарьи и протекает по равнине, принимая притоки: Кафирниган и Сурхан справа и Кундуз-Дарью — слева.

Ниже устья реки Сурхана Аму-Дарья, не принимая уже никаких притоков, вступает в знойную полосу пустынь, начиная свою жизнетворную деятельность.

На равнинной части Аму-Дарья образует собственную долину шириною около 6 *км*, которая, постепенно расширяясь, достигает в районе около Чарджоу ширины до 25 *км*. Отсюда (от устья Вахша до теснины Илджик) берега Аму-Дарьи изрыты оросительными каналами[4]. Здесь из Аму-Дарьи выведено более 300 каналов шириной (по дну) от 0,5 до 12 саж.[5] Наиболее густая сеть каналов находится на левой стороне реки в пределах Чарджоуского оазиса. Значительное количество каналов существует и на правой стороне. Ниже теснины Илджик начинается средний участок течения Аму-Дарьи. Пустыня подходит почти вплотную к реке с обеих сторон. Здесь русло реки суживается до 1 — 1,5 *км* ширины и только в районах тугаев Дарганата и Джигарбентата она достигает 10 *км* ширины[6]. На 2 056 *км* от своего истока и несколько выше теснины Тюя-Муюн река входит в теснину Дульдульватлаган, состоящую из твердых обнаженных пород материка, характерного для данного района[7]. Длина теснины равна 1 *км*, и в пределах ее русло Аму-Дарьи суживается до 358 *м* (168 саж)[8]. Теснина пользуется среди хорезмийцев большой известностью и имеет ряд названий: 1) Дульдульватлаган (место, где перепрыгнул Дульдуль, боевой конь Алия бин Абуталиба)[9]; 2) Дахан-и-шер (пасть льва), которое упоминается в XI в. у Бируни в арабском переводе «Фамм-эл-асад» فم الاسد[10] Это название в настоящее время широко известно среди населения Хорезма в форме «Даны-шер»; 3) Бируни приводит третье название этой теснины «Секр-эш-шайтан» (سكر الشيطان)[11] — «плотина дьявола». Оно приведено у Бируни, как и предыдущее, в арабском переводе и поэтому трудно восстановить местное народное ее название. Нам кажется, «Секр-эш-шайтан» связано с существующим названием «Джигербенд», т. е. плотина Джигера. Последнее слово истолковывается народной этимологией как «печень» (в переносном смысле — родное, душа и т. д.). Подлинный смысл этого слова остается неясным.

По выходе из этой теснины Аму-Дарья значительно расширяется, образуя острова, и, пройдя около 45 *км*[12], снова входит в длинную теснину Тюя-Муюн (шея верблюда)[13]. Последняя представляет собой извилистое ущелье, состоящее из известняка и других твердых горных пород.

---

[4] В. В. Цинзерлинг, Орошение на Аму-Дарье, стр. 88.
[5] Там же.
[6] А. Архангельский, Геологические исследования в низовьях Аму-Дарьи, М. — Л., 1931, стр. 144.
[7] Б. М. Георгиевский, Южный Хорезм, Ташкент, 1937, стр. 20.
[8] В. И. Масальский, Туркестанский край, Россия, т. XIX, СПб., 1913, стр. 117.
[9] Четвертый халиф, сподвижник и зять пророка Мухаммеда.
[10] Бируни, ВДИ, 1941, № 1, 193 и сл.
[11] Там же.
[12] В. В. Цинзерлинг, Орошение на Аму-Дарье, М., 1927, стр. 88.
[13] Название Тюя-Муюн дано ущелью из-за его длинной извилистой формы, напоминающей шею верблюда.

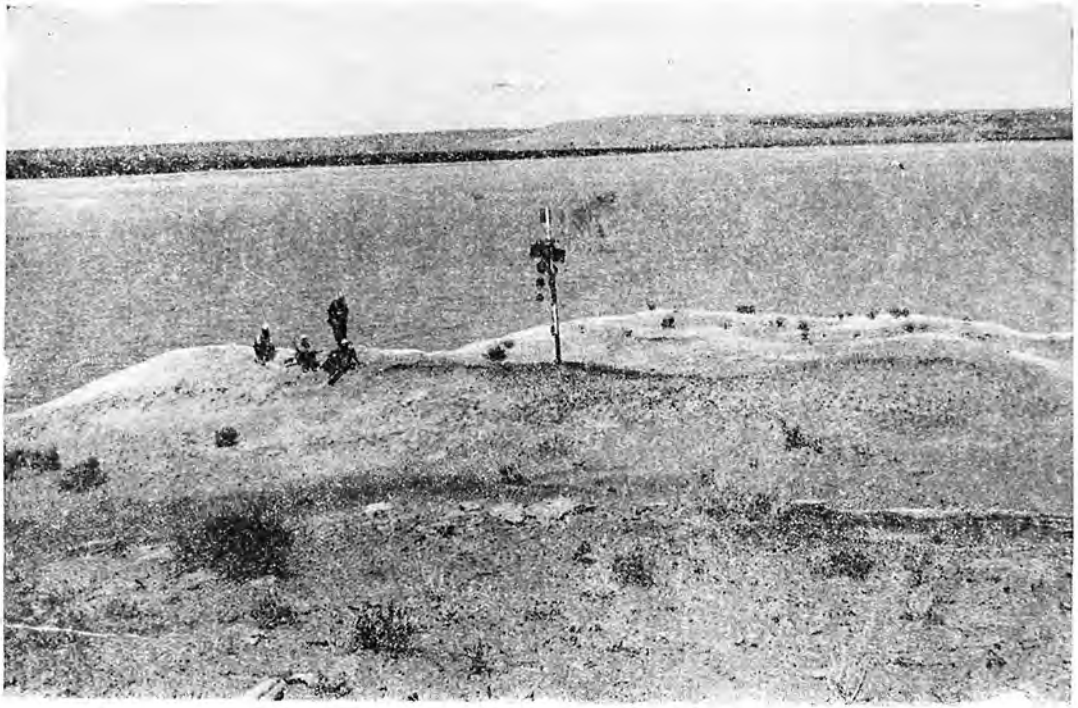


Рис. 1. Развалины древнего населенного пункта на среднем течении Аму-Дарьи.

На участке Тюя-Муюн Аму-Дарья имеет 21,3 *км* длины по дуге, а по хорде около 7 *км*. Вначале река течет под прямым углом к предыдущей части течения, затем отклоняется к югу и 8,5 *км* течет почти в обратном направлении к общему курсу своего основного течения. Происхождение этого изгиба, по мнению А. В. Каульбарса, вызвано тем, что в древности река, встретив на своем пути твердыни из высот правого берега, очевидно составлявшие одно целое с нынешними холмами левого берега[14], направилась к югу, отыскивая удобное место для их прорыва.

Правый берег реки в районе Тюя-Муюн до начала бугров Ташсака невысокий и более или менее пологий. Выше Тюя-Муюна, начиная с *известковой гряды, прорываемой в Тюя-Муюне водами Аму-Дарьи*, берег крутой, высокий и обрывистый[15].

Из теснины Тюя-Муюн река под большим напором вырывается на обширную Хорезмскую равнину. Здесь она течет широким руслом, размывая свои низменные берега.

Низовья Аму-Дарьи начинаются от Тюя-Муюна; головные сооружения большинства Хорезмских оросительных каналов находятся главным образом на участке между Тюя-Муюном и теснины Киснак. Последняя, расположенная между двумя горными массивами — Султан-Уиз-даг на правом берегу и Джумрытау на левом, — представляет собой широкое ущелье. Узбекское название «Киснак» (قسناق) как географическое название[16] данного пункта широко известно по всему Хорезму и буквально соответствует слову «теснина». Дальше река опять течет широким руслом.

Вдоль правого берега Аму-Дарьи тянутся горные цепи Султан-Уиздага от возвышенности Шейх-Джалил до пределов Беш-тюбе. Левый берег реки, за исключением массива Джумрытау, низменный и поэтому легко подвергается постоянному размыву и затоплениям. Исключение в этом отношении составляют только район города Кипчака и урочище Тахиа-Таш выше города Ходжейли. Севернее последнего начинается нижняя[17] дельта Аму-Дарьи; здесь у реки нет постоянного русла. В Аральское море она впадает блуждающими протоками. Чуть ли не каждое десятилетие здесь возникают новые протоки, а старые подвергаются постоянным изменениям, увеличиваются или уменьшаются и даже пересыхают. В связи с этими изменениями периодически образуются новые озера или огромные камышовые болота, а старые постепенно высыхают.

Хорезмский оазис занимает правобережную и левобережную равнины дельты Аму-Дарьи. Только самый южный участок в Тюя-Муюне относится к среднему течению реки. Здесь в заливообразном понижении левого берега, среди песков Каракумы расположен небольшой Питнякский оазис.

Ниже Тюя-Муюна аллювиальная равнина древней дельты, в которой расположен основной оазис, расширяется в направлении на северо-запад, север и северо-восток. Сплошной равнинный характер этой огромной полосы нарушают только некоторые горные массивы и связанные с

---

[14] А. В. Каульбарс. Низовья Аму-Дарьи, ЗРГО, т. IX, СПб., 1881, стр. 17.

[15] Ф. Ф. Мужчинский. Некоторые данные по геологическим и гидрологическим исследованиям в районе Ташсака—Тюя-Муюн (Хорезмской области), летом 1925 г., *Труды САГУ*, сер. VIIa, вып. 6, Ташкент, 1928.

[16] Мунис-Агехи. فردوس الاقبال рки. ИВАН СССР, № Е-6, л. 447.

[17] Нижняя дельта считается от Дарьялыка до Аральского моря; верхняя дельта — от Тюя-Муюна до Дарьялыка.

ними небольшие горы и возвышенности. Среди них отдельные вершины хребта Чагра[18] или Султан-Уиз-дага[19], расположенного на правом берегу Аму-Дарьи, достигают высоты 1000 *м*. Этот хребет подходит к Аму-Дарье возвышенностями Шейх-Джалил[20] и Куянчик, которые, так же как весь хребет Султан-Уиз-даг и его отроги — Джумрытау (Юмритау), Кубатау и Тахна-Таш на левом берегу, сложены древними метаморфическими породами, прерванными интрузией изверженных пород[21].

Возвышенность Шейх-Джалил, являющаяся западной оконечностью хребта Султан-Уиз-даг, представляет собой высокую скалистую гору, вытянутую в северо-западном направлении примерно на 8 *км*. Западный склон Шейх-Джалила круто обрывается к Аму-Дарье, омывающей его на протяжении 4 *км*. На восток от Султан-Уиз-дага, в глубь Кызылкумов, тянется прерывистая система бугров Аяз-Кала, Кукча, Джанбас-Кала и других, по мнению А. Д. Архангельского, связывающая Султан-Уиз-даг с Тянь-Шанем[22].

Кроме упомянутых возвышенностей, надо отметить еще ряд одиноких бугров на территории нижней дельты: Кубатау (Кызыл-Джар) около Кунграда, Кушканатау, а также Мангыр, Тузгыр, Калалигыр, Кюзелигыр, Тайгыр и другие на западных склонах левобережной части верхней дельты.

Геологическое строение равнины Хорезма генетически тесно связано с условиями ее формирования в течение четвертичного периода.

Структура, распределение и мощность аллювиальных отложений обусловлены характером течения Аму-Дарьи, действием ее древних русел и протоков за длительный период формирования дельты. Этот процесс продолжается и сейчас.

Как уже указывалось, Аму-Дарья берет свое начало в высокогорных ледниках. Это определяет высоту падения, быстроту течения и степень насыщенности ее воды взвешенными наносами. Воды Аму-Дарьи несут к низовьям миллионы тонн песка и ила. Этот ил отлагается в дельте, составляя основу оазиса, и улучшает химический состав возделываемых земель. «...Орошение искусственными каналами,—пишет К. Маркс,— не только доставляет почве необходимую для растений воду, но и в то же время приносит вместе с илом минеральное удобрение с гор»[23].

Общеизвестно, что механический и химический состав воды, и в том числе содержащиеся в ней твердые частицы—так называемый ил,—имеют существенное значение для орошаемого земледелия как фактор, ре-

[18] Баяни, л. 176а; كوه‌چغرا, должно быть, древнехорезмийское наименование хребта.

[19] Это название хребта связано с именем одного из основоположников мусульманских суфийских толков в Средней Азии араба Увейса Карни, жившего в Аравии в VII в. н. э. Титул «Султан» был приписан ему позднее жителями Средней Азии. На юго-западном склоне этого хребта, у пресноводного источника существует мифическая могила Султан-Увейса с монументальным надгробием. Урочище, получившее название «Султан-баба», в течение многих столетий являлось местом поклонения и сохранило это значение вплоть до настоящего времени. Подобные «могилы» Султан-Увейса встречаются во многих пунктах Средней Азии.

[20] Название возвышенности связано с именем шейха Джалила-баба, одного из основоположников мусульманского суфийского толка Ясеви. В дукументе, излагающем родословную шейхов Занги-ата, составленном в XIV в., имеется указание, что шейх Джалил-баба похоронен здесь, на побережье Аму-Дарьи, на что указывают и местные хорезмские историки, напр. Баяни شجرهٔ خوارزمشاهی, ркп. из собрания Я. Гулямова, л. 149а.

[21] Б. М. Георгиевский, Южный Хорезм, Ташкент, 1937, стр. 16.

[22] А. Д. Архангельский, Геологические исследования в низовьях Аму-Дарьи, М. — Л., 1931, стр. 131.

[23] К. Маркс, Соч., т. XVII, 1937, стр. 561 — 562.

шающий степень плодородности почвы. Однако, как на многочисленных примерах из оросительной практики Индии, США, а также Средней Азии отмечает В. В. Цинзерлинг[24], не всегда присутствие в воде значительного числа взвешенных наносов является обстоятельством, благоприятствующим земледелию. В этом отношении решающее значение имеет размер частиц, из которых состоят эти взвешенные наносы, поскольку крупные частицы (диаметром свыше 0,05 *мм*) наносов осаждаются в оросительных каналах, вызывая их заиление, и необходимость их удаления увеличивает эксплуатационные расходы. Наиболее оптимальными для земледелия являются взвешенные наносы, состоящие из частиц средних размеров (диаметром от 0,5 до 0,005 *мм*), поскольку они уменьшают связность ила, в то время как мелкие частицы (диаметром меньше 0,001 *мм*) быстро уплотняются и, наоборот, увеличивают эту связность.

В. В. Цинзерлинг составил следующую таблицу содержания взвешенных наносов в наиболее крупных водных артериях, являющихся древнейшими источниками орошаемого земледелия в странах Востока (в процентном отношении к объему):[25]

Нил	0,4% — 0,01%
Инд	0,41% — 0,08%
Аму-Дарья	0,77% — 0,06%
Тигр	0,77% — 0,19%
Сэтледж	1,77% — 0,41%

Сопоставляя между собой воды Нила и Аму-Дарьи, мы видим, что по содержанию взвешенных наносов, т. е. плодородного ила, воды Аму-Дарьи богаче. Что же касается характеристики механического состава взвешенных наносов Аму-Дарьи и Нила, то по таблице, составленной тем же автором, мы можем заключить, что частицами средних размеров, которые, как мы отмечали выше, являются наиболее оптимальными для земледелия, воды Аму-Дарьи богаче, чем воды Нила, в то время как содержание взвешенных наносов, состоящих из мелких, наиболее вредных для земледелия частиц, в Аму-Дарье значительно меньше, чем в Ниле[26].

Количество взвешенных наносов в водах Аму-Дарьи и Нила (в процентах)

Категория наносов	Диаметр, *мм*	Аму-Дарья	Нил
Крупные	1,0 — 0,5	0,02	—
	0,5 — 0,25	0,08	0,7
	0,25 — 0,05	2,6	0,7
		2,7	1,4
Средние	0,05 — 0,01	6,5	9,0
	0,01 — 0,005	57,8	19,2
		64,3	28,2
Мелкие	0,005 — 0,001	10,9	11,4
	меньше 0,001	18,9	55,2
		29,8	66,6

Химический состав взвешенных наносов Аму-Дарьи, так же как и их механический состав, отличается высокими удобряющими качествами, причем сопоставление химического состава наносов Аму-Дарьи с Нилом

[24] В. В. Цинзерлинг, Орошение на Аму-Дарье, М., 1927, стр. 190.
[25] В. В. Цинзерлинг, Орошение на Аму-Дарье, М., 1927, стр. 192.
[26] В. В. Цинзерлинг, Орошение на Аму-Дарье, М., 1927, стр. 195.

показывает наличие значительного сходства, как это следует из данных, сообщаемых Цинзерлингом[27].

Химический состав	Аму-Дарья	Нил
Кремнезем (SiO_2)	54	57,5
Полуторные окиси (R_2O_3)	17,4	25,6
Известь (CaO)	7,3	3,1
Окись магния (MgO)	2,3	2,7
Окись калия (K_2O)	2,1	0,5
Окись натрия (Na_2O)	1,6	0,6
Фосфорная кислота (P_2O_5)	Следы	0,25

Эта таблица показывает, что если в заключающихся в амударьинской воде минеральных запасах содержится больший процент таких важнейших элементов, обусловливающих плодородие почвы, как известь и калий, то в водах Нила содержится несколько больше фосфорной кислоты — элемента не менее важного. Содержание в водах Аму-Дарьи больших количеств извести имеет еще и то положительное значение, что при наличии в почве извести в ней не происходит образования так называемых злостных или черных солонцов[28].

Наносы Аму-Дарьи и послужили той основой, из которой образовалась ныне существующая обширная дельта—Хорезм, в широком смысле слова. Она представляет собой низменность, ограниченную с востока и юго-запада песчаными пустынями Каракумов и Кызылкумов. На западе и северо-западе ее ограничивают чинки Устюрта, а на севере — Аральское море. Эта низина тектонического происхождения в глубокой древности была заполнена древними аллювиальными отложениями, состоящими из наносов Аму-Дарьи[29]. Большая древность этих отложений подтверждается и палеонтологическими данными. Одним из наиболее распространенных в аллювиальных отложениях теперешней дельты моллюсков является Corbicula fluminalis, во множестве живущий в современных озерах. На Шураханском участке, в местностях, прилегающих к Сарыкамышской котловине, вид этот, наоборот, совершенно отсутствует. Это обстоятельство позволяет подразделять аллювиальные отложения на два горизонта, из которых новейший отличается от более древнего присутствием C. fluminalis[30]. Древние наносы Аму-Дарьи, накоплявшиеся в послетретичный период, не содержат в себе раковин этого моллюска.

Происхождение Хорезмского оазиса интересовало ученых и в древности. Бируни—хорезмийский ученый XI в. — высказал гениальную догадку, приведшую его к решению геологической проблемы, над которой долго бились ученые XIX в.

Бируни пишет: «Она (песчаная пустыня между Джурджаном и Хорезмом. — *Я. Г.*) была когда-то как бы озером, потому что течение р. Джейхуна — я подразумеваю, р. Балха — было через нее в Хазарское (Каспийское. — *Я. Г.*) море, мимо города, называющегося Балхан. И так говорит о ее течении Птолемей в книге «География», что оно (течение) в море Иркания (Гиркания), т. е. Джурджанское, а между нами и Птолемеем около 800 лет. Джейхун тогда пересекал ту местность, которая теперь является пустыней, от места между Земмом (Керки) и Амуей

[27] Там же, стр. 196.
[28] В. В. Цинзерлинг. Орошение на Аму-Дарье. М., 1927, стр. 197.
[29] Б. М. Георгиевский. Южный Хорезм. Ташкент, 1937, стр. 63.
[30] А. Д. Архангельский, Указ соч., стр. 151.

(Чарджоу)[31], орошал города и селения, которые были там, вплоть до Балхана, и впадал в море между Джурджаном и Хазаром. Возникли препятствия, из-за которых его вода уклонилась к краям страны гузов. Ему встретилась гора, известная теперь под названием Фамм-эл-асад (Пасть льва)[32], у жителей Хорезма под названием Секр-эш-шайтан (Плотина шайтана). Она (вода) собралась и вышла из берегов, так что следы ударов волн сохранились на высотах ее (гор). Когда она (вода) перешла границу тяжести и напора на эти расшатанные камни, то пробила их и прошла через них приблизительно на день пути от Дульдульатлагана до Тюя-Муюна (45 *км.* — *Я. Г.*), затем она повернула направо, по направлению к Фарабу, по руслу, известному теперь под названием Фахми[33], и люди построили на берегах ее триста городов и селений, от которых сохранились развалины до сих пор. И встретилось этому руслу, после его начала, то же (препятствие), что встретилось первому (Келифскому Узбою. — *Я. Г.*); оно (течение) запрудилось и вода повернула налево, вплоть до земли печенегов, по руслу, известному теперь под названием реки «Маздубаст»[34], в пустыне, которая между Хорезмом и Джурджаном (Бируни, по-видимому, имел в виду легендарное русло «Дарья Агнаган» или Туну-Дарью», упоминаемую Н. Г. Петрусевичем. — *Я. Г.*)[35]. Она затопила много местностей на долгое время и разрушила их также; жители их переселились на побережье Хазарского моря (возможно, что это современный район Чермен-Яба, где сохранилось множество развалин. — *Я. Г.*). Это род аланов и асов и язык их теперь смешанный из хорезмского и печенежского. Потом вся вода потекла по направлению к Хорезму, после того как туда текли ее остатки и просочились сквозь промежутки места, преграждаемого скалами (Тюя-Муюна.—*Я. Г.*), которое теперь (находится) в начале равнины Хорезма (т. е. Хорезмского оазиса.— *Я. Г.*). Она пробила их (скалы), затопила местность и сделала ее озером, начиная оттуда. Из-за обилия вод и силы их течения он (Джейхун) был мутным от грязи, которую он нес. При расширении (русла) он осаживал землю, которая была в нем; земля постепенно затвердевала (начиная. — *Я. Г.*) от места впадения и делалась сухой, а озеро удалялось (на север.—*Я. Г.*), пока не появился весь Хорезм. Озеро, удаляясь, дошло до гор, шедших перед ним поперек (предположительно, чинки Устюрта. — *Я. Г.*); с ними оно не могло бороться и уклонилось по направлению к северу, до земли, в которой теперь живут туркмены. Между этим озером (т. е. Аральским морем) и тем, которое было у реки Маздубаст (имеет в виду Сарыкамышскую котловину, куда, по его мнению, в древности впадало русло р. Маздубаста. — *Я. Г.*) — небольшое расстояние, а то (озеро [Сарыкамыш. — *Я. Г.*]) стало соленым и грязным, по которому нельзя плыть; оно называется по-тюркски Хиз-Тенкизи, т. е. «Море девственницы»[36].

Надо полагать, что древнее течение Аму-Дарьи эпохи Бируни совпадало с современным Келифским Узбоем. С. Волин, по нашему мнению, неправильно толкуя это указание Бируни, отождествляет древнее тече-

[31] Где всеми исследователями, кроме А. Кошкина, устанавливается наличие верховьев старого русла.

[32] Речь идет о теснине Дульдульатлаган.

[33] بالفخمى

[34] مزدبست

[35] Н. Петрусевич, Предварительный отчет об исследовании Дарьялыка (Узбоя) и местности между Аму-Дарьей и Сарыкамышем, Отд. оттиск из т. XI, Записок Кавказского отделения РГО, стр. 5.

[36] Бируни, цит. по статье Волина С. «К истории древнего Хорезма», ВДИ, 1941, № 1, стр. 193 – 195.

ние Аму-Дарьи с Унгузом. Бируни ясно указывает, что течение реки проходило в районе между Земмом (г. Керки) и Амуей (г. Чарджоу), тогда как истоки Унгуза находятся значительно ниже Чарджоу, приблизительно в районе Ильджик.

Результаты исследований за последние годы опровергают прежние гипотезы, отождествлявшие Унгуз с древним течением реки[37], к тому же нужно учесть, что по Унгузу нет никаких развалин, а отмечаются лишь эпизодические находки раннеэнеолитической керамики.

Нет сомнения, что, говоря о двух участках прорыва Аму-Дарьи, Бируни в первом случае имеет в виду теснину Дульдульватлаган, а во втором — Тюя-Муюн. Расстояние «день пути» соответствует действительности, так как расстояние между указанными пунктами — 45 *км*.

Исследователи XIX в., изучая геологическое строение низовьев Аму-Дарьи, убедились в правильности предположений Бируни, которые можно проверить, сопоставляя современное состояние Тюямуюнского прохода с его описанием у Бируни.

Бируни также считает, что Аму-Дарья по выходе из теснины Дахани-Шер протекала по ровной местности до Тюя-Муюна; встретив там твердые породы, она проложила себе русло примерно через урочище Безерган-тугай и вступила в Кызылкумы. Здесь Бируни, по-видимому, имеет в виду следы древнего протока «Суярган» (см. об этом ниже), который, по словам местных жителей, шел далеко на север к низовьям Сыр-Дарьи.

По-видимому, во времена Бируни существовало именно такое представление о правобережье Аму-Дарьи. В самом деле, здесь, в правобережней части Южного Хорезма, за исключением древнего глухого протока Суярган, нет никаких протоков или русел. Развалины городов и замков на землях древнего орошения правобережного Хорезма, очевидно, были связаны с древними искусственными каналами. Основная масса развалин находится в Беркуткалинском мертвом оазисе, жизнь в котором замерла к концу VIII в. Как замечает С. П. Толстов, Бируни едва ли мог не знать, что, во-первых, для его времени они не очень древние и, во-вторых, что они связаны с искусственными каналами[38]. Словом, здесь у Бируни под руслом «Фахми», вероятно, понимается целая система разновременных следов русел, как-то: Суярган, Акча-Дарья, Яни-Дарья и т. п.

Что касается русла Маздубаст, то, по мнению Бируни, воды Аму-Дарьи обошли Тюямуюнские скалы с юго-запада и потекли в Каракумы по южной и юго-западной границе современного Хорезмского оазиса. Одновременно с этим воды Аму-Дарьи постепенно просачивались сквозь тюямуюнские породы и, наконец, образовав проток, хлынули на территорию современного Хорезма. В связи с этим прорывом русло Маздубаста перестало существовать.

По-видимому, здесь приведено местное хорезмийское название русла. Первое слово (Мазда) связано с именем бога маздаизма, а следующее (баст) — таджикское слово, обозначающее плотину — «плотина Мазды». Очень возможно, что длинные поперечные бугры на левом берегу Тюя-Муюна, известные под названием «Банди Санджар» или «Банди Султан» (плотина Санджара), прежде называлась «Маздубаст».

В этой связи любопытно отметить, что вышеприведенное название «Секр-эш-шайтан» (плотина дьявола) дуалистически перекликается с названием «Маздубаст». В названии «Маздубаст» выступает имя бога доб-

[37] Б. А. Федорович, Геоморфология Унгуза, сб. «Каракумы», IV, АН СССР, Л., 1934.

[38] С. П. Толстов, Новые материалы по истории культуры Древнего Хорезма, ВДИ, 1946, № 1.

ра, а в названии «Секр-эш-шайтан» — его противоположности, бога зла, хотя местный эквивалент арабского термина «шайтан», к сожалению, остается невыясненным.

Геологические и географические исследования, произведенные за последние 70 — 80 лет в Хорезме, дали большие и очень плодотворные результаты, причем решение вопроса о происхождении земель современных низовьев Аму-Дарьи и вопроса характеристики общего уклона всей дельты приближают гипотезу Бируни к научной теории.

В нижнечетвертичный период Аму-Дарья не текла в сторону Хорезма. Не существовали тогда ни Аральское море, ни Сарыкамышская котловина. Исходя из направления древнеаллювиальных отложений северной и западной частей Хорезмской низменности, геологами высказывается предположение о совершенно ином направлении гидрографической сети данного района.[39] Образование Аральского моря и Сарыкамышского озера происходит лишь во второй половине четвертичного периода в связи с изменением гидрографической сети, т. е. прекращением стока вод прежней системы и направлением Аму-Дарьи в Хорезмскую низменность[40].

Карта аллювиальных отложений Южной Туркмении и Хорезма заставляет вспомнить гипотезу Бируни, хотя он и относит эти изменения гидрографической сети к историческому периоду.

В последующий период происходит сокращение Хорезмского водоема и образование при этом верхней и нижней дельты с аллювиальными отложениями. Воды реки изливаются в две тектонические впадины — Сарыкамышскую и Аральскую по рельефу, имеющему почти одинаковые пологие уклоны от конуса всей древней дельты.

Накопление нивелировочных данных показало, что Закаспийская низменность в общем имеет плоскую поверхность с однообразным уклоном к Каспийскому и Аральскому морям. Таким образом, Аму-Дарья могла течь по равномерно наклонной плоскости к Аральскому, Каспийскому морям и к Сарыкамышской впадине. Уклоны к Каспийскому морю и к Сарыкамышу больше, и потому первоначальное течение реки должно было туда направляться. Действительно, позднейшие исследования находят ряд староречий как к Каспийскому морю, так и к Сарыкамышу. Эти русла вызывали целый ряд гипотез об их образовании. В последнее время большинство гипотез отпало, и эти староречья признаются за старые русла реки Аму-Дарьи[41].

Вся дельта Аму-Дарьи представляет собой обширную равнину, ограниченную с востока и с юго-запада песками или возвышенностями, а с севера и с запада — обширными и глубокими котловинами, из которых северная — заполнена водами Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и образует Аральское море, а западная, известная теперь под названием Сарыкамышской впадины, заполнялась водой периодически.[42]

Сарыкамышская котловина в 1,5 раза глубже котловины Аральской, ее поверхность в 7 раз, а объем почти в 5 раз меньше Аральской.

---

[39] И. И. Герасимов, К. К. Марков, Четвертичная геология, стр. 270—271.
[40] Там же, стр. 339.
[41] В. Ф. Моргуненков и И. А. Севастьянов, Ирригационные перспективы Туркменской ССР, Ташкент, 1925, стр. 51 — 52.
[42] Такое же утверждение мы находим в исследованиях целого ряда других геологов и географов, как например, Н. В. Мушкетова, Туркестан, СПб., 1886, стр. 113 — 119; А. Д. Архангельского, Геологические исследования в низовьях Аму-Дарьи, Труды ГГРУ, 12, 1931, стр. 144 — 151; А. Кесь, Русло Узбоя и его генезис, Труды ИГ АН СССР, XXX, см. раздел о Сарыкамыше и др.

Воды Аму-Дарьи изливались то в северную часть Хорезмской низменности (Аральское море), то в западную (Сарыкамышскую котловину), то одновременно в ту и в другую. Из них Аральская, в силу относительно регулярного поступления вод Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, отличается постоянством действия; Сарыкамышская же, которая питалась блуждающими протоками, а основными руслами реки только иногда, действовала эпизодически.

Общая характеристика дельты представляет такую картину: уклон поверхности юго-восточной части дельты равен приблизительно 0,2 *м* на 1 *км* и направлен на северо-запад, причем средняя ее полоса, прилегающая к Аму-Дарье, приподнята над краями, что, между прочим, используется населением при орошении. Такой уклон удерживается приблизительно до линии, проходящей от селения Ходжейли на юго-запад — поперек всей низменности к буграм Кюзелигыр; начиная от этой линии выявляется, с одной стороны, северное, Аральское паденке рельефа, а с другой стороны — западное, Сарыкамышское.[43]

Северная часть рассматриваемой низменности занята современной нижней дельтой Аму-Дарьи, юго-западная же составляет древнюю Сарыкамышскую ее дельту с многочисленными старыми руслами. Что касается юго-восточной части низменности, врезающейся клином между Северными и Южными Кызылкумами, то и здесь также существуют старые русла.

Русло реки по выходе из теснины Тюя-Муюн стремительно расширяется, почему этот участок и представляет значительные удобства для сооружения крупных каналов.

В гидрогеологическом отношении собственно дельтой Аму-Дарьи считается участок ниже теснины Тюя-Муюна.

Почвы дельты составляются из многотысячелетних наносов реки. С гидрографической точки зрения, дельту Аму-Дарьи делят на три части: верхняя часть дельты, расположенная между теснинами Тюя-Муюн и Киснак, относится к самым древним образованиям реки. Среднюю часть составляет участок между теснинами Киснак и Тахиа-Таш, несколько выше истоков канала Кыз-Кеткен. Наконец, последний участок—нижняя дельта — лежит между Тахиа-Ташем и Аральским морем, где блуждающее русло и его протоки непрерывно образуют массивные наносы.[44]

Во время паводков русло Аму-Дарьи в пределах верхней дельты имеет ширину от 3 до 5 *км*, берега с обеих сторон низменные; во время паводков горизонт воды находится на 0,6—1,6 *м* выше уровня земли. Поэтому по обоим берегам во многих местах сооружены линии высоких дамб (качи), предохраняющие оазис от затопления. Бурное течение реки постепенно размывает берега, то смывая целые районы, то образуя новые отмели и острова. Это грозное течение обозначается в Хорезмском оазисе особыми терминами «Дегиш» или «Йиккин»[45]. Дегиш способствует образованию протоков реки, проложению ею новых русел. Он же тысячу лет тому назад окончательно смыл древнейшую столицу Хорезма, г. Кят. Спустя тысячу лет после этого он начал смывать г. Турткуль и в течение десяти лет, на глазах автора настоящих строк, смыл целый цветущий район, расположенный между городом и рекой, где были десятки чудесных садов и громадное количество посевов нескольких колхозов. Зрелище

[43] А. Д. Архангельский, Геологические исследования в низовьях Аму-Дарьи, М., — Л., 1931, стр. 144 — 151.

[44] В. В. Цинзерлинг, Орошение на Аму-Дарье, М., 1927, стр 91.

[45] Последний термин — у казахов и каракалпаков

было ужасающее: бушующий поток воды подмыл крутой берег, в 3—4 *м* от берега образовалась трещина, которая с минуты на минуту расширялась; через несколько минут этот участок с грохотом рухнул в воду; поверхность воды покрыли тучи пыли и в эту же минуту в нескольких шагах от этого места снова раздался грохот — в воду упала половина целого дома. В бушующих волнах плыли бревна, камыш и другие остатки жилищ. По дороге к городу тянулся караван арб, нагруженных строительными материалами: все стремились успеть спасти свой строительный материал. То там, то тут раздавался грохот, волны реки на несколько минут скрылись под завесой пыли. Вот таким образом Аму-Дарья, к которой раньше ехали часами, стала бушевать под самыми стенами Турткуля.

Рис. 2. Разрушительное действие „Дегиша" у города Турткуля.

Фраза «Дегиш тушти» (начал действовать Дегиш) наводит ужас на хорезмцев, ужас, ибо каждый раз это рассматривается ими как начало катастрофы. Путник часто слышит из уст того или иного хорезмца «жоймызни Дегиш олди» (Дегиш унес наш дом).

Жители низовий Аму-Дарьи, хорезмцы, сознают значение этой реки как основы жизни для оазиса, окруженного бесконечными пустынями. Поэтому хорезмцы относятся к реке с большим уважением и почтением. Во время дворцовых торжеств в Хивинском ханстве, на традиционных публичных торжественных молениях обязательным считалось произнесение фразы: «...Да будет Дарья многоводной, да течет она в собственном русле»[46]. На первый взгляд это кажется обычным пожеланием, таким же,

[46] (Хасан Мурад Камкар, ркп. Фундаментальной библиотеки АН УзССР, № 147). دریاغا برکت بیرکی دریا اوز رودخانهسنده آقسای خیوه واقعهلری

как пожелание долгой жизни хану, спокойствия населению, процветания религии и т. д. На самом же деле оно очень специфично для Хорезма; в этих двух фразах кроется как многовековой страх перед возможным отсутствием паводков, которыми исключительно обусловливается нормальное функционирование каналов, так и страх перед появлением «Дегиша», т. е. изменением русла реки.

Автору настоящих строк удалось записать некоторые старые поверия и легенды, существовавшие ранее среди разных слоев населения Хорезма.

Например, старики, напутствуя молодежь, уходящую на службу в речной флот, обязывали её быть почтительной по отношению к духам-покровителям реки, ибо судьбу свою они всецело отдают в их руки. Они должны быть абсолютно послушными по отношению к командующим на судне лицам, остерегаться дурных помыслов в отношении своих спутников, быть выносливыми, не вступать на судно в «нечистом» состоянии. Старики предупреждали, что в случае нарушения этих правил «покровитель реки и покровитель судоходства проклянут их и они навсегда станут нищими». Следовательно, хорезмийцы не отождествляют «покровителя судоходства», которым в Хорезме, как и в других мусульманских странах, считается пророк Ной, с «покровителем реки» («вод» вообще). Что же касается «покровителя вод», то мы считаем нужным высказать здесь свои соображения по поводу одной легенды, связанной с именем «Хубби».

Летом 1936 г. при обследовании берегов Аму-Дарьи во время большого паводка, у выхода из теснины Тюя-Муюн автор потерпел крушение. Двух молодых каючников унесла вода, я и старший каючник остались на каюке. Спасение казалось невозможным. Ни весел, ни палок у нас не осталось. Бурные потоки несли каюк к отвесному каменистому берегу, оттолкнуться было нечем. Растерявшийся старик, не отрывая глаз от утопающих, беспрестанно твердил слова: «Хубби, Хубби, о, Хубби....». По выражению его лица и по тону, которым он повторял эти слова, было видно, что старший каючник старался убедить реку успокоиться и просил ее о спасении. Впоследствии, на мои неоднократные вопросы о значении слова «Хубби», старик сначала ответил, что это просто название бога, а на следующий день, во время поисков пострадавших, старик начал свой рассказ с вопроса: «Замечали ли вы косы на носу больших амударьинских судов — каюков?» — и продолжал: «Еще задолго до воцарения Феридуна и даже Джемшида[47] на этой реке жил юноша, который стал властителем реки. Его звали «Хубби». Хубби питался рыбой: выловив рыбу из воды одной рукой, он протягивал ее к солнцу и рыба моментально зажаривалась. В течение семисот лет, когда он был на Аму-Дарье, ни один злой дух не решался вступить в пределы реки; не было даже комаров. С момента воцарения Джемшида Хубби исчез. Полагают, что его похитила красавица — властительница небесных морей. После его исчезновения на Аму-Дарье появилась мать Хубби, она долго с плачем искала своего сына. Она-то и соорудила первый каюк и обучила людей судоходству и войне на воде. Потом мать Хубби исчезла навсегда. Наши старики говорили, что раньше на носу судов изображался торс этой женщины. Когда появились мусульмане, они обратили внимание на этот обычай и велели покончить с ним. С тех пор у этой фигуры срублено лицо и остались только две косы.

[47] Мифические цари древних персов.

Мать тысячу лет оплакивала Хубби, и вместе с ней рыдала река, рыдали пустыни, горы и скалы, рыдали люди, птицы и звери, рыдали ангелы на небе и дивы под землей. Хубби жив, он будет жить до конца света. Хубби спасает, Ной помогает.[48] Вот какая сила покровительствует этой святой реке».

Старик уверял нас, что эта легенда написана в книге и в зимние ночи грамотные люди перечитывают ее и все слушатели плачут. Позднее образ Хубби превратился в историческую личность и под именем Хубби Ходжа вошел в литературу[49]: у шейха Хаким-ата Бакиргани было три сына; младшего из них звали Хубби Ходжа. Старшие братья, следуя примеру отца, обнаруживали склонность к религиозному созерцанию. Но Хубби Ходжа в детстве увлекался верховой ездой и охотой. Хаким-ата жалел об этом обстоятельстве, боясь, что из Хубби Ходжи выйдет воин, а не дервиш. Но его опасения не оправдались. Хубби Ходжа начал творить чудеса: он спасал утопающих, воскрешал зарезанных быков и т. д. В этой связи приводится легенда о том, как однажды Хубби был на реке, далеко от родных мест; Хаким-ата, находясь дома, трижды окликнул Хубби. На первый зов Хубби откликнулся, на второй не ответил, а на третий явился к отцу; он объяснил, что после первого зова сейчас же двинулся в путь, на второй же не ответил, т. к. был занят спасением утопающих. Чудеса, совершаемые Хубби, внушали зависть отцу и он попросил сына удалиться из Хорезма.

Хубби Ходжа попрощался с матерью, тут же лег на пол и исчез. Родители, увидев это новое чудо, были поражены. Всевышний обратился к Хаким-ате со следующими словами: «Из его потомства вышло бы триста шестьдесят святых, ты этому чинил препятствия, теперь твой грех смоется только тогда, когда над твоей могилой в течение сорока лет будет течь река».[50] Это, безусловно, второй вариант мифического образа Хубби. Моменты «спасения утопающих, воскрешения зарезанных быков» опять-таки глубоко уходят своими корнями в мифологию, связанную с пантеоном местных домусульманских божеств.[51]

Под впечатлением легенды, рассказанной стариком, мы усиленно искали новые сведения о Хубби, но кроме тех или иных фрагментов этой же легенды ничего не удалось услышать.

Легенда эта, по-видимому, сохранилась только в фрагментарном виде. Варианты мифа о водном божестве бытуют не только в Хорезме, но по всей Средней Азии и в сопредельных с нею странах.

Среди населения Хорезма часто встречаются имена Хубби-Кули[52] или Хубби-Нияз.[53]

«Хубби-Кули» означает в переводе «раб Хубби»; поскольку приставка «кули» — раб — согласно мусульманской религиозной традиции мо-

---

[48] «Хубби пажот бенун. Цех малад бевур».

[49] Хаким-ата приписывают стихотворное произведение, в котором он описывает поиски сына и оплакивает его.

[50] Али Рахим и А. Лайа. تاتار ادبياتى تاريخى т. 1. Казань, 1923, стр. 99.

[51] К. Г. Залеман. Легенда о Хаким-ата, Известия АН, т. IX, СПб., 1898, № 2, стр. 114.

[52] Надпись на стенах мавзолея Сеид Алладдина в г. Хиве гласит:

مكواى است حواجه حامد نام حواجه حمى قلى است الله آن

[53] Архив хивинских ханов, хранящийся в Ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, тетрадь № 6, л. 11—14. Автор встречал такие имена и среди современного населения Хорезма.

жет следовать лишь после одного из имен бога, пророка или святых, можно было бы предположить, что «Хубби» является одним из многочисленных мусульманских имен бога. Однако в официальной религиозной литературе «Хубби» как одно из имен бога не зафиксировано, и такое значение, по-видимому, приписывается ему только народом.

Имя «Хубби-Нияз» в переводе означает «жертвоприношение Хубби» и, следовательно, как и «Хубби-Кули», относится к кругу народных представлений о божественном начале воды.

Вполне закономерно, что после распространения ислама народ сохранил этот миф о водном домусульманском божестве Хубби, который и перешел в мусульманскую агиографическую литературу, как мы видели это в упомянутых выше стихотворных сочинениях Хаким-ата Бакиргани, в которых он в эпических тонах повествует о поисках своего потерянного сына Хубби.

Интересно отметить, что в Ферганской долине сохранился цикл легенд об Эр-Хубби, черты которого аналогичны образу хорезмского божества Хубби, поскольку оба они — божества-покровители воды. Такую аналогию можно продолжить дальше; так, например, Хубби почитают и в долине Ангрена: во время переправы через бурный Ангрен люди просят помощи у Хубби.[54]

Весьма возможно, что целебный колодезь «Ходжа Хуббан» в пустыне западной части Бухарского оазиса также связан с именем Хубби.

Все эти предания перекликаются с вышеприведенной легендой об исчезновении Хубби.

Аму-Дарья глубоко чтилась всем населением Хорезма; в основе этого почитания лежали не только благодарность за ее несущее жизнь начало, но и постоянный страх перед разрушительными силами неукротимой и коварной реки.

Не всегда Аму-Дарья меняла свое русло в силу естественных законов ее течения; иногда эти изменения происходили в результате человеческой деятельности. С такими изменениями, вызванными злой волей человека, также связано несколько легенд.

Весьма распространен среди населения Хорезма рассказ о султане Санджаре[55] и Тюрябек-ханым[56]; характерно, что население Хорезма до сих пор верит в историческую достоверность этой бытующей среди него легенды, несмотря на асинхронность событий.

Знаменитый султан Санджар,—гласит легенда, — прослышав, что у хорезмшаха есть красавица дочь по имени Тюрябек-ханым, неоднократно присылал к ней сватов, но каждый раз ему категорически отказывали. Свирепый султан разгневался и двинул на хорезмшаха свои войска, но потом решил добыть Тюрябек-ханым без боя, отведя Аму-Дарью в Каракумы и лишив хорезмийцев воды.

Султан велел изготовить множество больших хумов[57], которые наполняли камнями и, связав их друг с другом железной цепью, опускали

---

[54] Этим сообщением я обязан любезности поэтессы Музеяне Алавия, за что я приношу ей свою глубокую благодарность.

[55] Сельджукский правитель, царствовавший в 1118—1157 г.

[56] Дочь золотоордынского хана Узбека—жена наместника Хорезма Тимура Кутлука (около середины XIV в.).

[57] Рассказчики, подтверждая достоверность этого факта, указывают на остатки обжигательных печей на правой стороне теснины Тюя-Муюна.

в реку. Аму-Дарья была преграждена, воды ее потекли в Каракумы[58].

Хорезм остался без воды. Старики и вельможи страны, посоветовавшись между собой, пришли к Тюрябек-ханым упрашивать ее уступить султану ради спасения соотечественников. Ханым согласилась и велела приготовить себе сорок недавно ожеребившихся быстрых кобылиц; разбила весь путь от Гургандж до Тюя-Муюна на сорок перегонов, где и расставила лошадей. Меняя на перегонах кобылиц и отправляясь в путь, она каждый раз оставляла ее жеребенка, в расчете, что на обратном пути каждая кобылица, стремясь к своему жеребенку, будет бежать со всей быстротой и стремительностью.

Ханым остановилась у палатки султана. Не слезая с коня, она сказала султану, вышедшему к ней навстречу, что она не спешится пока султан не распорядится распрудить Аму-Дарью. Султан тут же распорядился выполнить ее желание. Ханым, убедившись, что русло открыто, повернула лошадь и помчалась назад. Султан послал за ней в погоню самых лучших всадников, но ханым, меняя кобылиц, которые быстрее ветра мчались к своим оставленным жеребятам, ускакала от погони Санджара.

В этой легенде, сохранившей в себе много основных элементов преданий о подвигах женщин-героинь древней Средней Азии, Тюрябек-ханым выдвигается как спасительница страны от грозившего ей бедствия.

В другой легенде, приводимой Макдиси,[59] говорится, что хорезмийский царь обыграл обулханского царя, у владений которого протекала Аму-Дарья. В случае проигрыша абдулханский царь обязался пропустить Аму-Дарью в сторону Хорезма на одни сутки. Но через сутки река не поддалась попыткам вернуть ее в старое русло и стала течь в сторону Хорезма.

Третья легенда связана с происхождением холма Тук, расположенного на берегу Аму-Дарьи, ниже города Нукуса. Согласно легенде, записанной нами в районе Нукуса и Чимбая, Авдж бин Онук — легендарный великан — переносил в поле своей одежды землю с намерением запрудить Аму-Дарью и отвести воду от города Чимбая. Великан делал всегда обратное тому, о чем его просили. Жители Чимбая, знавшие характер грозного великана, поддразнивали его просьбой «не высыпать землю на берег» (Тукма), а он, как обычно, сделал наоборот, сказал «тук» (высыпай) и бросил землю на берег, отчего образовался этот холм; таким образом, жители города предотвратили бедствие[60].

Все эти легенды жили и живут в народе, и в каждой из них выступает угроза отвода Аму-Дарьи от ее действующего русла.

Название «Аму-Дарья» вошло в литературу довольно поздно. Оно связано с одной из основных и наиболее оживленных средневековых переправ между Хорасаном и Мавераннахром у города Амуя (Чарджоу)[61].

---

[58] Происхождение знаменитых залежей поваренной соли под названием «Тузи (соль) Султан Санджар» и большого поперечного к берегу вала «Банди (плотина) Султан» приурочивается именно к этому событию.

[59] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 184.

[60] По любезному сообщению Т. А. Жданко, этнографическим отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции эта легенда записана в несколько ином варианте; там, вместо Авджа бин Онука, выступает Дев.

[61] Белазури, كتاب فتوح البلدان 1866, стр. 410, Хафизи Абру разъясняет: آب آمويه گويند بجهت ان كه مجرى حراسان ببخارا بقريه آمويه افتاده است. (ее называют Аму-Дарьей оттого, что переправа из Хорасана в Бухару находится у города Амуя), см. сборник статей учеников проф. барона В. В. Розена, СПб., 1879, стр. 7; В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана стр. 77.

Ранние письменные упоминания об Аму-Дарье под названием Окс (по-гречески Оксос) встречаются в греческих источниках. Греческие авторы до Александра не бывали в Средней Азии и черпали свои сведения из сообщений других лиц. Геродот (V в. до н. э.) путает название Аму-Дарьи с Араксом. Между прочим, у него в одном месте даются более правдоподобные сведения о том, что река Аракс при устье разделяется на 40 рукавов, из которых один течет по открытой местности в Каспийское море, а другие впадают в болота и лагуны, где, якобы, живут люди, питающиеся сырой рыбой и одевающиеся в шкуры тюленей (Геродот, История, I, 202).

Это сообщение Геродота можно расценить как свидетельство того, что Аму-Дарья в то время в пределах Хорезма одним мощным протоком впадала в Каспийское море. Основное русло, направляясь к Аралу, в пределах нижней дельты, как сейчас, разбивалось на множество блуждающих протоков и образовывало обширные болота. Но можно также полагать, что под словом болото подразумевается устье реки у южного берега Аральского моря.

В результате отхода мощного протока в Каспий, вода поступала в Аральское море в недостаточном объеме, чем и могло быть вызвано заболачивание местности. Археологические обследования, произведенные под руководством проф. С. П. Толстова, показали, что около середины первого тысячелетия и в первых веках до нашей эры район, прилегающий с востока к Сарыкамышской котловине, изобиловал блуждающими протоками и разливами, на которых возникли поселения, доныне существующие в виде археологических памятников. Следовательно, вполне можно допустить достоверность сообщений Геродота о впадении Аму-Дарьи одним протоком, но только не в Каспийское море, а в Сарыкамышское озеро

Река, описанная Геродотом под названием Аракс, может быть отождествлена с Аму-Дарьей, ибо созвучие авестийского названия Аму-Дарьи «Аранг» с Араксом вполне могло вызвать путаницу у ранних греческих авторов, основывавших свои рассказы на туманных известиях о далеких странах.

Геродот приводит рассказ о распределении воды из р. Ак (по-гречески Акес).

«Есть в Азии долина, окруженная со всех сторон горами; в горах пять проходов; когда-то эта долина принадлежала хорезмийцам, находясь на границе земель самих хорезмийцев, парфян, сарангов и фаманнийцев, а с тех пор, как господство перешло к персам, она принадлежит (персидскому) царю. Из окрестных гор течет большая река, имя ей Акес. Прежде река орошала земли упомянутых народов, причем отовсюду были проведены каналы и каждый народ проводил к себе воду по одному из проходов, но с тех пор, как эти народы находятся под властью персов, их постигло следующее: запрудив выход из гор, царь у каждого выхода поставил ворота, воде был закрыт выход, и долина внутри гор обратилась в озеро, так как в нее входила река, а выхода нигде не имела...» (Геродот, История, III, 117).

Вокруг данного вопроса развернулась широкая дискуссия среди русских и иностранных востоковедов. Об этом писали Бартольд[62], Маркварт[63], Томашек[64], Роулинсон[65], Германн[66], Толстов[67] и др.

В. В. Бартольд, основываясь с одной стороны на сходстве названий Акеса с Оксом, а также учитывая места расселения вышеупомянутых народов, склонен видеть указание именно на Аму-Дарью.

Допустив правдоподобность такого предположения, мы в свою очередь высказываем по этому вопросу следующие соображения: во-первых, Геродот едва ли располагал точными сведениями о равнине Аму-Дарьи, т. к. он путает название Окса с Араксом; к тому же, вряд ли возможно сооружение такого сложного регулятора на Аму-Дарье при ранних ахеменидах; реальная обстановка, воспроизведенная Геродотом, весьма правдоподобна для одного из южнотуркменистанских оазисов, как например для оазисов рр. Теджена (Герируда), Атрека и других, где издревле велась—и до сих пор не прекращается—борьба за воду. Известно, что большая часть Теджена (Герируда) использовалась в древние времена, так же как и сейчас, до выхода ее из горных ущелий, т. е. в Афганистане[68].

Вызывает сомнение лишь вопрос относительно существования такого водохранилища с регуляторами в пределах тогдашнего Ирана. Нам кажется, дело обстояло проще: вода, так же как и сейчас, разбиралась вне пределов нынешнего Туркменистана, и Геродот мог преувеличить роль вододелителя в верховьях Герируда. Во-вторых, текст Геродота не может быть отнесен к самому Хорезму, потому что Хорезм всегда принадлежал самим хорезмийцам, и водою, которой они пользовались в пределах Хорезма, не могли пользоваться парфяне, гирканцы и другие.

Скорее всего, рассказ Геродота связан с конкретным периодом политической истории народов Южного Туркменистана, когда, по словам Ктесия, парфяне еще до персов (ахеменидов) отложились от мидян и перешли добровольно под власть саков, вследствие чего между саками и мидянами разгорелась долголетняя кровопролитная война, окончившаяся затем миром.[69] Здесь под саками Ктесия следует подразумевать хорезмийцев Геродота. Следовательно, саки-хорезмийцы в контакте с парфянами могли владеть всеми областями Южного Туркменистана и областями в верховьях небольших рек.

Несмотря на то, что древние греки часто путали названия среднеазиатских с названиями других более близких к ним рек, им известны были обе большие реки Средней Азии: Укуз [Окус (Оксос) — Аму-Дарья] и Яксарт (Яксартос — Сыр-Дарья). Разъяснение Аристобула, использованное Арианом, не оставляет сомнения в местном происхождении названия «Яксарт»[70]. В. В. Бартольд без достаточного основания отождествляет название Окс с названием притока Аму-Дарьи — Вахша.[71]

[62] В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 8.
[63] J. Marquart, Wehrot und Arang, Leiden, 1938, S. 9.
[64] W. Tomaschek, Akes, Realenziclopaedie, Pauly-Wissowa.
[65] Роулинсон, Примечание 10 к стр. 506 английского издания «Истории» Геродота, III.
[66] A. Hermann, Alte Geographie des unteren Oksusgebietes, Berlin, 1914, S. 31—38.
[67] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 43 — 44.
[68] Ф. П. Моргуненков, И. А. Севастьянов, Ирригационные перспективы Туркменской ССР, сб. «Новая Туркмения», Ташкент, 1925, стр. 7.
[69] В. В. Григорьев, О скифском народе саках, СПб., 1871, стр. 19—20.
[70] «Из Мараканды Александр двинулся к реке Танаису..., которой, по словам Аристобула, местные варвары дают еще другое название—Яксарт...» (Арриан, III, 30, 7).
[71] В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 71.

Окус, Укуз как местное сако-массагетское название Аму-Дарьи сохранилось до позднего средневековья и сейчас еще сохраняется за одним из его дельтовых протоков — Укузом. Учитывая многоводность Вахша, его в древности могли считать верховьями Аму-Дарьи, а Пяндж — ее притоком; однако это могло иметь место лишь в районе выше Келифа, на низовья же Аму-Дарьи название это никогда не распространялось. Название «Джейхун», как арабизированная форма библейского «Гихон», могло быть занесено — и действительно было занесено — арабами.[72]

Ибн Хаукаль говорит, что в нижней дельте Аму-Дарьи есть горы Чакир-Укуз, у которых вода замерзает до лета.[73] Сведения Ибн Хаукаля свидетельствуют об употреблении названия Укуз в X в.

В словаре Махмуда Кашгарского говорится, что у тюркских народов термин «укуз» означает «река», однако этимология термина «укуз» неясна, известно только, что название это действительно утвердилось за Аму-Дарьей, и в ряде среднеазиатских исторических источников и документов, *относящихся к послемонгольскому периоду*, Аму-Дарья часто упоминается под названием «Укуз».

В родословной Зенги-Ата, составленной на староузбекском языке в XV в., говорится, что «могила шейха Джалила находится на берегу Укуза»;[74] у историка Тимура Низам-эд-дина Шами старое русло Аму-Дарьи, через которое перешло войско Тимура между Миздахканом и Ургенчем, носит название «Иски Угуз» (Эски Укуз)[75]; у хорезмийца Мухаммед Салиха Аму-Дарья в ее среднем течении также названа Укуз[76]. Наконец, в хивинских хрониках правобережный проток Аму-Дарьи «Кок Узяк» именуется «Укуз кеткен»[77].

В «Книге Большому чертежу» Аму-Дарья названа Угус[78]; это название вполне могло быть зафиксировано на основании расспросных сведений, собранных среди хорезмийцев или окружающих их соседних народов.

В исследовании Г. С. Карелина приводится туркменская версия о происхождении названия «Узбой», как Укуз — буйи (места по Укузу. — *Я. Г.*).[79]

Таким образом, можно заключить, что Укуз — местное название Аму-Дарьи.

Теперь перейдем к характеристике окружения ныне существующего Хорезмского оазиса.

С юга и запада к Хорезмскому оазису примыкают пески Каракумов, простирающиеся на юге до Копет-дага, а на западе до Каспийского мо-

---

[72] В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, *СПб., 1914*, стр. 71.

[73] BGA, л. II, 1873, стр. 354; В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 35. Это название, так же как «Аранг Кири», связано с древним именем Аму-Дарьи и является местным названием плато Устюрт.

[74] „شیخ جلیل باب قبری اوکوز قراغنده در". Фотокопия указанного документа хранится в Ташкенте, в личном собрании Я. Гулямова.

[75] МИТТ, т. I, стр. 518.

[76] Шейбани-намэ, СПб., 1908, стр. 36.

اینکز سودین اوتارمین در حال
هر نیچه بولسه اوکوزمالا مال

[77] Мунис — Агехи Фердоус ал-Икбал, ркп. ИВАН СССР № Е — 6, л. 87а

کوك اوزاك نهری کم اوکوز کبتکان که مشهوردر.

[78] В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 119, прим. 3.

[79] Г. С. Карелин, Путешествие по Каспийскому морю (1836), Записки РГО, т. X, 1883, стр. 410.

ря. Северная часть их от чинков Унгуза до Хорезмского оазиса и Сарыкамышской котловины состоит главным образом из третичных и частью меловых пород, прикрытых желтыми грядовыми песками. В начале верхней дельты они обходят Ташсакинскую возвышенность и дальше по южной окраине оазиса образуют большую дугу, в основном обходя полосу сбросовых озер, иногда вклиниваясь между ними. Немного восточнее меридиана г. Хивы, близ озера Шоркуль граница песчаной возвышенности поворачивает на северо-запад, доходя в этом направлении почти до озера Каракуль и продолжаясь в виде волнистой линии вдоль озерной полосы, переходит к сухому руслу Чермен-Яба.

Поверхность Каракумов по северной их окраине волнистая, причем наиболее высокие точки ее поднимаются над прилегающей аллювиальной равниной не более чем на 20—30 *м*.

На прилегающих к сазису участках Каракумов встречаются и грядовые пески, несколько закрепленные растительностью, и сыпучие барханные пески, легко передвигающиеся под действием ветра. Название Каракумы (Черные пески) происходит, как правильно замечает В. И. Масальский,[80] не от цвета самих песков, а от мрачного, безжизненного их характера; это название скорее означает «Злые пески». Хорезмийцы с древнейших времен проложили через них дороги и непрерывно общались по ним с Хорасаном и другими областями Ирана. В иранской литературе Каракумы упоминаются под названием «Хафт-рег-и-Хорезм» (Семь песков).[81]

На северо-востоке правобережный оазис граничит с Южными и Западными Кызылкумами. Рельеф поверхности Кызылкумов теснейшим образом связан с тектоникой слагающих их меловых пород.[82]

С точки зрения их происхождения и геологического формирования, пески Кызылкумов и Каракумов *не отличаются друг от друга и состоят* в основном из двух видов песков материкового и аллювиального происхождения. Первые из них красновато-желтого или, вернее, красновато-серого цвета, образуются исключительно от разрушения и развеивания ветром материковых пород. Они-то и составляют почти исключительно массу песков обеих пустынь.

Вторые пески, серо-стального цвета, являются песками аллювиального *происхождения; они образуются главным образом* от развеивания речных наносов и приморских дюн.[83]

Они располагаются в виде дюн, барханов или цепи барханов у побережья рек и моря и по старым руслам.

Пески барханного типа, составляющие огромные массивы пустынь, передвигаются по направлению господствующих ветров.

Бугристые пески имеют сравнительно устойчивый характер и отличаются наличием одевающего их растительного покрова.

Обычно в пустынях скопление тяжелых барханных песков происходит в низинах—котловинах и высохших речных руслах. Иногда такие наслоения достигают огромной толщины.[84]

Основной район наших археологических обследований был расположен в Юго-западных Кызылкумах, где пески в виде сыпучих подвижных

[80] В. И. Масальский, Туркестанский край, сб. «Россия», т. XIX, СПб., 1912, стр. 241.

[81] Абу-Тахир Тартуси, جنگنامهٔ امیر ابا مسلم صاحبقران, узб. перевод, Ташкент, 1910, стр. 91.

[82] А. Д. Архангельский, Указ. соч., стр. 35.

[83] Т. В. Мушкетов, Туркестан, СПб., 1886, стр. 116.

[84] И. Ивченко, Через Кзыл-Кумы, Известия РГО, вып. I, 1916, стр. 26.

барханов упираются в посевы Турткульшаббазского района. Описываемый район на северо-западе достигает гор Султан-Уиз-даг, на севере — бугра Кокча, на северо-востоке — бугра Джанбас-Кала и на юго-востоке граничит с длинной цепью озер, носящих общее название «Суярган». Этот участок известен в научном обиходе под названием «земель древнего орошения»: в дальнейшем, при описании отдельных участков нижнего бассейна Аму-Дарьи, мы под указанным названием будем иметь в виду именно этот район правобережья[85].

Рис. 3. Барханные пески Кызылкумов.

Среди волнистого моря безжизненных барханов, на разных расстояниях друг от друга, высятся развалины больших и малых крепостей и замков. Тут же мимо развалин Гульдурсуна, огибая их в направлении с запада на северо-восток, проходит русло большого старинного канала. Оно вступает в полосу песков, то исчезая под ними, то выходя наружу; местами от него отделяются небольшие боковые ветви, которые тянутся к этим развалинам. При осмотре развалин исследователь неминуемо наткнется на какое-нибудь ответвление канала, так как очертания их, несмотря на тысячелетнюю давность, прослеживаются весьма отчетливо.

В полосе, усеянной большими и малыми развалинами, барханы становятся реже и чередуются с полосами такыров, усеянных черепками, фрагментами жженого кирпича, стекла, остатками фундаментов зданий, даже грядами древних бахчевых посевов.

По всей территории земель древнего орошения отчетливо прослеживаются углубления, которые являются основным местом скопления подвижных песков. Эти длинные углубления тянутся из пределов оазиса на север на несколько десятков километров. Ширина их местами достигает

[85] Колхозники Турткульского района отвоевали у песков часть «земель древнего орошения», продвинувшись с посевами на несколько километров в глубь Кызылкумов и расширив пределы современного оазиса.

двух-трех и более километров; так как в Хорезме низины и пустынные котловины обозначаются термином «уй» (уй — рытвина, выдув), то и мы в дальнейшем будем называть их «длинными «уйями».

По мере углубления пустыни на восток и на северо-восток, пески ее постепенно приобретают относительно постоянный характер. Наряду с наличием больших древних такыров, наблюдаются менее бугристые полосы неподвижных песков с бедным растительным покровом. При этом как важный факт надлежит отметить, что большая часть этих песков значительно более позднего происхождения, ибо они в некоторых случаях покрывают такыры исторического времени со следами поселений. Вопрос этот весьма важный и впредь мы неоднократно будем к нему возвращаться.

Прежде всего, необходимо дать географическое описание района Джанбас-Кала как крайнего восточного участка земель древнего орошения.

Название Джанбас-Кала произошло от слова Джанбас, что по-казахски значит — «бок» (сбоку) и Кала — крепость.

Крепость Джанбас-Кала стоит на западном склоне одноименной возвышенности и занимает крайнюю восточную точку в системе оборонительных сооружений на землях древнего орошения.

Эта возвышенность по своему происхождению относится к меловому периоду.[86] Она вытянута с запада на юго-восток и состоит из слоистого интенсивно выветривающегося бурого песчаника. Длина ее достигает 3—4 *км*. На своей восточной окраине она переходит в узкие и высокие гряды песков материкового происхождения. На этом участке никаких признаков скалистого основания не наблюдается. В дальнейшем мы будем называть его восточным сектором Джанбаскалинской возвышенности, а западный скалистый массив — основным массивом. Последний не имеет крутых склонов и возвышается над окружающей пустыней на 20—25 *м*, так что эта возвышенность, вместе с расположенной на ней крепостью Джанбас-Кала, видна на расстоянии 20—30 *км*.

В орографическом отношении район представляет довольно сложную картину: южные и юго-западные подступы к Джанбаскалинской возвышенности образуют значительную впадину, которая на востоке окаймляется восточным сектором возвышенности и даже уходит далеко на юг по направлению к «большим такырам». На западе низменный характер местности продолжается до самой Аму-Дарьи. У Джанбас-Калы прослеживается окончание русла искусственного канала, идущего с юго-запада на северо-восток. Здесь между каналом и Джанбас-Калой простираются такыры, усеянные античными черепками, следами гончарных печей и т. п.

Такыры представлены двумя типами — массивные, имеющие типичную аллювиальную структуру мощностью до нескольких метров, и корковидные, прикрывающие древние эоловые барханы. Джанбаскалинский район изобилует песчаными котловинами-выдувами, образовавшимися после дефляции такыровидной корки, прикрывавшей пески. Корка имеет весьма слабую, тонкослоистую структуру и поэтому легко поддается разрушительному действию ветра. Во многих местах, особенно к юго-западу от Джанбаскалинской возвышенности, почти по линии западной оконечности ее, эти массивы обрываются в связи с изменением характера песков;

[86] С. А. Никитин, С. Ф. Песков, Пески Каракалпакских Кзыл-Кумов, сб. «Каракалпакия», т. II, М.—Л., 1936, стр. 96—103.

последние становятся более подвижными, чем обусловлено и непостоянство рельефа. На этой линии большая площадь (размером около 2—3 *км* в длину и около 1 *км* в ширину) загромождена тяжелыми, надвигающимися друг на друга барханами. Последние тянутся прямо на юг по направлению к Суяргану.

Этот участок назван нами барханной полосой Джанбаскалинского района.

На юго-восток от линии барханов лежат так называемые восточные или Суярганские такыры. Поверхность Суярганских такыров зачастую загромождена неподвижными песками со сравнительно богатой растительностью. От линии барханов до восточного сектора Джанбаскалинской возвышенности прослеживается постепенный подъем местности с большими выдувами-котловинами. Всюду в этих песках на разных горизонтах в виде островов встречаются такыры с выветривающимися краями. Их обычное название — «островные такыры». Такая картина рельефа местности продолжается на восток до старой караванной дороги, соединяющей Турткуль и Шурахан с городами нижнего бассейна реки Сыр-Дарьи. На описываемом участке она тянется с юга на север и переваливает через неглубокую седловину между западными и восточными секторами возвышенности Джанбас-Кала.

Глава II

ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА НА ЗЕМЛЯХ ДРЕВНЕГО ОРОШЕНИЯ[1]

Ни одна область в Средней Азии не дала еще такого обильного археологического материала, как Хорезм, что, безусловно, является результатом широты и последовательности самого изучения оазиса; однако при этом не следует забывать еще того важного обстоятельства, что безжизненные пустыни больше и лучше сохраняют свидетельства былой жизни человека. Поэтому археология Средней Азии, особенно Хорезма, своими новыми достижениями обязана неприкосновенности памятников, создаваемой в условиях пустынь.

Рис. 4. Земли древнего орошения.

Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно бросить взгляд на земли древнего орошения, расположенные в правобережном Хорезме между

[1] Для более полной характеристики условий возникновения земледелия и ирригации нами использованы соответствующие разделы работы С. П. Толстова «Древний Хорезм».

восточной цепью гор Султан-Уиз-дага и Тюя-Муюном, где оазис упирается в окраины Кызылкумов. Господствующий северный ветер без препятствия бушует по просторам широкой равнины; он гонит сюда из глубины пустыни сыпучий песок, кидает его по гладким такырам, образуя цепи подвижных барханов. На голых такырах, усеянных битой посудой, в объятиях песков возвышается множество древних сооружений—развалины

Рис. 5. Гульдурсун. Древний арык западнее крепости.

древних городов, крепостей, замков, домов, построенных из сырцового кирпича и пахсы; тянутся сухие русла древних оросительных каналов с прекрасно сохранившейся разводящей сетью и т. д. Когда они возникли, когда и по какой причине запустели, когда и в каких условиях здесь стала господствовать пустыня—ответ на эти вопросы за археологией.

1. СТОЯНКА ПЕРВОБЫТНЫХ ОХОТНИКОВ И РЫБОЛОВОВ

Среди массы археологических памятников средних веков, античности и памятников первобытности, последние занимают особо важное место как исходный этап в изучении истории общественного развития народов. В Хорезме он представлен весьма выразительными вещественными памятниками.

Летом 1939 г. Хорезмская археологическая экспедиция под руководством С. П. Толстова производила раскопки внутри античного города Джанбас-Кала.

Одновременно производились рекогносцировочные обследования прилегающего района, где и обнаружили впервые обнажившуюся из-под такыра стоянку первобытного человека. Сразу бросились в глаза следы деятельности человека: зола кострища, каменные отретушированные орудия, фрагменты весьма примитивной керамики и т. п.

До этого в районе Джанбас-Кала были обнаружены следы трех стоянок, относящихся к более поздним периодам—к раннему железному веку.

С летнего сезона 1940 г. на этой стоянке начаты были раскопки, за-

вершенные в 1945 г. с перерывом в годы Великой Отечественной войны[2].

Она получила название «Джанбас-Кала № 4», и эта культура известна под названием культуры кельтеминарцев[3].

Изучаемая стоянка была расположена на одном из древних барханов красновато-серого песка, у подножья бугра Джанбас-Кала, в 1,5 *км* к юго-западу от одноименного античного города. Вся полоса, прилегающая к бугру, производит впечатление, как будто в недалеком прошлом она была покрыта тонким слоем такыровидного суглинка розовато-серого цвета, всецело подчиненного характеру подстилающего его микрорельефа. В настоящее время происходит интенсивная дефляция этого покрова.

Подстилающий его песок развевается и котловина выдува расширяется очень быстро. Поэтому всюду наблюдается беспорядочное чередование песчаных ям с полосами такыровидных суглинков. Структура такыровидного покрова такова: сверху лежит тонкий (5—26 *см*) слой розовато-серого суглинка, который к центру жилища утолщается и достигает 40 *см*. Поверхность этой корки нетвердая и легко расслаивается, но книзу она становится все плотнее и содержит большое количество отпечатков болотных растений. Она подстилается тонким синеватым глинисто-песчаным слоем, под которым лежит барханный песок. В нем попадаются отдельные каменные орудия, черепки и кости рыб. Под песком, на глубине 45—50 *см* от поверхности также лежит темный золистый слой, который содержит большое количество тех же бытовых остатков. Мощность этого слоя не превышает 6—10 *см*, и под ним лежит барханный песок, также содержащий обильные остатки рыбьих костей. На глубине около 1,5 *м* находки в песке прекращаются. Вскрытие показало, что жилище пострадало от пожара, ибо всюду на его площади лежали обуглившиеся остатки балок и камыша.

Наблюдения при раскопке жилища привели нас к убеждению, что до его сооружения бархан предварительно был выравнен, но не очень тщательно; затем был сооружен шалаш из балок, шестов и камыша. Концы балок-столбов вкопаны в песок. Расположение ряда столбов и остальные признаки убеждают в том, что стоянка в плане имела скорее всего овальную форму. В ней С. П. Толстов находит большое сходство с общинными хижинами манданов, бакаира и особенно андаманцев. Перекрытие стоянки кельтеминарцев как по плану, так и по вышеприведенным этнографическим сходствам можно рассматривать, как многогранный конический шалаш, рассчитанный на 100—125 человек[4].

По всей площади стоянки в равных расстояниях друг от друга находились округлые и неглубокие ямы размером 50—70 *см* в диаметре. Они многочисленны и представляют собой места кострищ, вокруг которых располагались и питались отдельные семьи. Вокруг и внутри каждой очажной ямы, кроме золы, разбросаны орудия, утварь, и, главным образом, так называемые кухонные остатки. Последние представлены костями рыб, заполняющими культурный слой на всей площади стоянки, остатками черепах, костями млекопитающих, а также водоплавающих птиц, скорлупой их яиц, раковинами пресноводных моллюсков, косточками дикорастущей джиды и т. п. Весь костный материал был подвергнут предварительному анализу. По определению специалиста по палеозоологии проф. В. И. Громова, кости млекопитающих принадлежали диким видам животных: козуля, дикая свинья, олень. Кости птиц, по предварительным

[2] Подробное описание и характеристику см. С. П. Толстов, Древний Хорезм, гл. III, раздел I.

[3] Кельтеминарская культура получила свое название от ныне действующего канала из системы Пахта-Арна.

[4] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 62.

данным, в основном относятся к водоплавающим видам, но не исключена возможность наличия костей тугайных и степных видов птиц, особенно фазана, который и до сих пор в большом количестве водится в зарослях дикорастущей джиды и питается ее плодами. И в настоящее время в низовьях Аму-Дарьи охотятся в тугаях на кабанов и фазанов, которые, питаясь там поспевающей джидой, очень жиреют.

Рыбы, по предварительному определению проф. Г. В. Никольского, представлены костями щуки и сома, которые водятся главным образом в озерах и водоемах.

Такой состав фауны, по заключению проф. В. И. Громова, говорит о ландшафте, резко отличном от современного, о значительной обводненности местности, о наличии лесных (тугайных) зарослей.

Утварь состоит главным образом из гончарной посуды, обожженной на открытых кострах. Она изготовлена от руки из грубой огнеупорной глины и представляет несколько типов круглодонных сосудов. Одни из них довольно толстостенные с большой примесью дресвы. Большинство из них с наружной стороны украшены разнообразным штампованным и штриховым орнаментом, расположенным кольцевыми зонами по преимуществу в верхней части сосуда.

Встречаются также сосуды из более гладкой, отмученной глины с малой примесью дресвы. Они сравнительно хорошего обжига, легче весом. На поверхности одного из таких сосудов были замечены явные следы красной охры, что свидетельствует о применении росписи для украшения сосудов. Судя по находкам кельтеминарской и последовавших за ней культур, красящим материалом служила охра. В одном месте стоянки даже найдены комья этого красящего материала. Встречались также комья желтой краски. Все сосуды первого типа, найденные главным образом в больших фрагментах, сильно закопчены. Штриховой и штампованный орнамент на сосудах этой эпохи отличается большой строгостью линий, большой выдержанностью стиля. На вид они красивы. Керамические изделия из кельтеминарской стоянки имеют прямой венчик, слегка утончающийся и закругляющийся к краю; встречались больше ладьевидные и мелкие тонкостенные сосуды.

Охотничий, бытовой инвентарь состоит из микролитоидных кремневых и костяных изделий. Каменная индустрия отличается своим разнообразием. Среди изделий больше всего встречаются удлиненные вкладыши для костяных или деревянных орудий, концевые скребки, ножевидные пластинки с полукруглыми ретушированными выемками, проколки, миниатюрные наконечники стрел, известные также в сибирском неолите. В значительном количестве находились нуклеусы конической и цилиндрической формы с явными следами отщепов ножевидных пластинок, скребков и других видов орудий. Обнаружена также шлифованная каменная колотушка или булава со следами опоясывающего ее углубления для прикрепления к рукоятке и шлифованное каменное рыболовное грузило. Костяные орудия по сравнению с кремневыми незначительны: среди них встречаются костяные цилиндроконические наконечники стрел; был найден и костяной нож в фрагментарном состоянии: костяные изделия изготовлялись путем тщательной шлифовки.

Из украшений можно указать на находки многочисленных миниатюрных цилиндрических костяных и раковинных бус.

Эти стоянки с их инвентарем позволяют восстановить быт их жителей, а также свидетельствуют о том, что основными жилыми уголками являлись места вокруг этих семейных очагов. В центральной части стоянки

обнаружена сравнительно большая очажная яма с довольно толстым слоем золы. Этот очаг рассматривается С. П. Толстовым как место священного неугасимого огня рода, у которого, по всей вероятности, располагался его вождь. По единственной пока еще находке, конечно, трудно судить о том, носил ли этот огонь священный характер, а следовательно, и о генезисе маздаизма в тот период. Среди наших ученых за последние годы сложилось суждение о среднеазиатском и даже хорезмийском происхождении маздаизма, на что отчасти наводило утверждение Бундахишна, что первый священный огонь, «Адар хурро», был помещен Джемшидом в Хорезме[5].

Дальнейшие открытия подобных стоянок и памятников последующих периодов в Хорезме, конечно, позволят нам с большей уверенностью говорить о наличии этого очень важного обстоятельства в истории развития идеологии народов древнего Среднего Востока. Нам следовало бы искать корни этой религии, сыгравшей такую громадную роль в течение целых тысячелетий, в еще более глубоких слоях; здесь же, по нашему мнению, надо искать происхождение и сохранившегося у казахов термина «ут агасы», что значит владыка, начальник, глава или старшина огня. Он соответствует древнеиранскому,—вернее, согдийскому—термину «кад худо» или «кат худо». Кат или ката в древнеиранской терминологии означало большую жилую ограду, где располагался род или какое-нибудь его колено. Широко распространенный в Средней Азии термин «кат», обозначавший селение, своими корнями, безусловно, уходит к первобытному «кад», «кат» или «ката». Термин «кат худо» — владыка ката — сохранился до нашего времени как обозначение для старшинствующих в определенном общинном кругу, а также в понятии главы семьи; он употреблялся и наряду с терминами «йигит отаси» (глава или старшина компании юношей), «эль оғаси» (глава, старшина эля)[6] и т. д. Термин «ут оғаси» и в настоящее время употребляется у казахов в смысле «уважаемый», «старшина» и т. п.

Исследования, произведенные советскими археологами на территории Хорезма, Туркмении, Казахстана, Восточной Европы и Западной Сибири значительно обогатили историческую науку в смысле освещения культуры первобытных народов, обитавших в этих краях — с одной стороны; взаимных связей и взаимовлияний этих народов на разных стадиях той или иной эпохи — с другой.

Надо подчеркнуть заслугу С. П. Толстова, сопоставившего памятники кельтеминарской культуры с другими культурами и установившего некоторое сближение кельтеминарской культуры с соответствующими памятниками культуры неолита и энеолита северо-восточной Европы, Приуралья и юго-западной Сибири. Для сравнения многих сближающих черт керамики и каменной индустрии им приводятся материалы из находок Теплоухова[7], В. А. Шмидта[8], Н. А. Прокошева[9], В. Н. Чернецова.

Исследованное В. Н. Чернецовым нижнеобское жилище, найденное на песчаном мысе древнего, ныне не существующего озера, приписы-

[5] С. П. Толстов, К истории хорезмийских Сиявушидов, Известия АН СССР, 1945, № 4.

[6] Эль—народ, племя, род на тюркских языках.

[7] С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае, Материалы по этнографии, т. III, Л., 1927, стр. 72—76, в особенности табл. III, рис. 1 и табл. IV, рис. 1—2.

[8] В. А. Шмидт, Левшинская стоянка, Советская археология, т. V, 1940.

[9] Н. А. Прокошев, К вопросу о неолитических памятниках камского Приуралья, МИА, 1940, № 1, стр 20.

вается им населению, «основным занятием которого была охота и рыболовство»[10]. В сравнении с найденным там инвентарем кельтеминарская культура отличается большой архаичностью. Погребения в Минусинском крае дали еще более сходные формы. Особенно близка кельтеминарская культура к находкам А. Стейна на территории Восточного Туркестана в песках, прилегающих к бассейну Яркент-Дарьи и в устье Курук-Дарьи.[11]

Вторая стоянка с кельтеминарской культурой была обнаружена в 1946 г. А. И. Тереножкиным[12] в районе предгорий Кульджуктау, к северу от Бухарского оазиса. Стоянка была расположена на большом коке[13]. Керамика и микролитоидная индустрия кульджуктауской стоянки представляет большую аналогию с кельтеминарской. А. А. Формозовым в Западном Казахстане исследована стоянка позднекельтеминарского типа с большим процентом костей домашних животных в культурном слое.[14]

Таким образом, можно установить ареал распространения афанасьевско-кельтеминарской культуры и, следовательно, предполагаемых этнических связей, от Прикамья и нижней Оби до Минусинского края и Восточного Туркестана, с охватом большой территории Средней Азии. При этом необходимо отметить также находки Герцфельда (1923—1931 гг.) близ Персеполя, имеющие, особенно в микролитоидной традиции, большую аналогию с кельтеминарскими находками,[15] а те и другие в некоторых чертах родственны ранним слоям анауской культуры. Сплошная раскраска поверхности керамических изделий отмечается в обоих пунктах. Характер нанесения росписи ломаными линиями в Анау повторяет в принципе тот же тисненый елочный орнамент у кельтеминарцев. Однако культура Анау с богатым содержанием типов расписной керамики в основном войдет в ареал распространения культуры крашеной керамики.

С. П. Толстов[16] обратил внимание на скрещение этих двух зон культур как в Анау, так и в северной, степной зоне.

Стоянка № 4 пострадала от пожара, а впоследствии была затоплена водой, о чем свидетельствует голубовато-серая окраска песка, лежащего между культурным слоем стоянки и такыровидной коркой. Эта окраска характерна для дна системы озер Суярган; ее происхождение может быть объяснено тем обстоятельством, что полустоячий характер воды способствует образованию на дне водоема буйного слоя мельчайших водорослей, органические остатки которых придают данному песку голубовато-серый оттенок. Местность, где обитали кельтеминарцы, представляла собой систему водоемов, заросших камышом и древесным тугаем, среди которых большими стаями водилась водоплавающая птица. На этих водоемах обитатели описываемой стоянки занимались рыбной ловлей, охотой на водоплавающих птиц и поисками их яиц. Ради той же охоты они поселились на удобном уплощенном бархане на

[10] В. Н. Чернецов, Очерк этногенеза обских югров, КСИИМК, IX, 1941.
[11] Aurel Stein, Innermost Asia, Oxford, 1928, p. 85, 196, 205, табл. III, XXII, XXIII.
[12] А. И. Тереножкин, Археологическая разведка в западной части Узбекистана, ВДИ, 1947, № 2.
[13] Кок—водоем, скорее лужа, образовавшаяся от стока дождевых вод в степях.
[14] А. А. Формозов, Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане, Вестник Каз. ФАН, 1945, № 2.
[15] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 63.
[16] Там же, стр. 66.

краю водоема. Тугаи же были вторым источником стройматериалов, дичи и других видов диких животных, а кроме того и топлива.

Плоды дикорастущей джиды, несомненно, также представляли собой один из основных видов пищи доисторического человека.[17]

Суярган — это длинная система озер, вытянутая с юга на север. Она тянется среди тяжелых сыпучих и бугристых песков несколько восточнее Турткульшураханского оазиса. На запад и северо-запад от нее простираются земли древнего орошения. В 7 — 8 *км* к юго-западу от бугров Джанбас-Кала Суярган поворачивает на восток и подходит к колодцу Куня-Казган. По утверждению местных мирабов, обследовавших этот район, и скотоводов, пользующихся его пастбищами, Суярган у Куня-Казгана, поворачивая на север, доходит до колодца Чоколак; оттуда, огибая возвышенность, выходит к колодцу Каунды. На юге линия Суяргана, мимо бугра Соккули, выходит в район Аккамыш, ниже Тюя-Муюна. В районе урочища Мискин-Саид из канала Пахта-Арна в Суярган отведен специальный сброс, которым регулируются воды канала во время паводков.

На карте, снятой в 1939 и 1940 гг.[18], Суярган изображен в виде длинной и прямолинейной цепи озер, тянущихся от бугра Соккули до линии широты развалин крепости Ангка-Кала. Имеется указание Н. А. Димо о функционировании Суяргана даже в районе Аккамыша[19].

Древние истоки Суяргана находились в районе Аккамыша, и его прежнее русло очень хорошо видно с воздуха, хотя вследствие дефляции очертания его часто меняются.

Некоторые хорезмские мирабы относят истоки Суяргана к району, где у северо-западной оконечности Безерган-тугая начинается Тюя-Муюн. Бируни, по-видимому, также полагал, что русло «Фахми»[20] отсюда же шло к северу, на земли древнего орошения, где по его берегам люди построили более 300 городов и селений. Эту гипотезу Бируни мог высказать на основании местных преданий. Сейчас сухое русло Суяргана обходит Джанбаскалинские бугры с востока и, направляясь к Кокчинским буграм, выходит на равнину, а потом, повернув на север, уходит в сторону Яна-Дарьи.

С. П. Толстов полагает, что Бируни под словами «более 300 городов и селений» имеет в виду не многочисленные памятники на землях древнего орошения, а развалины на Яна-Дарье, ибо для Бируни многие из памятников на землях древнего орошения не могли остаться неизвестными, так как жизнь в них прекратилась в близкую ему эпоху.[21]

Однако по остаткам материальной культуры он не мог отнести время запустения оазиса к какому-нибудь определенному периоду. Нет сомнения, что в XI веке существовали всякого рода легенды по поводу былой жизни этих оазисов. Надо отметить, что следы сухого русла, которые прослеживаются между Акча-Дарьей и Даукаринскими такырами, рассматриваются населением Хорезма как продолжение притока

---

[17] В недавнем прошлом, и даже еще в наши дни, жители некоторых лесистых районов нижней дельты Аму-Дарьи специально собирали и собирают плоды дикой джиды, жарили их, толкли и употребляли в пищу в виде толокна или муки.

[18] Карта Кара-Калпакии, изданная в Ташкенте в 1940 г.

[19] Н. А. Димо, Почвенные исследования в бассейне реки Аму-Дарьи, Ежегодник Отдела земельных улучшений, 1913, ч. I и II, стр. 365, 373—391.

[20] ВДИ, 1941, № 1, стр. 193.

[21] С. П. Толстов, Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, ВДИ, 1946, № 1.

Сыр-Дарьи[22]. Отсутствие на большинстве участков речных или озерных отложений заставляет пока воздержаться от утверждения о соединении Суяргана с Акча-Дарьей.

Бируни не мог не знать и о существовании Сыр-Дарьи, а также о развалинах поселений в ее дельте.

Название Суярган ясно говорит о его происхождении и означает, что канал прорыт самой водой, т. е. что это естественный проток, образовавшийся от прорыва вод Аму-Дарьи в глубь Кызылкумов, что подтверждается его весьма извилистым характером, его подчиненностью рельефу местности[23].

Суярган действует непостоянно, так как всецело зависит от наличия излишка воды в канале Пахта-Арна. Поэтому иной раз в одном и том же вегетационном сезоне русло то высыхает, так что скотоводы копают в нем колодцы, то заполняется водой настолько, что вода доходит до подножия бугров Кош-тепе в 10 км к юго-востоку от Джанбас-Кала. Любопытно наблюдать изменения картины пустыни в связи с появлением и исчезновением воды в Суяргане.

Обычно, как правило, в середине лета поступление воды в Суярган прекращается, что ведет к высыханию его русла. Сохранившаяся в русле вода скопляется лишь в небольших его углублениях. Зачастую она исчезает совсем, и тогда вокруг Суяргана все замирает. Отдельные путники или охотники пользуются водой из колодца, выкопанного на дне его русла. В связи со сбросом излишних вод из канала Пахта-Арна, русло Суяргана быстро вновь наполняется водой, жизнь в пустыне пробуждается: из самых отдаленных пунктов доносится перекличка птичьих стай, устремляющихся к берегам Суяргана. На песке появляются иногда свежие следы собак, пришедших с берегов протока, возвещающие, что на Суяргане появилась вода и что там поселились охотники или скотоводы: иной раз мертвая тишина неожиданно нарушается звоном бубенчиков пасущихся овец. Быстро оживает фауна и флора вдоль всего его русла.

Поступление воды из Суяргана в район Джанбас-Кала произошло, по всей вероятности, через систему впадин, расположенных к северо-востоку от Аккамыша и идущих мимо Соккули в северном направлении. Таким образом, вся полоса, расположенная между этим главным озером и Джанбас-Кала представляла собой систему водоемов. Стоянка № 4 была расположена на подножии возвышенности, куда можно было отступить в случае наводнения.

Однако вода затопила стоянку уже после того, как она была оставлена жителями вследствие пожара. Основываясь на мощности слоистых аллювиальных отложений, можно констатировать грандиозность масштаба затопления, распространившегося на большую территорию восточной части земель древнего орошения. По всей вероятности, в эту пору произошла активная передислокация первичных такыров; их размыв и образование новых слоистых такыров произошли на базе кратковременного заболачивания местности Аму-Дарьей, ибо илистый характер нижних слоев с отпечатками и перегноем водных растений всецело об-

[22] Л. Соболев, Н. И. Гродеков, Статистический обзор Хивинского ханства, Ташкент, 1882, стр. 66.

[23] Обычно искусственные каналы Хорезма носят имена тех, кто их построил. Так, например, Бешарык-Ярган значит канал, который прорыли жители Бешарыка; Кул-Ярган—канал, который был прорыт Касимом Арбабом, бывшим рабом хана; Каракалпак-Ярган—канал, прорытый каракалпаками, и т. д. Баяни, شجرهٔ حوارزمشاهی л. 153а.

рисовывает картину происходившего процесса. Человек, конечно, временно удалился на возвышенные места, но после спада воды вернулся на старую территорию.

2. БРОНЗОВЫЙ ВЕК В ХОРЕЗМЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИРРИГАЦИИ

Кельтеминарцев мы охарактеризовали как охотников и рыболовов, незнакомых с металлом, земледелием и скотоводством.

В районе Джанбас-Кала и некоторых других пунктах земель древнего орошения обнаружены отдельные находки черепков или развеянные стоянки, относящиеся к следующему за энеолитом периоду жизни древних хорезмийцев.

Эта культура представлена стоянками № 4а, 5, 6, 9, 10, 11, 14, 15, 16, 17 ,18 — в районе Джанбас-Кала, стоянкой к северо-востоку от Ангка-Кала и находками в районе между городищами Нариндзан и Тешик-Кала на западных окраинах Беркуткалинского оазиса. Ни одна из этих стоянок, за исключением стоянки № 6, не была обнаружена в виде сохранившегося жилища и не могла быть подвергнута такому же археологическому исследованию, как стоянка № 4, потому что они находились в тех местах, где происходила интенсивная дефляция такыровидных суглинков. При этом замечено было то важное обстоятельство, что эти стоянки располагались на такырах или между слоями такыров. Во всяком случае они всюду погребены под расслаивающимися такырами. Иногда стоянки попадаются на такырах, обнажающихся из-под барханов, движущихся на юг, по направлению к Суяргану.

В последние годы, проследив картину напластования такыровидного суглинка, мы находили связь между этим процессом и периодически сменяющимися заселениями и затоплениями древних обводненных земель.

Например, стоянка № 4а расположена рядом со стоянкой № 4. В 1939 г. она находилась еще под барханом, а летом 1940 г. в результате выветривания здесь обнажилась тонкая такыровидная корка красно-кирпичного цвета. На этом островке такыра были обнаружены в разбросанном виде черепки керамики и каменные микролитоидные орудия. Культура стоянки № 4а отличается от культуры стоянки №4 тем, что керамика абсолютно не содержит в себе крупно-зернистой дресвы и, ввиду обилия в ней песка, а также благодаря хорошему качеству обжига, напоминает тонкую пластинку песчаника. Штампованный орнамент на посуде заменен простым штриховым. Каменные орудия сравнительно грубы и плохо ретушированы.

Летом 1946 г. в 80—100 метрах к юго-западу от этого пункта обнаружена новая стоянка (№18) с подобной же культурой. Здесь еще ярче наблюдается картина обнажения; верхний слой такыра выветрился и под ним видны фрагменты керамики и кремневые орудия. Это обнаружение также связано с выветриванием покрывавшего стоянку слоистого илистого наноса. Надо отметить тот важный факт, что стоянка лежала не на бархане, а на поверхности такырной корки и сверху была покрыта такой же коркой. Структура и мощность нижнего такыра напоминает характер такыра, подстилающего стоянку № 4а.

Стоянка № 18 представлена более богатым ассортиментом керамики; здесь, наряду с некоторыми видами керамических изделий, аналогичных стоянке №4 и №4а, в большом количестве попадаются ранние

типы керамики, получившие развитие в последующие стадии данной культуры. В культуре стоянок № 5, 9, и 10, расположенных несколько южнее стоянки № 4, можно видеть прямое продолжение культуры стоянок № 4а и 18. При этом подчеркиваем, что стоянки №№ 5 и 10 совершенно развеяны, орудия и черепки разбросаны на дне песчаного выдува. Последний с запада окаймляется линией интенсивно разрушающегося маломощного такыра, прикрывающего сплошную полосу розовато-серого песка. Когда-то линия такыра, безусловно, лежала далеко на востоке, намного дальше, чем сейчас. Дальнейшее интенсивное разрушение такыра угрожает и стоянке № 9. С другой стороны, там идет интенсивный процесс горизонтального выветривания слоев такыра, сопровождающийся обнажением культурных остатков. Здесь междутакырное залегание стоянки наблюдается с убедительной ясностью. Это обстоятельство характерно и для большинства других стоянок, причем были найдены памятники несколько более поздней стадии данной культуры, чем № 15; они лежали на поверхности мощного слоя первичного такыра, который, благодаря несколько возвышенному характеру рельефа местности, не подвергался вторичному затоплению и образованию на нем новых напластований.

Первая находка памятника эпохи бронзы обнаружена в районе мертвого Беркуткалинского оазиса, по которому в древности проходило продолжение ныне существующего канала Тазабаг-Яб, также из системы Пахта-Арна, почему она и получила название «тазабагябской культуры». Последняя характеризуется постепенным упрощением техники и количественным уменьшением микролитоидной индустрии, появлением плоскодонной, грубой и однообразной в техническом отношении керамики.

Она представляет собой так называемую керамику степной бронзы, представленную почти исключительно горшками и типична главным образом для степной полосы южной Сибири, Казахстана, юго-восточной Европы и северной части земель Бухарской области. Она изготовлена без гончарного круга из плохо отмученной глины с дресвой и часто с песком. Дно плоское и край его несколько выступает наружу по отношению к нижней части стенки сосуда. Венчик несколько расширяется наружу и заканчивается круглым валиком. В эту эпоху почти исчезает сплошная орнаментация всей поверхности сосудов. Штриховой нарезной орнамент, иногда штамп круговой линией, наносится по шейке и по плечу сосуда. Орнамент состоит из двойных и более рядов ломаных линий, треугольников, иногда в виде полураскрытых вееров, по двум параллельным нарезным линиям, нанесенным по шейке. Этот тип керамики по сравнению с другими отличается плохим обжигом и хрупкостью.

При этом весьма любопытно то обстоятельство, что некоторые стоянки, например, № 11, 12, 14, 16, 17, расположенные между ярусами разрушающихся такыров, сопровождаются явно выраженной плоскодонной керамикой, которая по тесту, обжигу и орнаменту совершенно отлична от кельтеминарской; вместе с тем, там отчетливо наблюдается богатый комплекс микролитической индустрии, представленной в виде дисковидных скребков и других разновидностей тонкоретушированных вкладышей. Зачастую такой индустрии сопутствует керамика, более совершенная по технике исполнения: глина, отмученная почти без примесей, обжиг хороший, черепок желтовато-коричневого оттенка. Поверхность часто орнаментирована сетчатым штампом и схематизирован-

ной елочкой. Словом, здесь наблюдается миграция новых степных племен; у одних констатируется высокоразвитая техника гончарного дела, у других гончарные изделия огрублены по формам и примитивны по технике изготовления; у тех и других она сопровождается изделиями микролитоидной индустрии.

Второй тип керамики назван нами, для отличия от типа культуры степной бронзы, суярганским. Этот тип в основном входит в круг крашеной и лощеной керамики, сходной с керамикой андроновского типа, а также II—III слоев Анау.

Эта связь характерна не только для культуры эпохи бронзы, но начинается уже в культуре кельтеминарцев. Не говоря о некоторых моментах гончарной техники, перекликающихся с культурой раннего Анау, можно указать на то, что в кельтеминарской культуре среди образцов керамики попадаются фрагменты с нарезным или штампованным елочным орнаментом, окрашенным густой краской. Такие же образцы попадаются в некоторых стоянках бронзового века.

Несколько выше мы говорили о наличии непосредственной связи между орнаментом некоторых видов раскрашенной керамики из Анау и нарезными или штампованными орнаментами из стоянки Джанбас-Кала № 4. Эта связь еще более определенно наблюдается в культуре позднебронзового века Хорезма, где среди суярганской керамики особенно бросаются в глаза образцы лощеной керамики, окрашенные в оранжево-красный цвет.

В летние сезоны 1945 и 1946 гг. была вскрыта стоянка № 6, относящаяся к позднему бронзовому веку Хорезма.

Стоянка № 6 расположена в районе островных такыров в 5 *км* к юго-востоку от Джанбас-Кала, в 40—50 *м* к западу от старой дороги, на ее подъеме в сторону Суяргана. В настоящее время этот пункт представляет собой ровный такыр, окруженный со всех сторон материковыми песками. Он вытянут с востока на запад. Площадь его 63×43 *м*.

Признаки стоянки впервые были замечены в 1940 г. в виде выдува фрагментов керамики и золы темно-серого цвета. Они обнажались выступами из-под разрушенного такыра. Здесь северный край такыра несколько приподнят, что было связано с рельефом бархана, на котором лежит такыр со стоянкой. Ясно различаются два слоя такыра, между которыми находится стоянка. Одновременно с раскопками, в 1945 г. был заложен шурф на южной окраине этого такыра, что было вызвано необходимостью изучения процесса образования здесь наносного такыра и выявления глубины его залегания от крайних точек на севере до шурфа.

Шурфование дало нижеследующую стратиграфию:

1. На самом дне шурфа, на чистом аллювиальном песке серого цвета лежит плотная наносная глина — ил, мощностью в 10 *см*. По виду она характеризуется как длительные отложения бурного водного потока.

2. Плотные, слоистые такыровидные пласты, чередующиеся тонкими слоями песка или глины с песком мощностью в 20 *см*. Процесс образования этих наносов объясняется тем, что при периодичности происходящих затоплений данная площадь, благодаря своему высокому расположению, временно освободилась от воды и непрерывно бушующие ветры успели занести ее песками

3. Осадочная комковая глина мощностью в 20 *см*.

4. Аллювиальные пески, чередующиеся с прослойками глины в

10 *см;* при этом глина насыщена песком, что свидетельствует об одновременном действии воды и ветра.

5. Плотная осадочная слоистая глина мощностью в 24 *см.*

6. Комковатый такырный массив с небольшим содержанием желтого материкового песка с чистыми песчаными линзами внутри; мощность пласта достигает 65 *см.*

Как нам кажется, здесь кончается процесс образования древнего аллювия, так как комковатая структура такыра говорит о длительном гидрогеологическом процессе.

7. Такырная масса с большим содержанием материкового песка пронизана тоненькими прослойками осадочной глины и встречается в виде тонкого наноса между слоями глины, мощностью в 15 *см.*

8. Слоистая осадочная порода, характерная для всей дельти Аму-Дарьи, мощностью в 36 *см.*

Структура последних двух слоев, между которыми лежала стоянка, относится к речным наносам; стратиграфия шурфа, по всей вероятности, свидетельствует о том, что Суярган был значительным потоком, ибо иначе нельзя объяснить накопление такого количества речных наносов на громадном пространстве. Оно не может быть отнесено за счет разлива реки, растекающегося по удобным низинам, так как даже самый бурный разлив не мог бы донести подобного количества наносов на такое дальнее расстояние от предполагаемых истоков Суярган на Аккамыше до этих районов. В этой связи следовало бы обратить внимание на предположения некоторых геологов[24] и наблюдения местных скотоводов над рельефом, говорящие о выходе вод Аму-Дарьи по окраинам земель древнего орошения в обход Джанбаскалинского бугра к подножью хребта Султан-Уиз-дага.

Культурный слой стоянки № 6 состоит из серой илистой земли, смешанной с золою. Земля эта отличается большой плотностью и бесструктурностью, что характерно для пола жилья или рабочей площадки.

Культурный слой, или обжитая земля, начиная от средней части северного, развеянного края стоянки, становится все более насыщенным темной золой, обломками глиняных сосудов, обожженными костями млекопитающих и птиц. Вокруг очага наблюдается большое скопление золы и кухонных остатков. Очаг представляет собой две расположенные рядом прямоугольные с округленными углами ямы глубиной до 20 *см*, диаметром до 60—70 *см*. Тут, около очага, культурный слой весьма насыщен темной золой и достигает мощности до 22 *см;* чем дальше от очага в южном направлении, тем меньше золы, тем меньше толща и насыщенность культурного слоя. На шестом метре от очага зола исчезает совсем. При этом надо отметить, что мощность культурного слоя на северном участке стоянки представляет максимальную толщину в противоположность ее южной части. Стоянка № 6 расположена на такыре, повторяющем микрорельеф подстилающего бархана, который имеет крутой скат на севере и пологий на юге. Северный скат подвергается дефляции.

Граница стоянки определена, главным образом, не находками, а территорией распространения культурного слоя, насыщенного угольками, битой керамикой, гончарными шлаками. На территории жилища обнаружены остатки целой системы ям от столбов, поддерживавших

[24] А. Д. Архангельский, Указ. соч., раздел «О геологии юго-западных Кзыл-Кумов».

кровлю, числом 31. Это обстоятельство указывает на жилище типа шалаша, площадью 13×15 *м*. Керамика, найденная на стоянке, исключительно плоскодонная и представлена в богатом ассортименте.

Наряду со сравнительно грубыми типами сосудов, покрытыми главным образом елочным или другим геометрическим орнаментом, преобладающее количество сосудов относится к крашеной и лощеной керамике. Особенно выделяются тонкостенные сосуды с густой оранжево-красной окраской и тщательным лощением. Они представляют полную аналогию с соответствующими памятниками культуры Анау III. Если сопоставить керамику хорезмской бронзы с Анау III, то их можно в их главных чертах включить в одну и ту же культуру.

Эта культура, как было сказано выше, в основном исходит из кельтеминарской. При этом со всей ясностью прослеживается такая картина эволюции: в кельтеминарской культуре доминирующим типом изделий является довольно хрупкая керамика с штампованным или нарезным орнаментом при наличии зачатков крашеной керамики, сочетаемой с елочным орнаментом, характерным для преобладающего типа.

Образцы сочетания нарезного орнамента с окраской и лощением встречались и в стоянке № 6. В последней керамика с орнаментом уступает свое доминирующее положение типу крашеной лощеной керамики.

В стоянке № 6 металлические предметы, за исключением двух невыразительных фрагментов каких-то бронзовых изделий, совершенно отсутствуют. Однако это обстоятельство не может свидетельствовать о недостаточном внедрении металла, ибо самое отсутствие каменных и костяных орудий говорит о его широком распространении.

Надо отметить, что стоянка пострадала не от катастрофы, как мы это видели в стоянке № 4. Слабый культурный слой говорит о сезонном ее характере. По-видимому, обитатели, покинув стоянку, спокойно забрали все свои пожитки, за исключением битых сосудов. Они, конечно, захватили с собой и все свои орудия, среди которых, по-видимому, преобладали металлические, ценимые ими дороже всего.

На этой же стоянке был найден фрагмент каменной зернотерки, что свидетельствует о земледельческой культуре ее обитателей.

Наличие двух смежных очагов обращает на себя внимание в том отношении, что они могли быть подчинены общему принципу устройства жилищ этого периода. Например, прямоугольные полуземлянки № 1, 2, и 4 из Алексеевской стоянки Кустанайского района, как правило, имеют по два очага и изобилуют большими и малыми углублениями, использовавшимися, по мнению О. А. Граковой, как гнезда для столбов перекрытия и как хозяйственные ямы[25].

Уменьшение размера жилища и резкое сокращение числа очагов говорит, прежде всего, об изменениях внутри родовых организаций кельтеминарцев и о расселении их мелкими группами или отдельными патриархальными семьями. Это, безусловно, было вызвано новой хозяйственной обстановкой в условиях полуинтенсивного земледелия, сопровождавшегося пастушеским скотоводством.

Место и характер тазабагябской культуры Хорезма уже получили значительное освещение в последние годы в работах С. П. Толстова[26],

[25] Археологические исследования в РСФСР в 1934—36 гг., М.—Л., 1941, стр. 288—292.

[26] С. П. Толстов, Древности Верхнего Хорезма, ВДИ, 1941, № 1, он же, Древний Хорезм, стр. 60—71.

А. В. Збруевой[27] и А. Н. Бернштама[28]. Все эти авторы, после тщательного ознакомления с целым рядом памятников бронзового века Приволжья, Прикамья, Приуралья, Южной Сибири, Казахстана, Приаралья, Прикаспия[29], Ташкентского[30] и Ферганского[31] оазисов — пришли к заключению, что срубно-андроновская культура громадной степной зоны от Притяньшанья до Прикамья и Дона была, в основном, общей для большого количества племен и народов, перешедших к земледелию и скотоводству даже в различной местной физико-географической обстановке.

Однако мы не разделяем этого мнения, поскольку кельтеминарская культура на всех этапах ее развития проявляется в разновидностях не тазабагябской, а скорее суярганской культуры, тогда как тазабагябская культура со своим однообразным типом горшков и грубой каменной индустрией скорее может быть отнесена к культуре бродячих скотоводов и охотников, обитавших в районах разливов и зарослей, наряду с ранними земледельцами. Ареал передвижения этих племен мог быть весьма обширным.

Культура бронзового века Хорезма во II тысячелетии до н. э. по мере постепенного внедрения земледелия, по-видимому, стала связующим звеном между раннеземледельческой культурой прикопетдагской полосы и культурой степной бронзы. Земледельческая культура Прикопетдагья, так же как суярганская культура Хорезма, возникла из культуры неолита, основанной на охоте и рыболовстве. Каменная индустрия и грубая керамика с нарезным орнаментом в конечном счете предшествовали оседлой земледельческой культуре Прикопетдагья с ее крашеной керамикой, подтверждением чего служит то, что примитивное земледелие, как обычно, было связано с водой, поступавшей из Аму-Дарьи через постоянные протоки.

Следовательно, нам надлежит прежде всего проанализировать условия, способствовавшие возникновению такого земледелия.

3. О ЗОНАХ ПЕРВОБЫТНОГО ОРОШЕНИЯ

Искусственное орошение не только в Средней Азии, но и на всем Востоке, возникало при следующих физико-географических условиях:

1) в долинах предгорий, где плодородные оазисы были созданы аллювиальными наносами горных речек;

2) в поймах и дельтах больших равнинных рек.

В условиях предгорных оазисов (Южная Туркмения) конусные лиманы горных речек способствовали раннему развитию оседлого земледелия. В начале своей земледельческой практики первобытные обитатели этих районов опирались именно на такие природные условия. Наряду с продуктами охоты, они пользовались дарами природы естественно слагавшихся оазисов, вначале служивших им источником собирательства.

---

[27] А. В. Збруева, Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья, ВДИ, 1946, № 3.

[28] А. Н. Бернштам, Проблема истории Восточного Туркестана, ВДИ, 1947, № 2.

[29] R. Pumpelly, Exploration in Turkestan, Expedition of 1904, VI, Washington, 1908

[30] А. И. Тереножкин, Памятники материальной культуры на Ташкентском канале, Известия УзФАН СССР, 1940, № 9.

[31] Б. А. Латынин, Работа в районе проектируемой электростанции на р. Нарын в Фергане, Известия ГАИМК, вып. 110, Л., 1935.

Всходы диких видов хлебных злаков, выросших на аллювиальных наносах горных речек, не могли не привлечь к себе внимания первобытных обитателей Закаспия.

Почвовед и археолог Д. Д. Букинич за три года гидрологического и археологического обследования предгорий Копет-дага во всех подробностях изучил природу Закаспийских лиманов и осветил те условия, при которых земледельческая культура могла получить такое раннее развитие.

Отличая плоский рельеф лиманных площадок, удобный для устройства на них полей, упомянутый исследователь пишет, что первобытному земледельцу оставалось устроить только небольшой валик по окраине поля для удержания на некоторое время воды. Д. Д. Букинич считает, что именно этот «лиманный способ орошения и был прототипом всей современной ирригации»[32]. Вывод Д. Д. Букинича правилен, в особенности в условиях предгорий Копет-дага. Постепенное развитие земледелия заставило прибегнуть и к созданию искусственных лиманов.

Переход к земледелию привел людей к организованной борьбе за освоение новых, удобных водных рубежей и за создание дополнительных, более интенсивных приемов труда. Увеличение общин земледельцев отнюдь не вызвало, как думал Д. Д. Букинич, переселения их в Месопотамию[33], а привело к тесному объединению их для борьбы за освоение более крупных земельных участков, за создание больших лиманных валов (марзе), за искусственное затопление значительных участков путем регулирования боковых дельтовидных, затухающих протоков таких горных рек, как Теджен, Мургаб и др. Так постепенно первобытное земледелие дошло до создания искусственных каналов. Теперь этот путь кажется нам обязательным и закономерным для первобытных земледельческих народов целого ряда стран и народов, обитавших в подобных естественно-географических условиях; но в то время, когда писал свои труды Д. Д. Букинич, в Фергане не были еще произведены археологические исследования. Отсюда и его предположение, что «в Фергану люди пришли во время расцвета ирригационного искусства»[34].

Археологические исследования, произведенные Б. А. Латыниным в 1933-34 гг. в Кызыл-Ярской предгорной степи в районе станций Хаккулабад и Кугай (Фергана), показали, что и там, до возникновения ирригационных каналов, первобытные земледельческие поселения возникли, можно сказать, в аналогичных условиях[35].

Хотя предгорья у выносов горных рек и ручьев Южного Узбекистана и других районов Средней Азии не подвергались еще систематическим исследованиям, однако и тут мы наблюдаем оседлое земледелие с памятниками бронзового века, связанное, так же как и в предгорьях Копет-дага, с искусственными обвалованиями полосы силевых потоков.

В некоторых горных районах имеются намеки на примитивные водохранилища, до некоторой степени аналогичные «танкам» горного Индостана[36].

Здесь позволительно кратко остановиться на способах орошаемого земледелия по северному склону Нуратинского хребта.

---

[32] Д. Д. Букинич, История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства, ж. «Хлопковое дело», 1924, № 3—4, стр. 110.

[33] Там же, стр. 128—133.

[34] Д. Д. Букинич, Указ. соч., стр. 122.

[35] Б. А. Латынин, Работа в районе проектируемой электростанции на р. Нарыне в Фергане, Известия ГАИМК, вып. 110, Л., 1935

[36] Б. К. Лодыгин, Ирригация Индии, 1924, стр. 17.

В одном из докладов, сделанных в 1947 г.[37], мы высказали предположение о возможности возникновения и развития здесь орошаемого земледелия тем же путем, как мы наблюдали в предгорьях Копет-дага. Маршрутной разведкой по всему северному склону хребта, произведенной летом 1948 г. Нуратинским отрядом Узбекско-Зеравшанской археологической экспедиции под руководством автора, это предположение полностью было подтверждено.

Нуратинский хребет тянется с востока на запад; северный склон его обращен к пустыне Кызылкум. Параллельно восточной части Нуратинского хребта одна за другой тянутся узкие и невысокие горные цепи— сначала Пистали-даг, а затем Паст-даг, в которые упирается пологая равнина, идущая на север от Нуратинского хребта на расстоянии около 15 *км*. Сам Нуратинский хребет высок, скалист и изобилует длинными ущельями, открывающимися в сторону Кызылкумов. В глубине каждого из этих ущелий протекает образующийся из множества родников небольшой сай (ручей). По выходе из ущелья воды сая теряются на равнине. Весной, во время дождей и таяния снегов саи превращаются в бурные и мутные реки. Саи восточного сектора хребта, по выходе из ущелий стремительно направляются к подножиям Пистали-дага и Паст-дага. По выходе из гор сай сначала течет широким и бурным потоком среди больших и мелких каменных глыб, вынесенных им из ущелий и часто загромождающих его русло. Таким образом, большая полоса длиной около 5 *км*, шириной в 1—2 *км* сплошь покрыта этими камнями и потому носит название «Санглах». В дальнейшем уклон местности постепенно уменьшается, русло сая делается все более мелким и течение приобретает характер широкого разлива. Здесь оно оставляет несомую им гальку и песок, а глину (муть) доносит до подножий Пистали-дага и Паст-дага. Словом, обе эти горные цепи служат водам сая как бы естественным поперечным валом. Весь ил осаждается здесь, и потому местность всюду носит одно и то же название «Лайк» (ил). Ввиду значительной примеси в иле песка, что позволяет воде проникать на значительную глубину, посев производится после первой вспашки.

Первоначально посев, по-видимому, производился прямо в жидкий ил, природу которого местные земледельцы затем очень хорошо освоили. В период появления колосьев, посев, независимо от возможного выпадения летнего дождя, обязательно получает искусственный полив, ибо это имеет решающее значение для повышения урожайности. Для полива используют воды сая. Почти всюду внутри самих ущелий в глубокой древности были созданы небольшие водохранилища, в которых вода в течение суток собирается и в установленном порядке поочередно пускается на поля. Несмотря на большие расстояния между ущельями и «лайками» каждого сая, воды, пропускаемые через водохранилища, достигают полей во все сезоны года, что позволяет выращивать пшеницу, ячмень, просо, кунжут, дыни и т. п.

Отсутствие постоянных земледельческих поселений на этих лайках объясняется прежде всего, природными и стратегическими удобствами самих ущелий внутри Нуратинского хребта, вполне защищенных от сильных ветров, дующих со стороны Кызылкумов, почему там теплее, чем на открытой равнине. Верховья ущелий изобилуют грецкими орехами, мин-

[37] Я. Г. Гулямов, К истории возникновения ирригации в низовьях Аму-Дарьи по археологическим данным, Сборник материалов научной сессии АН УзССР, Ташкент, 1947.

далем, а оба склона вдоль сая покрыты виноградниками. Постоянное действие родникового сая вполне обеспечивало водой и жителей и их скот. Вход в каждое из этих ущелий был защищен еще в античную эпоху специальным укреплением против возможных набегов извне. Особую опасность представляла непосредственная близость степных кочевников. Поэтому жители всего района, не расставаясь с удобным для жилья ущельем, вели широкое земледельческое хозяйство на лайках саев Нурак, Осман, Кульба, Учма, Ухум, Фариш, Моджрум, Сиштаб, Саф, Катта Хидж, Темур Кабук и др.

Устройство внутриущельных водохранилищ—«хаузов», которыми население пользуется и до сих пор, простое. На горном склоне одного из берегов сая выбирается удобная площадка размером в среднем 60×40 *м* и обкладывается с трех сторон барьерами из каменных глыб. Сторона, где уклон вниз меньше, представляет барьер высотой около 2 *м* и толщиной в среднем 1,5—2 *м*. Противоположная сторона, поскольку она находится на склоне, не имеет барьера. Остальные стороны хауза сооружаются соответственно уклону местности. Водохранилища устроены с таким расчетом, чтобы воды саев выше водохранилища стекали в него. Водохранилище имеет только один впуск в наиболее верхней точке, а сток, в виде небольшого отверстия, откуда обычно выпускается только часть воды, расположен в нижней части противоположного барьера, обращенного вниз по течению сая. Единственным механизмом регулирования стока воды из водохранилища служит трехметровой шест, к нижнему концу которого прикреплен кусок мешковины, ватного халата и т. п. Чтобы закрыть водохранилище, отверстие затыкают этой мешковиной, после чего шест торчит над барьером в вертикальном положении. При спуске воды человек, стоящий на барьере, выдергивает шест с мешковиной и вода из хауза стекает в течение 4—5 часов, после чего отверстие закрывается до следующего дня. Очередность водопользования на полях установлена по бригадам, причем устройство хауза позволяет использовать воду весьма экономно.

Наряду с такими небольшими водохранилищами, около 1000 лет тому назад было сооружено грандиозное для тех времен Османское водохранилище. Османсай отличается большой мощностью; его бурные весенние потоки, прорезая Паст-даг против сел. Янгикишлак, выходят на равнину у границ Кызылкумов.

Поскольку основная масса плодородного ила сконцентрировалась в далекой от ущелья равнине Кал-тепе, до которой не доходили родниковые воды, то в X в. при саманидах решено было устроить водохранилище для обеспечения регулярной подачи воды. Ущелье в Паст-даге, через которое протекал Османсай, было весьма удобно для устройства плотины. Небольшое ущелье, достигающее в самом начале в ширину 260 *м* все более суживается; затем на протяжении 420 *м* оно стиснуто между отвесными скалами, и его ширина всего немного превышает 50 *м*. Здесь сай был перегражден весьма мощной плотиной из тесаных камней, скрепленных на алебастровом растворе с особой водоустойчивой примесью. Высота плотины 16 *м*, толщина: в основании 8—10 *м*, а наверху— 2,3 *м*, причем задняя сторона почти отвесна и в двух местах усилена полуконическими устоями, которые придают ей архитектурную декоративность. Плотина снабжена десятью отверстиями, из которых сохранилось девять; каждое из отверстий имеет форму стрельчатой арки высотой в 60 *см* и шириной в 50 *см*. Отверстия весьма тщательно выложены тесаным камнем. Расположение отверстий довольно сложное и требует небольшого разъяснения. Плотина, как отмечено выше, построена в самом узком месте, где с обеих сторон

выступают громадные монолиты серого гранита, из которых под большим наклоном выдается вперед в особенности западный. Поэтому пролет основания плотины значительно меньше верхнего пролета, который достигает по верху 51 *м*, а спусковые отверстия расположены почти по диагонали и параллельно уклону западного монолита. Здесь сказывается мудрый инженерный расчет строителя; вода, вытекающая из любого отверстия водохранилища, под большим напором попадает сперва на этот монолит и оттуда стекает в небольшую канаву, идущую вдоль сухого русла сая. Канавы идут по обеим его сторонам; по ширине они не больше двух метров и расположены значительно выше уровня сухого сая. В западную канаву вода попадает легко; что же касается второй, восточной канавы, то для того, чтобы пропустить воду через сухое русло сая, потребовалось устройство специальной площадки, сложенной из того же материала и тем же способом, как и сама плотина. Это ирригационное сооружение подавало воду на урочище Кал-тепе, расположенное в 4 *км* к северо-западу от плотины. Здесь, на большой равнине, простирающейся от северного склона Паст-дага до границы Кызылкумов, расположен небольшой квадратный бугор Кал-тепе размером 50×50 *м*[38], представляющий собою искусственное сооружение. Бугор этот состоит из четырех мощных, оплывших стен, сохранившихся до высоты 2—2,5 *м*. По углам и в середине каждой из стен были мощные круглые башни. Около юго-восточной башни был единственный укрепленный вход. За стенами был ров, а за ним раскинуто большое, незащищенное селение со следами зданий. По подъемному материалу, состоящему главным образом из поливной и неполивной керамики, и по типу фортификации самой Кал-тепе, время существования поселения может быть приурочено к X—XII вв. н. э. Сам бугор Кал-тепе как по величине, внутренней планировке и фортификации, так и по своему стратегическому положению относится к типу средневековых рабатов, расположенных на больших караванных путях Средней Азии. И действительно, мимо Кал-тепе проходила старая большая дорога, соединявшая Бухару с районом Исфиджаба в Казахстане.

По этой дороге, почти на равных расстояниях друг от друга, расположены другие рабаты: Ата-Курган, Кара-тепе, Темур-Кабук и др. Нам думается, что поселение вокруг Кал-тепе возникло на базе хорошо укрепленного рабата и необходимости регулирования водоснабжения через Османсайское водохранилище. Район Кал-тепе, представлявший ранее орошенную, плодородную землю, ныне зарос верблюжьей колючкой. Такой же процесс запустения наблюдается и вокруг других вышеупомянутых средневековых рабатов.

Время сооружения плотины датируется нами, во-первых, временем оживленной жизни на урочище Кал-тепе, безусловно связанным с сооружением рабата, во-вторых, обломками посуды, разбросанными около плотины.

Водохранилище в настоящее время до верху наполнено наносами Османсая. Пустота внутри прохода отверстий говорит о том, что они были закрыты раньше, чем начался процесс затягивания илом. Таким образом, бывшая плотина водохранилища теперь представляет собой шестнадцатиметровый крутой порог в прекрасной сохранности. Местное население называет плотину «Хан-банди» (Плотина хана) и приписывает постройку ее

[38] Кал-тепе носит такое название («плешивый бугор») потому, что поверхность его лишена растительности.

Шейбанниду Абдулла-хану (1575—1593 гг.). Это, однако, неверно: плотина была сооружена более чем за 600 лет до Абдулла-хана.

В 3—4 *км* западнее «Хан-банди» цепь гор Паст-даг кончается и «лайки» саев Учма, Ухум, Фариш, Маджрум, Синтаб, Саф, Катта-Хидж, Темур-Кабук и др. беспрепятственно простираются до границ Кызылкумов. Искусственное орошение этих «лайков» осуществляется водохранилищами разных размеров, расположенными внутри названных ущелий.

Условия внутри этих ущелий, как уже отмечалось выше, были весьма благоприятными для обитания первобытного человека. Пока в верховьях Синтабсая нами обнаружена лишь стоянка человека эпохи ранней бронзы и там же—пещеры со следами обитания первобытного человека; однако точно датировать их без раскопок трудно.

Второй, более обширной физико-географической зоной, способствовавшей первобытному земледелию, явились районы разлива больших равнинных рек, их основные дельтовые протоки. Наряду с обеспечением жизни охотников и рыболовов, эти разливы создавали прекрасные условия для возникновения и развития хозяйства первобытных земледельцев[39]. К такой зоне могут быть отнесены долина Нила, нижняя часть бассейнов Тигра и Евфрата, низовья Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи, Зеравшана и др.

Разливы основного русла Аму-Дарьи непосредственно на ее побережьях, несмотря на их высокое потенциальное плодородие, не могут быть использованы для земледелия. Это связано, с одной стороны, со слабостью береговых грунтов, не допускающих устройства дамб для сохранения воды после разлива, с другой стороны, с динамикой водного режима Аму-Дарьи, также лишающей земледельцев возможности уверенного использования зоны разливов. Летние паводки в реке начинаются в апреле-мае; наиболее сильные разливы происходят в июне; весь период паводков кончается в начале сентября[40]. На каирах — низменных полосах, расположенных вдоль реки, ее протоков и по верховьям искусственных каналов, — невозможно культивировать зерновые по следующим причинам: если на тех участках каира, куда не доходят летние разливы, еще и можно было бы рассчитывать на подпочвенную влагу, то с наступлением жары во второй половине мая эта влага уже становится недостаточной; под влиянием палящих лучей солнца она испаряется из того верхнего слоя каирной земли, который питает поверхностно лежащие корни пшеницы, ячменя и других злаков, и они погибают, не успев заколоситься. Поэтому на каирных землях удобнее всего культивировать дыню, тыкву и другие бахчевые растения, поскольку они обладают сравнительно глубокими корнями.

Население Хорезма издавна ищет для посева зерновых низкие места в старых руслах рек или высохших озер, где уровень грунтовых вод сравнительно высок.

Посев зерновых на каирах, которые затопляются при разливах, невозможен потому, что после разлива от посева ничего не остается; поэтому и поселения и посевы хорезмийцев расположены в некотором отдалении от побережья основного русла реки. Береговая же полоса реки всюду покрыта песками, тугаями и камышевыми зарослями.

Бассейн низовьев Аму-Дарьи является наиболее исследованным среди равнинных рек Средней Азии. Благодаря большим археологическим работам, произведенным за последние годы, мы располагаем убедительными данными, чтобы утверждать, что первобытная культура хорезмийцев, в том числе и земледельческая, возникла не по основному руслу реки, а на

[39] В. В. Струве, История Древнего Востока, 1941, стр. 49 и 56, а также В. А. Авдиев, История древнего Востока, 1948, стр. 39.

[40] В. В. Цинзерлинг, Указ. соч., стр. 111—112.

бассейнах ее боковых протоков, заходивших далеко в зоны двух великих пустынь—Каракумов и Кызылкумов. Один из доисторических протоков на правобережье Аму-Дарьи, который упоминается у Бируни под названием «Фахми»[41], соответствовал по всем признакам древнему руслу современного Суяргана, другой, известный сейчас под названием Даудан, протекал в сторону Сарыкамышской впадины и, по-видимому, обеспечивал развитие древней культуры Хорезма в районе Чермен-Яба к югу от Сарыкамыша.

Каждый из этих протоков по своему расположению и значению напоминает древний проток Нила — Бахры-Юсуф, связанный с первобытной культурой Фаюма в западной части дельты Нила[42].

Рельеф долины Аму-Дарьи не создавал условий для устройства здесь каких-нибудь водохранилищ, как это имело место в Египте, Индии и других странах. Земледелие в доисторический период развивалось здесь на базе разливов в бассейнах боковых протоков, а в исторический период поддерживалось исключительно водами больших паводковых каналов.

Древний Джанбаскалинский район низовьев Аму-Дарьи можно сравнить с бассейном протока Бахры-Юсуф, связанного с древнейшими культурами Фаюма и Мемфиса или же низовьями Двуречья, особенно Евфрата, разливы которых, наравне с лиманами предгорий Копет-дага, безусловно считаются районами более раннего возникновения первобытного орошаемого земледелия, чем Хорезм.

В каждом из этих районов орошаемое земледелие развивалось после охоты и собирательства, путем освоения естественных водных рубежей для возрастающих хозяйственных нужд; общинники отводили разливы рек и их боковые протоки на ближайшие удобные участки и в процессе их освоения постигали тайны искусственного орошения.

Такой же путь развития к регулярной ирригационной системе пройден и древними хорезмийцами. Для того чтобы внести ясность в представление об этом длительном историческом процессе, необходимо, наряду с достаточным освещением его археологическими исследованиями, рассмотреть некоторые способы примитивного орошаемого земледелия, дожившие почти до наших дней в дельтах Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи, Волги и в бассейнах ряда рек на территории Казахстана.

В XIII в., в связи с поворотом русла Аму-Дарьи от Арала к Сарыкамышу, целая система впадин по восточным чинкам Устюрта совершенно лишилась воды. Жители Арала с XVI в. стали искусственно затоплять эти впадины и засевать их исключительно пшеницей. Местность носила название «Куйгун»[43]. В 1602 г. хан Хорезма Араб Мухаммед восстановил водоснабжение в Куйгуне, для чего подвел к нему из Аму-Дарьи специальный канал[44]. Голову канала открывали в июле месяце, когда заканчивалась жатва, и до сентября Куйгун представлял собой пресноводное озеро. Там накоплялось большое количество плодородного наноса и земля насыщалась водою. В сентябре голову канала закрывали, о чем население оповещали глашатаи на базарах, возглашая: «Кулнинг сувин богладалар» («прекращен доступ воды в озеро»). Оседлые и кочевые жители Арала начинали постепенно съезжаться, чтобы, по мере высыхания озера, засевать зерно прямо в жидкий ил на отведенных каждому участках; урожай собирался следующим летом. Среди посевов возвышалась целая система

---

[41] Бируни, Указ. соч., ВДИ, 1941, № 1, стр. 193.

[42] М. Н. Ермолаев, Современное орошение и хлопководство Египта, СПб., 1910, стр. 101; W. Willcocks, The Nile in 1904, London, 1904, табл. XV.

[43] Куйгун (قويغون) —узбекский термин, означает «место сброса».

[44] Абулгази, شجرهٔ ترک стр. 280.

«дингов» (башен). Каждая из них представляла собою фундаментальное сооружение—сторожевую башню с бойницами. Во время полевых работ, главным образом во время жатвы, с них постоянно наблюдали за окрестностями и сигнализировали о приближении опасности. После сбора урожая все участники работ разъезжались по своим местам и большинство продолжало вести свое скотоводческое хозяйство[45]. Местность же пустовала до следующего года. Тем же образом использовалась территория Даукаринского озера[46], Аккуля[47] и низовьев канала Шахабад.

Такого же рода этнографические факты приводит академик В. В. Струве в подтверждение своих предположений о путях возникновения и развития земледельческого хозяйства Египта эпохи неолита[48].

Этот способ представляет точную аналогию способа «лоя сапма»[49], принятого у туркмен долины Сумбара и у жителей дельты Аму-Дарьи.

Казахи, живущие в дельте Сыр-Дарьи, выводят небольшие арыки из протоков и затопляют удобные для посева участки. Эта система, иногда сопровождающаяся искусственным обвалованием, носит у казахов название «суолна» (водосбор)[50]. Последний вид системы «суолна» широко применялся в устьях Яна-Дарьи и Куван-Дарьи жившими там в XVIII в.[51] каракалпаками, а также татарами в дельте Волги.

Этот способ в основном ничем не отличается от «саумов»[52] (лиманный способ орошения) в районах Копет-дага, Курган-дага и Сумбара. Этот первобытный способ орошения весьма живуч в тех местах, где удобные водные рубежи допускают затопление участков без большой затраты организованного труда, главным образом для посева зерновых культур.

Теперь мы можем с некоторой ясностью представить себе условия возникновения и развития земледелия в эпоху бронзы, следы которого обнаружены в районе Джанбас-Кала.

Условия возникновения и развития доисторических памятников этого района мы ориентировочно связываем с деятельностью предполагаемого древнего протока на месте нынешнего Суяргана и в районах древних разливов вдоль длинных уйев, прорезывающих земли древнего орошения. Эти так называемые «длинные уйи»—древние гряды, которые, наподобие раздвинутых пальцев руки отходят от Турткульшаббазских оазисов и тянутся на север по направлению к Султан-Уиз-дагу и к его восточным отрогам, представляющим собой поперечный барьер перед ними[53].

Начало каждого из этих уйев в настоящее время представляет собой

---

[45] Установлено автором путем опроса местного населения во время разведок Хорезмской археологической экспедиции 1946 г.

[46] Баяни, شجرهٔ حوارزمشاهی, л. 204.

[47] Мунис-Агехи, فردوس الاقبال, ркп, № 156, л. 189.

[48] После наводнений и ливней земледельцы Хаденфа (Нубия) бросали просо во влажный ил, а после жатвы они переселялись в предгорья, где занимались скотоводством (В. В. Струве, История древнего Востока, М., 1941, стр. 49).

[49] Г. В. Григорьев, К вопросу о центрах происхождения культурных растений, Известия ГАИМК, т. XIII, вып. 9, 1932.

[50] Сообщение А. Н. Аскоченского в выступлении по докладу автора «К вопросу о возникновении и развитии ирригации в низовьях Аму-Дарьи по археологическим данным», 11/VI 1947 г.

[51] Из материалов Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции: 1947 и 1948 гг.

[52] Г. В. Григорьев, К вопросу о центрах происхождения культурных растений, Известия ГАИМК, т. XIII, вып. 9, 1932.

[53] См. карту низовьев Аму-Дарьи; десятиверстка, составленная в 1905 г., изд. в Ташкенте в 1933 г.

сбросовое озеро на концах действующих каналов системы Пахта-Арна. На севере уйи покрыты цепью тяжелых эоловых барханов; на дне уйев часто обнажается наполняющий их крупнозернистый речной песок серостального цвета. Местами ширина уйев достигает 2—3 км.

В период образования такырных полос эти «уйи» представляли собой песчаные островки, в промежутки между которыми проникали разливы, образовывались озера, такыры и такыровидные корки; на них-то впоследствии и зародилась культура. При изменении режима ветров песчаные бугры стали выдуваться с подветренной, т. е. северной стороны, и теперь их вогнутая сторона обращена на север, тогда как ранее туда была обращена вершина бугра (бархана). Таким образом, современный рельф является негативным отображением древнего барханного рельефа. Часто между слоями разрушающихся такыров, около полосы уйев попадаются памятники бронзового века. Это обстоятельство опять-таки говорит в пользу того, что первобытные земледельцы, ради использования паводковой воды, расселялись на окраинах разливов. Бурнодействующий Суярган и его разливы, занимавшие полосы между буграми, помогали первобытным земледельцам в примитивном затоплении посевных участков. Ландшафт этого низменного оазиса, где туги и камышевые болота чередовались с вклинившимися в них песчаными островами, напоминает ландшафт низовьев Двуречья[54] и долины Нила[55], ставших в ту пору крупными мировыми центрами орошаемого земледелия.

В долине Нила в глубокой древности для примитивного земледелия использовались разливы реки и ее протоков. Регулирование этих разливов происходило в меру технических возможностей земледельцев, поскольку тогда человек не умел еще бороться с заболачиванием больших территорий. Только в эпоху Среднего царства стали прибегать к устройству плотин и созданию искусственных каналов для затопления полей. Для этого поля ограждали валами и затопляли их поочередно. Между этими своего рода лиманами устраивали шлюзы, постепенно пропускавшие воду из одного лимана в другой. Этот примитивный способ орошения впоследствии оказался невыгодным, во-первых, из-за того, что владельцы верхних лиманных участков не соблюдали правил очередности, что вызывало постоянные возмущения среди земледельцев на низовых участках. Во-вторых, плодородный ил осаждался в лиманах верхних участков, а низовые постоянно лишались этого необходимого естественного удобрения, что вызвало в дальнейшем переход к так называемой улучшенной бассейновой системе: от реки выводилась целая система каналов, от которых каждый земельный участок мог самостоятельно получить орошение. Это напоминает систему лиманов с большими обвалованиями в низовьях Яна-Дарьи на территории Даукары и в низовьях ряда рек Аралокаспийского бассейна. Система обвалования лиманных участков ничем не отличается от использования под посевы естественных впадин; последнее на наш взгляд кажется лишь более древним способом.

Во всем Хорезме большие лиманы, где производятся грандиозные посевы, называются «куль», т. е. терминологически не делается различия между лиманом и озером. И сейчас в Хорезме при развитом состоянии земледелия малые единицы посевных участков называются «кульча» (кульча, т. е. озерца, лиманчики). Перед посевом эти малые посевные участки

[54] В. А. Авдиев, История древнего Востока, М., 1948, стр. 39.

[55] В. В. Струве, История древнего Востока, М., 1941, стр. 49, 56, 143 (о Египте); Г. Масперо, Египет, М., 1916, стр. 223; Лурье и др., Очерки по истории техники древнего Востока, стр. 10—16.

обваловывают и затопляют водой. Валики вокруг лиманов носят название «чель».

Микрорельеф Джанбаскалинского района, по-видимому, позволял первобытным земледельцам свободно пользоваться последним способом.

Все данные археологических раскопок стоянки № 6 показали, что первобытные хорезмийцы, перешедшие к примитивному земледелию и скотоводству, в течение летнего сезона жили большими семейными группами в шалашах. Это обстоятельство свидетельствует о подвижном характере хозяйства и поселения.

Непостоянный характер разливов, всецело зависящий от общего режима Аму-Дарьи, ничем не гарантировал труд земледельца. Этим объясняется невозможность ведения здесь другого вида хозяйства, кроме передвижного. Поэтому в Хорезме не встречаются памятники первобытных земледельческих поселений постоянного типа.

Постоянный водный режим районов Копет-дага, Сумбара и предгорной Кызылярской степи в Восточной Фергане обусловил устойчивое оседлое земледелие и привел к возникновению очень ранних, постоянных земледельческих поселений типа курганов Анау в Южной Туркмении и ранних слоев тепе в Восточной Фергане.

Образ жизни ряда узбекских и каракалпакских племен в условиях нижней дельты Аму-Дарьи в XIX в. проливает некоторый свет на долгий путь исторического развития орошаемого земледелия на всей территории Хорезмского оазиса.

Кроме описаний ряда современников[50], нам известны и рассказы потомков указанных племен о событиях недавнего прошлого. По этим рассказам, племена небольшими группами (в несколько семей) откочевывали в начале лета с места зимовки и поселялись около разливающихся летом протоков или на самых низовьях искусственных паводковых каналов. При этом обязательно предусматривалось, чтобы с одной стороны, им были обеспечены посевы пшеницы, ячменя, проса, риса и дынь, а с другой — корм для скота. Для последнего в большинстве случаев использовались сбросовые озера или болота с камышом вблизи от посевов. Осенью, после сбора урожая, те же группы откочевывали в глубь камышевых зарослей. Они ограждали их от суровых зимних ветров, от которых в первую очередь страдал скот. Скот мог пастись целую зиму в камышах, а люди были вдоволь обеспечены необходимым топливом.

За исключением низовых участков паводковых каналов, ни один пункт не гарантировал им хоть сколько-нибудь постоянных условий для земледелия или даже для пастушеского скотоводства. Часто бывали сезоны, когда земледельцы из-за перемещения протоков дельты и резкого изменения режима разливов, не имели возможности засевать прежние участки. Тогда наступало настоящее бедствие; приходилось довольствоваться только продуктами весьма ограниченного скотоводства. В таких случаях группа откочевывала в следующем году на более надежные места.

В XIX в. в социально-экономических и культурных условиях феодализма это передвижение происходит совершенно отличным путем, чем у первобытных земледельцев. Но с внешней стороны картина жизни некоторых каракалпакских и узбекских племен воспроизводит в какой-то мере предполагаемый быт первобытных земледельцев бронзового века.

Таким образом, памятники развеянных стоянок, данные археологических раскопок, несмотря на свою скудость, дают ориентировочную картину образа жизни первобытных обитателей Джанбаскалинского района.

---

[50] А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, СПб., 1873, стр. 544.

4. «ПИЩА БЕДНЫХ»

Наряду с первобытным орошаемым земледелием, в бассейне Аму-Дарьи, и особенно в Хорезме, так же как и в бассейнах других среднеазиатских рек, издревле существовало так называемое каирное земледелие. Каирами, как мы говорили выше, называются низменные полосы, расположенные вдоль реки, ее протоков и по верховьям искусственных каналов, обеспеченные высоким уровнем подпочвенной воды, что способствует разведению на них бахчевых культур. Каирные дыни в бассейне Аму-Дарьи от Чарджоуского оазиса до Аральского моря отличаются сладким вкусом, ароматом и высокими питательными качествами. Хорезмийская каирная дыня славилась в глубокой древности даже в отдаленных странах. В специальных обертках из свинцовой бумаги эти дыни вывозились в Багдад, во дворцы арабских халифов[57].

Казахи в низовьях Сыр-Дарьи, узбеки и каракалпаки в низовьях Аму-Дарьи считают дыню и тыкву своей обычной пищей; поэтому, уходя в далекий путь, собираясь на общественные работы, они стараются захватить с собой побольше дынь[58].

Широкое распространение в районе г. Кунграда каирного бахчеводства способствовало созданию интересной легенды, отражающей подлинное историческое событие.

Хивинский хан, осадив Кунград в начале XIX в., уничтожил все посевы кунградцев и предложил им сдаться, указывая на совершенную безнадежность их положения, на что от осажденных последовал лаконичный ответ[59]:

«Три месяца — дыня, три месяца — молоко,
Три месяца — тыква, три месяца — рыба»[60].

Иными словами, они указывали на возможность выдержать осаду в течение целого года без посевов, имея тот минимум продуктов, который в Хорезме называют «пищей бедных».

Каждый, кто хоть немного знаком с природой каира, безусловно поймет обоснованность этого заявления осажденных кунградцев.

Наличие реки обеспечивало широкое развитие рыбной ловли. Благодаря экстенсивному характеру условий каирного земледелия, бахчевое хозяйство получило очень раннее развитие.

В настоящее время хорезмиец приходит на каирные земли в начале лета, делает небольшие ямки, бросает в них семена дыни и уходит. К концу лета он возвращается, устраивает себе небольшой шалаш, карауллит зреющие дыни от озорства каючников и одновременно занимается рыбной ловлей. Таким образом, дыни созревают без особой затраты труда.

---

[57] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 247. Ибн-Батута, посетивший Хорезм в 1333 г., в своем труде посвящает хорезмским дыням специальный раздел. Будучи в Индии, Ибн-Батута выразил свое восхищение хорезмскими дынями и через некоторое время правитель Индии подарил путешественнику сушеные дыни, выписанные из Хорезма. (см. Ибн-Батута تحفة النظار في غرائب الامصار و عجائب الاسفار Стамбул, 1915, стр. 410).

[58] Свежая дыня, по утверждению хорезмийцев, вполне заменяет пищу и надолго утоляет жажду. На последнее свойство бахчевых культур обратил внимание А. В. Каульбарс, исследовавший дельту Аму-Дарьи в 1873 г. (см. А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, стр. 538).

[59] Эта осада хорошо известна по сочинениям хивинских историков Мунис, Агехи, Баяни и других.

[60] Уч-ой ковуним, уч-ой совуним (совун—молоко) уч-ой ковогим, уч-ой чабогим (чабок—килька) (записано мною в г. Кунграде в 1946 г.).

У хорезмцев, жителей городов и других населенных пунктов, существует обычай выезжать на прогулку по реке («дарьё кидришмаси»). Взяв с собой хлеб, масло и чай, несколько человек поселяются у хозяина шалаша, который по обычаю угощал их безвозмездно. В течение нескольких недель гости питаются здесь дынями и жареной рыбой. «Побывать на реке, полакомиться каирной дыней и жареной рыбой» — мечта каждого горожанина.

Как уже излагалось выше, в неолитическую эпоху рыболовство занимало чуть ли не первое место в хозяйственном быту хорезмийца. Впоследствии оно несколько отошло на задний план, но в условиях каирного земледелия по традиции сохраняло свое ведущее положение. Недаром в Иране и Хорасане в раннем средневековье хорезмийцев называли «Махи хур хорезми» (хорезмиец-рыбоед)[61]. Помимо продуктов скотоводства, дыня, рыба, тыква и дикая джида в течение тысячелетий играли значительную роль в жизни хорезмийцев, находящихся в окружении великих пустынь, изолировавших их от других областей, и они не без основания утверждают, что «голод бежит от хорезмийца, как только поспеет дыня: бежит он также от жителей верховий Аму-Дарьи, как только поспеет тут.»[62] И действительно, на юге Средней Азии и в Афганистане широко распространена поговорка «тут пишди, ют кочти», — поспел тут, убежал ют (голод).

«Пища бедных» представляла собой тот минимум продуктов, связанный с первой стадией хорезмийского кочевого земледельческо-скотоводческого хозяйства, который и составлял основной пищевой рацион древних обитателей Хорезма.

Постепенный переход к более интенсивному способу земледелия на базе лиманного орошения освободил первобытных земледельцев от блуждания по узким и неустойчивым каирным полосам, от скитаний за пасущимся около каиров скотом и т. д. и сделал более устойчивым их весьма ограниченное благополучие.

---

[61] Абу-Тахир Тартуси, جنگنامهٔ امیر ابومسلم صاحبقران, Ташкент, 1910.

[62] Тутовая ягода.

Глава III

РАННИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ХОРЕЗМЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСКУССТВЕННЫХ КАНАЛОВ

1. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА. ПЕРЕХОД К МАГИСТРАЛЬНЫМ КАНАЛАМ

Описывая в предыдущей главе стоянку № 6, мы констатировали, что она подверглась затоплению и что над нею образовалась вторичная такыровидная корка из аллювиального серозема. На этом втором слое обнаружены фрагменты керамики, зернотерок и пр. Керамический материал вторичной стоянки может быть охарактеризован как следующий этап в развитии первобытной культуры по отношению к стоянке № 6. Керамические изделия «надтакырной» культуры в основном сохраняют облик, характерный для стоянки № 6. Однако наблюдается улучшение качества обжига, некоторая грубость теста, схематизация штрихового и нарезного орнамента и в особенности исчезновение краснолощеной и вообще лощеной керамики типа Анау.

Этими признаками надтакырная культура отличается от соответствующих типов тазабагябской и суярганской культур. Штриховой и нарезной орнамент на поверхности сосудов своей схематичностью представляет точную аналогию с соответствующими типами керамики культуры конца Анау III и Анау IV. Орнамент, главным образом, елочный, стенки округловыпуклые, дно исключительно плоское. При этом край дна выдается наружу резче, чем у тазабагябской керамики. Параллельно встречаются сосуды с прямыми низкими или резко отогнутыми венчиками. Вообще в эту эпоху создаются прототипы сосудов раннеантичного Хорезма.

Эта культура распространена по всей территории земель древнего орошения и носит название амирабадской[1].

К юго-востоку от Джанбас-Кала памятники амирабадской культуры широкой полосой лежат на поверхности аллювиальных такыровидных суглинков.

Изучение памятников амирабадской культуры позволяет проследить ее развитие, начиная с надтакырной, позднебронзовой, до периода создания искусственных каналов.

В этот период, т. е. в эпоху раннего железа, в жизни первобытных хорезмийских земледельцев, по-видимому, произошла большая общественно-экономическая перемена: носители новой амирабадской культуры заселяют почти всю территорию земель древнего орошения и юго-западную периферию левобережного Хорезма. Под поселения использовались районы

[1] Памятники ее впервые обнаружены Хорезмской археологической экспедицией в западной части этих земель, на территории, прилегающей к оазису современного канала Амирабад и поэтому получила название «амирабадской» (см. С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 68—70).

разливов по Суяргану, Даудану и низинам вдоль длинных уйев, однако жители занимались уже искусственным орошением. Поэтому теперь изменчивость водного режима не заставляла уже членов земледельческой общины передвигаться по водному рубежу то вверх, то вниз.

Почти все основные русла древних магистральных каналов тянутся параллельно этим длинным уйям. В сохранившихся береговых насыпях магистральных каналов очень часто попадаются типичные образцы амирабадской культуры.

На основании всех этих фактов мы можем составить себе представление о некоторых закономерностях исторического процесса возникновения и развития искусственного орошения.

Общественное развитие самих земледельцев достигло уровня, на котором по мере сокращения естественного притока воды, общинники организованно принимали меры к искусственному подводу воды на свои поля. Закономерно увеличивалось число каналов, как это отмечается и в истории Среднего царства в Египте[2]. Следовательно, голова каналов поднималась все выше и выше к самой реке. Это привело, в свою очередь, к сильному сокращению числа отдельных каналов и к созданию одного, магистрального.

Таким образом, в настоящее время мы располагаем достаточными данными для опровержения несостоятельности утверждения Д. Д. Букинича об отсутствии первобытной ирригационной земледельческой культуры в дельте Аму-Дарьи, согласно которому культура в дельте Аму-Дарьи достигла наибольшего развития лишь в поздний период, почему стать исторической рекой, подобно Евфрату и Нилу, она не могла[3].

Мы остановились здесь лишь на общей схеме перехода к искусственным оросительным каналам. Многие вопросы в этой схеме требуют еще дополнительного освещения путем расширения и углубления комплексных археологических исследований.

Широкий размах амирабадской культуры с начала I тысячелетия до н. э. сопровождался изменениями в общественной жизни этой эпохи. Сущность этих перемен пока еще не удается установить. Однако уже установлено, что это была эпоха господства массагетского союза племен, сопровождавшегося частыми столкновениями внутри сакских племен в низовьях Окс-Яксартского бассейна. Сообщение Геродота о вытеснении массагетами части скифов в юго-восточную Европу (Геродот, История, IV, 11) свидетельствует об усилении массагетского союза и о возникновении значительных политических объединений с центром в Хорезме. В его же рассказе читаем, что оазис Южной Туркмении (долина р. Акес) принадлежал хорезмийцам еще в доахеменидскую эпоху (Геродот, История, IV, 201).

На землях древнего орошения правобережного Хорезма нет монументальных наземных памятников, но часты находки плоских двуперых втульчатых стрел с шипом при основании; стрелы эти по типу тождественны раннескифским стрелам VII—VI вв. до н. э.

К этому же периоду относятся несколько сосудов амирабадского типа, найденных А. И. Тереножкиным в 1937 г. на Беркуткалинских такырах, сделанных, по мнению указанного автора, без гончарного круга из глины без примесей и обожженных на костре[4].

---

[2] И. Лурье и др., Очерки по истории техники древнего Востока, М.—Л., 1940, стр. 131—135.

[3] Д. Д. Букинич, Указ. соч., ж. «Хлопковое дело», № 3—4, стр. 129—130.

[4] А. И. Тереножкин, О древнем гончарстве в Хорезме. Известия ИИФАН СССР, 1940, № 6, табл. I, фиг. 1—2.

С. П. Толстов устанавливает в этих сосудах близкую аналогию с раннескифской керамикой Восточной Европы[5].

Теперь мы перейдем к рассмотрению памятников глубокой древности левобережного Хорезма, связанных с Дауданом—другим доисторическим левобережным протоком Аму-Дарьи.

Эта отдаленная пустынная полоса, прилегающая к окраинам левобережного Хорезмского оазиса—районы Уаза и Чермен-Яба, расположенные в Северных Каракумах, далеко к югу от Дарьялыка и Саракамышской впадины—по сравнению с аналогичными районами правобережья в археологическом отношении изучена слабо. На этой громадной, ныне пустынной полосе разбросано немало «гыров».

Эти рассеянные по низменности останцы-плато: Бутентау, Мангыр, Тузгыр, Тарикай, Тайкыр, Калалыгыр, Кюзелигыр и другие—остатки древней третичной равнины—возвышаются над окружающей местностью на 20—40 и более метров и покрыты обычно каменисто-солонцовыми, каменисто-гипсовыми и песчаными образованиями. За исключением указанных коренных останцов, вся прилегающая территория покрыта различными речными и озерными отложениями. В районе Чермен-Яба очень часто наблюдаются речные отложения иловато-глинистые, близкоподстилаемые желтыми крупнозернистыми песками Каракумов. Далее к северу мощность иловато-глинистых слоев увеличивается, под ними появляется прослойка серого слюдистого песка, а еще ниже, на некоторой глубине—серый речной песок с речными ракушками обычно подстилает илистые речные отложения.

Общая мощность речных отложений местами чрезвычайно велика.

Местность прорезывается многочисленными сухими руслами и протоками, по которым в отдаленной древности протоки Аму-Дарьи блуждали до выхода на запад в Сарыкамышскую котловину.

Кроме Каракумов, представляющих собою волнистую песчаную пустыню с огромными барханными полями, на границе с культурной полосой Хорезмского оазиса встречаются значительные площади, засыпанные песками. Больше всего таких песчаных пространств находится вдоль южной части оазиса вблизи Каракумов, причем пески последних передвинулись на север и почти засыпали район древнего орошения по Чермен-Ябу.

Древние аллювиальные отложения левобережной части хорезмской низменности представляют тип слоистых иловато-глинистых, глинистых и суглинистых грунтов, в большинстве случаев не засоленных, или слабо засоленных, богатых по химическому составу и чрезвычайно благоприятных для орошения, вследствие близкого от поверхности залегания рыхлых песчаных слоев с солончаками[6].

В этой пустынной полосе по Чермен-Ябу и несколько севернее от него обнаружены памятники глубокой древности левобережного Хорезма. Произведенная здесь в 1939 г. археологическая разведка под руководством С. П. Толстова в весьма предварительном порядке обследовала целый ряд античных городищ и крепостей, расположенных на указанных выше «кырах», или по-туркменски «гырах»; многие из этих памятников датируются С. П. Толстовым временем не позже середины I тысячелетия до начала н. э. Это обстоятельство в свою очередь требует разъяснения вопроса о водоснабжении исследуемого района, на который первым обратил внимание в XI в. хорезмиец Бируни. Как сказано выше, он связывает водоснабжение этого района с течением основного русла Аму-Дарьи в Сарыкамышскую

[5] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 77.

[6] Н. А. Димо, Почвенные исследования в бассейне р. Аму-Дарьи, Ежегодник Отдела эксп. улучшений, П., 1914, в. II, стр. 385.

котловину до возникновения современного Хорезмского оазиса. По его гипотезе, Аму-Дарья изменила свое русло и направилась в Каракумы между Хорезмом и Джурджаном по протоку, названному Маздубаст. На нем долгое время существовало множество поселений, но под конец они пришли в упадок, а обитатели их переселились к берегам Хазарского (Каспийского) моря. Это были аланы и асы, по этой причине язык аланов представляет собой смесь хорезмского языка с печенежским[7].

Бируни подчеркивает связь русла Маздубаст с Сарыкамышем следующим образом: он говорит, что «между (Аральским.—*Я. Г.*) озером и Сарыкамышским небольшое расстояние, но оз. Сарыкамыш без поступления воды высохло и стало солончаковым»[8].

Бируни считает, что русло Маздубаст находится где-то в районе около Питняка.

Но как текла река дальше? Повернула ли она на юго-запад в сторону Унгуза или потекла к окраинам Хорезмского оазиса? Первое предположение отпадает потому, что в данном районе Каракумов отсутствуют следы выхода реки к Унгузу. Кроме того, гидрогеологи теперь уже окончательно убедились, что Унгуз не является руслом.

Остается второй вариант, который отражен в поздней легенде о султане Санджаре и Тюрябек-ханым, прототипом которой, возможно, является легенда, бытовавшая еще в эпоху Бируни. Согласно этой легенде, Аму-Дарья, после того, как ее преградили у Питняка, потекла в Каракумы по краю оазиса, где расположена целая цепь сбросовых озер, рассматриваемая населением как старое русло Аму-Дарьи и названная им «Дарьё агнаган» (местность, куда прорвалась река). Хорезмцы убеждены, что селение Безганик, расположенное в 10 *км* к югу от сел. Багат в Хазараспском районе, было построено на берегу этого русла и что амударьинские водники некогда даже привязывали свои каюки к большому старому тутовому дереву, остатки которого (диаметром около 4 *м*) сохранились до 1935 г.

Один из местных историков Хорезма рассматривает эту систему озёр как искусственный канал, выведенный мифическим царем Феридуном[9]. Весьма возможно, что она соответствует известной в литературе XIX в. системе озер «Туну-Дарья» или «Зейкаш». Так, например, Н. Петрусевич, собравший расспросные сведения об этих местностях в 1871 г., упоминает эту цепь озёр под названием «Туну-Дарья», т. е. река, по которой прекратилось течение[10].

В. Лохтин также описывает эту цепь озёр, носящих название Туну-Дарья. По его словам она начинается у города Хазарасп, проходит под самым городом Хивой с южной его стороны, направляясь к бугру Бишкигыр, а затем к возвышенности Чигили-Криш, где пропадает. У возвышенностей Йессыгыр, Калалыгыр и Дузгыр она появляется вновь и доходит до колод-

---

[7] ВДИ №1, 1941, стр. 193. مجرى يعرف بوادى مزدبست فى المفازة التى بين خوارزم و جرجان فعمر بقاعا كثيره زمنا مديدا و خرب ايضا فانتقل سكانها الى ساحل بحر الخزر و هم جنسى اللان و الاس و لغتهم الان متركبة من الخوارزمية و البجناكية».

[8] «و بين هذه البحيرة و التى كانت لوادى مزدبست مسافه غير بعيدة و قد صارت تلك سبخة و حلة لا تحاض».

[9] Худайберды Кош-Мухаммед. دل عرائب خوارزم تنك جنوبه‌سى فريدون تنك چقرعان اريغى دور».

[10] Н. Петрусевич, Сообщение об исследованиях Аму-Дарьи и ее древних русел, Известия, РГО, т. XV, 1879, стр. 126.

цев Аджен-кую. Описанное русло действительно совпадает с южной границей Хивинского оазиса[11].

А. В. Каульбарс обращает внимание на «проток Зейкаш», вытекающий в виде значительного течения из озера того же имени. По словам Каульбарса, о протоке Зейкаш, местами похожем на старое русло, известно только то, что он «окаймляет извилистым своим течением с южной стороны земли и сады газаватских туркмен рода йомуд, проходит к югу от крепости Бедыркет, мимо могилы Исмамут-Ата, а в окрестностях селения Аман-Каракулак круто заворачивает на запад и исчезает где-то в песках». О дальнейшем его течении точных сведений нет[12]. Описание Каульбарса совпадает с картографическими данными XIX и XX вв. —Туну-Дарья или Зейкаш по выходе из одноименного озера действительно принимает руслообразный характер и, сливаясь с концевыми сбросами системы канала Газават, выходит на Чермен-Яб и в этом месте, по-видимому, сливается с Южным Дауданом.

Все вышеизложенное как будто позволяет предположить, что упоминаемое Бируни русло «Маздубаст» надлежит рассматривать как древнее название системы озёр и выходящего из них русла протока, известного сейчас под названием «Туну-Дарья», или «Зейкаш».

Однако геологические исследования XIX и XX вв. показывают, что Питнякский и Хорезмский оазисы разделены местностью повышенного рельефа и третичного происхождения. Это обстоятельство ясно свидетельствует о невозможности их соединения одним древним руслом. С другой стороны, имеющиеся там сбросовые озера не связываются ни с какими следами древнего водного протока. Автору приходилось в 1936 и 1937 гг. побывать в этих местах с целью выяснения рассматриваемого вопроса, однако достичь каких-либо решающих результатов не удалось.

Руслообразный характер Зейкаша по выходе его из одноименного озера может быть объяснен скорее всего тем, что излишки воды озера, образовавшегося в доаллювиальной низине[13], проложили себе русло по южному каньону бурных разливов Северного Даудана, а возможно, образовали его и сами, постепенно просачиваясь по естественной границе оазиса; рельеф местности на участке Северных Каракумов[14] подчинил себе поток и он направился на запад в соответствии с общим уклоном Хорезмской низменности, образовав цепь сбросовых озер. Эти озера из-за накопления так называемых ирригационных наносов на орошаемых землях[15] постепенно суживались, так как возвышенные наносы сбросовых вод осаждались главным образом на краю озера со стороны оазиса. Накопление илистых наносов и отсутствие амударьинских крупнозернистых песков серо-стального цвета кажется довольно убедительным доводом против наличия здесь следов древнего русла[16].

Таким образом, возможность выхода Аму-Дарьи в район Сарыкамыша по Туну-Дарье, расположенной по краям оазиса, современной наукой

---

[11] В. Лохтин, Река Аму и ее древнее соединение с Каспийским морем, СПб., 1879, стр. 14.

[12] А. В. Каульбарс, Указ. соч., стр. 384—386.

[13] А. Гедройц указывает на целый ряд таких котловин, которые используются для сбросов (Предварительный отчет о геологических исследованиях на старых руслах Аму-Дарьи, Известия РГО, т. XVIII, вып. II, 1882, стр. 91).

[14] А. Д. Архангельский, Геологические исследования в низовьях Аму-Дарьи, стр. 120—121.

[15] В. М. Георгиевский, Южный Хорезм, стр. 108—109.

[16] В. М. Георгиевский, Геологическая карта Южного Хорезма по гидрогеологическим исследованиям 1925—1935 гг., приложение.

не подтверждается[17] и русло «Маздубаст», следовательно, носит легендарный характер.

Иначе обстоит дело со староречьем «Даудан»; последнее является признанным речным руслом со всеми характерными признаками прежнего течения реки или ее протока.

Истоки Даудана из-за позднейших наносов Аму-Дарьи на ее прибрежной полосе точно еще не установлены.

В. В. Цинзерлинг помещает его в районе истоков канала Шахабад[18], Д. А. Архангельский полагает, что он находится несколько восточнее Н. Ургенча и Ханки, приблизительно в 20 *км* к юго-востоку от пункта Чаткупыр[19]. А. В. Каульбарс считает, что каналы Газнабад и Шахабад построены с использованием русла Даудана[20].

Наиболее обстоятельное описание Даудана дано А. В. Каульбарсом, исследовавшим его русло еще в 1873 г. Он вводит в систему Даудана три русла, прослеживаемых на юго-западных и западных окраинах Хорезмского оазиса:

1. Так называемый проток Зейкаш, местами составлявший одно целое с Южным Дауданом.

2. Южный (Змукширский) Даудан, пролегающий по песчаной полосе между каналами Газнабад и Шахабад.

3. Северный (Ильялинский) Даудан.

Описывая Южный Даудан, А. В. Каульбарс подчеркивает, что на всем своем протяжении Южный Даудан имеет характер протока со светлой, где-то отстоявшейся, водой. Русло теряется у развалин Змукшира, однако население сообщает, что Даудан проходил мимо Змукшира дальше на запад. Разливы Даудана, отмеченные исследователем, поросли камышом и занимали значительную площадь, на основании чего А. В. Каульбарс предположил, что разливы Даудана ранее были гораздо значительнее и что проток напоминал озеро. Северный Даудан носит иной характер — его истоки не прослеживаются. Сначала (в районе города Джагатай) он представлял собою глинистую лощину без ясно выраженных берегов с кое-где попадающимися лужами пресной воды. В районе Ташауза русло имеет уже другой вид—отдельные плёсы оформились в сплошной поток с разливами, заросшими камышом. Наполнение русла Северного Даудана объясняется тем, что в него на этом отрезке поступают воды Южного Даудана и канала Шахабад. Каульбарс тем не менее отмечает, что в Северном Даудане течения нет и вода в этом районе почти стоит, наполняя Северный Даудан и его дугообразные протоки. В районе г. Ильялы сплошные разливы снова сменяются отдельными плёсами, не связанными между собой. Западнее г. Ильялы русло Северного Даудана было почти сухим[21].

Далее А. В. Каульбарс описывает предполагаемые рукава Даудана, каждое в отдельности со всеми необходимыми подробностями.

В результате своего обследования Каульбарс делает вывод, что Южный Даудан, местами совпадающий с Зейкашем, снабжал, по-видимому, водой южную часть степи, и если его воды доходили до русла Узбоя, соединявшего когда-то озеро Сарыкамыш с Каспием, то это соединение про-

---

[17] А. Гедройц, исследовавший эти места, отвергает доводы Н. Петрусевича о Тупу-Дарье (Известия РГО, т. XVIII, вып. 2, 1882, стр. 90).

[18] В. В. Цинзерлинг, Орошение на Аму-Дарье, стр. 389.

[19] Д. А. Архангельский, Геологические исследования в низовьях Аму-Дарьи, стр. 8.

[20] А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, Известия РГО, т. XI, стр. 366.

[21] А. В. Каульбарс, Указ. соч., стр. 374—384.

исходило после выхода из Сарыкамыша: Северный же Даудан, ныне занесенный песками, усиленный, быть может, протоком из Южного Даудана, разделялся на рукава, которые оживляли обширную местность к югу от Уруч-Дарьи. Все эти рукава сливались, наконец, в низменной впадине Тюнюклю, из которой избыток вод стекал в озеро Сарыкамыш, являвшееся огромным резервуаром, собиравшим избыток вод многих каналов и бывших течений Аму-Дарьи, чем, быть может, и объясняются его значительные размеры.

По мнению Каульбарса, большой канал, виденный Скобелевым у Шах-Сенена[22], проведен искусственно по дну бывшего русла. Вода, протекавшая по Шах-Сенемскому каналу, поступала туда из Южного Даудана, который, вероятно, принимал в себя где-нибудь в степи воды протока Зейкаш.

Вот все, что мы знаем о руслах Южного (Змукширского) Даудана и протока Зейкаш. Где его западный конец, мы не знаем, кроме того, что по расспросным сведениям полковника Стебницкого[23] Узбой, как принято называть старое русло между Сарыкамышем и Каспийским морем, отделяет у колодца Куртиш (верстах в 50 выше Игды) другой свой рукав в сторону Чарджуя на Аму-Дарье. Возможно, что этот рукав принимал в себя Южный Даудан[24].

Таким образом, в рассматриваемой пустынной полосе прослеживаются системы различных русел, связанных главным образом—и даже исключительно—со староречьем Даудана. При этом, как мы видели выше, все эти русла носят блуждающий характер. Как Северный, так и Южный Даудан являются результатом длительного гидрогеологического процесса, обусловившего в данном случае образование искусственных каналов левобережья.

Мы не хотели затрагивать здесь возникающий в этой связи вопрос об Узбое. Эта проблема имеет более чем двухсотлетнюю историю, но в настоящее время может считаться разрешенной почти окончательно. Узбой представляет собой действительно речное русло, соединявшее Сарыкамышскую котловину с Каспийским морем. Поэтому действие Узбоя всецело зависело от степени поступления воды в Сарыкамышскую котловину. Последняя в средние века периодически наполнялась водами Аму-Дарьи, которые при высоком уровне в Сарыкамыше изливались в сухое русло Узбоя. Следовательно, в Узбой периодически поступали и текли по его руслу только те излишки воды, которые путем испарения и просачивания не успевали сбалансировать новые поступления в Сарыкамыш из Аму-Дарьи, что в общем составляло только небольшую часть всего Амударьинского протока. Поэтому прежнее, весьма распространенное мнение о том, что Узбой—древнее русло Аму-Дарьи, не соответствует действительности, как по количеству вмещавшейся в русле Узбоя воды, так и потому, что Узбой никогда не был непосредственным продолжением Аму-Дарьи и вытекал из Сарыкамыша в качестве самостоятельной реки[25]. Поступление воды в Узбой зависело от избытка воды в Сарыкамыше, которое также всецело зависело от поступающего в него притока воды.

---

[22] М. В. Скобелев, От Замукшира до колодца Орта-Кую, Известия Кавказского отделения РГО, т. II, СПб., 1874, стр. 166—177.

[23] И. И. Стебницкий, Отчет о путешествии в Закаспийском крае в 1872 г., Известия Кавказского отделения РГО, т. II, 1874, стр. 7.

[24] А. В. Каульбарс, Указ. соч., стр. 434—436.

[25] А. С. Кесь, Русло Узбоя и его генезис, Труды Института географии, вып. XXX, 1939; С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, гл. «Тайна Узбоя», М., 1948.

Если исходить из гидрографических расчетов А. Глуховского и Ф. П. Моргуненкова, достаточно 15—20% воды Аму-Дарьи, чтобы по Узбою текло значительное количество воды. По данным экспедиции Института географии, в исторический период и в ближайшую к нему пору первобытного периода Сарыкамышская котловина наполнялась водами Аму-Дарьи не от основного ее русла, а от какого-то ее значительного протока[26]. Таковыми, вероятно, являлись в древности Даудан, а в средние века— Дарьялык.

Поскольку, по словам Бируни, соединения или следов соединения Аму-Дарьи с Сарыкамышем по Дарьялыку в XI в. не было[27], то Сарыкамыш в древности, вероятно, питался через Даудан. По характеру и размерам блуждающих сухих русел последнего можно с полной уверенностью заключить, что здесь мы имеем дело не с основным руслом реки, а с значительным ее протоком.

Как сказано выше, проток Даудана отделялся от Аму-Дарьи немного ниже места ее расширения по выходе из Тюямуюнской теснины и протекал в северо-западном направлении соответственно общему уклону Хорезмской равнины. Судя по направлению сухих русел, часть воды направлялась в Сарыкамышскую котловину и, как указано выше, переполняя ее, изливалась по Узбою.

По всей вероятности, одновременно с наполнением Сарыкамыша другая часть воды направлялась на юг и юго-запад по южному Даудану, перпендикулярно верхнему течению Узбоя.

Вся местность, прилегающая к Чермен-Ябу, представляла болота и топи с длинными глухими водоемами, вроде тех, по сухим следам которых проложено русло Чермен-Яба. Об этом свидетельствует блуждающий характер сухих русел и расположение античных укреплений исключительно на останцевых возвышенностях.

Самое главное, что нас интересует здесь—это время действия водных рубежей. Для получения удовлетворительного ответа мы, прежде всего, обращаемся к археологическим находкам, сделанным в последние годы на разных пунктах Узбоя; их много и они состоят главным образом из кремневых изделий неолитического периода[28].

Подобная же картина наблюдается и в районе нижнего бассейна древнего Даудана[29]. Это свидетельствует, прежде всего, о действии Узбоя как водного рубежа, на котором поселились охотники эпохи позднего неолита. Мы еще не располагаем достаточным материалом для того, чтобы судить о характере стоянок и о самом образе жизни их обитателей. Предварительная характеристика этих находок указывает на то, что здесь по Узбою бродили главным образом охотники, а возможно, и рыболовы.

В зависимости от продолжительности обводнения Узбоя и низовьев Даудана там могли поселиться значительные общины; все условия, способствовавшие расселению кельтеминарцев, здесь были налицо. И действительно, специальные археологические исследования на Узбое показали значительную заселенность его берегов хорезмийцами в первобытный период. Возможно, что в будущем мы обнаружим здесь такие памятники первобытности, которые окажутся более сложными и богатыми, чем соот-

[26] А. Глуховской, Пропуск воды р. Аму-Дарьи по старому ее руслу в Каспийское море, СПб., 1893; Ф. П. Моргуненков и И. А. Севастьянов, Ирригационные перспективы Туркменской ССР, Ташкент, 1925, стр. 76; А. Кесь, Указ. соч., гл. V.

[27] Бируни, ВДИ, 1941, №1, стр. 193.

[28] А. Кесь, Указ. соч., стр. 112.

[29] С. П. Толстов, Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г., ВДИ, 1955, №3.

ветствующие памятники правобережного Хорезма, ибо здесь должны быть сильнее отражены связи местной культуры через берега Узбоя и Каспийского моря как с Приволжьем так и с областями Южной Туркмении и Северного Ирана.

Рассмотрение карты района низовий Даудана позволяет заключить, что еще в глубокой древности, в период обводненности Узбоя, все древние связи Хорезма со странами Ближнего Востока осуществлялись, по-видимому, через полосу Каракумов, по так называемой Шахристанской дороге, которой широко пользовались и в средние века. Это хорошо иллюстрируется наличием целой линии античных городов и крепостей по этой дороге вдоль Чермен-Яба, а также и возобновлением в них жизни в средние века.

С. П. Толстов так описывает памятники глубокой древности Калалыгыр и Кюзелигыр. Калалыгыр имеет форму довольно правильного четырехугольника размером 1000 на 700 *м*. Кюзелигыр же, в соответствии с очертаниями занятого им естественного бугра, имеет форму треугольника, площадью 4 *км*^{2}.

Городища эти расположены на останцевых возвышенностях и окружены мощными стенами. Стены городищ состояли из двух рядов параллельных узких коридорообразных помещений[30], к которым с внутренней стороны крепости также были пристроены помещения[31].

Бассейны разливов и водоемов, образованные блуждающими протоками Даудана, по-видимому, почти одновременно с правобережьем стали местами обитания древних хорезмийцев, скотоводов и земледельцев, не говоря уже о несомненном существовании здесь более ранних культур.

Прекрасно обводненные места с условиями, подобными правобережью по Суяргану, способствовали большому скоплению здесь населения, а удобное географическое расположение на путях между Приаральскими степями, Прикаспийскими сазиками и странами Переднего Востока содействовало ускорению здесь процесса исторического развития. Обитатели рассматриваемого района левобережья пасли на равнине скот, занимались земледелием, а в случае приближения противника, загоняли скот в крепости и запасались водой. Судя по размеру городищ, надо полагать, что число постоянных защитников было значительным.

Оборонительная система городищ Калалыгыр и Кюзелигыр оказалась довольно совершенной. Стены снаружи защищены многочисленными башнями; Калалыгыр имеет четверо ворот, снабженных довольно сложными лабиринтами, которые защищены башнями. Межстенные пространства имели перекрытия.

С. П. Толстов, сопоставляя между собой довольно большой сравнительный материал из античных памятников Хорезма, Ирана и других областей Средней Азии, приурочивает рассматриваемые городища к очень раннему периоду истории Хорезма, датируя их VI—III вв. до н. э.

Наличие городищ свидетельствует об обводненности этих мест еще в середине I тысячелетия до н. э. Мы, конечно, не располагаем данными для утверждения, что сюда были выведены искусственные каналы из Аму-Дарьи; все это первоначально вполне могло быть связано с регулированием разливов Даудана.

Археологические находки на Узбое и памятники в районе Чермен-Яба позволяют установить, что в эпоху неолита и бронзы, а также в глубокой античности, значительная часть амударьинских вод направлялась по ста-

---

[30] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 80.

[31] С. П. Толстов, Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3.

рому протоку Даудан в Сарыкамышскую котловину и оттуда,— может быть, частично даже в обход этой котловины,—впадала в Узбой. Вместе с тем, течение Даудана к югу от Сарыкамыша изобиловало блуждающими протоками, как в районе Чермен-Яба, так и в полосе к северу от него.

Ранние исторические сведения об Аму-Дарье мы получаем из греческих источников, относящихся к истории и географии восточных стран. Первые известия об Аму-Дарье сообщает нам «История» Геродота в V в. до н. э. Как установлено, он не отличает Аму-Дарьи от Аракса и упоминает ее под именем последнего. «Река (Аракс) изливается сорока устьями, все устья, за исключением одного, теряются в болотах и топях; здесь живут, говорят, люди питающиеся рыбой и одевающиеся в тюленьи шкуры... Единственный из рукавов Аракса протекает по открытой местности и впадает в Каспийское море...

Итак, с запада Каспийское море ограничено Кавказом, с востока к нему примыкает равнина на необозримом пространстве. Значительную часть этой обширной равнины занимают массагеты.» (Геродот, История, I, 201—205).

«Утверждаю,—пишет Страбон,—что река Аракс (Аму-Дарья.—*Я. Г.*), разделяющаяся по многих местах, более других наводняет эту страну (Хорезм.—*Я. Г.*); он впадает всеми своими устьями в море в северной части (имеется в виду Аральское море.—*Я. Г.*) и только одним—в Гирканский залив (Каспийское море.—*Я. Г.*)... В состав массагетов и саков входят также атасии и хоразмии...

По словам Эратосфена, арахосы и массагеты живут подле бактрийцев, к западу от них вдоль реки Окса... Саки отделены от согдийцев Яксартом, а согдийцы от бактрийцев Оксом» (Страбон, География, XI, стр. 6—8).

По словам Полибия (204—122 гг. до н. э.) апасиаки живут между Оксом (Аму-Дарья.—*Я. Г.*) и Танаисом (Сыр-Дарья.—*Я. Г.*). Первая из этих двух рек впадает в Гирканское море, а Танаис изливается в Меотиду. Обе реки значительны и судоходны. Полибий отмечает любопытный способ переправы кочевников по суше вместе с лошадьми через Окс в Гирканию. По достижении пустыни Окс встречает на пути отвесные скалы и, благодаря обилию воды, а также крутизне омываемых скал, низвергает волны с такой силой, что у самой скалы апасиаки с лошадьми, как говорят, переходят посуху под водопадом в Гирканию (Полибий, Всеобщая история, X, стр. 48).

Аристобул, лично сопровождавший Александра и считающийся одним из наиболее достоверных историков его походов, сообщает об Аму-Дарье, что «Окс—самая большая из виденных им рек, кроме индийских; он же говорит, что река судоходна и по ней возят много индийских товаров в Гирканское море, откуда их переправляют в Албанию (область в низовьях р. Куры.—*Я. Г.*), а оттуда по реке Куре перевозят в (Черное) море»[32].

При Селевке (312—280 гг. до н. э.) Патрокл, обследуя Каспийское море, побывал на его восточном берегу в устье Окса[33].

Из приведенных данных, особенно из сообщений Геродота и Аристобула, явствует, что еще в середине I тысячелетия до нашей эры Аму-Дарья впадала в Аральское море и лишь одним протоком направлялась к Каспийскому морю. Новейшие геологические исследования на Узбое подтверждают сообщения Полибия о больших водопадах. В действительности Кур-

[32] В. В. Бартольд, Научные результаты Аральской экспедиции, Ташкент, 1902, стр. 11.

[33] В. В. Бартольд, Указ. соч., стр. 13, прим. 4.

тышский водопад и другие могли быть использованы как удобное место для переправы через реку конных апасиаков.

Течение в Узбое ниже Игды было довольно спокойным. Здесь река могла быть судоходной: сообщение Аристобула о судоходности Окса до Каспийского моря едва ли можно считать соответствующим действительности. Если это и было возможно, то лишь до какого-нибудь пункта по Даудану, а затем сухим путем по Чермен-Ябу до удобного пункта по нижнему Узбою.

Таким образом, ранние исторические сообщения о существовании Каспийского протока Аму-Дарьи подтверждаются археологическими данными. Следовательно, мы имеем основание считать Даудан сухим руслом так называемого Каспийского протока, в первобытный период впадавшего в Сарыкамышскую котловину.

Известиями Геродота и других греческих писателей об Аму-Дарье и ее протоках следует пользоваться с большой осторожностью, так как эти версии, несомненно, являются поздними отголосками известий о предполагаемом регулярном обводнении русла Узбоя в позднеэнеолитическую эпоху, и, следовательно, смутной передачей некоторых рассказов о географии Хорезма, ибо лично никто их этих писателей в Хорезме не побывал.

Вполне допустимо, что Даудан, как левый проток Аму-Дарьи, в первобытный послеледниковый период был активным протоком Аму-Дарьи в Сарыкамыш; возможно, что вода периодически изливалась в Узбой и блуждающие русла Даудана обводняли южную и юго-восточную периферии Сарыкамыша, образовав некоторые ясновыраженные русла, вроде Чермен-Яба. В раннеантичный период Даудан становится все более пассивным, его вода обводняет только районы Чермен-Яба, Калалыгыра, Кюзелигыра и т. д., и то не постоянно. Дальнейшее сокращение воды по Даудану обусловлено развитием искусственного орошения в пределах южного Хорезма, базой для которого служили опять таки верховья Даудана.

Допустимо, что дальнейшие археологические исследования могут осветить периодические колебания, изменявшие течение как по Даудану, так и по Узбою.

Однако в дальнейшем нас будет интересовать не проблема Узбоя, а изменения и колебания в бассейне Даудана от Аму-Дарьи до Сарыкамышской котловины.

Возникновение и развитие искусственного орошения шло здесь, повидимому, теми же путями, которые мы установили для земель древнего орошения правого берега Аму-Дарьи.

2. ПОДЪЕМ В ИРРИГАЦИОННОМ ХОЗЯЙСТВЕ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА

Общий облик исторической топографии правобережных и левобережных земель древнего орошения говорит о происходивших там больших социально-экономических переменах в общественной жизни Хорезма.

Почти непосредственно вслед за культурой городищ VI—III вв. до н. э. мы наблюдаем появление больших магистральных каналов.

Среди разнотипных городищ так называемого «кангюйского времени», особого внимания заслуживает Базар-Кала, расположенная на более раннем канале правого берега Аму-Дарьи. Городище стоит на равнинном месте у древней обширной низины—«Длинного уйя». Оно представляет собой громадную, почти квадратную ограду длиной около 0,5 *км* в каждую сторону, с двойными стенами и довольно широким проходом между ними. Стены прерываются частыми массивными башнями. Единственный вход в этот город устроен в середине северной стены без предвратного ла-

бирита; две выдвинутые наружу массивные башни составляют устои этого входа.

Вся внутренность города, так же, как в Калалыгыре и Кюзелигыре на Чермен-Ябе, почти совершенно лишена следов раннего поселения. Лишь по южной стене города сохранились следы каких-то больших построек. Громадная территория вокруг города радиусом больше чем на два километра усеяна черепками типа амирабадской культуры и еще более ранними образцами керамических изделий, изготовленных на гончарном круге; эта сравнительно редко встречающаяся светло-красная керамика высококачественна и разнообразна по формам. Она резко выделяется среди большой массы темно-серой разнообразной керамики, изготовленной от руки.

Керамика, изготовленная на гончарном (ручном) круге, представлена главным образом горшками большого размера с почти прямыми горизонтально-рубчатыми стенками и широким горлом, профилированным плоским валиком.

Эти два типа керамики в больших количествах встречаются и внутри городища, сопровождаемые небольшими, почти однотипными ручными зернотерками.

Базар-Кала пережила два периода. Описываемый выше относится к раннему периоду жизни города и его окрестностей, до вызванного чем-то запустения.

Спустя несколько столетий, заброшенное городище Базар-Кала ожило снова; примерно около начала нашей эры северо-восточная часть городища превращается во внутреннюю крепость с использованием соответствующих участков его северной и восточной древних стен.

Вход во внутренний город был укреплен предвратным лабиринтом.

Памятники этого древнего города всюду наслаивались на старую культуру; на территории внешнего города в этот период возникли гончарные мастерские и другие здания.

Нас интересует сейчас ранний период жизни Базар-Калы.

Как отмечалось выше, Базар-Кала находится на большом канале, который является как бы продолжением современного канала Кельте-Минар. Сухое русло Базаркалинского канала в настоящее время проходит в 1 *км* западнее развалин этого города, почти в меридиональном направлении, и конец его теряется в низинах в 8—10 *км* к северу от Базар-Калы.

Полоса по трассе канала усеяна остатками материальной культуры, аналогичными периоду ранней Базар-Калы. Последнее обстоятельство показывает, что этот район издавна был оседлым, причем различный археологический материал, поднятый с глубины во время очистки и сооружения каналов в древности, наглядно подтверждает факты давнего оседания.

Археологический облик Базаркалинского района говорит о большой концентрации населения около примитивно укрепленного в глубокой древности пункта.

Мы имеем многочисленные сведения об огромных размерах раннеантичных укрепленных поселений и крепостей. Так, например, «скала Хориена»—крепость на возвышенной скалистой площадке—имела в окружности до 60 стадиев (около 9 *км*) (Арриан, IV, 21), «скала Сатибарзана» имела окружность в 32 стадия (около 5 *км*) (К. Курций Руф, VI, 6, 25), «скала Сизимитра»—в 80 стадиев (около 12 *км*) (Страбон, XI, 11, 4), «скала Аримаза»—150 стадиев (свыше 23 *км*) (К. Курций Руф, VII, 11,1).

Город Александрия на Танаисе (Сыр-Дарья) имел в окружности 7,5 *км* (Трог Помпей, XII, 5), Мараканда также была обнесена стеной в 11 *км* в окружности (К. Курций Руф, VII, 6, 10).

«Конечно,—пишет С. П. Толстов,—эти цифры, во всяком случае некоторые из них, видимо, преувеличены. Однако характерна общая тенденция, с несомненностью говорящая об огромных для греческого наблюдателя размерах согдийских и бактрийских «городов»...[34]. Базар-Кала, Мараканда, Александрия на Сыр-Дарье—являлись опорными оборонительными пунктами жителей оазиса в случае нападения кочевников и других военных действий на территории оазиса.

Это было время большого массагетского союза во главе с Хорезмом. Геродот (Геродот, История, I, 215) и Страбон (Страбон, География, XI—8, 8) включают хорезмийцев в состав массагетов, а в надписях Дария и Ксеркса говорится о хорезмийцах, как о данниках, наряду с саками и согдийцами. Видимо, массагеты представляли собой не типичный кочевой союз, а были объединены под властью хорезмийского царя. Эти цари были предками Фарасмана, которые до расширения ахеменидской экспансии владели оазисами Южной Туркмении по соседству с Бактрией и Мидией.

Фарасман явился в Зариаспу к Александру не как сатрап Ахеменидов, а как царь Хорезма, сохранивший свою независимость при Александре и его преемниках. Хорезмийское царство в IV в. до н. э. граничило, по словам самого царя Фарасмана (Арриан, Анабасис Александра, IV, 15), на юге с могучей Ахеменидской державой и, по-видимому, расширяло свои границы в северо-западном направлении в сторону приволжских, а может быть и северных прикаспийских областей. Как говорилось выше, вытеснение скифов массагетами на киммерийские земли в юго-восточной Европе свидетельствует о том, что консолидация хорезмийско-массагетского союза произошла еще в догеродотовскую эпоху. Хорезм в этом политическом союзе занимал, по-видимому, доминирующее положение. Поэтому здесь и наблюдается возникновение больших магистральных каналов, огромных крепостей, сыгравших роль, аналогичную с так называемыми «скалами» согдийцев и бактрийцев, и больших, загонного типа, городищ внутри земледельческого оазиса. Городища последнего типа сначала представляли собой большой четырехугольник, обнесенный мощной оградой из двойных стен, защищавших население от набегов конных кочевников, которые часто вторгались в пределы оазиса; эти же стены служили населению защитой во время военных действий.

Целый ряд жилых пунктов Хорезма представляет собой круглые или четырехугольные укрепленные массивы с различным фортификационным устройством. К типу таких городищ-массивов можно отнести ряд памятников, как например, Кой-Крылган-Кала[35], Кузи-Крылган-Кала, Джанбас-Кала в Базаркалинском оазисе; Ак-тепе около Кават-Калы, Кюнерли-Кала—на Чермен-Ябе.

Кой-Крылган-Кала, возникшая на базе местного регулирования блуждающих разливов, представляет собой круглое укрепленное поселение; она была окружена довольно толстой, круглой стеной, превратившейся в настоящее время в невысокий вал. Стена имела некогда девять башен, расположенных друг от друга через интервалы (по дуге) от 18 до 20 м; в середине находится круглое центральное здание крепости. Расстояние между кольцевой внешней стеной и цитаделью равно 15 м. Стены цитадели хотя частично и сильно разрушены, все же достаточно сохранились, чтобы можно было полностью выяснить первоначальный облик всего сооружения.

Кой-Крылган-Кала является типичным памятником, на котором с большой ясностью представлено развитие типов как керамики лепного и

[34] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 81—82.

[35] Кой-Крылган-Кала была расположена на Базаркалинском канале, неоднократно перестраивавшемся до кушанского времени.

сделанного на ручном круге, так и изготовленного уже с применением новой техники ножного круга. Первая находка двухперого раннескифского наконечника стрелы была сделана именно здесь. Здесь же хорошо прослеживается концентрация гончарного ремесла в определенных пунктах и появление специализации; наряду с ручным способом изготовления сосудов, широко применяется гончарный круг. Судя по большому количеству красиво оформленных изделий, можно предположить, что появился целый слой разборчивых потребителей с утонченным вкусом. В это же время (примерно в IV—III вв. до н. э.) Хорезм заимствует с юга ножной круг, новые способы декорировки сосудов с монохромной росписью; в то же время, наряду с широким применением красного или темно-коричневого ангоба густым гладким слоем, вновь широко применяется древний местный способ лощения поверхности сосудов.

Особенно широко в эту пору внедряются бокаловидные чаши на ножках и без ножек, покрытые густым слоем ангоба или лаком, и большие, толстостенные хумы. Этот новый тип керамики встречается главным образом в цитадели и в больших домах, где, очевидно, проживало население, принадлежавшее к господствующему классу. На этих предметах, безусловно, сказывается внедрение высокой ремесленной техники античного периода. Укрепления типа Кой-Крылган-Кала представляют собой нечто вроде замков, где, вероятно, жили хорезмийские военачальники типа ахеменидских военачальников, подобно им имевшие великолепно вооруженные личные дружины. Вокруг этого античного «замка» вырастали огромные открытые поселения. Владельцы этих замков — высокопоставленные родовые вожди-рабовладельцы и правители целых округов—были опорой политической и военной власти царей Хорезма. Через них проводилась как мобилизация населения на общественные работы, так и сбор войска. Постройка новых каналов и расширение старых также производились в это время, как известно, силами родовых общин. Вожди этих общин безусловно являлись теми массагетскими «всадниками с золотыми сбруями», о которых говорит Геродот (Геродот, I, 215). Эти же воинственные представители родовых земледельческих общин составляли основную военно-политическую опору государства. Наряду с ними, большую и грозную силу составляли наемные отряды из представителей кочевников. Свита Фарасмана в 1500 человек, явившаяся с ним к Александру, должно быть состояла из этих же воинственных родоплеменных вельмож.

Крепость Джанбас-Кала[36] расположена на холме и образует прямоугольник размером 200×170 *м*. Ее стены прекрасно сохранились, достигая почти всюду высоты 9,5—10 *м* над уровнем холма. Стены эти двойные, общей толщиной свыше 5 *м*. Промежуток между стенами шириной в 2,80 *м* представляет собой боевую галерею, освещенную открывающимися наружу бойницами. Внешняя стена имеет 2 ряда стреловидных бойниц, расположенных в шахматном порядке. Ширина бойниц 18—20 *см* при расстоянии между ними в 1,20 *м*. Бойницы рассчитаны на «навесной бой»—обстрел подножья стены. Нижняя их плоскость имеет вид трапеции с резким уклоном в наружную сторону с широкой (2 *м*) внешней и узкой (0,75 *м*) внутренней сторонами. Бойницы верхнего ряда, имеющие меньшие размеры, соответственно дают цифры 0,63 *м* и 1,30 *м*. Внутренний проход стены разделен на два этажа плоским перекрытием, от которого сохранились гнезда балок.

Для одновременного обслуживания этих бойниц требовалось около двух тысяч стрелков — цифра громадная для сравнительно небольшой кре-

[36] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 88—94.

пости. Совершенно естественно, что столь нерациональный способ расположения бойниц говорит—как и отмечает С. П. Толстов—об архаизме этого типа обороны и его несомненно местном происхождении, ибо система обороны стен и углов при помощи башен на древнем Востоке восходит еще по меньшей мере к III тысячелетию до н. э. С. П. Толстов справедливо указывает, что тип укрепления Джанбас-Калы позволяет заключить, что эта система была рассчитана на участие в обороне всего—и притом, видимо, не только мужского — населения крепости. Ворота крепости защищены сложным предвратным сооружением. Входивший в ворота попадал в узкий ход внутри этого сооружения, образующий пять изгибающихся под прямым углом колен, со всех сторон обстреливаемых открывающимися внутрь хода бойницами.

Тип укреплений Джанбас-Калы свидетельствует, таким образом, о весьма архаическом характере самой организации вооруженных сил, носившем все признаки традиций первобытной демократии и, возможно, является косвенным подтверждением активного участия женщин в военном деле, о чем в отношении массагетов (а Страбон, как известно, относит хорезмийцев к массагетам) свидетельствуют древние авторы (Страбон. География, XI, 88).

Поверхность внутреннего двора городища покрыта буграми разрушенных построек и почти сплошным слоем керамики, настолько густым, что вся поверхность двора имеет красный цвет. Среди керамики найдено много произведений искусства.

В пределах крепости имеется два жилых массива, разделенных широкой (30 *м*) улицей[37]. С. П. Толстов, подробно останавливаясь на описании крепости, совершенно упускает из виду большое открытое поселение возле крепости, раскинувшееся на равнине против ее ворот и простирающееся далеко на запад. На ее площади прослеживаются каменные и глинобитные фундаменты домов, остатки гончарных печей, следы арыков и т. п. Если сопоставить это поселение с крепостью, то создается впечатление, что основная масса населения жила вне крепости. Примерный подсчет обитателей крепости дает очень малое число ее защитников и на первый взгляд может показаться, что число бойниц не соответствует числу защитников. Но если к боеспособным обитателям крепости добавить еще самое минимальное число защитников из пригорода, система обороны Джанбас-Калы будет вполне понятна. В исторической литературе и фольклоре все время подчеркивается, что население оазисов на время военных действий, захватив скот и ценное имущество, спасается в крепости. Таким образом, во время осады Джанбас-Калы число ее защитников было даже больше, чем требовалось.

Нам кажется, что отсутствие башен в системе укреплений не является признаком архаичности самой системы. В Хорезме, по-видимому, существуют различные системы укреплений. Так, например, Калалыгыр, Кой-Крылган-Кала, Базар-Кала по времени не моложе Джанбас-Калы, имеют башни. В то же время более поздняя Кургашин-Кала не имеет башен и повторяет систему обороны Джанбас-Кала.

Нам кажется, что Джанбас-Кала возникла первоначально как пограничная крепость на выгодном для земель древнего орошения стратегическом пункте. Зарождение внешнего поселения и «дома огня» внутри крепости, вероятно, было связано с дальнейшим ростом ее значения, как крупного населенного пункта, расположенного непосредственно у самой границы земледельческого оазиса.

[37] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 88—93.

Канал, который подведен к западной стороне открытой части городища, был выведен из большого Базаркалинского канала в районе Лингка-Калы и заканчивался в низинах к северу от бугра Джанбас-Кала.

Таким образом, Базар-Кала, Джанбас-Кала и Кой-Крылган-Кала были крупными укрепленными пунктами древнего земледельческого оазиса правобережья Аму-Дарьи, расположенными в бассейне древних разливов и магистрального канала на востоке этого оазиса.

Процесс возникновения таких магистральных каналов как продолжение первобытного лиманного способа орошения был освещен в предыдущей главе настоящей работы.

Подобный же процесс наблюдается и на окраинах левобережного Хорезма. Если исходить из датировки первоначального основания крепости Дев-Кескен (около начала нашей эры), то течение по Даудану продолжалось и в это время.

Весьма удобное стратегическое расположение Дев-Кескена на чиниках Устьюрта также говорит о том, что в античный период здесь существовала крепость, снабжавшаяся водой колодца, который до сих пор сохранился внутри крепости. Близость разливов Даудана способствовала действию этого колодца; иной источник обводнения чиников Устьюрта трудно предположить.

В связи с постепенным заселением бассейна Чермен-Яба и проведением туда искусственного канала, возникли ранние античные, т. е. кангюйские укрепленные поселения и крепости, связанные непосредственно с каналом. Перемещение стратегической опоры государства на юго-запад к Гяур-Кала, Калалыгыр № 2 и другие привело к тому, что крепости Калалыгыр № 1 и Кюзелигыр полностью лишались своих первоначальных функций. Однако жизнь на Чермен-Ябе, как показывают археологические исследования, длительно сохранялась примерно до II—III в. н. э.

На этой линии, с запада на восток, мы наблюдаем наличие целого ряда античных городов и крепостей, как Гяур-Кала, Шах-Сенем, Калалыгыр № 2, Кюнерли-Кала, Измукшир (Замахшар) и др. Время их возникновения и жизни подтверждает, что Черменябский канал, так же как Базаркалинский канал правобережного Хорезма, возник еще в IV—III вв. до нашей эры. При этом надо отметить то обстоятельство, что этот канал был проведен по руслу старого протока, т. е. по каньону разлива Даудана, что ставит исследователя перед вопросом, где находятся истоки Чермен-Яба: были ли они выведены из Аму-Дарьи или его истоки находились на Даудане? Последнее предположение кажется наиболее вероятным, ибо существование ряда античных памятников, как Кандум-Кала, Куня-Уаз и другие, едва ли может быть объяснено наличием другого источника обводнения, помимо затухающего Даудана.

Выяснение динамики течения по Даудану возможно лишь путем археологического изучения памятников районов Уаза и Чермен-Яба. В этом отношении верховья древнейших каналов и протоков, находящихся в пределах существующего оазиса, почти не дают ясной картины, и судить об этих памятниках можно только по стратиграфии так называемых «тепе» (бугров), зачастую превращенных впоследствии в кладбища. Основная масса наземных памятников древности была уничтожена еще в средние века, в чем мы убедились на примерах ряда участков земель древнего орошения на обоих берегах Аму-Дарьи. Правобережные земли в особенности наглядно иллюстрируют это явление. Здесь памятники раннего и позднего средневековья наслаиваются на остатки материальной культуры ранней и поздней античности. Анализ исторической топографии рисует первоначаль-

ный масштаб и продолжительность орошения данного района, гибель и дальнейшее возрождение ирригации.

Магистральные каналы Хорезма начали зарождаться около середины I тысячелетия до н. э. после того, как в Хорезме образовалось хорезмско-массагетское государство во главе с хорезмийскими царями. Хорезмийцы захватили оазисы в Южной Туркмении, боролись с ахеменидским Ираном за господство в этих оазисах и за свою независимость.

В период, предшествующий походу Александра, получили развитие многочисленные магистральные каналы, на которых в дальнейшем зародилась более высокая культура, характеризуемая С. П. Толстовым как своеобразный хорезмийский «эллинизм».

Этот период, соответствующий IV в. до н. э.—I в. н. э., весьма условно назван «кангюйским». Время возникновения Кангюйского (Кангхского) царства пока еще не установлено.

Почти все древние каналы Хорезма, как правило, связаны с одной или несколькими крепостями кангюйского типа, так, например, Кюнерли-Кала на Чермен-Ябе, Куня-Уаз и Кандум-Кала несколько севернее Чермен-Яба.

Кандум-Кала (размеры 350×250 *м*) является одним из крупных, хорошо укрепленных городов левобережного Хорезма кангюйского времени. Так же как и другие городища этого типа, она ориентирована углами по странам света и вытянута с северо-востока на юго-запад. Стены снабжены башнями и сложены из квадратного сырцового кирпича (42×42×10 *см*).

Площадь городища носит следы длительного обживания, ибо территория внутри и снаружи крепости покрыта фрагментами античной керамики.

Кандум-Кала расположена в 38 *км* к югу от Куня-Ургенча на равнине, куда доходят концевые части канала Шахабад. В настоящее время здесь живут исключительно туркмены. Местные легенды связывают постройку крепости с Кандум-сардаром — «военачальником хорезмшаха».

В бассейне канала Шахабад расположен целый ряд античных памятников, возникновение и существование которых не было бы возможно без искусственного орошения; таковы Кандум-Кала, бугор Ак-тюбе, античное основание городища Ваянган (Раит), Топрак-Кала около Амбар-Манака и ряд других пунктов. Это обстоятельство заставляет нас критически относиться к историческим данным о сооружении канала Шахабад в XVII в.

Прежде чем приступить к решению вопроса о продолжительности действия староречья (протока Даудан) и установить значение его в развитии искусственного орошения Южного Хорезма, необходимо пополнить археологический обзор всей южной части левобережья Хорезмского оазиса.

Одним из древних и весьма важных археологических памятников в начале Хорезмского оазиса являются развалины г. Хазараспа. Этот огромный античный город подвергался только отдельным рекогносцировочным обследованиям, почему и в настоящее время мы располагаем о нем лишь скудными археологическими данными.

Хазарасп, по предварительным археологическим данным, возник как могучая античная крепость в IV—III вв. до начала нашей эры. Она покоится на весьма сложном постаменте, состоящем из целой системы—или, вернее, остатков системы—фортификационных сооружений античного типа, заполненном песками. Стены этих сооружений сложены из сырцового кирпича, размером 40×40×10—11 *см*. Подобного типа сооружения встречаются в ряде укрепленных пунктов земель древнего орошения как правобережного, так и левобережного Хорезма, например, в Аяз-Кале № 3, Кюнерли-Кале, Кюзелигыре, античных стенах Замахшара, Джилдык-Кале,

Топрак-Кале, Алма-Атышкане и т. д. Основание большого жилого здания в Аяз-Кале № 3 подвергалось археологическим раскопкам, выяснившим, что здание возведено на специально закрепленном бархане, а его цоколь представляет собой клетки, образованные стенами и засыпанные песком с искусственной коркой, по которой и делалась смазка пола. В итоге здание получило исключительно устойчивую и долговечную субструкцию. Этот строительный прием был общераспространенным в античном Хорезме[38].

Во внутренней части субструкций Хазараспа встречаются стены со стреловидными бойницами. В кладке стен были заложены фрагменты больших глиняных сосудов кангюйской эпохи.

Таким образом, план, размер, строительные приемы, элементы фортификации, а также керамический материал характеризуют крепость Хазараспа как памятник кангюйского времени, входивший в систему античных крепостей (Капарас, Топрак-Кала, Джигербент, Ак-тепе и др.), расположенных вдоль Аму-Дарьи на древней дороге, связывавшей Хорезм с древней Бактрией и Мервским оазисом.

Хазараспа как мощная крепость и крупный город в начале Хорезмского оазиса функционировал почти во все периоды истории Хорезма и сохранил остатки своей фортификации до настоящего времени.

Каладжик (Дауд-Кала) расположен в 25 *км* к западу от Хазараспа, неподалеку от древней дороги из этой крепости в Хиву. Развалины этой мощной античной крепости, известной под названием «Каладжик», или «Дауд-Кала», расположены среди сбросовых озер и песчаных барханов Каракумов. Доступ к ней почти невозможен.

Крепость Каладжик ориентирована почти точно по сторонам света и имеет форму неправильного четырехугольника, вытянутого с востока на запад. Все стены Каладжика, за исключением восточной, сохранились на значительной высоте, причем вместе со своими фортификационными устройствами. Длина южной стены—221 *м*, северной—184 *м*, западной—72 *м*, восточной—114 *м*.

Вся внутренняя площадь Каладжика покрыта пухлым солончаком; в центре образовалось небольшое озеро, питающееся грунтовыми водами от прилегающих к крепости сбросовых озер.

В средней части восточной стены имеется продолговатый земляной бугор, образовавшийся, по-видимому, от разрушения античного входного лабиринта крепости. Внутренние глинобитные стены местами реставрированы сырцовыми кирпичами афригидского и средневекового образцов. Высота этих стен с внутренней стороны крепости достигает 12—14 *м*. Ширина стен около 2,5 *м*.

В средней части северной стены высится жилая башня. Основание её—25×15 *м*, высота—16 *м*.

Крепость снабжена двойной стеной, сложенной из крупных сырцовых кирпичей, размером 45×45×14 *см*. В промежутке между этими стенами, как и в античных крепостях Хорезма, сделаны галереи для стрелков и, кроме того, имеется банкет. В средние века эта крепость подвергалась реконструкции в соответствии с требованиями военной техники того времени. Эта реконструкция подтверждается наличием кладок из средневекового кирпича.

К востоку от крепости зарегистрировано значительное открытое поселение античного времени, вторично заселенное в средние века. Такие от-

[38] С. П. Толстов, Древности Верхнего Хорезма, ВДИ, 1941, № 1.

крытые поселения являются характерными для всех городов и крепостей античной эпохи, так же как и для средневековья.

Рассматриваемая крепость может быть отнесена к типу кангюйских сильно укрепленных поселений Хорезма и в стратегическом отношении занимает второе, после Хазараспа, место.

По данным сохранившихся археологических памятников, крепость Каладжик, по-видимому, прекратила свое существование в первые века нашей эры. Ниже мы снова вернемся к ней в связи с вопросом о вторичном ее использовании в последующие периоды.

К северу от Каладжика, в 1,5 *км* от него расположен Малый Каладжик — остатки большого замка (65×48 *м*) афригидского времени (V—VII вв.) с сильно оплывшими стенами в виде небольших валов. В северо-восточном углу сохранились следы жилого здания значительных размеров. Этот памятник подвергался многократным затоплениям водами сбросовых озер и довольно сильно размыт.

Бугор Қырккыз расположен в 10—12 *км* к северо-востоку от Хазараспа на территории селения Караяндак, у старинной большой дороги, соединяющей Хазарасп с Ургенчем. Қырккыз представляет собой небольшой бугор с вышкой и по виду напоминает остатки древних поселений, известных под названием «тепе», или «тал». Бугор имеет округлое очертание и размер его по окружности не превышает 400 *м*. Высота бугра 4—4,5 *м*, вышка поднимается над бугром на 5 *м*.

Площадь бугра превращена сейчас в кладбище и в связи с этим довольно основательно изрыта.

Судя по археологическому материалу, выброшенному при рытье могил, можно придти к выводу, что это поселение возникло в V—VI вв. н. э. и жизнь там продолжалась до IX—X вв. Однако многочисленные находки на окружающих полях свидетельствуют о том, что хотя сам бугор был заброшен в X в., жизнь вокруг него продолжалась вплоть до времени монгольского нашествия.

Бугор Куш-Чакырган расположен в 4 *км*, а Тепе Авлия—в 6 *км* к западу от сел. Багат Янгиарыкского района. По планировке и по археологическому материалу они почти аналогичны с поселением Қырккыз.

Городище Алма-Атышкан находится в 16 *км* к востоку от Хивы, на территории сел. Қатта-Баг на большой дороге, соединяющей Хиву с Хазараспом. Значительная часть территории городища затоплена водами сбросового озера, и в настоящее время доступны для обследования только два бугра. Первый бугор—древнейшая часть городища — представляет собой остатки довольно мощной четырехугольной крепости, размером 115×90 *м*. Края бугра, особенно с восточной и северной сторон, имеют вид оплывшей стены крепости. На юго-восточном углу каре образовалась небольшая впадина, напоминающая место входа в крепость.

Путем расчистки внешнего склона восточной стены выяснено, что она сложена из больших сырцовых кирпичей размером в 45×45×12 *см*. Здесь так же, как в Хазараспе и в других античных крепостных сооружениях, между кирпичами лежит чистый пустынный песок, употребляемый, возможно, в качестве антисейсмического амортизатора. Судя по топографии и архитектурным приемам, крепость можно отнести к типу хорошо укрепленных жилых массивов кангюйского времени, как, например, Кюнерли-Кала. В первых веках н. э. жизнь здесь, по-видимому, прекратилась.

Второй бугор, Алма-Атышкан, сильно оплыл и не имеет точно выраженных очертаний. По-видимому, эта часть города неоднократно и надолго затоплялась. Разведочные шурфы показали, что здесь после античного открытого поселения жизнь повторилась на короткий период в V—VII вв.,

о чем свидетельствует также наличие на первом бугре значительного количества погребений в хумах; последний способ погребений во многих пунктах древнего Хорезма сопутствует погребениям в оссуариях. Вероятно, в афригидский период жизнь на первом бугре не возродилась, а потому он был использован под зароастрийское кладбище. Территория второго бугра и прилегающие к нему земли в X—XIII вв. представляли собой большое и густо застроенное поселение.

В 4—5 *км* к югу от Алма-Атышкана расположено селение Астана с огромным кладбищем, в середине которого возвышается большое здание, включающее мечеть, хонако и мавзолей; оно относится к началу XIV в. и приписывается шейху Мухтару (умер в 1287 г.)[39]. Само кладбище, несмотря на скудость археологического материала, дает основание предположить здесь существование большого древнего населенного пункта.

Следы древних населенных пунктов и других археологических памятников часто встречаются в местах, где присутствие их является совершенно неожиданным, и пополняют наше представление о древнем культурном облике рассматриваемого района.

Вот что сообщает хорезмийский историк Мунис: «...Да будет известно (читателю), что урочище Ак-Мечеть (в 5—6 *км* от Астана.—*Я. Г.*), представляло один из древних городов Херезма. Город был богатый и благоустроенный. После завоевания Хорезма Чингизханом он был опустошен, и следов строения не сохранилось, кроме фундамента большого хонако отца шейха Мухтара-Казы Умара. Хонако носило название Ак-Мечеть и потому все селение стало называться Ак-Мечетью»[40]. В 1937 г., во время археологической разведки в Южном Хорезме, нами были осмотрены земли селения Ак-Мечеть и действительно обнаружены остатки этого здания. Они представляют собой большой заболоченный участок, покрытый обломками средневекового жженого кирпича и комьями алебастра. Кирпич, по определению ныне покойного канд. архитектурных наук Б. Н. Засыпкина, принявшего участие в обследовании, типичен для XIII—XIV вв. Это обстоятельство в свою очередь подтверждает убедительность сообщения Муниса.

Хива также входит в число древних городов Южного Хорезма. Наиболее древней укрепленной частью города считается современная внутренняя часть «Ичан-Кала». Хива так же, как и Хазарасп, подвергалась многократным изменениям[41], что подтверждается археолого-архитектурными обследованиями. Время первоначального возникновения этого города точно определить трудно, поскольку в самой Хиве раскопки только начинаются, и стратиграфия древнего культурного слоя города археологам еще мало известна. Однако остатки старых сооружений и некоторые другие признаки проливают свет на историю возникновения и развития этого города.

На внутренней стороне городской стены, в самом основании ее, обнаружены остатки кладки из сырцовых кирпичей размерами 36×36×9 *см*, 38×38×10 *см* и 37×39×10*см*[42]; горизонтальные ряды их перемежаются с прослойками пахсы в 10—12 *см* толщиной. Здесь размеры кирпича и способ кладки крепостной стены показывают почти полную аналогию с рядом памятников земель древнего орошения V—VIII вв. н. э. Особое вни-

[39] Дата смерти — „آفتاب عالميان" — 686 г. хиджры (1287 г.).

[40] Баяни, شجرهٔ خوارزمشاهی, л 170.

[41] Худайберды Кош-Мухаммед, دل غرائب, ркп. Хивинского музея, л. 64.

[42] Из материалов археологической экспедиции ГАИМКа 1934 г. под руководством М. В. Воеводского.

мание привлекает тот факт, что основное жилое сооружение Хивинской цитадели «Акших-Баба» наподобие античных крепостей воздвигнуто на насыпном или естественном бархане. Последнее обстоятельство как характерный для античности традиционный прием требует специального изучения, прежде чем делать вывод о датировке здания.

Небольшое городище Исмамут (Исмамут-ата)[43] находится приблизительно в 20—25 *км* к юго-западу от селения Тахта, на самом окончании одного из концевых ответвлений канала Газават. Этот пункт упоминается как у Абулгази в XVII в., так и у позднейших авторов. Большая площадь (около 4—5 *га*) на самой границе между оазисом и Каракумами занята под кладбище. Несмотря на несколько возвышенное местоположение, оно неоднократно заливалось водой окружающего болота, очевидно вследствие больших разливов системы озер Зейкаш (Туну-Дарья). Вся земля представляет собой пухлый солончак, смешанный с разъеденной солью красноглиняной керамикой. Эти сосуды по своему тесту и обжигу уже знакомы нам по памятникам афригидского времени. Среди них встречаются тонкостенные сосуды темно-серого цвета, характерные для памятников Хорезма IX—X вв. Поливной керамики здесь не встречается.

С западной стороны к кладбищу примыкает возвышенность (около 2 *м*) площадью 170×170 *м*, также занятая под кладбище. На этой территории сооружен комплекс с весьма сложной планировкой, состоящий из длинной галереи с куполами, мечети, хонако и мавзолея. Среди них здание хонако по плану и по конструктивным деталям напоминает сооружения подобного типа в XIII—XIV вв. Остальная часть комплекса, по-видимому, построена в конце XVIII в., так как хивинский историк Мунис приписывает постройку здания в Исмамуте Абдурахману михтару, убитому Аваз Инаком в 1791 г.[44]

Городище Раит (Ваянган)—350×250 *м*—расположено на большой дороге в 1,5 *км* к юго-востоку от селения Амбар-Манак Шаватского района. Городище возвышается над окружающей местностью на 1,5—2*м*. Его восточная часть является наиболее древней. Судя по подъемному материалу, оно относится к типу античных укрепленных поселений. Городище окружено мощным валом и рвом, следы которого сохранились в виде болотистой лощины, заросшей камышом. Вся площадь его, по-видимому, с очень давних времен, используется под кладбище.

Западная часть городища когда-то была окружена толстой глинобитной стеной, следы которой сохранились местами под стеной более позднего времени.

Городище, возникшее в античный период, состояло из собственно крепости (западная часть) и открытого поселения (восточная часть). Ко времени арабского завоевания крепость, давно заброшенная, превратилась в кладбище, а жизнь продолжалась в открытом поселении. Укрепление этого поселения было произведено приблизительно ко времени арабского завоевания, после чего жизнь в нем продолжалась беспрерывно до монгольского нашествия. К IX—X вв. кладбище на территории античного укрепления значительно продвинулось к югу. На этом кладбище в XII в. был построен мавзолей шейха Хасана Соврани.

---

[43] Исм Махмуд-ата (اسم محمود آتا) Баяни, شجرهٔ حوارزمشاهی л. 215а.

[44] Баяни, Указ. соч., *л.* 99 *б.*

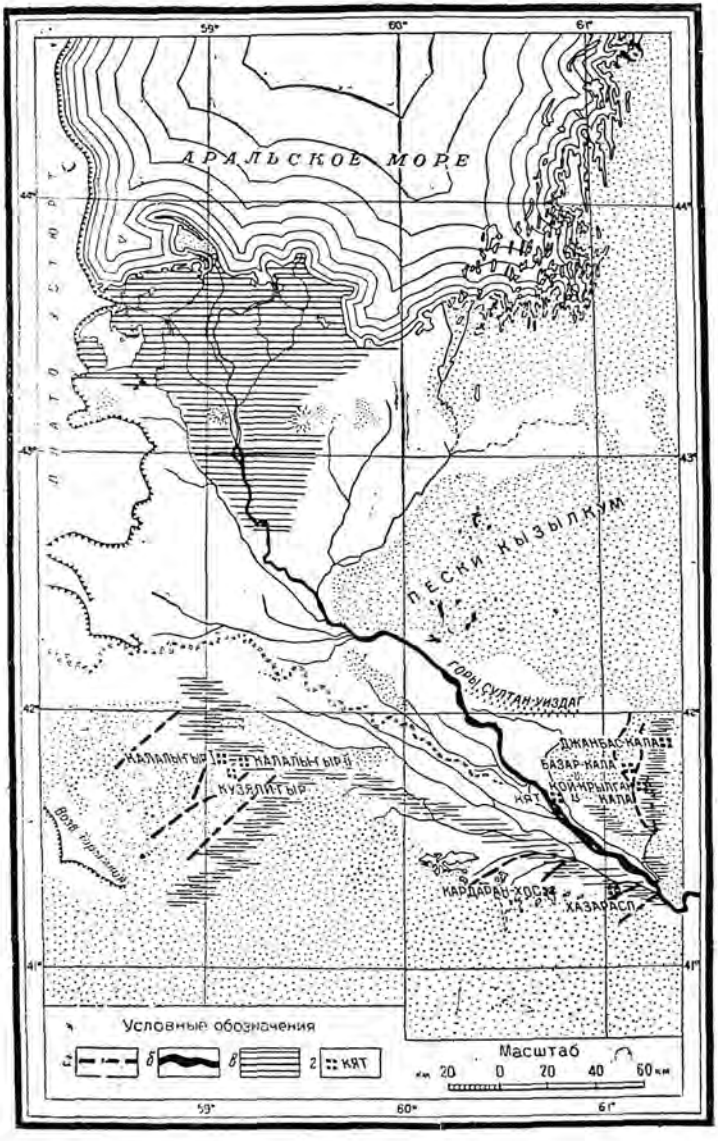


Рис. 6. Схема древнейшего этапа возникновения ирригации.

Условные обозначения: *а*—действующие каналы; *б*—действующее русло Аму-Дарьи; *в*—болота и разливы; *г*—города.

Теперь вернемся к вопросу о времени возникновения искусственных каналов в Хорезме.

Переход от использования естественных разливов к постройке магистральных каналов, как мы уже говорили, потребовал от древних земледельцев длительного накопления технических навыков и соответствующей организованности в новых социально-экономических условиях.

Процесс изменения способа орошения теснейшим образом связан с историей изменения общего рельефа оазиса, а следовательно, с изменением режима действия паводковых каналов.

Вся аллювиальная дельта, как уже сказано выше, исторически была связана со старыми руслами и протоками Аму-Дарьи, которые, в зависимости от их мощности и продолжительности действия, обусловливали размеры и мощность аллювиальных наносов на равнинах.

Всюду на поверхности этих аллювиальных равнин прослеживается залегание связанных с искусственным орошением так называемых культурно-ирригационных наносов, состоящих главным образом из осевших взвешенных наносов, смешанных с искусственными удобрениями, для которых использовали отвалы из каналов, культурные наслоения древних городищ, замков, глинобитные заборы и т. д.[45].

Необходимо несколько подробнее остановиться на весьма любопытном фактическом материале, не только характеризующем мощность и состав культурно-ирригационных наносов, но и помогающем в установлении древности искусственного орошения в разных районах Хорезма.

Гидрогеологические исследования Южного Хорезма помогли определить мощность и состав культурно-ирригационных наносов на разных участках оазиса.

Район южной и юго-западной окраины оазиса протягивается широкой полосой между каирами побережья Аму-Дарьи и склоном Каракумов, примерно от Ташсака через город Хазарасп, сел. Багат и далее между склоном Каракумов и древней поймой староречья Даудан через Хиву, Газиабад к поселению Тахта.

В этом районе культурно-ирригационные наносы образуют на аллювиальной равнине древней дельты почти сплошной покров, в некоторых местах достигающий мощности 3 *м* и более. Как подчеркивает Б. М. Георгиевский, в каждом из древних очагов развития поливного земледелия мощность культурно-ирригационных наносов распределяется неравномерно, увеличиваясь около древних каналов и уменьшаясь между ними; наиболее значительны они в центральной части и уменьшаются к периферии.

В широких междуарычных понижениях на границе с Каракумами культурно-ирригационные наносы совершенно отсутствуют.

Судя по мощности культурно-ирригационных наносов, район юго-западной окраины оазиса является наиболее древним районом поливного земледелия, возникшего в Южном Хорезме на левом берегу действовавшего протока Аму-Дарьи—Даудана[46].

Подобная же картина наблюдается и дальше, в районах, расположенных между Дауданом (Северным и Южным) и Дарьялыком, между последним и приамударьинской полосой, между протоком Суярган и Аму-Дарьей, на правом берегу ее и т. д.

Прежде чем рассмотреть историю возникновения и продолжительности действия искусственных каналов, необходимо обратить внимание на научные доводы, приводимые гидрогеологами, пытавшимися установить древность орошаемого земледелия.

[45] С. К. Кондрашев, Орошаемый Хорезм, М., 1931, стр. 65.
[46] Б. М. Георгиевский, Указ. соч., стр. 100—101.

Накопление культурно-ирригационных наносов в оазисе указывает на возникновение поливного земледелия в Южном Хорезме еще в те времена, когда часть амударьинских вод проходила в Сарыкамыше по действовавшим левобережным протокам Даудан и Дарьялык. Возникнув на аллювиальной равнине дельты, по сторонам древней поймы действовавшего протока Даудан, оно развилось затем по сторонам древней поймы протока Дарьялыка, а после отмирания этих протоков—в их поймах и, наконец, на современной пойме Аму-Дарьи, так называемых «каирных» землях.

Рассматривая генезис культурно-ирригационных наносов, Б. М. Георгиевский считает, что распространение поливного земледелия в Южном Хорезме происходило в хронологической последовательности развития последнего периода формирования аллювиальной равнины древней дельты и шло параллельно с ним. Древность поливного земледелия в разных районах Южного Хорезма может быть примерно исчислена по мощности культурно-ирригационных наносов в этих районах.

Согласно подсчетам Б. М. Георгиевского, наносы ежегодно повышают поверхность поля на 0,5 *мм*.

Исходя из этого, древность возникновения поливного земледелия, определяющаяся мощностью культурно-ирригационных наносов, исчислена Б. М. Георгиевским для основных районов Южнохорезмского оазиса в следующих пределах:

1. Район южной и юго-западной окраины оазиса с южной стороны древней поймы староречья Даудана—до 2000 лет.

2. Район между древними поймами староречий Даудана и Дарьялыка—до 1750 лет.

3. Район между древней поймой староречья Дарьялыка и «каирными» землями современной пойменной террасы Аму-Дарьи—около 900—1000 лет.

4. Район древней поймы староречья Даудана—800—1000 лет.

5. Район древней поймы староречья Дарьялык—400—500 лет.

6. Район «каирных» земель современной пойменной террасы Аму-Дарьи: в части наиболее удаленной от Аму-Дарьи—до 250—350 лет, в части ближайшей к Аму-Дарье—не более 50 лет.

Повышение поверхности поливных земель в результате нарастания культурно-ирригационных наносов привело к постепенному увеличению глубины арычной сети, водные горизонты в которой оставались на прежних уровнях[47].

Первые и последующие паводковые каналы дофеодального Хорезма были очень примитивными и сооружались древними земледельцами в полной зависимости от уровня дна протока реки, разливами которого пользовались, учитывая все условия микрорельефа трассы, чтобы избежать углубления выемки. Для того, чтобы довести воду до намеченного пункта, древние земледельцы лишь подправляли естественный тальвег, вследствие чего каналы получались мелкими и широкими. Они возмещали этой шириной недостаточную глубину русла, так как иначе канал не смог бы принять всю паводковую воду. В результате большая площадь водной поверхности и незначительная толщина слоя воды в канале способствовали быстрому нагреванию воды, а следовательно, и чрезмерному ее испарению. В то же время количество воды, подведенной в кангюйско-кушанское время, например, в районы Базар-Калы, Джанбас-Калы или Кургашин-Калы, значительно превышало потребность в ней, и ее приходилось отводить в низины. Такие неэкономичные ирригационные сооружения были возмож-

[47] Б. М. Георгиевский, Указ. соч., стр. 95—101.

ны только в условиях рабовладельческого хозяйства, поскольку правители деспотических царств обладали широкой властью над подчиненными им родоплеменными союзами и располагали большим количеством рабов-военнопленных.

Исследования ирригационной сети на землях древнего орошения показали, что каналы в период античности (районы Кыркқыз, Кургашин-Кала, Базар-Кала и Джанбас-Кала) имеют незначительную по глубине выемку при большой ширине русла.

В средние века мы имеем обратное соотношение (например Гульдурсунский канал). На берегах заброшенных античных каналов лежат широкие полосы береговых насыпей, тогда как берега средневековых каналов имеют насыпи только в районах холостого пробега воды, а в районе оазисов эту землю разбирали на удобрение, оставляя только необходимый минимум. Углубление русла каналов в период средневековья объясняется тем, что в связи с нарастанием культурно-ирригационных наносов происходило и некоторое повышение рельефа, в основном же—необходимостью орошения все более увеличивающейся площади оазиса, в силу чего водозаборные сооружения каналов передвигались все выше по течению реки, чтобы обеспечить подачу воды к самым окраинным точкам оазиса.

В качестве иллюстрации изменения соотношения между шириной и глубиной каналов античного и средневекового Хорезма приводим таблицу, составленную по материалам Хорезмской археологической экспедиции.

Наименование пункта	Ширина канала, *м*	Ширина береговой насыпи, *м*	Высота насыпи, *м*	Время функционирования канала
Ок. Джанбас-Кала	15	5	1,5	кангюйское
Ок. Базар-Кала	15	5—6	1,75	»
Ок. Кургашин-Кала	10	5	3—4	кушанское
Ок. Кыркқыза	30	12	3—4	»
Ок. Ангка-Кала	12	11	1	афригидское
Ниже Гульдурсуна	9,5	11	4	»
Тот же канал немного ниже	7	9,5	2	»
Ок. Якке Парсана	7	3	1	»
Ок. Карга-Тышкан-Кала	10	5	3—4	»
Ок. Кызыл-Кала	11	19	4	хорезмшахское
Ок. Кават-Кала	3,5	4	0,6	»

В период раннего феодализма в связи с углублением каналов были изобретены новые способы подъема воды на поля с помощью чигирей.

Приведенный выше археологический обзор левобережной части Южного Хорезма убеждает нас в одновременном возникновении и развитии искусственного орошения как здесь, так и в наиболее древнем оазисе правобережья—Базаркалинском.

Қюнерли-Кала, Қандум-Кала, Топрак-Кала (около Амбар-Манака), ряд городищ на среднем течении Даудана и по Чермен-Ябу—Хазарасп, Каладжик, Алма-Атышкан—связаны с рядом больших искусственных каналов, а в хронологическом отношении—с существованием ряда ранних правобережных городищ—Джанбас-Кала, Қой-Крылган-Кала и т. д. В этих районах наблюдается общность исторического процесса развития земледельческого хозяйства и ирригации.

До последнего времени вопрос о конечном пункте канала Чермен-Яб оставался спорным. В результате археологических авиаразведок выясни-

лось, что, не доходя возвышенности Гяуркыр, Чермен-Яб делится на два протока. Южный проток огибает возвышенность с юга и с запада; на северо-западе он опять соединяется с северным протоком и единым руслом направляется в Сарыкамыш. Этот факт вновь возвращает нас к заключению Бируни относительно старого течения Аму-Дарьи в Сарыкамыш через район Чермен-Яба. Бируни, несомненно, было известно действительное направление сухого Черменябского русла.

По утверждению С. П. Толстова, ложе искусственного Черменябского канала до окрестностей Гяур-Калы проходит по руслу так называемого Южного Даудана. Следовательно, разрешение вопроса о прекращении течения по Даудану и возникновении магистральных каналов в Южном Хорезме значительно осложняется.

Отсутствие ранних археологических памятников типа Кюзелигыр на самом Черменябском канале и в районе Кандум-Калы на Северном Даудане заставляет предположить, что во второй половине I тысячелетия до н. э. периодически происходило усыхание Даудана, что в свою очередь вызвало необходимость в искусственном регулировании иссякающих вод Даудана по Черменябскому руслу.

По исследованиям А. В. Каульбарса и В. В. Цинзерлинга, истоки Даудана следует искать значительно ниже истоков Ташсака, там, где находятся другие, более ранние, головы Палван-Яба. В таком случае район Хазараспа не мог быть орошаем Дауданом. Вполне возможно, что истоки Даудана находились в районе Ташсака, т. е. там, где бурные потоки реки по выходе из Тюя-Муюна смогли преодолеть сопротивление берега. Таким образом, находит подтверждение другое заключение А. В. Каульбарса о том, что Палван-ата течет по дну бывшего здесь значительного естественного русла[48], основанное как на положении старых русел, известных под названием Даудан, так и на чрезвычайной извилистости русла Палван-Ата, возможной лишь в местности с наличием старых русел[49].

Таким образом, сначала в связи с разливами Даудана, а потом путем регулирования его вод, возникли искусственные каналы Палван, Газиабад, а также другие каналы, соответствующие позднейшим каналам Шахабад и Ярмыш.

Чермен-Яб вначале питался водою из Даудана с помощью протока, отделявшегося от него в 15—16 *км* к юго-востоку от Ильялы, а затем, по всей вероятности, из канала Газиабад; иначе нельзя объяснить возникновения на концевых пунктах искусственных каналов таких крупных укрепленных поселений, как Гяур-Кала, Кюнерли-Кала и др. Возможно, что ко времени возникновения искусственных каналов ослабевшее течение Даудана регулировалось по руслу Чермен-Яба, с чем, очевидно, связано возникновение ряда памятников кушанского времени на вновь освоенных землях по Чермен-Ябу.

Базируясь на общем обзоре археологических памятников Южного и Юго-западного Хорезма, безусловно связанных с искусственным орошением, можно смело сделать вывод, что многие искусственные каналы возникли более двух тысяч лет назад; следовательно, гидрогеологические вычисления Б. М. Георгиевского подтверждаются данными археологии. О точном совпадении этих данных говорить не приходится, так как гидрогеологи не учитывают некоторых исторических моментов археологической периодизации развития ирригации и по археологическим данным давность возникновения орошения значительно превышает данные гидрогеологии с

[48] А. В. Каульбарс, Указ. соч., стр. 367.
[49] Там же.

учетом тех периодов в истории ирригации, когда опустошались целые районы древнего орошения и жизнь в них замирала на несколько столетий. Эти факты наблюдаются в бассейне любого крупного искусственного канала, который мог действовать в античный период, а во времена хорезмийских афригидов жизнь в его бассейне прекратилась и вновь была восстановлена лишь в IX в. Данные подсчетов культурно-ирригационных наносов также нельзя принимать без критического анализа, так как гидрогеологи при вычислении культурно-ирригационных наносов исходят из одинакового расчета для всего периода орошаемого земледелия.

Ирригация и земледелие в той или иной форме предшествовали появлению археологических памятников, которые мы связываем с созданием регулярных искусственных каналов.

Изучая историю развития земледелия и ирригации на землях древнего орошения на правом берегу Аму-Дарьи, мы имеем дело с оазисами, давно покинутыми жителями, изобилующими сохранившимися памятниками минувшей культуры. В Южном же Хорезме, расположенном на левобережье Аму-Дарьи, где непрерывно действует ирригационная сеть, где с каждым годом образуются все новые культурные наслоения, мы не можем визуально определить, какие памятники первобытности скрываются под почвой, и здесь нас ориентируют только сохранившиеся наземные памятники самого отдаленного прошлого.

Земли, расположенные на правобережной полосе Даудана, где напластования культурно-ирригационных наносов сравнительно меньше, чем в левобережье, заслуживают весьма серьезного внимания; тут почти все археологические памятники, за исключением ранней части Кандум-Калы, относятся главным образом ко времени кушанского царства (городище Раит, поздняя часть Кандум-Калы, Куня-Уаза и его окрестностей датируются I—IV вв. н. э.).

В соответствии с характером общего уклона и микрорельефа местности, течение Даудана почти всюду шло под напором к правому берегу, который вследствие этого стал очень крутым. Левый же берег Даудана более пологий. Это последнее обстоятельство обусловило развитие там раннего земледелия и ирригации. К этому же периоду можно отнести левобережные магистральные каналы Палван-Яб и Газиабад. Следы более древней культуры, наблюдающиеся по всей полосе левого берега, на правом берегу отсутствуют. Магистральные каналы на более крутом правом берегу Даудана, по-видимому, были созданы при кушанах, когда ирригация приобрела уже развитой характер, о чем свидетельствуют и археологические памятники этого района.

Теперь вернемся к рассмотрению истории ирригации в правобережном Хорезме.

В первой главе настоящей работы мы занимались тщательным разбором исторического процесса возникновения так называемого Базаркалинского канала.

Последний был крайним восточным из самых древних каналов правого берега. Базаркалинский канал, как было сказано выше, явился здесь первым опытом хорезмийцев в переходе от использования естественных разливов к искусственным каналам.

Хорезмские мирабы, а также местные старожилы-пастухи и опытные проводники, единогласно утверждают, что головы древних каналов находятся на урочище Аккамыш ок. 70 *км* южнее Шаббаза. Осенью 1946 г., в беседе с инженером М. М. Лукьянченко[50] выяснилось, что голова Пахта-

[50] М. М. Лукьянченко возглавлял тогда работы по перестройке головной части Пахта-Арны.

Арны еще в 1928 г. была перенесена в этот пункт и находится в 69 *км* южнее Шаббаза.

Работами гидрогеологов и археологов за последние годы установлено, что истоки древнего протока Суярган находятся на Аккамыше. Его русло особенно хорошо прослеживается с воздуха; образуя аллювиальную равнину на Аккамыше, оно уходит в глубь песков, сперва в северо-восточном, а затем, на широте сел. Шурахан, в северном направлении[51].

Голова древнего Базаркалинского канала соответствует верхнему участку Суяргана. Возможно, что истоки средневекового канала Гаухоре и современного канала Пахта-Арна совпадают и находятся на Аккамыше. Это обстоятельство ярко иллюстрирует нашу схему процесса возникновения каналов сначала в низовьях русла по его боковым разливам, а затем, по мере усыхания протока, непосредственно по его верхнему руслу, или около него, обходя полосы тяжелых песков.

Своим ранним происхождением в отдаленном от реки районе, где первобытные памятники получили наибольшее распространение, Базаркалинский канал обязан лишь разливам Суяргана; канал первоначально не имел разветвлений и направлялся на север, выходя через современный Кельтеминарский оазис в район Базар-Калы. Пройдя с западной стороны Базар-Калы, он попадал в обширные низины. От него на юге отделялся рукав, орошавший окрестности Кой-Крылган-Калы. В нескольких километрах ниже Ангка-Калы[52] отделялся другой значительный рукав, который проходил по западной стороне Джанбас-Калы и также терялся в низинах. Сухое русло Базаркалинского канала было использовано в XIX в. в качестве почтово-караванной дороги, соединявшей Шурахан с Казалинском.

Ложе канала довольно хорошо прослеживается за пределами Кельтеминарского оазиса; заметно, что канал был нивелирован древними ирригаторами по сравнительно возвышенной полосе такыров. Ширина орошаемой такырной полосы не позволяла углубить трассу потому, что длина оросительной сети, идущей в сторону от канала, оказалась бы недостаточной для вывода воды на поверхность. Единственным выходом из положения для ирригаторов было бы удлинение холостой части мелких каналов с приближением их к основному каналу, но это было бы возможно только в условиях умеренного микрорельефа.

Выше мы приводили археологическую характеристику памятников древнего оазиса в районе Кой-Крылган-Калы, Базар-Калы и Джанбас-Калы, которая в общей сложности позволяет заключить, что эти три мощных укрепленных пункта действительно существовали в древнем оазисе в кангюйское время.

Результаты исследовательской работы в части увязки сведений античных письменных источников с археологическими фактами пока далеко еще не достаточны.

Кроме надписей Дария и Ксеркса, серьезного внимания заслуживают греческие источники периода греко-македонского владычества, свидетельствующие о самостоятельности Хорезмского государства. Из них мы узнаем, что Хорезм не был сатрапией ахеменидского государства. Правитель Хорезма, так же как и царь ахеменидского Ирана, носил титул царя. Это

---

[51] Русло Суярган отмечено на схематической ирригационной карте низовьев Аму-Дарьи, составленной под руководством инж. Ф. П. Моргуненкова, изданной в 1928 г. в Ташкенте в масштабе 2 *км* в 1 *см*. На карте низовые части протока, однако, показаны неточно.

[52] С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г., Известия АН СССР, сер. истории и философии, 1947, № 2.

совершенно точно и ясно засвидетельствовано в текстах Арриана о посещении Александра Фарасманом, царем Хорезма, с 1500 всадниками. Фарасман, называвший себя соседом колхов и амазонок, предлагал Александру, в случае, если он предпримет поход против этих последних и захочет подчинить себе живущие у Эвксинского моря племена, быть его проводником в этом походе и доставлять войску провиант. По словам Арриана, (Александр) «похвалил Фарасмана и заключил с ним дружбу и военный союз, говоря, что еще не время предпринимать поход на Понт. Он отрекомендовал затем Фарасмана Артабазу, которому передал управление Бактрией, и другим сатрапам» (Арриан, Анабасис Александра, IV,7).

Эти слова Фарасмана свидетельствуют не только о независимом положении Хорезмского царства, но и о широкой его экспансии в Заволжье далеко за пределы Хорезма. Возможно, что уже тогда было положено начало активному вмешательству Хорезма в политическую и культурную жизнь Хазарского царства, взаимоотношениям Хорезма с киевскими князьями в X—XI вв. и, наконец, включению Хорезма в состав Джучиева улуса в XIII в. и т. п.

Если проследить весь исторический процесс в странах Переднего Востока (Двуречье, Египет), где искусственное орошение появилось намного раньше, чем в Хорезме, то сразу станет ясной историческая закономерность возвышения Хорезма. Искусственное орошение само по себе было продуктом деятельности оседлого земледельческого населения, как активного ядра конгломерата родоплеменных союзов воинственных племен. Само же это земледельческое население могло развиваться, развивать ирригацию, организовывать защиту оазиса, создавать города только при условии тесного контакта между оазисом и степью в системе могущественного государства.

Переход от местных, сравнительно пассивных, способов орошения к постройке магистральных каналов, а также обеспечение их сохранности, едва ли могли быть осуществлены без участия сильного централизованного правительства, взявшего это дело в свои руки.

«Эта элементарная необходимость,—пишет Маркс,—экономного и совместного использования воды, которая на Западе заставила частных предпринимателей соединяться в добровольные ассоциации, как во Фландрии и в Италии,—на Востоке, где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, повелительно требовала вмешательства централизующей силы правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно, функция организации публичных работ.»[53] Эта функция с древнейших времен касалась не только ирригации и земледелия, но и организации безопасности границ и караванных дорог, где специальные разведывательные отряды следили за сохранностью колодцев в пустынях. Недаром в большом отдалении от оазиса, на транзитных дорогах Хорезма, как вдоль берегов Аму-Дарьи, так и на так называемой Шахристанской дороге, по Чермен-Ябу еще в кангюйское время возникли мощные укрепленные поселения.

Маркс вполне справедливо подчеркнул общность функций центральных правительств стран Востока, говоря, что «индусы, подобно всем восточным народам, предоставляют центральному правительству заботу о

[53] К. Маркс, Британское владычество в Индии, Сб. статей К. Маркса об Индии, М., 1933, стр. 6.

крупных общественных сооружениях, являющихся основными условиями их земледелия и торговли...»[54]

В лице Фарасмана и его преемников мы видим тех царей античного Хорезма, при которых не только произошло объединение Хорезма и началась широкая экспансия за пределы собственной территории, но и осуществлено было новое ирригационное строительство.

Резюмируя, мы можем представить себе ход исторического развития Хорезма к образованию ранних деспотических государств в следующем виде.

Экономический сдвиг, вызванный развитием примитивного орошаемого земледелия эпохи бронзы, вызвал в свою очередь сдвиг в политической и идеологической жизни общества. Роды, племена и их союзы выступают защитниками орошаемых оазисов, что и послужило в конечном счете базой для подготовки того перелома в общественной жизни оазиса, в результате которого во второй четверти I тысячелетия до н. э. оформились классовые отношения, возникли города и сложились деспотические царства.

Последнее обстоятельство явилось решающим в переходе к искусственному орошению. Оно было силой, мобилизующей не только племена и роды, но также и рабов на проведение магистральных каналов, возведение дамб и иных сооружений.

Результаты изучения древнеперсидских и древнегреческих сообщений, а также археологического материала, позволяют осветить некоторые моменты в истории образования этих царств.

Прежде всего, мы можем локализовать все три группы сакских объединений следующим образом:

1. Сака тиай-тара дарая надлежит локализовать на нижнем течении Сыр-Дарьи и далее на запад, вплоть до границ Азии с Европой.

2. Сака тиграхауда занимали земли по среднему течению Сыр-Дарьи до пределов Алтая.

3. Сака хаумаварка можно локализовать в горах и равнинах Средней Азии, вплоть до Гиндукуша.

Собственно говоря, население всех цивилизованных областей Средней Азии, таких как Бактрия, Мерв, Согд, Фергана, Хорезм и т. п., состояло из этой последней группы саков; вероятнее всего также и массагетская конфедерация сакских племен состояла главным образом из саков хаумаварка.

Время возникновения этого сакского царства, как это сейчас уже не вызывает сомнения, относится к середине первой половины тысячелетия до н. э.; вполне допустимо также существование нескольких сакских царств, прибегавших иногда к совместным действиям. По имеющимся фактам, весьма вероятно также, что одно из могучих сакских царств, возглавлявшее области саков хаумаварка, образовалось в Хорезме.

По сообщению Геродота, в VII в. до н. э. часть скифов (саков), вытесненная массагетами, перешла Волгу и удалилась в земли киммерийцев (Геродот, История, IV, 11) что, безусловно, связано с большими политическими событиями в массагетской конфедерации с центром в Хорезме. Эта конфедерация тогда же предприняла экспансионистское движение в пределы Европы—по-видимому, успешное—в пользу чего говорит заявление хорезмийского царя Фарасмана Александру Македонскому о своем соседстве с колхами (Арриан, Анабасис Александра, IV, 15).

Хорезмийское царство распространило свои устремления и на юг, в

---

[54] К. Маркс, Британское владычество в Индии, Сб. статей К. Маркса об Индии, М., 1933, стр. 8.

области Южного Туркменистана, соперничая в этом с мидийским царством.

«При царе Артине,—пишет Диодор,—от мидян отпали парфяне, вручив землю и города сакам. Тогда между саками и мидянами возникла война, ... сакские цари переселили мидийские племена к Танаису (Сыр-Дарья» (Диодор, Библиотека, II, 34, 1 и 43, 6).

Из античного романа о скифской царице Зарине и мидийском военачальнике мы узнаем о военных действиях между саками и мидянами.

В известном рассказе Геродота об оазисе Акес, который локализуется нами в бассейне р. Теджена, имеется свидетельство, что до персов, т. е. до возвышения ахеменидской державы, этот оазис принадлежал хорезмийцам.

Таким образом, несмотря на отрывочность и непоследовательность античных известий, создается ясное представление о том, что основным соперником мидийского царства в борьбе за господство над Парфией, Гирканией и более восточными областями Южного Туркменистана выступает Хорезмийское царство, действовавшее, по-видимому, иногда совместно с соседними сакскими племенами.

Возвышение ахеменидов в Персии и вхождение Хорезма в число данников Персии в V в. до н. э. совершенно не означает, что Хорезмийское царство перестало существовать и превратилось в сатрапию ахеменидов. Возможно, что Хорезмийское царство на какое-то время ослабело и стало данником персов; но уже во второй половине IV в. до н. э., как нам известно, Фарасман выступает перед Александром не как персидский сатрап, а как царь Хорезма.

Деятельность древних хорезмийцев по широкому ирригационному освоению всей дельты Аму-Дарьи развернулось именно в этот период; мы уже знакомы с обзором археологического материала, характеризующего весь этот исторический процесс.

Первоначальными водными рубежами хорезмийцам служили разливы Аму-Дарьи по дельтовым протокам. Воды Аму-Дарьи когда-то, в отдаленной древности, по выходе из теснины Тюя-Муюн образовали два мощных протока слева—Даудан и справа—Суярган.

Воды по Даудану доходили до Сарыкамышской котловины и, быть может, периодически изливались в Узбой. Вся древнейшая ирригационная система в районе Калалыгыр и Кюзелигыр, а также по Чермен-Ябу, была основана на местном регулировании разливов Даудана.

Такая же картина наблюдается и в пределах Южного Хорезма. Древнейшие магистральные каналы левобережного Хорезма—Палван и Газнабад — возникли на базе Даудана.

К тому же заключению можно прийти, изучая бассейн Суяргана, т. е. правобережный Хорезм.

Глава IV

ИРРИГАЦИЯ В ХОРЕЗМЕ В ПЕРИОД РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ (IV В. ДО Н. Э. — IV В. Н. Э.)

1. ПЕРИОД РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ИМПЕРИЙ

В западной части Хорезмского оазиса нами были отмечены факты широкого заселения земель правобережного Хорезма вплоть до самой Аму-Дарьи (см. главу II), что подтверждается находками памятников эпохи бронзы и в особенности широким распространением амирабадской культуры. Это обстоятельство свидетельствует об освоении этих земель и в период раннего железного века, что, по-видимому, было вызвано длительным всеобщим обводнением боковых притоков Аму-Дарьи по Суяргану и по полосам «длинных уйев».

По-видимому, на упорядочение истоков Суяргана, в связи с регулированием трассы Базаркалинского канала, было положено много труда, чтобы предупредить стихийные прорывы вод во время паводков, нарушавшие режим канала; мы знаем много примеров таких мероприятий в нижней дельте в XIX в. Это обстоятельство, вероятно, сильно сократило зону распространения естественных разливов и привело к искусственному обводнению западной полосы земель древнего орошения.

О крупных политических событиях в истории Хорезмского царства после походов Александра мы письменными известиями не располагаем. Но зато о многом — о расцвете античной культуры, ремесла и ирригации, — и, прежде всего, о быстром развитии социального неравенства, свидетельствуют археологические памятники этого периода как в правобережном, так и в левобережном Хорезме.

Нет известий о том, каково было участие Хорезма в изгнании селевкидов и образовании местных рабовладельческих империй аршакидов и Греко-Бактрии, а также о политическом положении Хорезма в составе Кангюйского царства, которое мы, разделяя точку зрения В. В. Бартольда, локализуем в бассейне среднего течения Сыр-Дарьи, на территории Казахстана. Однако в том, что Хорезм во всех этих событиях играл видную роль, нас убеждают нижеследующие исторические факты и известия:

а) впервые о стране Кангюй, расположенной примерно на территории Южного Казахстана, как известно, сообщают нам китайские известия II в. до н. э.;

б) все исторические известия сводятся к тому, что Кангюйское царство было грозным соперником Греко-бактрийского в борьбе за господство над Согдом;

в) Кангх (Канг) — название области по средней Сыр-Дарье; оно очень древнее и к нему восходит как название царства Кангх (Кангюй),

так и название большого средневекового племени канглы, означающее «выходцы из страны Канг»;[1]

г) Юеген, упоминаемый в китайских известиях того времени как составная часть Кангюйского царства, скорее может быть отождествлен с Узгеном на средней Сыр-Дарье, чем с Ургенчем в левобережном Хорезме. (Ургенч до XIII в. носил название Гургандж).

д) таким образом, исчезновение Хорезмского царства с исторической арены в III—II вв. до н. э. обусловливается усилением Кангюйского царства, покорением им Хорезма, вытеснением даев из нижней Сыр-Дарьи, появлением последних на территории Хорасана; с этим крупным событием связано также и создание большой стены вокруг Мервского оазиса;

е) вполне понятно, что Хорезм как богатая и более цивилизованная страна в системе мощного Кангюйского кочевого царства мог сыграть первенствующую экономическую и культурную роль, и политически подчиненное положение Хорезма нисколько не мешало его экономическому развитию. Решающая роль в этом подъеме принадлежала экономике поднимающегося рабовладельческого строя, что доказывается непрерывностью роста орошаемой площади, расширением ирригационной сети, возникновением все новых городов, крепостей и т. п.;

ж) обращает на себя внимание сообщение историка Табари, что во время нашествия арабов владетели среднеазиатских городов-государств собрались на большой военный совет в одном из городов близ Хорезма. Это также является подтверждением ведущей роли Хорезма даже в период его политически подчиненного положения.

К началу нашей эры завершилась грандиозная работа по созданию крупных магистральных каналов правобережного и левобережного Хорезма.

Рабовладельческий строй в Средней Азии достиг своего расцвета при кушанах. По данным исследований последних лет, ирригация этого периода была доведена до небывалых прежде масштабов. Это, в свою очередь, было вызвано растущей потребностью в расширении орошаемой площади в связи с усилением крупного землевладения рабовладельческой аристократии, сопровождавшимся распадом общин.

Развитие рабовладельческого города в тот период также достигло высокого предела: гончарное дело, ткацкое ремесло, обработка металла, строительное дело и т. п., как по изысканности и качеству изделий, так и по размаху их производства также достигли высокого расцвета. Количество и качество изделий явно указывают на широкотоварный характер производства и на значительные размеры международной и внутренней торговли.

Степень развития письменности, культуры, религии, архитектуры и искусства характеризует степень развития экономического базиса и государственности и вместе с тем убеждает в отсутствии существенных различий между социально-экономическими отношениями рабовладельческого строя на Западе и Востоке.

Только отсутствие местных письменных известий об этом периоде (вспомним, что арабы уничтожили все памятники письменности завоеванных ими народов Средней Азии) не позволяет историкам подробно

---

[1] «Кангдиз» древнеиранской легенды не имеет под собой исторической почвы; ему, скорее всего, вообще не суждено быть локализованным на какой-нибудь определенной территории.

осветить восстания рабов и другие общественные движения, которыми, безусловно, была богата эта эпоха; однако активные выступления рабов в период раннего феодализма, как события последнего этапа массовой борьбы рабов в общей волне антифеодальных выступлений обездоливаемого крестьянства, позволяют нам делать широкие выводы в этом отношении.

Около начала I в. н. э. на Хорезм распространяется экспансия кушанов. Хорезм, войдя в состав государства кушанов, не потерял своей самостоятельности и его экономический и культурный рост продолжался. Развитие ирригационной сети не прекращается, происходит перепланировка старых и создание новых крепостей и населенных пунктов. Так, северо-восточный угол Базар-Калы превращается в небольшой городок с новым фортификационным устройством, типичным для кушанского времени. На окраинах оазиса возникает новая линия крепостей — Гяур-Кала на нижнем Чермен-Ябе, кушанская часть Кандум-Калы, Дев-Кескен на чинках Устюрта и др. К этому времени, по-видимому, завершается и сооружение Кырккызского и Топраккалинского каналов с большими водозаборными сооружениями. Расширение ирригационной сети обусловило постройку ряда хорошо укрепленных городов и крепостей, как Шурахан, Большой Гульдурсун, Малый Кырккыз, Топрак-Кала, Кызыл-Кала, Аяз-Кала, Кургашин-Кала. Археологические раскопки выяснили древнюю схему развития всей этой деятельности, в соответствии с которой на месте ответвления каждого из каналов была построена довольно мощная крепость; подобные же крепости в обязательном порядке строились и на конце каждого канала.

Фортификационные сооружения Большого Гульдурсуна и другие памятники материальной культуры, найденные как в крепости, так и на территории поселения, заставляют отнести этот памятник не к кушанскому времени, а к несколько более раннему, а именно к I—II вв. до н. э. Заслуживают внимания развалины крепостей Малый Кырккыз и Бурлы-Кала, находящиеся на конце ответвления Гульдурсункырккызского канала, отходящего в районе Уй-Кала. Оба памятника по всем своим археологическим признакам относятся к позднекангюйскому периоду. Это обстоятельство позволяет датировать Гульдурсункырккызский канал этим же временем.

Вполне допустимо, что возникновение крепости Шурахан на этом водоразделе было вызвано как большим подъемом ирригации в Кырккызском и Топраккалинском оазисах, так и восстановлением ирригации Базаркалинского оазиса. Доминирующее положение перешло в руки владельцев Гульдурсунского канала; надо полагать, что последние, построив крепость Шурахан, стали использовать свое более выгодное по сравнению с водопользователями оазиса Базаркалинского канала положение.

Большой Гульдурсун, античная крепость в виде неправильного четырехугольника (280×230 *м*) с двойными стенами, снабженными стреловидными бойницами, подобно Шурахану расположен у места разветвления двух больших каналов — Кырккызского и Топраккалинского. Во внутреннем дворе можно заметить следы больших построек с красноглиняной керамикой раннекушанского образца. В XII—XIII вв. крепость Гульдурсун была перестроена; внутренняя стена была разобрана, а внешняя с бойницами сохранилась, причем снаружи она была одета массивной

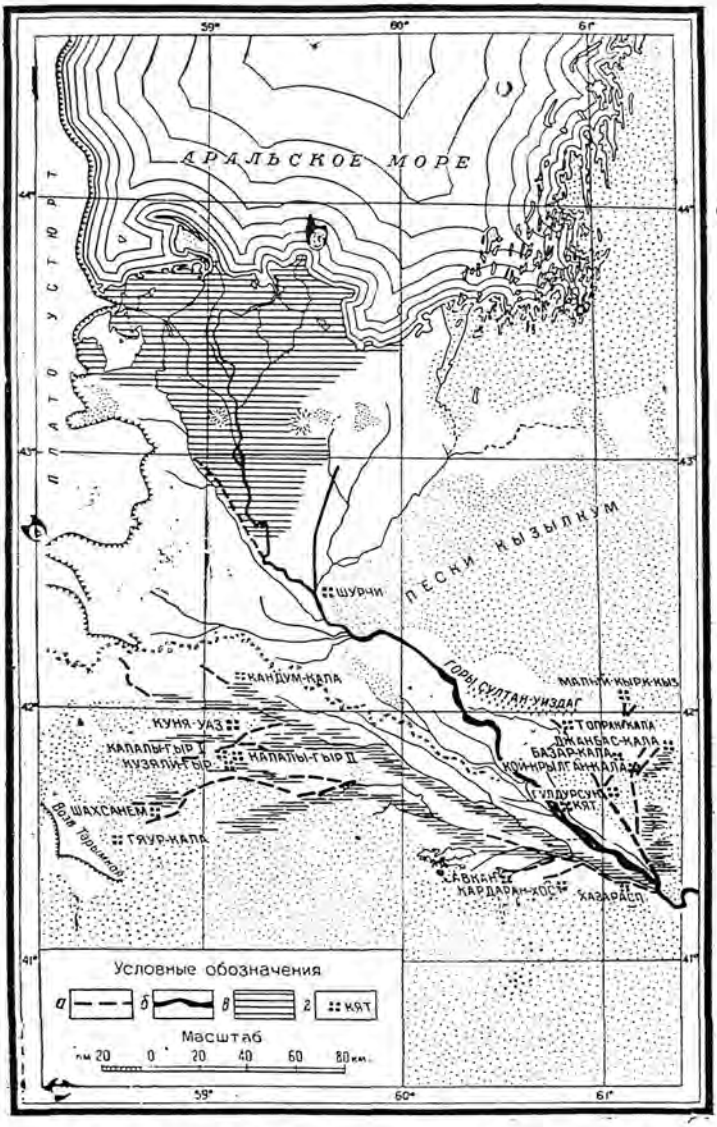


Рис. 7. Схема второго этапа развития искусственного орошения в Хорезме. IV—I вв. до н. э.

Условные обозначения: *а*—действующие каналы; *б*—действующее русло Аму-Дарьи; *в*—болота и разливы; *г*—города.

пахсовой стеной. В результате все бойницы оказались обращенными внутрь крепости.

Античный предвратный лабиринт входа в средние века также подвергся перестройке. Возле него раскинулось поселение античного времени.

Следы Гульдурсунского канала сохранились в некоторых местах к северо-западу и западу от сел. Шурахан на территории сел. Улубаг в виде нескольких рядов больших, земляных валов, ориентированных прямо на Гульдурсун.

Сухое ложе канала между Улубагом и Турткулем в настоящее время частично использовано под автомобильный тракт.

Параллельное расположение валов и разная степень их сохранности говорит, прежде всего, о длительном функционировании канала. Систематическая чистка его в течение продолжительного времени имела результатом чрезмерное разрастание береговых валов; выброс новых отвалов становился невозможным, обусловливая практику прокладки рядом со старой новой трассы.

Эта картина характерна и для многих паводковых каналов левого берега Аму-Дарьи.

Старое ложе Гульдурсунского канала было уничтожено поздними земледельцами на удобрение и ниже сел. Улубаг не прослеживается. Оно появляется вновь в зоне мертвого (до 1928 г.) оазиса на правобережье канала Тазабаг-Яб. Здесь оно имеет вид четко выраженного искусственного канала с хорошо сохранившимися береговыми насыпями и отвалами от чистки дна. Подходя к Гульдурсуну, старое русло канала огибает крепость с юга и с запада, откуда направляется на север и северо-восток и вступает в древний Беркуткалинско-Кырккызский оазис. Сохраняя северную ориентацию, ложе канала проходит посредине этого оазиса. Перед развалинами Уй-Кала в 5—6 *км* к югу от них канал разделяется на две ветви. Правая ветвь как продолжение основного течения, сильно уменьшаясь, уходит далеко на север и выходит на Кырккыз-Кала и Кургашин-Кала около колодцев Кокчи. Левая ветвь прямым руслом направляется на северо-запад и выходит в окрестности крепости Малый Кырккыз. Доступ в оазис Беркуткалинско-Кырккызского канала замкнут с севера цепью античных крепостей — Кургашин-Кала, Кырккыз и Малый Кырккыз.

Длина Беркуткалинско-Кырккызского канала от Шурахана до Кургашин-Кала около 70 *км*, а ширина его оазиса в окрестностях Беркут-Кала не превышает 5 *км*.

Неподалеку от Большого Гульдурсуна от этого магистрального канала отведен большой канал в направлении северо-запада и запада. Он проходит через город Наринджан на Джилдык-Калу, Кават-Калу, Топрак-Калу и оканчивается у крепости Кызыл-Кала. В районе кушанской крепости Джилдык-Кала (немного выше ее) от канала сделан отвод, русло которого теперь по большей части скрыто под песками и появляется у подножия гор, в районе группы памятников Аяз-Кала, возникших в пору кушанского владычества.[2] Этот канал так велик, что создает впечатление основного, а Топраккалинский кажется лишь его отводом. Оборона голов обоих каналов, а также контроль центральной власти над порядком распределения воды, по-видимому, были сосредоточены в довольно мощной крепости Большой Гульдурсун. Низовья обеих ветвей

[2] См. схему С. П. Толстова, Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, ВДИ, 1946, № 1, стр. 99.

последнего канала также обеспечивались крепостями Кызыл-Кала, Аяз-Кала и другими, среди которых Кызыл-Кала представляла довольно мощную крепость раннекушанского времени. Она воздвигнута на высоком кирпичном цоколе и ее жилой массив рассчитан, видимо, на значительный гарнизон. Вся внутренняя площадь крепости сплошь застроена длинными рядами сводчатых коридорообразных помещений. Несмотря на переделки, произведенные в средние века, в ее архитектуре все же можно проследить первоначальный замысел.

Кызыл-Кала воздвигнута на важном в стратегическом отношении месте, прикрывающем доступ к Топрак-Кала и в оазис как со стороны древней дороги через Султан-Уиз-даг, так и со стороны Аму-Дарьи.

Развалины комплекса Аяз-Кала расположены на вершинах двух холмов из системы восточных отрогов Султан-Уиз-дага. Вершину Аязкалинской скалы венчает прекрасно сохранившаяся крепость Аяз-Кала № 1 с мощными двойными стенами, которые укреплены полукруглыми башнями, образующими на углах характерное сочетание двух башен в форме «ласточкина хвоста». Эта типичная деталь вошла в практику древнехорезмийских фортификаторов в раннекушанский период.

Аяз-Кала № 1, занимающая узловое положение на подступах к Хорезму с севера и господствующая над окружающей пустыней, была чисто стратегическим сооружением, крепостью центрального правительства[3].

На нижнем склоне Аязкалинской скалы, на вершине южного холма расположена овальная в плане крепость Аяз-Кала № 2, представляющая собой хорошо укрепленное поселение типа Кызыл-Кала, Кузы-Крылган-Кала, Кюзерли-Кала и т. п., сплошь застроенное сводчатыми помещениями для гарнизона.

Аяз-Кала № 2 и Аяз-Кала № 1 функционально связаны между собой. Отсутствие в Аяз-Кале № 1 каких-либо следов жилых помещений и признаков культурных слоев в сводчатых проходах между стенами заставляет нас рассматривать Аяз-Калу № 2, как поселение гарнизона, составлявшего основное ядро защитников крепости Аяз-Кала № 1. Во время осады к ним присоединялись обитатели прилегающего оазиса.

У подножия этих укрепленных холмов расположены остатки крупного поселения, состоящего из обширных дворов-усадеб, обнесенных кирпичными стенами. Среди усадеб резко выделяется крепость Аяз-Кала № 3, окруженная многобашенной стеной.

Все поселение представляло собой хронологически единый комплекс, датируемый монетами кушанского царя Канишки и многочисленными находками монет на такырах, т. е. II в. н. э. Селение существовало недолго и жизнь в нем прекратилась в III—IV вв.

С. П. Толстов характеризует усадьбы поселения Аяз-Кала как места обитания больших, патриархального типа семейных общин земледельческого населения. Здесь уже можно констатировать крупные изменения, обусловленные изменениями социально-экономического уклада хорезмской деревни.

Из большого общинно-родового укрепленного поселения выделяются отдельные, патриархального типа, большесемейные общины, жившие в больших домах отдельными усадьбами.

Ко времени расцвета Кушанского государства процесс выделения большесемейных общин вступает в новый этап; само общинное поселение

[3] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 104.

начинает распадаться, а рядовые общинники также переселяются в большесемейные усадьбы.[4] В этом факте выделения «большесемейных» общин мы видим начало разложения рабовладельческого строя и возникновения зачатков класса раннефеодального дехканства, «делавшего погоду» в века победы феодализма во всей Средней Азии и в Иране.

В этих усадьбах — и это необходимо подчеркнуть — мы имеем дело исключительно с сельскими домами, удаленными от густонаселенных античных городов типа Джанбас-Калы, Хазараспа, Топрак-Калы и др.

Последняя является одним из немногих городов Хорезма, сохранивших античный облик. Городище в виде правильного прямоугольника площадью 450×270 *м* вытянуто с севера на юг и имеет оплывшие кирпичные стены со следами частых квадратных башен. На южной стороне имеется вход в крепость, защищенный предвратным лабиринтом. Весь северо-западный угол городища занимают руины огромного трехбашенного дворца правителей города, воздвигнутого на высоком постаменте.

Общая мощность культурного слоя 4 *м*; нижние его горизонты датируются кушанским временем, а верхние — афригидским.

Хронологическая общность в возникновении города Топрак-Кала и крепости Кызыл-Кала, комплекса крепостей Аяз-Кала № 1 и № 2, а также целого ряда сельских укрепленных домов в районе Аяз-Кала подтверждает их связь с двумя отводами одного и того же большого канала.

Развитие ирригации на юге левобережного Хорезма тесно связано с общим ходом развития ирригации на правом берегу.

Общий обзор археологических памятников Южного и Юго-восточного Хорезма позволяет заключить о расширении ирригационной сети и дальнейшем укреплении Хазараспа, Каладжика, а также о времени образования г. Хивы.

Возникновение города Хивы примерно в кушанское время и изменение общего направления Палван-Яба свидетельствуют о каких-то реконструкциях системы этого канала. Древний оазис Палван-Яба так же, как оазис Базаркалинского канала на правом берегу, процветал в первые века кушанского владычества.

Вместе с тем, мы видим всеобщий упадок в поздне-кушанский период и новый подъем в кушано-афригидский и афригидский периоды. Подробнее мы остановимся на этом ниже.

К кушанскому времени канал Газиабад, питавшийся самостоятельно из Аму-Дарьи и ослабевших стоков Даудана, был доведен до г. Замахшара (Измукшира) с дальнейшим направлением по Чермен-Ябу. Это позволило в средние века восстановить жизнь по древней ирригационной системе Чермен-Яба. Длина Газиабада была по возможности увеличена, чтобы обеспечить водой древние населенные места вдоль верхнего и нижнего Чермен-Яба. Это мероприятие безусловно было продиктовано оживленными связями Хорезма с Хорасаном через эту наиболее короткую, идущую по пустыне, «шахристанскую дорогу».

Как мы указывали в главе III, несколько иначе обстоит дело с историей орошения правобережной полосы Даудана. Если сопоставить общую сеть Северного Даудана за пределами нынешнего оазиса с направлением ирригационных каналов, описанных Истахри в X в., то вопрос о существовании канала на месте современного Шахабада вызовет некоторое сомнение. Если согласиться с тем, что внутреннее городище Кандум-Калы возникло в докушанский период и было связано со временем дей-

[4] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 104.

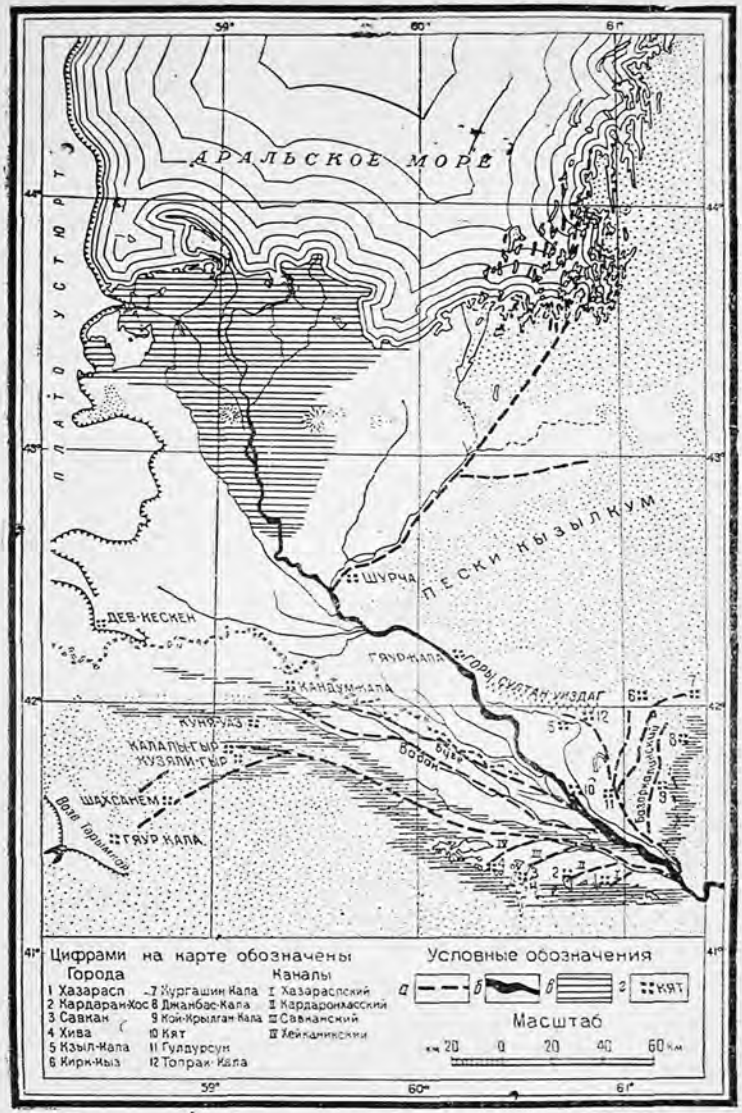


Рис. 8. Схема развития искусственного орошения в Хорезме в I—III вв. н. э.
Условные обозначения: *а*—действующие каналы; *б*—действующее русло Аму-Дарьи; *в*—болота и разливы; *г*—города.

ствия Северного Даудана, тем самым исключив его из числа городищ, связанных с искусственным орошением, трудно будет восстановить историю возникновения и падения таких городищ, как Куня-Уаз с прилегающим к нему районом поздних частей Кандум-Калы, Раита, Ак-тепе и т. п. Особенно трудно связать городище Раит (Ваянган) со средним Дауданом, так как оно находится значительно выше той полосы, где предполагается использование разливов Даудана.

Археологические памятники и возраст культурно-ирригационных наносов говорят о том, что правобережная полоса Даудана до урочища Куня-Уаз орошалась, начиная со времени кушанского периода; однако арабские географы X в. не упоминают ни одного канала, который мог бы орошать рассматриваемый район. Отсутствие такого упоминания могло быть связано с теми изменениями, которые в VIII — IX вв. произошли в исторической топографии Северного Хорезма. Если бы канал Мадра, который описывает Истахри, действительно соответствовал каналу Газиабад, то возможно было бы допустить, что он обеспечивал водоснабжение района нижнего бассейна современного канала Шахабад; однако поскольку этот район выше низины, по которой течет Газиабад, то такое предположение отпадает.

Два других канала — Буве и Вадак — в X в. вытекали несколько ниже предполагаемого истока канала Мадра (Газиабада). Из них Вадак мог орошать в древности бассейн современного Шахабада. Буве и Вадак, по описанию Истахри, шли на северо-восток, в сторону Гургандж (Куня-Ургенча). В районе действия двух этих каналов в средние века памятники кушанского времени не обнаружены.

Очень возможно, что еще до IX в. предполагаемый канал прекратил свою деятельность. С другой стороны, в условиях социально-политической обстановки во второй половине XVII в., организация Ануша-ханом строительства такого грандиозного канала, как Шахабад, кажется маловероятной. Более правдоподобно предположение, что мы имеем здесь дело с восстановлением античного канала. На этом вопросе мы остановимся подробнее в следующих главах настоящей работы.

По мере археологического изучения районов с различными физико-географическими условиями выявляются исторические параллели Хорезма с другими областями Средней Азии.

Ферганская долина, долины Зеравшана, Кашка-Дарьи, Сурхан-Дарьи и другие в той или иной мере дают картину развития ирригации в докушанский период и ее наибольший расцвет в эпоху Кушанского царства.

На основе результатов работ археологической экспедиции ГАИМК в 1932—33 гг. историческая наука обогатилась ценнейшими материалами. Мы можем уже на основании фактических данных нарисовать интересную картину первобытного освоения предгорной полосы земледельцами Ферганы еще в бронзовом веке.[5]

Красноречивые данные китайских источников о Фергане II в. до н. э. подтверждаются результатами больших археологических работ в связи с сооружением Большого Ферганского канала[6]. Здесь, так же как и в Хорезме, наблюдается рост оросительной сети в период Кушанского

[5] Б. А. Латынин, Работы в районе проектируемой электростанции на р. Исфане в Фергане, Известия ГАИМК, вып. 110, Л., 1935, стр. 120—157.

[6] Труды Института истории и археологии, т. IV, Ташкент, 1951; М. Е. Массон, Экспедиция археологического института на строительстве БФК, КС ИИМК, V; Б. А. Латынин, Указ. соч. стр. 120—157.

царства. Кроме некоторых особенностей гидрографических условий по Сыр-Дарье, в Ферганской долине представляет значительный интерес история освоения мощных естественных горных потоков — саев. В кушанское время отмечается рациональное регулирование этих саев, а также расширение системы арыков, доведенных до целого ряда кушанских городов и поселений, расположенных вдали от Сыр-Дарьи. Однако археологические разведки, произведенные в Ферганской долине, далеко еще недостаточны для выяснения всей истории ирригационного процесса в этом районе.

Ирригационное хозяйство в низовьях Зеравшана, в западной части Бухарского оазиса, как установил В. А. Шишкин, было развито еще до походов Александра Македонского.[7] Здесь прослеживается развитие ирригационной сети, а в связи с нею возникновение и развитие больших и малых земледельческих поселений, приурочиваемых к раннему и позднему периодам античности.

Основные археологические работы в Верхнем Согде за последние годы были сосредоточены главным образом на городище Афрасиаб и в окрестностях Самарканда — Тали-Барзу, Кафир-Кала и др. Исторические сведения о Мараканде и ее районе в период греко-македонского завоевания не оставляют сомнения в значительном развитии искусственного орошения и вообще земледельческой культуры в так называемом «сердце Согда». Большой интерес представляют работы А. И. Тереножкина, проводившиеся в 40-х гг. на городище Афрасиаб—предполагаемой Мараканде. Археологические работы на Афрасиабе привели, по данным А. И. Тереножкина, к выявлению ряда археологических материалов, свидетельствующих о заселенности этого городища еще в ахеменидский период. Однако это еще не дает нам основания утверждать, что город Мараканда уже и тогда орошался каким-нибудь магистральным каналом вроде Даргома.

Для выяснения этого вопроса необходимо заняться, прежде всего, изучением тех археологических памятников к югу от Самарканда, которые по своему происхождению могут быть связаны с каналом Даргом. Памятники Афрасиаба в этом вопросе не могут оказать большой пользы, так как до установления кушанского владычества Афрасиаб, вероятно, базировался на речке Сиаб, на родниках, и, по-видимому, не имел искусственного орошения. В кушанский период древний Самарканд достиг грандиозных по тем временам размеров, расширившись на юг далеко за пределы нынешнего Афрасиаба. В 1945 г. А. И. Тереножкин обнаружил за южными стенами Афрасиаба остатки большого сводчатого сооружения из крупных клинчатых жженых кирпичей. Материал и местоположение этого сооружения дали ему основание рассматривать его как остатки известного по письменным источникам древнего водопроводного сооружения, называемого «Джуи-Арзиз». Эта находка в свою очередь позволяет предположить, что искусственное водоснабжение Афрасиаба было осуществлено именно в кушанский период. Быстрый рост территории города в этот период, безусловно, связан с решением проблемы его водоснабжения.

Результаты работ Г. В. Григорьева на городище Тали-Барзу, несмотря на ряд неточностей в датировке, дают весьма ценный материал,

---

[7] В. А. Шишкин, Археологические работы 1937 г., в западной части Бухарского оазиса, Ташкент, 1940, стр. 42.

характеризующий развитие искусственного орошения Согда в глубокой античности, особенно в кушанский период.[8]

Археологическое изучение долины Кашка-Дарьи началось совсем недавно. Рекогносцировка, произведенная А. И. Тереножкиным, и разведочные работы С. К. Кабанова выявили наличие в этом районе большого числа памятников, характерных для античных городов и малых укрепленных поселений. Среди них особое внимание привлекают отдельные памятники, связанные с кушанским периодом.

Работами Термезской комплексной археологической экспедиции 1936 — 1938 гг. под руководством М. Е. Массона в районе древнего Термеза установлена культура эпохи Греко-Бактрийского царства, ко времени которого относится и возникновение самого города Термеза.[9]

М. Е. Массон особо подчеркивает то обстоятельство, что культурные остатки поселений кушанского периода расположены по руслам древних арыков и на месте главного вододелителя, видя в этом подтверждение существования основной ирригационной системы в низовьях Сурхана, созданной с применением рабского труда около двух тысяч лет назад, в период господства общинно-родовой аристократии[10].

К этому же периоду относится широкое распространение орошаемого земледелия на высоких предгорных бугристых полосах долины Санзара и по Нуратинскому хребту. В это время родниковые ручьи, впадающие в горную реку, текущие посреди долины, по-видимому, впервые были отведены далеко по косогору на богарные площадки для орошения посевов зерновых культур; археологические памятники, связанные с новым развитием орошаемого земледелия, датируются кушанским временем.

Таким образом, результаты археологических исследований в разных областях Узбекистана позволяют заключить, что наибольший расцвет ирригационной сети, а значит, и рост числа городов, земледельческих поселений и пограничных крепостей, относятся именно к I—II вв. н. э. — периоду расцвета рабовладельческого строя, когда кушанская империя объединила под своей властью огромную территорию, включавшую Среднюю Азию, Западный Китай, современный Афганистан и Северную Индию.

Этот период является кульминационным в развитии рабовладельческого общества в Средней Азии.

2. ИРРИГАЦИЯ В ХОРЕЗМЕ В ПЕРИОД ПАДЕНИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ (IV — V вв. н. э.).

Владычество кушанов в Хорезме так же, как и в других областях Средней Азии, на короткое время способствовало дальнейшему развитию экономики рабовладельческого строя и сохранению могущества класса рабовладельцев.

Крупные землевладельцы, уже выделившиеся из прежней общинной системы, но по-прежнему обеспеченные охраной со стороны государственной власти, начали расселяться на периферии оазиса в больших укрепленных усадьбах, типа усадеб около крепостей Аяз-Кала № 1 и 2 с экономически зависимыми от них крестьянами, рабами и т. д. Параллельно с появлением укрепленных усадеб наблюдается рост городских цент-

---

[8] Г. В. Григорьев, Городище Тали-Барзу, Труды Отдела Востока, Государственный Эрмитаж, т. I, Л., 1939.

[9] М. Е. Массон, Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ), М.—Л., 1940.

[10] М. Е. Массон, Термезская археологическая экспедиция, т. II, Труды АН УзССР, история и археология, сер. I, Ташкент, 1945, стр. 5.

ров (Топрак-Кала, Замахшар, Хазарасп и др.), ставших местом средоточия политической жизни, торговли и ремесел.

К началу III в. н. э. и в Кушанском и в Парфянском государствах наблюдается усиленная внутриполитическая борьба между новыми и старыми местными династиями, а также и ослабление этих государств.

В Кушанском царстве начался серьезнейший кризис; местная династия эфталитов сковала силы государства главным образом в Мавераннахре; началась борьба за власть, длившаяся до V в.

Ослаблению кушан способствовал главным образом распад общинно-родовой системы хозяйства и выделение больших так называемых дехканских семей. Глава такой самостоятельной хозяйственной единицы приобретал военно-политическое значение и был крепко связан с землей и закабаленными им бывшими общинниками.

По-видимому, в политическом ослаблении кушанов большую роль сыграл и Хорезм, ибо последний уже в III в. определенно стремился к политической независимости.

По данным нумизматического материала, в III в. началась борьба Хорезма за независимость, в связи с чем произошли большие внутриполитические потрясения, в результате которых на территории Хорезма возник ряд отдельных владений, живших самостоятельной экономической и политической жизнью.

И действительно, мы видим, что старые магистральные каналы и связанные с ними районы быстро пришли в упадок. Жизнь в больших укрепленных усадьбах прекратилась. Возникли новые мощные крепости на новых каналах — Ангка-Кала, Кыркыз, Фил-Кала, Куня-Уаз и др.

В исторической литературе давно уже выдвинута гипотеза о роли Хорезма в формировании государства эфталитов в период, предшествовавший распространению их власти на всю Среднюю Азию и за ее пределы.[11] Гипотеза эта еще никем не доказана, хотя пути самостоятельного развития Хорезмского государства не вызывают сомнений. Находка в 1947 г. в Топрак-Кале галереи статуй хорезмских царей имеет для решения этого вопроса большое значение.

Находка статуи царя в короне с орлом в одной из зал дворцовой башни Топрак-Кала[12] и находка близ Ангка-Кала монеты местного чекана с изображением царя, также в короне с орлом, свидетельствует об установлении в III в. власти местной династии, может быть из отпрысков сиявушидов[13].

Таким образом, борьба с великими кушанами и внутренние потрясения привели к тому, что в Хорезме установилась сильная местная династия, начавшая чеканить свои монеты, строить в городах обособленные дворцовые башни, возможно, послужившие прототипом для цитаделей средневековых городов.

По-видимому, победившая политическая группировка заложила основу афригидской династии и установила свою власть в западной полосе оазисов правого берега, опираясь сначала на Топрак-Калу. Новые цари Хорезма в III в. провели Кятский канал, а затем построили на нем город Кят, куда и перенесли затем свою резиденцию. Враждуя с другими родоплеменными объединениями в соседних оазисах, они не были в состоянии сами восстановить ирригацию и земледельческую культуру; завладев

---

[11] Н. Веселовский, Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, СПб., 1887.

[12] Кроме статуй, в этом дворце найден целый ряд памятников культового значения и богатые образцы живописи с пейзажами и мифологическими сюжетами.

[13] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 185—186.

верхними участками канала Гаухоре, они, подобно хивинским ханам XIX в., закрыли только доступ воды в каналы, на которых сидели враждовавшие с ними племена и роды.

Только после окончательной победы новые цари Хорезма смогли приняться за восстановление пришедших в запустение каналов, за орошение новых земель и т. д. Победе новой династии, безусловно, предшествовали длительные и опустошительные вооруженные столкновения — как с кушанами, так и с внутренними претендентами на хорезмийский престол. Вполне допустимо предположить, что эти столкновения сопровождались бурными восстаниями рабов и особенно экспроприируемых общинников. К сожалению, мы пока еще не располагаем данными письменных источников; однако нам известно, что почти все народы и страны переживали подобные взрывы на данном этапе своего социально-политического развития. Следовательно, отмечаемая нами в Хорезме смена периодов запустения и расцвета, возвышения местных династий, говорит не об опустошительных вторжениях извне, а о социально-политических событиях внутри страны. По-видимому, так же, как в парфянском Иране и других близлежащих странах, в Хорезме процесс разложения рабовладельческого строя обусловил распад кушанской державы, активизацию внутренних социальных движений, ускорил установление власти местной династии, которая опиралась на зарождающийся раннефеодальный класс — дехкан.

Жизнь оазисов в раннефеодальном Хорезме представляется в следующем виде. В III в. крайневосточный Базаркалинский канал доходил до крепости Ангка-Кала; к северу от нее старый оазис вокруг Базар-Калы и Джанбас-Калы представлял пустыню.

Эрес-Кала, возникшая в период построения Базаркалинского канала, благодаря своему удобному положению в средней части канала продолжала жить с небольшим перерывом.

Кырккызский канал, уходивший на север от Гульдурсуна, был восстановлен в значительно меньших размерах. Две концевые крепости — Кургашин-Кала и Малый Кырккыз — запустели, вода по каналу доходила лишь до Большого Кырккыза, и крепость подверглась коренной перестройке. По всем археологическим данным, жизнь в Кырккызе продолжалась недолго и постепенно уступала свое место возникшей в то же время крепости Уй-Кала. Последняя была расположена значительно выше Кырккыза и вследствие постепенного сокращения Кырккызского канала все более превращалась в центр обширной культурной полосы в его новой концевой части. Гульдурсун совершенно потерял свое прежнее значение и прекратил свое существование и как крепость, и как населенный пункт.

На западе на левой ветке этого канала также произошли большие изменения. Кызыл-Кала прекратила свое существование, уступив свое место усилившейся в это время Топрак-Кале.

Запустела также система крепостей Аяз-Кала с прилегающим культурным рустаком. Джилдык-Кала возникла на самом водоразделе Аязкалинского и Топраккалинского отводов. Развалины Джилдык-Калы представляют собой остатки большого жилого сооружения, достигающего около 20 *м* высоты.

Возникновение Джилдык-Калы и почти одновременное усиление роли Топрак-Калы в III в. наводит на мысль о том, не произошло ли это в связи с борьбой за воду между новой властью в Топрак-Кале и обитателями района Аяз-Кала. В пользу этого говорит тот факт, что рустак Аяз-

Калы быстро замер, а рустак Топрак-Калы возвысился и долго процветал.

В это время мы наблюдаем сосредоточение культурно-экономической жизни в западной части правобережного Хорезма. На востоке в оазисах канала Базар-Кала и канала Кыркыз происходит дальнейшее сокращение и захирение культурной жизни, тогда как в западной части возникают новые благоустроенные центры, приводятся в порядок ирригационные сети, строятся новые каналы. Например, в эту эпоху завершена постройка нового канала, орошавшего районы современного Амирабада и Шаббаза. По всей вероятности, в то время в районе Шурахана из большого Гульдурсунского канала был выведен значительный канал, соответствующий современному каналу Буз-Яб, который мы условно назовем Кятским; он орошал древнюю столицу Кят. Из Кятского канала была выведена значительная ветка.

Думан-Кала (III в. н. э.), расположенная в низовьях канала Амирабад, была опорной крепостью, прикрывавшей доступы в оазис с севера. В результате авиаразведок, С. П. Толстов пришел к убеждению, что большой Аязкалинский канал по всей вероятности шел здесь через Думан-Кала[14].

На наш взгляд это невозможно по целому ряду соображений: во-первых, такому предположению не соответствует самое направление канала; во-вторых, если бы современный Аязкалинский канал и соответствовал какому-то древнему каналу, то вдоль его трассы обязательно находились бы крепости и другие памятники, как это наблюдается на других каналах; в-третьих, рекогносцировка местности между Джилдык-Калой и Думан-Калой показала, что канал уперся бы в те низины, которые пересекают её в виде цепи озер. И действительно, археологическая разведка показала, что Думан-Кала с севера прикрывает оазис Амирабада по подобие концевых крепостей других каналов и по месту расположения не увязывается с районом Джилдык-Кала.

Что же касается основного Кятского канала, то он шел почти параллельно Аму-Дарье, разветвляясь перед Кятом. На участке между Шаббазом и Сарыбием (в 18 *км* выше Шаббаза) нами зарегистрирован целый ряд городищ Топрак-Кала, Саркоп-Кала, Сим-Ата большая, Сим-Ата малая, Караколь-Кала и др. Городища эти долго находились в орошаемой полосе и частично подверглись сносу на удобрение, остатки же их использованы под кладбище. Однако предварительные стратиграфические разрезы показали, что все эти памятники возникли в IV—V вв. н. э. и жизнь в них прекратилась в VII—VIII вв.

Концевой крепостью на Кятском канале, по-видимому, должна была служить Пиль-Кала, расположенная в 2 — 2,5 *км* к северу от сел. Шаббаз. В настоящее время она находится среди небольшого озера, заросшего камышом. Пиль-Кала — обширная крепость с квадратным планом, размером около 220×220 *м*; оборонительные сооружения ее напоминают систему укреплений Аяз-Кала № 1. Крепость подвергалась неоднократным затоплениям; стены ее сильно разрушились и оплыли; центральную часть крепости и сейчас занимает большое, заросшее камышом болото. В юго-восточном углу крепости находится квадратный донжон (54×54 *м*), обнесенный весьма массивной стеной, (высота стен достигает 10 — 11 *м*, толщина — 6 *м*). Стены сложены из больших глиняных блоков. Внутренность донжона совершенно пуста. В середине его северной стены сохранился узкий вход. Среди жителей Шаббаза сохранилась легенда, будто

[14] Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР, 1946 г., Известия АН СССР, сер. истории и философии, 1947, № 2.

в древние времена цари Хорезма держали своих слонов внутри этого сооружения, почему местные жители Шаббаза называют его «Пиль-хана», т. е. загон для слонов. Нам кажется, что это сооружение — постамент недостроенной жилой башни типа постаментов Джилдык-Кала, жилой башни Топрак-Кала. Весьма скудный керамический материал из крепости Пиль-Кала датируется позднекушанским временем.

Древний город Кят (Фил) смыт Аму-Дарьей в X в. Как нам кажется, время возникновения Кята с большей или меньшей достоверностью возможно установить в связи с изучением истории орошения Хорезма. Мы склонны отождествлять г. Кят с городом Хорезмом страны хорезмийцев, упоминаемым Гекатеем Милетским, предшественником Геродота[15].

В средние века г. Фил упоминается под этим названием у Маданини—Табари в связи с описанием событий 712 г.[16] Хорезмом его впервые называет в IX в. Ибн-Хордадбех[17].

В сообщении Бируни о замке Африга подчеркивается существование города Фир. Н. Веселовский читает это место у Бируни следующим образом: «Ал-Фир, так называлась крепость, построена она была вне городской стены из глины и кирпича и состояла из трех одна в другой построенных цитаделей Все они были одинаковой высоты и возвышались над дворцом. Ал-Фир виден был за 10 и больше миль. В 616 году после Александра Великого (в 306 г. по Р. Х.) Африг построил себе дворец позади города Ал-Фира...»[18]. Несколько иначе читает это место С. П. Толстов: «Был Ал-Фир крепостью близ города Хорезма с построенными из глины и сырцового кирпича тремя стенами, одна внутри другой, следуя друг за другом по высоте, и превосходил всех их замок царей... и построил (Африг) свой замок внутри Ал-Фира в 660 году после Александра»[19]. Даже из этих разночтений следует, что город Хорезм (Фил-Кят), существовал еще до постройки в 305 г. замка Африга и перенесения сюда резиденции афригидов.

Однако в рустаке Кятского канала отсутствуют памятники даже кушанского времени.

Возникает вопрос о возможностях водоснабжения города, вокруг которого в глубокой древности не было никакого рустака. Город в древности, по-видимому снабжался водой не из магистрального канала, а из местного протока Аму-Дарьи типа протока Кесик, который в начале XIX в. упоминается как естественный проток реки. Он выходил несколько выше Шаббаза и ниже, неподалеку от Шаббаза, опять впадал в Аму-Дарью[20]. В связи с этим приходится думать, что в этой части русла реки периодически образовывались протоки местного характера.

В левобережном Хорезме в то же время наблюдается сооружение сильного укрепления Хазараспа. Работы по усилению фортификационных сооружений Хазараспа доведены были в афригидское время до внушительных размеров; однако крепости Каладжик и Алма-Атышкан в это время пришли в запустение, да и во всем рустаке Хивинского канала (Пальван-Яб) наблюдается значительный упадок.

---

[15] A. Hermann, Alte Geographie des unteren Oxusgebietes, стр. 12, (Die Chorasmier und ihre Stadt Chorasmia); В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 4.

[16] МИТТ, т. I, стр. 76.

[17] «Хорезм, название которого Фил». (BGA, т. VI, стр. 33).

[18] Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, СПб., 1877, стр. 24.

[19] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 191.

[20] Мунис-Агехи, فردوس الاقبال, ркп ИВАН № Е—6.

Та же картина характерна для оазиса большого Газиабадского канала. Топография района в верховьях канала сильно изменилась в средние века, поэтому там трудно проследить последовательность его культурного освоения. В низовьях канала, начиная от Измукшира по всему Чермен-Ябу, памятники поздней античности не отмечены.

Неразрешенным все еще остается вопрос о Куня-Уазе. Жизнь этой крепости и ее окрестностей продолжалась в IV, а может быть и в V в. В то же время в тех районах правобережья Даудана, где предполагается существование искусственного канала, наблюдается почти полное прекращение жизни. Городища Райт, Кандум-Кала, Ак-Тюбе и другие в III—IV вв. превратились в развалины.

Несколько выше мы связывали Куня-Уаз с системой этих поселений и рассматривали ее как крепость, возникшую в самом конце канала, выведенного на правобережье Даудана, — однако это предположение встречает два серьёзных возражения: во-первых, канал не мог быть доведен до Куня-Уаза, так как в таком случае он должен был бы пересечь обширное русло Северного Даудана; во-вторых, едва ли в это время вода по каналу доходила даже до Северного Даудана.

В связи с этой проблемой встает вопрос о новом обводнении Даудана. Это, конечно, может быть связано не с прорывом Аму-Дарьи, а скорее с увеличением сбросовых вод из Газиабада и из канала правобережья Даудана. В верховых участках каналов, так же как на каналах правого берега, кое-где сохранились поселения; стремление сохранить канал проявлялось, по-видимому, не только со стороны местных общин, но и верховной власти, о чем говорит усиление обороны Хазараспа. Очевидно, поступление воды в канал в какой-то мере продолжалось; отсутствие возможности отводить воду вызывало необходимость организации больших сбросов в Даудан, что, по-видимому, и привело к обводнению Северного Даудана и процветанию жизни в районе Куня-Уаза.

Что касается освоения района Куня-Ургенча и возникновения самого города Гурганджа, то вопрос пока остается открытым. Памятников глубокой древности в самом городе и его окрестностях еще не обнаружено.

Отдельные единичные и весьма разобщенные памятники античной эпохи, как Дев-Кескен на чинках Устюрта, Шурча-Кала около Нукуса, пока еще не дают возможности установить степень освоения северной части верхней дельты и всей территории нижней дельты в античности.

Однако следует отметить тот факт, что городская культура, связанная с искусственным орошением, возникла в это время в восточной окраине нижней дельты к востоку от Даукары. Во время археологических разведок 1945 г. наша экспедиция обследовала развалины города, известные под названием «Курганча» или «Кубланды-Кала».

«Курганча» расположена в 18 *км* к востоку от Тахтакупыра, неподалеку от большой автомобильной дороги, идущей из Тахтакупыра к Кызыл-Орде. Около Курганчи, эта дорога соединяется со старой, более узкой дорогой, идущей, по рассказам местных жителей, на Шаббаз и Шурахан. Город, представляющий собой почти квадрат размером 400×380 *м*, окружен толстыми оплывшими стенами с большим числом башен. Данные разведочных шурфов внутри города и характер подъемного материала, собранного в его окрестностях, свидетельствуют о том, что город с обширным пригородом возник во II, может быть в III в. н. э. (кушанское время). В пригороде имеются большие здания. В IV в. город замер и жизнь в нем возобновилась лишь в VI в. (в афригидское время); город,

однако, и в VI в. не жил долгой жизнью, так как уже в начале VII в. он пришел в полный упадок.

Внутри города, в его юго-западной части находится круглый бугор, напоминающий погребальный курган. Местные жители (казахи) превратили его в культовое место, считая могилой знаменитого эпического героя казахов и каракалпаков — Кубланды батыра, и оба названия города связаны с курганом над могилой Кубланды.

Возникает вопрос, как орошался город и его окрестности. На восток от Тахтакупыра, вдоль автомобильной дороги тянется широкое сухое русло под названием «Киндиксай». У колодца Куня-Бугут (старая плотина) и выше, в нескольких местах наблюдаются поперечные земляные плотины. По рассказам местных жителей, за последние 100 лет воды Аму-Дарьи два раза прорывались и затопляли Даукаринскую низменность, и каждый раз эти воды текли по Киндиксаю. Жители выводили из него небольшие каналы и занимались земледелием. При уменьшении воды в Киндиксае на нем устраивались плотины (бугуты), чем и сохранялся уровень воды для поддержания действия каналов. Из Киндиксая каналы выведены под прямым углом, что не должно вызывать недоумения, так как вода в Киндиксае в основном была стоячей. Очевидно, прорывы вод Аму-Дарьи в Даукаринскую низменность носили периодический характер, начиная с древних времен.

Все изложенное в этой главе говорит о том, что восстановить полную картину истории орошаемого земледелия в Хорезме — в особенности, в немой для нас «домусульманский» период — возможно лишь при условии продолжения комплексного археологического обследования оазисов в дельте Аму-Дарьи.

Глава V

ИРРИГАЦИЯ В ПЕРИОД РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА (IV — IX вв. н. э.)

В период расцвета рабовладельческого строя военная аристократия, являвшаяся опорой верховного правительства, стала претендовать на самостоятельную земельную собственность; борьба земледельческих общин за сохранение своих земель и растущая потребность государства в новых орошенных площадях явились основным стимулом к дальнейшему развитию искусственного орошения, особенно в кушанский период

Значительная часть военной аристократии кушанской, а также парфянской империй обзавелась землей, взялась за эксплуатацию крестьян-общинников.

К концу III в. созданный кушанской империей военный кулак начал распадаться, наметилась тенденция к обособлению отдельных земледельческих оазисов, что привело к образованию в них множества царьков, вроде бухархудатов, самаркандских ихшидов, усрушанских афшинов, ташкентских туданей, хорезмшахов и т. д. и т. п.

Этот период можно рассматривать как период разложения рабовладельческого строя и зарождения феодализма в его недрах. При его характеристике нельзя пройти мимо любопытного сообщения историка Табари, согласно которому мифический царь Менучехр положил начало дехканству, назначив для каждой деревни дехкана, и подчинив ему ее жителей, превращенных в рабов и слуг.

Пусть это будет легендой, но факт такого объяснения истории возникновения дехканства — класса ранних землевладельцев-феодалов, зародившийся в результате развития рабовладельческих отношений — уже говорит о многом.

Богатые рабовладельцы Трога Помпея, поставлявшие государству наибольшее количество рабов-всадников, теперь добились узаконения своей власти над свободными общинниками-кедиверами. Это явилось результатом больших перемен в характере производительных сил — прежде всего, развития земледелия, потребности в повышении продуктивности земледельческого труда, — изобретения водяной мельницы, водоподъемной техники и рационализации водопользования, введения искусственного удобрения, распространения культуры хлопчатника, развития селекции и т. п. Все это подтверждается археологическими данными. Изменение характера производительных сил должно было вызвать к жизни и иные производственные отношения — феодальные.

Исторические причины, побудившие господствующий класс заменить неинициативного раба крепостным, частично заинтересованным в

производстве, общеизвестны. В нашей среднеазиатской конкретно-исторической обстановке дехкан, установив в сельских местностях свою власть над кедиверами, предпочитает труд кедивера труду раба.

С IV—V вв. н. э. во всех оазисах Средней Азии непосредственно на оросительных каналах и посреди засеянных полей появились сложенные из сырцового кирпича замки дехкан, развалины которых доныне сохранились в виде так называемых «тепе», «ак-тепе» или «таллов». Рабовладельческие города пришли в упадок и экономическая жизнь раннего феодализма, сопровождаемая ожесточенной классовой борьбой, переместилась в деревню.

«Средневековье развивалось, — пишет Ф. Энгельс, — на совершенно примитивной основе. Оно стерло с лица земли древнюю цивилизацию, древнюю философию, политику и юриспруденцию, чтобы начать во всем с самого начала».[1]

Яркий свет на классовую борьбу, сопровождавшую в Средней Азии становление нового общества, проливает возникшее в Иране маздакитское движение. Это могучее движение, получившее широчайшее распространение, было протестом против неравноправия в жизни общества: во владении частной собственностью на землю, в распределении богатств, в участии в управлении государством и в вопросах семейного права.

Это учение рассматривалось правящими классами VI в. как ересь, противоречащая нормам господствовавшего тогда вероучения. Однако было бы глубокой ошибкой рассматривать лозунги маздакитского движения как проявление реакции, тянувшей историю вспять, поскольку реакционное движение и его лозунги никогда не могут приобрести массового, всенародного характера. «...Ересь, которая явилась прямым выражением потребностей крестьян и плебеев, — пишет Ф. Энгельс, — почти всегда сочеталась с восстанием. Хотя она и разделяла все требования бюргерской ереси относительно попов, папства и восстановления раннехристианского церковного строя, она в то же время шла неизмеримо дальше. Она требовала восстановления раннехристианского равенства в отношениях между членами религиозной общины, а также признания этого равенства в качестве нормы и для гражданских отношений»[2].

Маздакитская ересь почти повсюду возникает в сочетании с восстаниями, выдвигая лозунг уничтожения привилегий дехканства и захвата их богатств.

Спустя около полувека после подавления маздакитского движения в Иране, на территории Бухарской области поднимается восстание бедноты против дехкан, купцов и других эксплуататоров, возглавленное Абруем, конечно, не без еретических лозунгов. Все имущие классы разбежались, страной овладели кедиверы, слуги и рабы, в довольно значительном числе унаследованные дехканством от прежнего строя.

Судя по сообщениям историка Наршахи, имущие классы, ради возвращения им власти в Бухаре, предали страну тюркскому каганату.

В этих схватках вырисовываются в основном фигуры двух новых антагонистических классов — класса дехкан и класса кедиверов.

От рабовладельческого периода, как известно, не сохранилось письменных источников, безусловно, существовавших до арабского вторжения; поэтому известия о событиях этого отдаленного периода нам при-

[1] Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, в кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, изд. 2, Госполитиздат, 1956, стр. 360.

[2] Там же, стр. 362 — 363.

ходится черпать у историков Наршахи, Табари, Белазури и т. п., а также географов X в. В их трудах сохранились кое-какие известия о существовании в Средней Азии рабства, а также соответствующая терминология, как например:

1. Термин «хозайна» — арабизированное «ходжа» («господин») — восходит своими корнями к лексике рабовладельческого периода. Фигуре ходжи в раннесредневековых литературных памятниках противостоит фигура раба, обозначавшаяся терминами «банда» (узник, пленник), «бурда» (захваченный), «гулям» (юноша, слуга) и, наконец, «кул» (раб).

2. Несмотря на пережиточный характер института рабства в VIII веке, размеры рабовладения оставались внушительными. Об этом свидетельствует обусловленная в договорах арабов-завоевателей с самаркандским ихшидом и бухархудатом ежегодная поставка нескольких десятков тысяч молодых рабов. Бухара и Самарканд, видимо, обладали сотнями тысяч рабов, если могли уплачивать ежегодную дань столь невероятным числом рабов, да еще определенного возраста по выбору победителей.

3. По словам Наршахи, в Бухарской области существовали специальные рынки, куда пригонялись дефектные животные и рабы. Лицо, покупавшее животных и рабов на таких рынках, не имело права жаловаться на продавца.

4. Во время подготовки антиомейядского восстания, возглавлявшегося Абу-Муслимом, в лагере повстанцев собрался весьма значительный контингент рабов, активных участников восстания; число их было таким внушительным, что Абу-Муслиму пришлось отвести им отдельный лагерь, так как свободные не пожелали общаться с рабами.

В дальнейшем, в связи с развитием феодализма, институт рабства, превратившийся в уклад в раннем феодализме, постепенно теряет свой ярковыраженный специфический облик.

В процессе возникновения и развития феодализма в Хорезме выдвинулась местная династия, по своему родоначальнику получившая название афригидской.

Афригиды правили Хорезмом с III в. до конца X в. Бируни приводит нижеследующий список правителей из этой династии: 1) Африг, 2) Богра, 3) Сахасек, 4) Аскаджамук, 5) Аскаджувар, 6) Сахр, 7) Шауш, 8) Хамгири (Хамджерд), 9) Бузгар, 10) Арсамух, 11) Сахр, 12) Сабри, 13) Аскаджувар, 14) Аскаджамуг, 15) Шаушафар, 16) Туркседосе, 17) Абдулла, 18) Мансур, 19) Ирак, 20) Мухаммед, 21) Ахмед, 22) Абу-Абдулла-Мухаммед.[3]

Прав Н. Веселовский, считавший этот список неполным, что подтверждается монетными находками хорезмских царей — Вазамара и других, относимых С. П. Толстовым к этой династии.[4]

Бируни в своей «Хронологии» указывает, что Африг поставил замок в Ал-Фире в 660 г.[5] после Александра Македонского, в связи с постройкой которого и перенесением туда резиденции самостоятельных царей хорезмшахов, видимо, был заброшен трехбашенный замок Топрак-Кала, построенный в III в. и просуществовавший недолго[6]; в комплексе находок из раскопок его жилой башни имеются новые данные, позволяющие восстановить политическую историю Хорезма.

[3] Н. Веселовский, Очерк историко-географических сведений о хивинском ханстве, СПб., 1877, стр. 24—25.

[4] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 189.

[5] Почти все исследователи видят в этой дате 305 г. н. э.

[6] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 184—190.

Общий обзор памятников III—VI вв. н. э. говорит, прежде всего, о том, что политические волнения с возведением Африга на хорезмский престол не прекратились. По-видимому, здесь имело место сложное переплетение жестокой борьбы родовых союзов как между собой, так и с новыми феодальными элементами при их попытках захватить власть.

В результате всех этих столкновений наблюдается дальнейшее сокращение ирригационной сети. В IV в. замерла жизнь в районе Ангка-Кала; на юге она сократилась до Карга-Тышкан-Калы. В рустаке Кыркқызского канала наблюдается полный упадок. Жизнь в Джилдык-Кала прекратилась, а Топрак-Кала была на пути к упадку. Замерла жизнь и в рустаке Кятского канала; Пиль-Кала рядом с Кятом, по-видимому, осталась недостроенной. Не наблюдается процветания также в левобережном Хорезме. Опустошительные социально-политические потрясения длились около двух столетий и новый подъем в культурной и хозяйственной жизни Хорезма наблюдается только к концу V и началу VI вв. Это время здесь, так же как в Согде и других областях, было временем усиления феодальных элементов, существования ряда княжеств в отдельных рустаках, игнорировавших верховную власть хорезмшаха в Кяте. Завоевание тюркского каганата совершенно не затрагивало внутренней жизни этих княжеств.

В рустаке Большого Базаркалинского канала значительных изменений не произошло. Восстановительный процесс в рустаке Кыркқызского канала наблюдается только до крепости Уй-Кала. По соседству с этим рустаком возникает новый, ранее не существовавший рустак Якка-Парсан. Вслед за восстановлением Большого Кыркқызского канала была осуществлена постройка нового значительного канала, выведенного из Топраккалинского, где-то в районе г. Нариндjана. Канал шел в северном направлении через развалины замков Буран-Кала, Кум-Кала на Якка-Парсан, за которым следы его теряются.

Топраккалинский канал продолжал функционировать. На нем возникли новые афригидские замки: Малая Кават-Кала, Кош-Парсан и Бурлы-Кала.

Город Топрак-Кала в это время совершенно пришел в упадок и превратился в грандиозный некрополь оссуариев, по-видимому, служивший кладбищем для окрестных поселений, где жизнь, судя по находкам позднеафригидских монет, продолжалась до самого конца афригидской эпохи.

В V—VI вв. хорезмшахи укрепили границы всего оазиса; очень возможно, что этому способствовали частые военные столкновения эфталитов с сасанидами, которые не могли не затронуть Хорезма, оказавшегося вынужденным выдвинуть свою линию обороны далеко на юг. В левобережном Хорезме, над пойменной равниной Дарганата, была построена неприступная крепость Дарган, которая до XX в. считалась южной границей Хивинского ханства. Крепость отличается внушительными размерами; площадь ее достигает 75 000 м².[7] Крепость Дарган, подобно Куня-Уазу, разделена стеной на две почти равные части.

На севере, в районе бугра Утибай, разведками Хорезмской археологической экспедиции 1947 г. зарегистрированы развалины большого, хорошо укрепленного города Айван-Кала, который датируется VI—IX вв. н. э. Здесь обнаружен интересный в археологическом отношении район Баракгам. Последний расположен примерно в 100 км к востоку от центральной части Даукара, на больших такырах, связанных скорее

[7] С. Ершов, Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи, ВДИ, 1941, № 1.

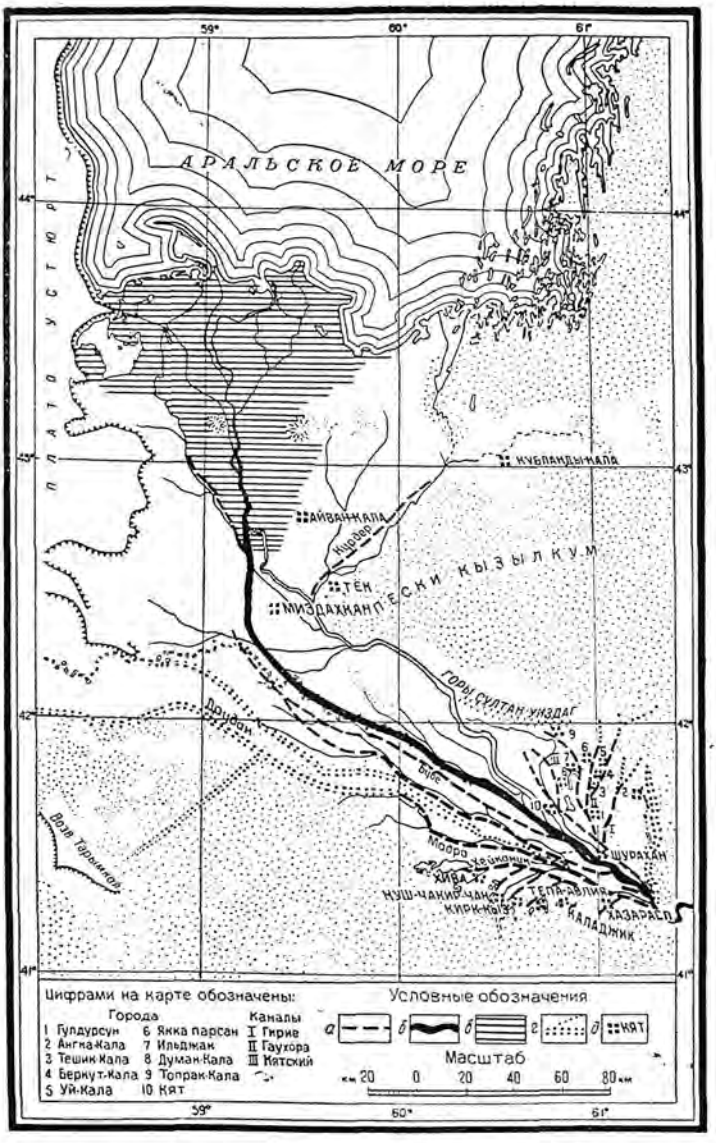


Рис. 9. Схема ирригационной сети Хорезма в III—VI в. н. э.

Условные обозначения: *а*—действующие каналы; *б*—действующее русло Аму-Дарьи; *в*—болота и разливы; *г*—сухие русла; *д*—города.

всего с разливами протока Яна-Дарьи. На обширной равнине с подвижными грядовыми песками возвышаются развалины двух замков. Оба замка двухэтажные со сводчатыми перекрытиями и арочным входом Вокруг замков обнаружены остатки трех-четырехкомнатных одноэтажных домов. Комплекс археологических находок по своей характеристике соответствует памятникам Южного Хорезма IV—V вв. н. э.

Памятники района Баракгама — исключительно однослойные. Форма поселения свидетельствует о постепенном переходе укрепленных поселений типа Аяз-Кала к поселениям эпохи развитого феодализма в районе Кават-Кала и носит промежуточный характер.

В эпоху дальнейшего подъема культуры афригидского времени, например, в рустаке Большого Кыркызского канала (мертвый оазис Беркут-Кала) наблюдается резкое изменение характера поселений. Перед нами целый ряд небольших разобщенных крепостей с донжонами. Это места обитания земледельческого населения Хорезма. Донжоны служили для него местом, где они искали надежной защиты при осадах и куда укрывались в случае опасности.

Беркуткалинский канал и заселенная полоса возле него начинается от развалин Гульдурсуна и тянется на север в виде глинистого ложа — то открытого, то засыпанного песками, вплоть до Уй-Кала.

Эта зона была густо заселена уже в античное время, о чем свидетельствуют находки античной керамики и стрел скифского типа. Некоторые крепости (Беркут-Кала, Уй-Кала) этого района, очевидно, были основаны в кангюйско-кушанскую эпоху, но в афригидское время их, по-видимому, постигла коренная перестройка.

Расцвет жизни на Беркуткалинских такырах падает на VII—VIII вв. н. э. Однако ряд замков построен был несколько раньше (V—VI вв.), они сохранили свой первоначальный вид до арабского завоевания. Эти замки, расположенные близ головы канала, не имеют донжонов, и керамика их сближается с керамикой Топрак-Кала. Можно отметить, что замки-поселения группируются по ответвлениям каналов, причем среди каждой из этих групп выделяется более крупный замок; например, Кумбаскан-Кала (состоит из 8 замков), Тешик-Кала (13 замков), Беркут-Кала (25 замков) и т. д. Насчитывается от 8 до 13 групп, построение которых, по-видимому, указывает на существование каких-то зачатков иерархии.[8]

С. П. Толстов не хочет видеть здесь иерархию феодальную, аргументируя отсутствием крепостной деревни.[9] При этом возникает вопрос, существовала ли вообще в Хорезме скученная деревня типа ферганской или бухарской даже в условиях развитого феодализма? Ведь в Хорезме во всех селениях, кроме тех немногочисленных пунктов, которые связаны с большими дорогами, дома рядовых крестьян разбросаны среди полей, и одна «деревня» занимает чуть ли не десятки квадратных километров. Подобную же картину мы наблюдаем и в мертвом оазисе Кават-Кала в XII—XIII вв. Резкое отличие поселений VI—VIII вв от поселений античного времени может свидетельствовать о начавшемся процессе феодализации и внедрения феодальной иерархии.

Однако вполне можно согласиться с тем, что тогда эта новая формация еще не добилась своего торжества.

Таким образом, в VI—VII вв. все античные каналы Хорезма функционировали, причем многие из них значительно сократились по длине.

[8] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 129—135.
[9] С. П. Толстов, Указ. соч., стр. 135.

Так, Базаркалинский канал, локализуемый в месте расположения современного арыка Кельтеминар, в эту эпоху действовал лишь до развалин Карга-Тышкан-Кала. Кыркызский — сократился до окрестностей Уй-Калы. Зато в это время на длинной полосе такыров, к западу от рустака Кыркызского (Беркуткалинского) канала, возник новый канал, шедший от Нариндjана на север по направлению к замку Якка-Парсан.

По-видимому, этот канал функционировал недолго и не дожил до VIII в. Топраккалинский канал действовал по-прежнему, однако сам город Топрак-Кала запустел, хотя вокруг города жизнь еще долго продолжалась. Большой Кятский канал также по-прежнему орошал район столицы, что наблюдается и в более поздние века.

В левобережном Хорезме также произошли сдвиги: город Хазараспродолжал оставаться мощноукрепленным городом. Между ним и Дарганом возник ряд укреплений; восстанавливались такие античные укрепленные пункты, как Джигарбенд, Капарас, Садвар и др. Восстановлен был канал, орошавший ранее район крепости Каладжик, и около него возникло небольшое укрепление Малый Каладжик, в районе между Хазараспом и Хивой возникли новые поселения — Кыркыз, Куш-Чакырган, Тепе Авлия и др. Стены города Хивы были капитально отремонтированы кирпичом типичного для афригидского времени размера. Но граница оазиса все же не простирилась в это время дальше сел. Исмамут, расположенного в 8—10 *км* юго-западнее от сел. Тахта. Наблюдается некоторый подъем ирригационного хозяйства в районе Амбар-Манака и выше.

На севере, в средней части нижней дельты возникла Айван-Кала и возобновилась жизнь в городе Курганча (Кубланды-Кала), расположенном в восточной части Даукары.

Для более детальной характеристики жизни и быта афригидского Хорезма приводим данные археологического обследования Хорезмской экспедицией типичного афригидского замка Тешик-Кала.

Тешик-Кала представляет собою прямоугольную в плане крепость с овальными башнями по углам, площадью свыше 10 000 $м^2$ с обычной для Хорезма диагональной ориентацией. В отличие от античных крепостей, стены ее целиком (за исключением ремонтных участков) выложены из битой глины («пахсы»). Внутри крепости, в ее юго-восточном углу, выделен квадратный участок, также обнесеный стеной, но более тонкой, чем внешняя.

Посредине юго-западной стороны этого участка располагается «кёшк» — жилая башня замка, нижнюю часть которой составляет сплошной глинобитный цоколь — в форме усеченной пирамиды. Цоколь имеет высоту со стороны внутреннего двора в 6,5 *м*, а со стороны внешнего двора, расположенного значительно ниже — 8 *м*.

На цоколе возведены стены жилых и хозяйственных помещений, сложенные из сырцового кирпича $35 \times 35 \times 8$ *см*, (кирпичи античного времени — $40 \times 40 \times 10$ *см*). Фасады их представляют собой композицию в виде ряда массивных полуколонн, соединенных вверху полукруглыми перспективными арочками. В комплексе этого замка имеются жилые и хозяйственные помещения. Жилые отделаны с большой пышностью (лепные фризы, ковры и т. д.).

Нужно отметить, что строители Тешик-Калы, как выяснилось при обследовании, частично использовали остатки какого-то более древнего сооружения.

Удачный выбор обследуемого объекта обеспечил экспедицию довольно большим комплексом археологических находок. Тешиккалинский материал дает широкое представление о всех сторонах жизни и быта VI—VIII вв. н. э.: ремесле, сельском хозяйстве, искусстве, архитектуре, военном деле, нумизматике, геральдике и т. п. В этом комплексе большое место занимают предметы керамики, характеризующие быт и ремесло за весь период существования Тешик-Калы.

В основу датировки и хронологической группировки тешиккалинских материалов должны быть положены данные, полученные при обследованиях более ранних памятников — хронологически непосредственных предшественников Тешик-Калы. К ним относятся: Турпак-Кала, Якка-Парсан, Кум-Кала, Думан-Кала, дома у Аяз-Калы № 3, Ангка-Кала и другие памятники раннего афригидского или позднего кушанского времени.

Керамика Тешик-Калы разбивается на две группы: 1) сделанную на ручном круге, 2) сделанную от руки.

Ремесленная посуда того времени (ручной круг) все же значительно менее качественна, чем античная, резко отличаясь от последней как качеством черепка, так и формой и техникой выполнения. Обжиг этих сосудов, как правило, неоднороден; только керамика более позднего времени — в VII—IX вв. — имеет более качественный черепок и равномерный обжиг. Сосуды ручной лепки занимают большее место, чем в античный период. Найденные при раскопках органические остатки, позволяют предположить развитое земледелие, при котором полеводческое хозяйство существовало наряду с садоводством и огородничеством (просо, ячмень, пшеница, бобы, виноград, персик, абрикос, хлопок, дыня, тыква, огурец). Немалую роль играло и скотоводство, причем породы домашнего скота были примерно те же, что и теперь (овца, коза, корова, верблюд, осел, свинья, куры). Характерно, что античные продолговатые зернотерки сменяются большими и плоскими вращающимися жерновами. Вместе с зернотерками в Тешик-Кале встречаются находки жерновов ручных мельниц. Их сосуществование не противоречит общему ходу развития экономики данного периода. Здесь мы имеем дело с процессом постепенного вытеснения зернотерок ручными жерновами, весьма характерными для экономики на заре феодального периода. Они имеют круглую форму с плоским, иногда выпуклым верхом, края которого плавно спускаются к горизонтальному основанию, а также обычно и к отверстию в центре. В какой-нибудь точке выпуклого верха устраивается небольшая выемка — или бугорок с выемкой — для вдевания нижнего конца вращательного рычага. Диаметр этих жерновов колеблется от 29 до 42 *см* при различной толщине. Сделаны они из известняка, гранита и песчаника; преобладает известняк.

Жернова ручных мельниц встречаются не только в поздних слоях Тешик-Калы, но и в средние века и даже в значительной степени в настоящее время у каракалпаков, туркмен, казахов, узбеков и других народов Средней Азии.

Термин «харос»[10] очень древен и употребляется для обозначения мельниц, приводимых в движение силой животных.

Физико-географические условия низовьев Аму-Дарьи препятствовали использованию водяных и ветряных мельниц. Ровный рельеф Хорезмской низменности исключает возможность устройства перепада воды для

[10] Этот таджикский термин образовался из двух слов — хар (осел) и ос (асия — мельница).

работы мельниц, а отсутствие постоянно дующих ветров не позволяет устройства ветряных мельниц.

В Тешик-Кале жернова «харос» находились в комнатах жилой башни и в поздних слоях надворных помещений. Вместе с тем, жернова «харос» сопровождаются жерновами ручных мельниц. В позднем периоде жизни Тешик-Калы зернотерки отсутствуют, но это не исключает их существования в быту этого периода.

Основным датирующим материалом Тешик-Кала служат монетные находки, принадлежащие разным правителям афригидской династии. Эти серебряные и медные монеты найдены в культурных слоях жилых помещений Тешик-Калы и повсеместно встречаются вместе с керамикой и другими предметами Тешиккалинского комплекса, уточняя датировки.

Материал, найденный при раскопке Тешик-Калы, в своем комплексе характеризует не только самую крепость, но также жизнь и быт во всем Беркуткалинском оазисе в период VI—VIII вв. Тот факт, что все жилые пункты оазиса укреплены, а остатки материальной культуры имеют локальные отличия, свидетельствует о политической и экономической изолированности оазиса от остальных областей Средней Азии. Такая же изоляция наблюдалась и в других рустаках Хорезма. Из исторических источников X—XIII вв. мы узнаем, что в VIII в., т. е. к моменту арабского завоевания, верховная власть хорезмшахов ослабела и что внутриполитическая борьба и междоусобицы, по-видимому, вынудили хорезмшахов прибегнуть к сговору с вторгнувшимися в Среднюю Азию арабскими захватчиками.

По словам историка XIII в. Ибн-ал-Асира, «в 93 (712 г.) Кутейба и хорезмшах заключили между собою мир; причиной этому служило то, что власть хорезмшаха ослабела».[11]

Табари сообщает, что этого хорезмшаха звали Чаган, его младший брат, по имени Хурзад, творил насилия над Чаганом и его людьми, отнимал у них все ценное. Когда же люди жаловались хорезмшаху Чагану, тот отвечал, что он не в силах бороться с братом. В конце концов Чаган решил тайно обратиться к Кутейбе, обещая ему покорность и большие ценности, если Кутейба избавит его от Хурзада и его людей. Тогда Кутейба распространил слух о своем намерении идти походом на Согд[12].

В описании дальнейших событий имеется расхождение между сообщениями Табари и Ибн-ал-Асира: у первого читаем, что, получив это сообщение, Хурзад успокоился и сказал своим людям, распуская их по домам: «В этом году Кутейба идет на Согд, а мы с вами спокойно займемся своими делами».

У Ибн-ал-Асира же говорится, что хорезмшах сам распространил эти слухи, чтобы Хурзад считал себя в безопасности от арабов и распустил свое войско[13].

Но Кутейба с тысячей конников неожиданно явился к Чагану в г. Фил, который, по словам Ибн-ал-Асира, был одним из трех городов Хорезма, причем самым большим. Хорезмийцы испугались этого неожиданного вторжения и срочно призвали на помощь Хурзада, который догадался, что появление арабов произошло не без участия самого хорезмшаха. Собрав, сколько мог, войска он принял сражение с Кутейбой и попал в плен. Убив Хурзада, хорезмшах Чаган обратился к Кутейбе снача-

[11] Ибн-ал-Асир, ркп. № 824 из фонда Института востоковедения АН УзССР, л. 474.
[12] Табари, т. III, стр. 371 — 372.
[13] Ибн-ал-Асир, Указ. ркп., л. 474.

ла с просьбой помочь ему расправиться с людьми Хурзада, а потом помочь ему также и в борьбе с правителем города Хамджирд, который часто нападал на хорезмшаха и постоянно тревожил его.[14]

Эти сведения представляют большую ценность, помогая ориентироваться во внутриполитических событиях в Хорезмском государстве. Прежде всего, это говорит о существовании в эту пору какого-то самостоятельного владения с городом Хамджирд, который находился в постоянной вражде с хорезмшахом. Во-вторых, в Хорезме, по-видимому, образовалась какая-то большая и сильная социальная группировка, возглавляемая Хурзадом, пользовавшаяся решающей властью, в то время как власть хорезмшаха носила, видимо, только номинальный характер. Хорезмшах, по всей вероятности, не имел и военно-политической опоры среди своих соотечественников. Его положение несколько напоминает положение бухархудата Тохшады, которого убили свои же бухарские дехканы.[15]

Ибн-ал-Асир пишет, что позднее Кутейба решил окончательно завоевать Хорезм и направил туда большое войско под командованием Мухейры бин Абдуллы. Хорезмшах бежал из пределов Хорезма и явился к Кутейбе, который назначил его правителем Нишапура[16].

Арабы, захватив Среднюю Азию, старались опереться на высшее дехканство и связанную с ним местную правящую верхушку, помогая ей в борьбе против среднего и низшего слоев дехканства. Последнее, на наш взгляд, представляло большую оппозиционно настроенную военную силу поднимающегося феодального общества и играло большую роль во всех бурных политических движениях раннего средневековья. Вероятно, смысл борьбы хорезмшаха Чагана и его брата Хурзада, опиравшегося на низшие слои дехкан и военнослужилое сословие, заключался именно в борьбе за власть между отживающим старым порядком и поднимающимся новым общественным классом.

Запустение целого ряда рустаков Хорезма в VIII в., безусловно, связано с временным поражением стремившегося к господству феодального класса, который был разбит и рассеян хорезмшахом при помощи арабов.

По сообщению Белазури, хорезмийцы, недовольные тем, что на престоле все же был восстановлен хорезмшах (Чаган), убили его.[17] Однако Кутейба все же сохранил старую династию, посадив на престол Аскаджамука — сына Чагана.

С тех пор в Хорезме установилось двоевластие: правители из династии хорезмшахов сидели в древней столице—Кяте; эмиры, поставленные хорасанским наместником халифата, имели свою резиденцию где-то в одном из правобережных городов Хорезма, может быть в Миздахкане, а затем в городе Гургандже (Джурджания), находившемся на месте нынешнего Куня-Ургенча. Абу-Тахир Тартуси (XI в.) в своей повести об Абу-Муслиме особо выделяет решающую роль хорезмийцев в успехах его движения; по его рассказам, армия хорезмийцев, возглавленная по поручению самого хорезмшаха его племянником и сыном, составляла основную опору Абу-Муслима.[18]

---

[14] У Ибн-ал-Асира—جام جوذ, у Табари—جام جرنا

[15] Наршахи ابا ربح بخارا, Каган, 1910, стр. 48.

[16] Ибн-ал-Асир, указ. ркп., л. 475

[17] Якуби, Китаби Футух-ал-Булдан, ВСА, VII, 1892, стр. 426.

[18] جنگنامهٔ امیر ابا مسلم صاحبقران, Ташкент, 1910, стр. 134

По-видимому, гнет арабского владычества в Хорезме становился все более невыносимым как для правящей династии, так и для дехкан, а участие в успешно развивавшемся движении Абу-Муслима давало надежду на упразднение арабского наместничества. Нам кажется, в повести Тартуси отражено активное движение того же класса хорезмских феодалов, ведших одновременно борьбу с арабским наместником и сторонниками хорезмшаха. Однако афригидская династия продолжала удерживаться на престоле Хорезма, так как в «Истории китайской династии Тан» упоминается, что правитель Хорезма Шаошифин[19] в 751 г. прислал посольство ко двору китайского императора, а в 762 г. в правление Баоин прибыло второе посольство.

---

[19] П. И. Лерх (Моменты Бухархудатов, стр. 44) и С. П. Толстов, (Древний Хорезм, стр. 188) видят в нем Шаушафара из списка Бируни.

Глава VI

ДИНАМИКА ИРРИГАЦИИ В ХОРЕЗМЕ В ПЕРИОД РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА

1. СОСТОЯНИЕ ИРРИГАЦИИ В IX—XIII вв.

Арабы, по словам Ибн-ал-Асира, окончательно утвердили свое владычество в Хорезме несколько позже 712 г. Вслед за возвращением Кутейбы из Хорезма там начался политический кризис.[1] Кутейба, воспользовавшись этим, поручил Мухейре бин Абдулле окончательно завоевать Хорезм. Мухейра истребил множество людей, многих захватил в плен; остальные согласились платить джизью[2].

С тех пор на протяжении почти полутора столетий в исторической и географической литературе мы не встречаем никаких подробных сведений о Хорезме.

С начала X в. положение в Хорезме, так же, как и в других странах мусульманского Востока, освещается арабскими и персидскими географами Ибн-Русте, Ал-Истахри, Ибн-Хаукалем, Максиди, Худу-ал-Алем и другими. В этот период общее географическое описание низовьев Аму-Дарьи, описание городов, каналов, культуры, быта, дорог и народов сделано подробнее, чем когда-либо. Однако не все авторы сообщают точные данные о течении Аму-Дарьи. Например, авторы конца IX и начала X в. — Ибн-Хордадбех, Якуби и Ибн-Факих — пишут об этом весьма сбивчиво. Наиболее достоверные и обстоятельные сведения о течении Аму-Дарьи и ее дельте даны у Ибн-Русте в следующем виде: «Потом (река Джейхун) течет к Земму (Керки), потом к Амулю (Чарджоу), потом (течет) в Хорезм и проходит мимо его столицы (Кят). Когда он минует столицу, из него выходят справа и слева каналы и протоки, отчего приблизительно в четырех фарсахах ниже города Хорезма образуются болота, заросли и луга; затем, он течет по прямому направлению от (города) Хорезма между Джурджанией и Миздахканом. Джурджания на запад от него, а Миздахкан на восток. Джурджания ниже столицы в 24 фарсахах; у Миздахкана, на восточном берегу — селение, называющееся Харваз; ниже его другое селение и потом еще селение.

Когда (Джейхун) минует это место, из него отходят налево протоки, он течет к месту в четырех фарсахах ниже Джурджании, называющемуся Варагдех, там он проходит около Варагдех и гор, называющихся Сия-Кух и спускается к селению Барабиз... Ниже этого селения образуется много болот, которые называются Халиджан; там ловится рыба, которую вывозят из Хорезма в окрестные места, сам же (Джейхун) течет к озеру, окружность которого около 80 фарсахов. На западном его бере-

[1] Ибн-ал-Асир, Ал-Камил Фит-тарих, ркп. ИВ АН УзССР, № 1144, т. III, л. 475а.

[2] Там же.

гу горы, называемые Сия-Кух, на восточном — заросли переплетающихся между собой деревьев: через них почти невозможно пройти или проехать, кроме как по узкой и неровной дорожке, по которой ходят дикие кабаны, и (по дороге), идущей к северному концу (восточного) берега, (по которой) ездит царь поселения, называемого «Новое селение».[3]

Из описания Ибн-Русте мы видим, что в начале X в. Аму-Дарья текла мимо древней столицы на северо-запад к Куня-Ургенчу.[4] Проток, отделившийся от Аму-Дарьи с правой ее стороны, направлялся к горам Султан-Уиз-Даг, образуя водоем с зарослями, напоминающий озеро Истемес начала XX в.[5] Дальше Аму-Дарья протекала несколько западнее современного русла, примерно в 20 км западнее Ходжейли.

Города Миздахкан и Джурджания впервые упоминаются в истории Хорезма только у Ибн-Русте; первый из них соответствует нынешним развалинам «Малумхан-слу», в 8 км к юго-западу от города Ходжейли[6], а Джурджания соответствует современному Куня-Ургенчу с прилегающим к нему с юга городищем.

Аму-Дарья, протекая между этими городами, направлялась к юго-восточной части чинков Устюрта, однако, судя по названию селения Варагдех («селение плотина»), основное течение в этом месте отводилось при помощи плотины направо, а огромные низины, прилегающие к восточным чинкам Устюрта, обводнялись лишь небольшим протоком (или протоками).

В. В. Бартольд правильно локализует Халиджан Ибн-Русте в Айбугире.[7] Слова Ибн-Русте, по-видимому, надо понимать так, что плотина у селения Варагдех служила для отвода части воды к чинкам Устюрта; возможно, что эти места орошались и зотоплялись и в X в.[8] Сообщение Истахри о том, что озеро в этой местности замерзало на весь зимний период[9], также говорит в пользу того, что здесь был обширный водоем, не сообщающийся с Аральским морем. Северный участок древнего Халиджана, соответствующий нынешнему Муйнакскому району, до сих пор является крупным рыбопромышленным центром.

Что же касается основного течения реки, то оно, судя по указаниям Ибн-Русте, протекая мимо селения Варагдех, направлялось к Аральскому морю значительно восточнее современного города Куиграда, между буграми Кушканатау и Кызылджар.

Истахри, описывая ирригационную сеть Хорезма, отмечает, что пограничный пункт Хорезма со стороны Амуля (Чарджоу) называется Тахирия. По южной (левой. — *Я. Г.*) стороне Джейхуна тянутся населенные места, тогда как на северной (правой. — *Я. Г.*) стороне, до селения Гарабхашна,[10] населенных мест нет.

В 6 фарсахах выше Гарабхашны из Аму-Дарьи был выведен большой канал правого берега «Гаухоре», шириною около пяти локтей; глубина его — почти в два человеческих роста.[11]

---

[3] Ибн-Русте, Китаб-ал-А'лак, BGA, т. VII, 1892, стр. 91.
[4] Там же.
[5] См. карту десятиверстку, изд. 1905 г.
[6] А. Ю. Якубовский, Городище Миздахкан, ЗКВ, т. V, стр. 553.
[7] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 105.
[8] Подобно Куйгуну в XVI в. (Абулгази, СПб., 1871, стр. 280).
[9] Истахри, Китаб Месалик ал-Мемалик, BGA, I, стр. 304.
[10] Истахри, Китаб Месалик-ал-Мемалик, BGA, т. I, 1870, стр. 301.
[11] Здесь переписчиками или информаторами явно допущена ошибка, ибо ширина такого длинного канала не могла быть в 5 локтей; определение глубины также необычное.

Указанная ширина канала Гаухоре исключает, несмотря на зарегистрированную историком большую его длину (12 фарсахов и более), возможность судоходства по этому каналу.

В 5 фарсахах ниже головы Гаухоре отделяется канал Керих, или Керия[12], орошающий некоторые рустаки правого берега.

Расположенные на пойменных отложениях реки населенные места левого берега Аму-Дарьи до пределов ее низовьев (Дарган, Джегирбенд, Садвар и др.) орошались небольшими местными каналами.

Левобережные земли Хорезма орошались многочисленными древними и более молодыми каналами. Из них самый южный был канал Хазараспа. Истахри указывает на него как на первый Хорезмский канал со стороны Амуля (с юга — *Я. Г.*).

Согласно Истахри, Хазараспский канал по ширине равен половине ширины Гаухоре. [13]

Свидетельство Истахри о судоходности Хазараспского канала никак не согласуется с такими ничтожными его размерами.

Истоки канала следует искать к югу от Тюямуюнской теснины и Ташсакинских возвышенностей, так как местность между Хазараспом и Тюя-Муюном камениста и совершенно непригодна для проведения канала.

Приблизительно в двух фарсахах от Хазараспа был другой канал — Кардаран-хуш, который был больше канала Хазарасп. Кардаран-хас[14] был, по-видимому, проведен к городу или крепости того же имени. По данным Максиди, крепость Кардаран-хас находилась в трех фарсахах к западу от Хазараспа по большой дороге Хазарасп — Хива.[15]

Кардаран-хас идентифицируется нами с развалинами крепости Каладжик. В описаниях авторов X в. Истахри, Макдиси и автора рукописи «Худуд-ал-алем», Кардаран-хас был расположен между Хивой и Хазараспом. От Хазараспа до Кардаран-хаса три фарсаха, а от него до Хивы — пять фарсахов, что почти соответствует расстояниям между этими тремя пунктами.

В X в. Хазарасп и Кардаран-хас представляли собой не города, а крепости с деревянными воротами и рвом.[16]

Абулгази, в связи с событиями XVI в. упоминает этот пункт под названием «Кардан хаст»[17].

Де Гуйе склонен идентифицировать Кардаран-хас с Кардан хастом Абулгази.[18] У Муниса-Агехи положение Кардаран-хаса уточняется следующим образом: «Озеро Кардан хаст, которое в наше время известно под названием Нукуз-кули (озеро Нукуз), находится на территории Беш-Арыка»[19], т. е. там, где зарегистрированы развалины Каладжика — Кардаран-хаса.

---

[12] كريه (Истахри. Указ. соч., стр. 301).

[13] Истахри, Указ. соч., من مسايل آمل

[14] У Макдиси — Кардаран-хас; последнее название нам кажется правильнее и в дальнейшем мы будем применять именно его.

[15] Макдиси, Китаб Ахсан-ат-такасим фи-ма'арифат-ал-акалим, BGA, т. III, 1872, стр. 293.

[16] Макдиси, Указ. соч., стр. 343.

[17] Абулгази, شجرهٔ ترک, стр. 227.

[18] De Goeje, Das alte Bett des Oxus, Leiden, 1873, p. 84.

[19] Мунис-Агехи فردوس الاقبال, л. 187.

Вполне возможно, что в X в. оба канала — Хазараспский и Кардаранхасский — имели самостоятельные головы в районе древнего истока Даудана. В настоящее время вся южная полоса орошается каналами, выведенными из арыка Палван-Яб.

По описанию Истахри, третьим каналом левого берега считался канал Хивы, название которого не приводится. Он был больше, чем Кардаран-хас, по нему плавали суда до г. Хивы.[20] Вопрос о подлинном названии Хивинского канала до его переименования в Палван (Пахлаван)-Яб. до сих пор оставался нерешенным.

В исторической литературе и в официальных документах в послемонгольский период упоминается большой канал Южного Хорезма под названием Хейканик حيكانيك. Это название впервые встречается в вакуфном документе Тимур Кутлука, правителя Хорезма, под датой 1349 г. Здесь перечислены земельные участки, прилегающие к каналу Хейканик с его северной стороны.

В 1922/1923 г. при уточнении вакуфных владений было установлено, что земли, перечисленные в вакуфном документе Тимур Кутлука, оказались смежными с каналом Палван-Яб.

Описывая ход военных действий, Абулгази-хан в нескольких местах упоминает канал Хейканик, однако с некоторыми неточностями, поскольку из его описания следует, что на Хейканике было селение Гандумкон у моста Ташкупрук около Ханки[21]. Это указание Абулгази ввело в заблуждение В. В. Бартольда, заставив его отождествлять Хейканик с каналом Газиабад[22].

Селение Гандумкон, действительно, находится на Хейканике, но не у Ханки, а в 1—1,5 *км* к северо-востоку от города Хивы. Что же касается урочища Ташкупрук, то оно находилось около Ханки, между каналами Газиабад и Палван-Яб. В своих военных действиях Абулгази опирался на г. Ханки, а связь с Аралом была через канал Хейканик, поэтому Ташкупрук был основным лагерем, где могли быть сосредоточены суда, прибывавшие из Арала (вернее, из нижней дельты). Вместе с тем, надо подчеркнуть, что, по указаниям хивинских и русских авторов XIX в., каналы Хейканик (Палван-Яб) и Газиабад были соединены водным протоком, что облегчало существующее сообщение с нижней дельтой[23].

В хивинских хрониках и других сочинениях XIX в. название этого канала встречается в форме то Хейканик, то Хейваник : (حيونيك). Последнее, безусловно, является искаженным и более поздним вариантом названия Хейканик.

В ханских ярлыках XVIII—XIX вв. каналы Южного Хорезма обычно перечисляются в порядке их географического расположения (с юга на север): Янгиарык, Хейваник, Газиабад и др.[24]

В сочинениях Муниса-Агехи имеются указания на идентичность канала Хейваник с Палван-Ябом: «Произошло сражение на южной сто-

[20] Истахри, Указ. соч., стр. 302.
[21] Абулгази, Указ. соч., стр. 303.
[22] В. В. Бартольд, История орошения Туркестана, стр. 95.
[23] Баяни حوارزمشاهی شجره л. 85.
„قولو محاجی‌غه کم حیونیك دین‌غازی آباد اریغیغه قویادرعان یارمش در"
А. В. Каульбарс, Указ. соч., стр. 21.
[24] Ярлык (грамота) Ширгази-хана на имя Рузумбай-бия от 1715 г., хранящийся в библиотеке Хивинского музея.

роне Хейваника, в промежутке между каналами Хейваник и Янгиарык.[25]

Один из хивинских авторов тридцатых годов XIX в. пишет: «На конце канала Хейканик расположено селение Кнык, где разводится лучшая порода джиды»[26]. И действительно, селение это находится на самом конце Палван-Яба, рядом с г. Хивой. Наконец, у Мунис-Агехи имеется и прямое указание на то, что канал Хейваник известен под названием Пахлаван (Палван)-Яб.[27]

Таким образом, не остается сомнений в тождественности канала Палван-Яб с древним хивинским каналом Хейканик или Хейваник. Мы лишний раз указываем на древность происхождения названия Хейканик, потому что архаическое географическое название «Хейканик» перекликается с архаическими названиями целого ряда географических пунктов вокруг города Хивы: Пешканык, Ангарык, Рафаныk, Безганык; Кнык и т. п.[28]

Истахри перечисляет в левобережном Хорезме шесть наиболее значительных каналов. Помимо уже трех названных, мы встречаем у него название и четвертого канала — Мадра, который, по его словам, был в два раза больше, чем Гаухоре, и по которому суда плавали до сел. Мадра. Расстояние между каналом Мадра и Хивинским каналом около 2 *км*.[29] Канал Мадра по своему расположению соответствует современному каналу Газнабад. Расстояние между последним и Хивинским каналом (Хейканик — Палван-Яб) также соответствует расстоянию, отмечаемому в X в. На том месте, где старая магистральная дорога Хазарасп — Кунья-Ургенч пересекает эти каналы, расстояние между ними сильно сближается. Но сел. Мадра не упоминается среди известных, более или менее значительных городов Хорезма.

В 1937 г. нам пришлось обследовать большое селение Мадыр, расположенное примерно километрах в четырех к югу от города Ханки, на южном берегу канала Газнабад, у моста, через который проходит старая магистральная дорога Чарджоу — Ургенч. Старожилы Мадыра указывают на большое старое кладбище в западной части селения как на место, где находился древний город Мадыр, «разрушенный Чингизханом», и рассказывают множество связанных с этим древним городом легенд. На территории указанного выше кладбища сохранился мавзолей и хонако шейха Сулеймана Хаддали, упомянутого в вакуфном документе Тимура Кутлука от 1349 г. В документе упоминается о сооружении к югу от канала Насири большого хонако; из этого же документа известно, что хонако было построено после смерти шейха. Это обстоятельство позволяет допустить возможность постройки в Мадыре хонако для шейха Сулеймана на базе его мавзолея. Мазар и хонако в Мадыре — строения каркасного типа; по рассказам местных старожилов, оно неоднократно перестраивалось с сохранением древней планировки. Перекрытие свода

---

[25] Мунис-Агехи, л. 334б. Янгиарык является одним из южных ответвлений Палван-Яба, следовательно, сражение произошло в треугольнике между основным каналом и его ответвлением.

[26] Худайберды кош-Мухаммед, دل غرائب л. 23б—24а, рукопись хранится в Хивинском музее.

[27] Мунис—Агехи, "حيونيك كم پهلوان يافى عه مشهوردر" л. 426б.

[28] П. П. Иванов, Архив Хивинских ханов, Л., 1940, стр. 35, 36, 38, 65, 76, 83; как любезно сообщил мне канд. филол. наук Ф. А. Абдуллаев, ряд фактов весьма убедительно доказывает, что окончание «ык» является наиболее древней формой словообразования в топонимике Хорезма.

[29] В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 80.

очень оригинально по своей конструкции: центральное помещение хонако перекрыто сводом типа дарбази.[30]

Значительно позже сел. Мадыр возродилось на новом (несколько более к востоку) месте. Канал Мадра утратил это название, по всей вероятности, в связи с опустошениями, произведенными во время нашествия монголов.

С. П. Толстов в одной из своих работ также считает возможным, что древний канал Мадра соответствует Газнабаду. Однако он локализует сел. Мадра на месте Бадиркента, расположенного в хвостовой части канала Газнабад,[31] которая не могла быть судоходной.

Дальше канала Мадра из Аму-Дарьи выходил большой судоходный канал—Вадак (وداك). От канала Вадак до города Хорезма (Кята), по мнению Истахри, около двух фарсахов[32].

Мы считаем возможным допустить локализацию головы Вадака на месте старой головы Шахабада против Турткуля.

Далее Истахри сообщает, что ниже города (Кята) в сторону Джурджании (от Аму-Дарьи отделяется.—*Я. Г.*) канал под названием Буве;[33] воды его соединяются с водами Вадака в пределах селения, известного под названием Андаристан, расположенного несколько ниже по течению в направлении к Джурджании.

Вадак, как пишет Истахри, больше Буве; оба судоходны до места, которое находится на расстоянии одной галвы (1/24 фарсаха)[34], не доходя до Джурджании, так как в этом месте возведена плотина, задерживающая суда.[35]

По словам Макдиси, «река (Аму-Дарья так близко подходила к городу. — *Я. Г.*), что вода затопляла его окрестности. (Жители) придумали для отвода ее (эту плотину) из досок и бревен, так что река направляется к востоку.[36]

У Курдера[37] есть канал, берущий (начало) в четырех фарсахах ниже главного города (Кята); он образован четырьмя устьями, выведенными из четырех голов, расположенных поблизости одна от другой, и сливающимися в один канал, равный Буве и Вадаку после их соединения. Говорят, что прежде Джейхун протекал в этой местности (по руслу Курдера). Уровень воды в этом канале зависит от уровня воды в Джейхуне. Против Гита, в степи, на расстоянии одного фарсаха с северной стороны (реки) есть город, по названию Мадминия. Он расположен на левобережье и отстоит от Джейхуна на четыре фарсаха. Это произошло только от того, что (Аму-Дарья) меняет от Курдера свое направление и проходит между Гитом и Мадминией. После Мадминии нет населенных

---

[30] Такого рода конструкция сводов довольно часто встречается в Центральной и Средней Азии, Закавказье, Индии, Афганистане. По вопросу о дарбази большой материал собран проф. М. С. Андреевым; см. также: М. Ильина, Древнейшие типы жилищ Закавказья, Сообщения Института истории и теории архитектуры, вып. 5, М., 1946.

[31] С. П. Толстов, Древности Верхнего Хорезма, ВДИ, 1941, № 1.

[32] Истархи, BGA, стр. 303.

[33] بيوه.

[34] В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 34; МИТТ, т. I, стр. 179. Термин «галва» объясняется как длина полета стрелы, так что если фарсах считать равным 7 *км*, то галва равняется приблизительно 292 *м*.

[35] Ниже этой плотины вода, по-видимому, разбиралась на орошение и канал сильно мелел.

[36] Макдиси, BGA, стр. 260. Расстояние от места соединения Вадака и Буве до Джурджании определено у Истахри в один переход (Истархи, BGA, стр. 303).

[37] Название города в дельте, к которому проведен был канал كُرْدَر (Курдер).

пунктов. (Рустак) Миздахкана расположен между Джейхуном и (каналом) Курдер; от (города) Миздахкана, лежащего напротив Джурджании, до Джейхуна два фарсаха. К каждому селению между Курдером и городом (Кятом) проведен канал из Джейхуна... Потом Джейхун доходит до Хорезмского озера в месте, где (живут) рыбаки: там нет ни селения, ни построек. Это место называется Халиджан. На берегу этого моря, около Халиджана — земля гузов. В мирное время гузы приходят с этой стороны в селение Баратегин, с другой стороны — в Джурджанию, так как оба поселения — пограничные пункты. От места, куда впадает река Джейхун, до места впадения Шашской реки (Сыр-Дарьи) в это озеро (Аральское море. — *Я. Г.*) (расстояние) около четырех дней пути (по Ибн-Хаукалю, около десяти дней. — *Я. Г.*)[38].

Прежде чем перейти к обсуждению вопроса о времени происхождения каналов Вадак и Буве, опишем кратко археологические памятники Хан-абада[39], обширного района, простирающегося до пределов Кызылкумов.

Древнее городище Курганча (Кубланды) мы связываем с глухим восточным протоком Аму-Дарьи, действовавшим с большими перерывами в II—III и VI—VII вв. нашей эры. Около начала нижней дельты отмечаются два городища — Айван-Кала и Тук-Кала. Впервые о них упоминает А. Гребенкин[40], указывая, что названия «Тук» и «Айван» даны этим городищам позднее населяющими дельту каракалпаками. Название «Тук» связано с легендой об искусственном холме, насыпанном Девом, на котором построена крепость; название «Айван» (высокая) — потому, что высокие стены крепости спасали от наводнения, несмотря на то, что она построена была в низине.[41]

Городище Айван-Кала было обследовано летом 1947 г. По плану и внутренней планировке оно очень напоминает городище Топрак-Кала в Шаббазском районе. Предварительные данные позволяют утверждать, что городище жило в VI—IX вв. н. э.

Тук-Кала археологами еще не обследовалась. Судя по описанию Гребенкина, Тук-Кала представляет собой город позднеафригидского времени.

На территории Нукусского аэропорта зарегистрировано городище Шурча, относящееся к типу городищ раннекушанского времени.

Значительно южнее Нукуса, в 5—6 *км* к северу от города Кипчака, на правом берегу реки возвышается круглая крепость Чилпык. По своей архитектуре и по керамическим находкам крепость датируется V—VI вв. н. э.

На Киснаке, там, где река проходит в теснине между Султан-Уиздагом и Джумур-дагом, на правом берегу расположена значительная крепость Гяур-Кала, построенная в II—III вв. н. э. Все это говорит в пользу того, что течение по основному современному руслу Аму-Дарьи, ниже широты Гурлена, существовало в первых веках нашей эры (до IX в. н. э.). Трудно сказать, были ли все эти памятники связаны с течением самой реки или с каналом Курдер.

---

[38] BGA, т. II, стр. 354.

[39] Обширная территория к югу от Дарьялыка до Уаза, Мангыра, Дев-Кескена и низовьев каналов Шахабад и Ярмыш условно названа нами Ханабад.

[40] В письме к начальнику Амударьинского отдела Н. И. Иванову, текст которого приведен А. В. Каульбарсом в работе «Низовья Аму-Дарьи», стр. 451—452, прим. 261.

[41] А. В. Каульбарс, Указ. соч., стр. 451—452.

Возникновение крепости Гяур-Кала на таком важном стратегическом пункте, возникновение поселений в районе Баратама и Кургачи свидетельствует больше о связи с течением самой Аму-Дарьи, чем с искусственным каналом, потому что доведение вод большого искусственного канала до Кургачи при наличии целого ряда населенных пунктов на этом канале в средней части дельты казалось бы невозможным. По-видимому, Кургача и Баратам как наиболее отдаленные пункты питались прорывами Аму-Дарьи на восток.

Сообщение Истахри о перемене течения реки от г. Курдера, а также о течении Курдера по староречью Аму-Дарьи вполне согласуется с данными исторической топографии этого района. Указанные тем же автором четыре головы Курдерского канала, очевидно, являлись мерой предосторожности хорезмийцев против возможного прорыва реки, если бы голова была только в одном месте.

Несмотря на весьма предварительный поверхностный характер археологических обследований, восточная и северо-восточная части верхней дельты все же дают материал для ориентировки в их исторической топографии.

Произведенные в районе Ханабада, Куня-Ургенча и в западной части нижней дельты археологические работы также носят еще разведывательный характер. Севернее широты Кандум-Кала, за исключением пограничной крепости Дев-Кескен, памятники как античной, так и афригидской эпохи (до IX в.) не зарегистрированы.

В исторической литературе имеется целый ряд предположений о локализации Ургенча в авестийской Урва[42] и в Юегане (китайские хроники Старшего дома Хань)[43]. Надо подчеркнуть, что в Куня-Ургенче еще не произведены стационарные археологические работы и при неоднократных посещениях никто из археологов не заметил там следов культуры периода доарабского завоевания[44]. Куня-Ургенч действительно весьма сложный археологический памятник; средневековые слои этого городища достигают весьма значительных размеров. Произведенные там в последнее время археологические вскрытия не были доведены до материка и не дали памятников ранее X в.; это характерно для всего района, прилегающего к Куня-Ургенчу, и для всей территории Ханабада.

Если отсутствие памятников дофеодального периода в Куня-Ургенче может объясняться сложностью стратиграфии этого пункта, то отсутствие таковых в окружающем районе не находит объяснения.

Осенью 1946 г. в Ханабаде нами была произведена специальная археологическая рекогносцировка. Целью этой поездки было выяснение истории заселения территории Ханабада.

Почти вся территория Ханабада, включая и его восточную часть, начиная с IX в. была изрезана искусственными каналами. Расположение этих каналов не требует особого описания, ибо Ханабадские каналы, построенные в середине XIX в — Шамурат, Сипаи-Яб и другие — проложены в основном рядом с каналами IX—X вв. Вся территория действия этих старых каналов усеяна небольшими бугорками, остатками отдельных домов и небольших поселений IX—XIV вв.

---

[42] E. Sachau, Zur Geschichte und Chronologie von Khwarism стр. 1, цит. по С. П. Толстову, Древний Хорезм, стр. 22.

[43] Иакинф Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, СПб., 1851, т. III, стр. 246; В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 25.

[44] Керамический материал из нижних слоев Куня-Ургенча, добытый разведкой ГАИМК 1929 г., не производит впечатления древности.

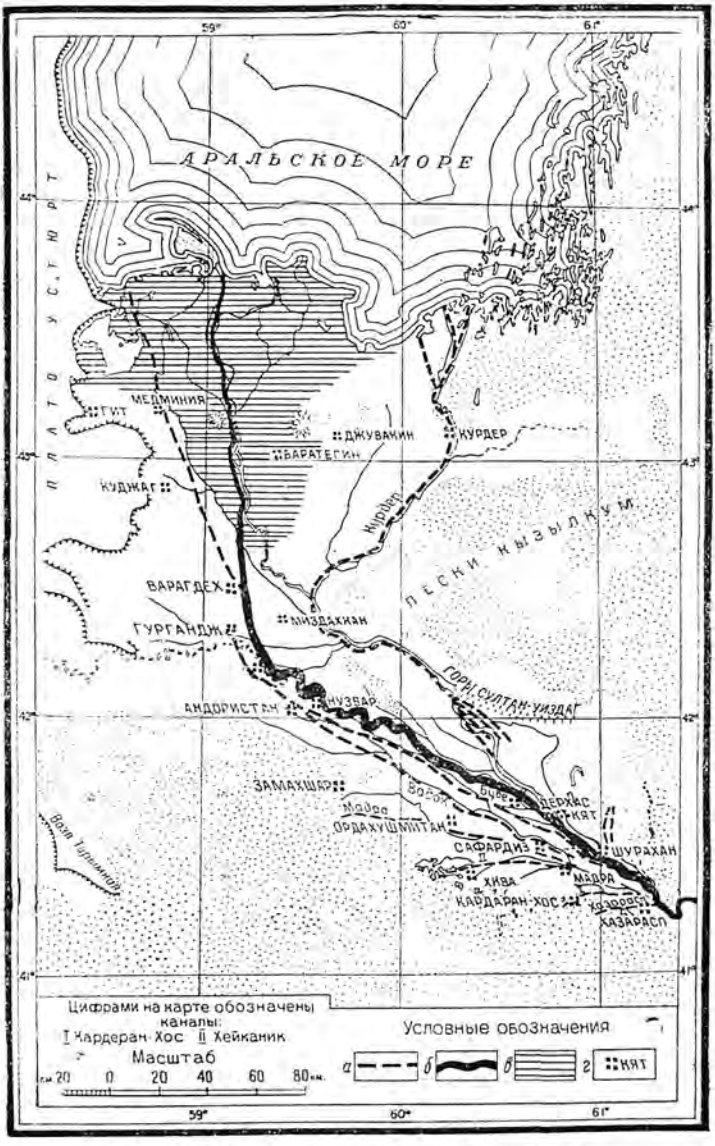


Рис. 10. Схема ирригационной сети Хорезма в X в.

Условные обозначения: а—действующие каналы; б—действующее русло Аму-Дарьи в—болота и разливы; г—города.

Необходимо также подчеркнуть, что в то время (IX—XIII вв.) громадная полоса против развалин Ургенча на левой стороне Дарьялыка представляла собой продолжение этого города: она раскинулась более чем на десять километров и покрыта почти сплошь следами строений, фрагментами кирпича, бытовой керамики и т. п. Вид этих обширных развалин невольно напоминает следующие слова Якута об Ургенче и его районе: «Нет разницы — идти ли по всем их волостям или идти по их рынкам. И не думаю, чтобы в мире были где-нибудь обширнее земли, шире Хорезмских и более населенные...»[45].

В 5—6 *км* к северу от развалин Кандум-Кала имеются развалины небольшого города под названием Етти-Аулия. Судя по археологическому материалу, городок жил в IX—XIII вв., был благоустроенным и густонаселенным.

Переходя к Миздахкану, который питался водами канала Курдер, мы с большой уверенностью можем сказать, что этот город существовал уже в афригидское время, а может быть и еще раньше. Развалины его имеют ряд признаков, указывающих на его древность.[46]

Миздахкан, благодаря своему близкому положению около реки и ее разливов, безусловно, питался водою из древнего (основного) Курдерского русла, а потом — из Курдерского канала. В уже упомянутом вакуфном документе Тимура Кутлука от 1349 г. указывается на водоснабжение Миздахкана из канала, идущего с востока.

По данным гидрогеологических исследований, мощность культурно-ирригационных наносов Ханабада и вообще района, прилегающего к Дарьялыку, почти в два раза меньше по сравнению с районом левобережья Даудана и в 1,5 раза меньше наносов его правобережья.

В предыдущей главе был подчеркнут факт заселенности правого берега канала Даудан от Кандум-Калы на западе до г. Ханки на востоке, что связывалось с каналом, построенным примерно в III в., который действовал с перерывами до монгольского нашествия.

Из всего сказанного можно заключить, что примерно в IX в. Кандумкалинский канал подвергался большим изменениям; его расширили и основное его русло довели до Гурганджа.

Сообщение Истахри о головах канала Буве ниже Кята, в свою очередь, подчеркивает, что истоки Вадака были расположены немного выше истоков Буве. Слова Ибн-Русте: «когда (река) минует столицу, из нее выходят справа и слева каналы и протоки», следует рассматривать как указание на головы: Курдера (с правой стороны) и Буве (с левой). Следовательно, голова Буве должна была находиться где-то в районе ниже Нового Ургенча. Археологический обзор района между Дарьялыком и Дауданом говорит о существовании в IX—XIII вв. орошения в районе г. Ваянгана (Амбар-Манака): расширение канала Вадак и отвод его низовьев к Гургенджу, по-видимому, не внесли коренных изменений в состояние ирригации в районе Ваянгана, так как западные ответвления Вадака по-прежнему, хотя и в несколько меньшей степени, снабжали водой культурную полосу. Однако воды Вадака, по-видимому, все же, хотя и с трудом, доходили до Гургенджа, и все растущая потребность района в орошении вызвала необходимость в увеличении пропускной способности Вадака. Рассчитывать на паводковые воды не приходилось, ибо, как мы уже объясняли выше, чрезмерное увеличение паводковых каналов было сопряжено с большими опасностями. Поэтому сооружение

[45] Якут, Китаб Му'джам-ал-Булдан, т. II, стр. 481—484.
[46] А. Ю. Якубовский, Городище Миздахкан, ЗКВ, т. 5, стр. 560—565.

канала Буве и соединение его с Вадаком являлось вполне закономерным, как мероприятие, повышавшее поступление оросительной воды и одновременно защищавшее от опасности затопления; оно, вероятно, способствовало подъему ирригации в Ханабаде и вообще во всем районе Гурганджа. По словам Истахри, суда, плававшие по этим каналам, направляясь в Гурганджу, задерживались у деревянной плотины, построенной приблизительно в 300 *м* от этого города.[47]

По словам Макдиси: «Ниже главного города (Кята) в том же направлении, что и главное русло, (идет) канал Буве: соединяются воды обоих (каналов) в местности около сел. Андаристан;[48] по нему плавают суда до Джурджании, потом его задерживает плотина... от селения (Андаристан) до плотины — день пути. Джурджания — главный город на Хорасанской стороне, он на Джейхуне, так, что вода омывает его края. Они (жители), постарались преградить его (Джейхун) досками и дровами, так, что он отошел на восток удивительным образом, вода его поворачивает в пустыню к селению Баратегин и идет с одной стороны. Они провели из него каналы для питья к воротам города, но (каналы) не входят в него (в город) из-за тесноты, а он (город) все время увеличивается».[49]

О той же плотине на Аму-Дарье очень ясно говорит Якут: «Они (жители Гурганджа) построили плотину против Джейхуна из больших бревен и хвороста, препятствующую разрушению их жилищ. Они обновляют ее каждый год и чинят то, что в ней сломано».[50]

По словам Джувейни, во время монгольского завоевания через город проходил какой-то большой канал или река, через которую был перекинут мост.[51] Это вполне возможно, так как по археологическим наблюдениям, к югу от русла Дарьялыка в XII—XIII вв. был раскинут город, который мы можем считать южной половиной Гурганджа. Было бы вполне естественно, чтобы обе эти половины города были соединены мостом; трудно все же допустить, чтобы этот мост одновременно служил и плотиной, задерживающей написк вод Аму-Дарьи. Однако мы имеем определенное указание на существование такой плотины: Ибн-ал-Асир пишет, что «(татары) уничтожили плотину, которая удерживала воду Джейхуна от города; вода вошла и затопила весь город».[52]

Топография местности между Ходжейли и Мангытом подкрепляет истинность сообщаемых Ибн-Русте и Истахри данных. Аму-Дарья во времена Ибн-Русте (903 или 913 г.), видимо, действительно протекала западнее современного русла; в районе ниже Кята (Шаббаза или Шейх-Аббаса на картах) она немного поворачивала на северо-запад, текла через пустырь мимо Кубатау, через систему озер и болот, тянущихся параллельно руслу Дарьялыка, между последним и современным руслом Аму-Дарьи. В таком направлении она протекала между Гурганджем

[47] Истахри, Указ. соч., стр. 303; имеется в виду плотина на канале Вадак-Буве, а не та, о которой пишет позднее Макдиси и которая была возведена на Аму-Дарье.

[48] Большое расхождение между Истахри (один переход 25—30 *км*) и Макдиси (день пути 50—55 *км*) не позволяет установить место соединения каналов у сел. Андаристан. Если принять за основу указание первого, то это место соответствует пункту в 15 *км* западнее г. Калинина (Порсу). Здесь речь идет о той же плотине, которую упоминает Истахри.

[49] Макдиси, Указ. соч., стр. 288—289; тут имеется в виду плотина, построенная на самой Аму-Дарье для защиты от наводнения.

[50] Якут, Указ. соч., стр. 285.

[51] Джувейни, МИТТ, т. I, стр. 487—488.

[52] Ибн-ал-Асир, т. XII, стр. 207—208.

(Куня-Ургенчем) и Миздахканом (бугры Мазлумхан-слу в 8 *км* к западу от Ходжейли). По указанию Ибн-Русте, река (Аму-Дарья) была ближе к Гургандж (в одном фарсахе), чем к Миздахкану (в двух фарсахах от реки).

У Истахри, как мы уже отмечали выше, речь идет о плотине на канале Вадак-Буве. Макдиси, упоминая об этой плотине, добавляет еще сведения о плотине на Аму-Дарье. Слова Макдиси подтверждаются Якутом, который сам видел амударьинскую плотину. Это позволяет предположить, что за период со времени, когда писали свои труды Ибн-Русте (913 г.), Истахри (941 г.) и до времени, которым датируется сочинение Макдиси (985 г.), произошли какие-то изменения.

Эти изменения выразились, во-первых, в том, что русло канала Вадак-Буве, соединившись с водами Аму-Дарьи, настолько увеличилось, что грозило уже затопить территорию Гургандж.

Таким образом, единственно бесспорным для нас объяснением может быть лишь то, что ко времени Макдиси Аму-Дарья прорвала себе путь к руслу канала Вадак-Буве, примерно на месте прорыва протока Лаузан в XIX в. В таком случае описания Макдиси и Якута находят себе объяснение. В последней четверти X в. русло реки, по-видимому, отошло к западу и течение ее получило тенденцию прорываться между двумя половинами города: эта тенденция уже предвещала образование нового русла — русла Дарьялыка, — что и произошло в действительности в XIII в.

Обратим внимание читателя на то обстоятельство, что факт отвода русла реки от города казался каким-то чудом и вызвал такое удивление у Макдиси; из этих слов его следует, что река омывала город с восточной стороны и по-прежнему текла в Аральское море. При этом произошло одно важное изменение: река в своем течении, по-видимому, слилась с низовьями канала Вадак-Буве и передвинулась к Гургандж; следовательно, слова Макдиси о плотине на соединении каналов Вадак и Буве надлежит рассматривать, как механическое повторение им слов своего *предшественника Истахри*[53], *уже не соответствовавших новой обстановке*.

Следовательно, во времена Макдиси, так же как и во времена Якута, Аму-Дарья направлялась по руслу канала Вадак-Буве после их соединения и протекала непосредственно под стенами Гургандж, что подтверждается и топографией самой местности, прилегающей к городу с его восточной стороны.

Истахри пишет, что Хорезмский оазис суживается в северном направлении и ширина его у Джурджании равняется приблизительно двум фарсахам (13—14 *км*)[54]. Учитывая, что расстояние до Аму-Дарьи равно 6—7 *км*, можно считать, что к западу от Гургандж оазис простирался не более чем на 6—7 *км*. Следовательно, Гургандж в то время лежал в непосредственном соседстве со степью.

В предыдущих главах мы отмечали, что канал Гаухоре в основном соответствовал современному каналу правого берега Пахта-Арна. Указанное у арабских географов расстояние между отдельными пунктами и их связь с Гаухоре в значительной степени облегчают установление местоположения как каналов, так и населенных пунктов. Расстояние между главным городом Хорезмом (Кятом) и каналом Гаухоре (12 фар-

[53] Сам Макдиси, по предположению В. В. Бартольда, не посещал Хорезма (В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море, стр. 37).

[54] Истахри. Указ. соч., стр. 302.

сахов)[55], по-видимому, должно быть понято не в широтном направлении, как это полагал В. В. Бартольд,[56] а по течению канала от его головы до Кята. Это вполне соответствует расстоянию от головы Пахта-Арна на Аккамыше до селения Шейх-Аббас. Следовательно, селение Гарамхашна (или Гарабхашна) находилось в шести фарсахах от головы канала Гаухоре и соответствует поселению Шурахан, откуда и начиналась культурная полоса правого берега.[57]

Для отождествления античной крепости Шурахан, расположенной на месте разветвления большого и очень древнего канала правобережного Хорезма — Гаухоре, с селением Гарамхашна (или Гарабхашна), мы имеем следующие основания.

Название «Гарамхашна», или «Гарабхашна», мы встречаем только у Истахри, который сообщает, что селение находится «в шести фарсахах от головы канала Гаухоре». То же самое местоположение («в шести фарсахах от истоков канала Гаухоре») указывает Макдиси для Шурахана. По-видимому, за промежуток времени между появлением трудов Истахри и Макдиси произошли какие-то перемены в названии поселения (возможно даже, что Макдиси просто уточнил название этого населенного пункта), так как после Макдиси до наших дней он известен под названием Шурахан.

Согласно указанию Истахри, канал Гаухоре разветвлялся в пяти фарсахах ниже своей головы, т. е. в одном фарсахе выше Гарамхашны (Шурахана), вернее, здесь от него отделялся канал Гирье[58].

Канал Гаухоре орошал рустак столичного города (Кята), а Гирье — другие рустаки.[59].

Отсюда следует вывод, что в рассматриваемый период основным течением канала Гаухоре считалось то, которое направлялось влево, в район столицы.[60] Следовательно, Гаухоре ниже Шурахана и в основном его можно локализовать на месте современного Буз-Яба, который отделяется из канала Пахта-Арна выше Шурахана и направляется в сторону Шаббазского (Шейх-Абасского) района.

По Макдиси, здесь был известен только один канал Гирье, длина которого показана в 5 фарсахов.[61] Сведения Макдиси, безусловно, относятся к головной части канала до места его раздвоения. Сопоставляя сведения Истахри и Макдиси, приходится заключить, что сведения Макдиси, по сравнению с данными Истахри, весьма сбивчивы.

Основываясь на указаниях Истахри, можно считать, что Гирье (или Кирье) должен соответствовать каналу, который находился ниже Шурахана, поворачивал на север в сторону крепости Гульдурсун, а оттуда, через городища Наринджан и Кават-Кала, шел до Кызыл-Калы. Правдоподобность сведений о канале Гирье подтверждается еще и наличием на отделяющемся от него канале, соответствующем современному каналу Кельтеминар и образующем узкий Кельтеминарский рус-

---

[55] Истахри, Указ. соч., стр. 303.
[56] В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 80.
[57] Истахри, Указ. соч., стр. 301.
[58] نهر يسمى كرمد Истахри, Указ. соч., стр. 301; В. В. Бартольд читал это название „Гирье" (История орошения Туркестана, стр. 80); С. Волин читал его—„Карье" (МИТТ, т. I, стр. 179). Мы условно приняли чтение В. В. Бартольда.
[59] Истахри, Указ. соч., стр. 301.
[60] В одной из своих работ (Я. Г. Гулямов, Из истории орошения в Кара-Калпакии, Бюлл. АН УзССР, 1945, № 9—10) я утверждал, что в рустак Кята шел канал не Гаухоре, а Гирье. Сейчас я изменил эту точку зрения.
[61] Макдиси, Указ. соч., стр. 292.

так, целого ряда памятников раннего средневековья. Канал Гирье, направляясь дальше, образовал рустаки вокруг Гульдурсуна, Наринджана и, наконец, Кават-Калы; в бывшем же оазисе Беркут-Кала в X в. орошения не существовало.

Название Гаухоре мы впервые находим у Истахри.

Гаухоре истолковывается у Истахри как персидско-таджикское название и, по его мнению, дословно означает «пища коров».[62] Хотя такое толкование этого названия на первый взгляд кажется понятным, на самом деле оно заставляет основательно задуматься. Во-первых, в транскрипции арабских авторов оно читается в форме «Гаухворе» (كاوحواره), а не «Гаухоре» (كاوحوره), что заставляет видеть не персидское слово «хур» (خور) от глагола хурдан (خوردن — «есть», а другое, тяготеющее к первой части слова «Х(в)оре-зм» (خوار—زم) Во-вторых, приставка «гау», связанная с названием двух древнейших каналов, вернее даже протоков — Гаухудфара в нижнем Зеравшане и Гаухоре, находящегося в начале русла протока Суярган, — весьма возможно могла означать «проток».

Это невольно приводит к ассоциации с термином «окуз» (бык), также обозначавшим у древних народов Средней Азии «проток» или «реку» (как, например, «Каан-окузи» — проток селения Каан, «Окуз Кешкан» — русло, проложенное протоком, «Окуз бун» — место по Окузу-протоку, проток «Окуз» в нижней дельте Аму-Дарьи и т. п.). Следовательно, если в названиях Гаухоре и Гаухудфар слово «Гау», эквивалентное слову «Окуз», обозначало проток, то независимо от связи слов «Гау» и «Окуз» с быком или коровой, названия Гаухоре и Гаухудфар, так же как и топонимы, сопровождаемые словом «Окуз», надлежит рассматривать как названия протоков, связанные с названиями населенных пунктов или районов, куда они протекали. Поэтому в названии Гаухоре нам кажется более правильным видеть «Гау» (проток), связанный с названием пункта или области [Х(в)ор] خوار, а не «пищу коров» (или быков), как это истолковано у Истахри.

В X в. и позже этого наблюдается, что ветвь канала Гаухоре, шедшая вправо от Эмирабада до развалин крепости Думан-Кала, действовала более или менее регулярно. Это весьма наглядно демонстрируется археологическими памятниками как вокруг Думан-Калы, так и южнее ее, в окрестностях Наиб-Кала и др.

Среди поселений и крепостей, расположенных на канале Гирье в X в., особенно выделяется городище Наринджан, находящееся в 7—8 *км* к северо-западу от развалин Большого Гульдурсуна. В настоящее время городище почти полностью занесено песками. Там находится «Наринджан-баба» — мавзолей XIV в., чтимый населением.

Судя по археологическим памятникам, в X в. Наринджан был большим густонаселенным, окруженным внутренними и внешними глинобитными стенами городом, однако письменные источники X в. совершенно не упоминают его среди населенных пунктов Хорезма. Исследователи долгое время были убеждены, что под названием Наринджан надо подразумевать какой-нибудь из населенных пунктов правого берега, лишь упоминаемых в дорожниках.

---

[62] Истахри, Указ. соч. стр. 303 „يسمى كاوحواره تفسير اكل البقر“ (В. В. Бартольд, История орошения Туркестана, стр. 80).

На мавзолее «Наринджан-баба» имеется надпись с датой 1312 г. о том, что местом погребения Наринджан-баба (Мухаммед бин Муса бин Давид Абу-Абдаллах Наринджани) является западная стена селения Наринджан.[63]

Исследование топографии городища полностью подтвердило указание данной исторической надписи.

За чертой города на запад тянется громадный и густонаселенный пригород, усыпанный черепками, со следами оснований многочисленных построек. Среди них прослеживается ложе старого значительного канала, погребенного под цепью барханов. Направление канала со всей ясностью подтверждает наше предположение о прежней связи его с районом Гульдурсуна и Кават-Кала.

Ввиду того, что основная территория г. Наринджана погребена под песками, источники водоснабжения этого района в XIV в. неясны — возможно, что это были водные протоки, но не исключено также, что это могли быть колодцы. Последними пользовались до 1930 г.

Рустак Топрак-Кала, расположенный на конце этого канала, был обширным. Сам город превратился в кладбище оссуариев примерно в VI в. н. э. Жизнь за стенами города продолжалась еще долго: в X в. там была построена небольшая крепость, вокруг которой сложился густонаселенный район. Как свидетельствуют археологические данные, в начале XI в. местность подвергалась длительным затоплениям и жизнь в этом районе прекратилась. Причина затопления остается неясной: она могла быть связана с прорывом вод из озера Истемес.

Древняя география Хорезма освещается главным образом в X в. Сведения Ибн-Русте касались исключительно течения самой Аму-Дарьи и населенных пунктов Кят, Джурджания (Гургандж), Миздахкан, Харвоз и других, которые названы лишь в связи с определением направления основного течения реки.

При Ибн-Фадлане, проезжавшем в 922 г. через Хорезм, главным городом Хорезма все еще был Кят, и из его слов мы не можем сделать вывода о большом расцвете Гурганджа и его политической значимости. Дорога, по которой Ибн-Фадлан следовал из Гурганджа в страну гузов и дальше, судя по его описанию,[64] шла по восточной стороне чинков Устюрта, т. е. на север от Гурганджа по современному Кунградскому району, и за Кунградом сворачивала на северо-запад, где имеется удобный подъем на Устюртское плато. Это знаменитая старинная Караумбетская дорога, на которой сохранились развалины крепости, рабатов и других дорожных пунктов[65].

Географические сведения о Хорезме в значительной степени пополнялись трудами Истахри и Макдиси, ставивших перед собой задачу всестороннего освещения жизни в Хорезме.

Первый из них написал свой труд «Китаб Масалик-ал-мемалик» (Книга путей и стран) в 941 г. и при этом использовал труд ал-Балхи «Сувар-ал-Акалим» (Изображение областей), написанный за 20 лет до него, с учетом позднейших изменений. Поэтому у Истахри ирriга-

---

[63] و دفن فی قرية نارنجان و قبره معروف يزار يتبرکة به و قد زرته و هوعندالحصار القرية القديمة من جانب معرب».

[64] Записки Ибн-Фадлана, МИТТ, т. I, стр. 156—158.

[65] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, гл. X и карта.

ционная сеть, города и селения Хорезма получили более подробное освещение; в особенности именно описание ирригационной сети можно считать для того времени очень обстоятельным.

Труд Макдиси «Ахсан ат-такасим фи марифат-ал-Акалим» (Наилучшее распределение для познания стран) написан значительно позже — в 985 г. Хотя в освещении ирригационной сети Хорезма он в значительной степени уступает труду Истахри, однако описание городов и селений, расстояния между ними, торговля, быт и ряд других вопросов освещены в нем подробнее. Оба эти автора, по-видимому, не посещали Хорезма, поэтому, несмотря на всю тщательность, с которой они собирали сведения, многие моменты, в особенности месторасположение отдельных населенных пунктов и расстояния между ними, изложены не совсем ясно, а иногда просто сбивчиво.

По данным этих географов, на правом берегу Аму-Дарьи от Амуля (Чарджоу) до Шурахана крупных населенных пунктов не было; те многочисленные пункты, которые перечисляются на этой оживленной дороге, идущей из Бухары, представляли собой линию укрепленных рабатов, что подтверждается и данными археологических обследований.

Описания арабских географов и археологические обследования подтверждают, что дорога вдоль левого побережья Аму-Дарьи до Тюя-Муюна в X в. и позже была наиболее оживленной и благоустроенной.

Географы X в. указывают, что на юге пределы Хорезма начинаются от рабата Тахирия, который локализуется В. В. Бартольдом в месте развалин небольшого замка «Кетманчи»[66], в 3—4 *км* к северо-западу от развалин рабата «Дая-Хатун». Однако в результате археологических работ 1939 г. выяснилось, что Тахирия может быть локализована в самих развалинах укреплений вокруг зданий «Дая-Хатун».[67]

Комплекс развалин «Дая-Хатун» представляет собой обширный укрепленный рабат на большой прибрежной дороге. Он первоначально возник в VI—VII вв. н. э., а само здание Дая-Хатун относится к монументальным постройкам XI—XII вв.

По данным археологических обследований, Тахирия (Дая-Хатун) в X в. была благоустроенным населенным пунктом на переправе караванного пути из Согда и Бухары, а также и на прямой дороге из Хорасана в Хорезм.

Южнее Тахирии был рабат Нушкари,[68] соответствующий современному селению Кабаклы. Здесь в древности, как и в XIX в., дорога расходилась по двум направлениям: одна по прямой линии шла на Амуль, а другая уходила в глубь песков и выходила на Мервский оазис. В Хивинских хрониках XIX в. последняя дорога известна под названием «Тахт-юлы».[69]

Крупным населенным пунктом и мощной крепостью ниже Тахирии был Дарган, развалины которого сохранились в трех километрах к югу от селения Дарганата. По происхождению Дарган относится к типу больших крепостей с обширным открытым поселением за ее стенами. По археологическим данным, постройка этой крепости относится к VI в. н. э.; она функционировала до монгольского нашествия. За этот период ее укрепления подвергались многократным ремонтам и переделкам.

---

[66] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 97.
[67] С. А. Ершов, Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи, ВДИ, 1941, № 1.
[68] В. А. Жуковский, Развалины старого Мерва, СПб., 1894, стр. 58, 61, 81.
[69] МИТТ, т. II, стр. 434, 436, 440, 444.

Дарган особенно вырос в IX—XIII вв. Магистральная дорога проходила, как и сейчас, у самых ворот крепости. Развалины города находятся на краю пойменной террасы, возвышающейся над обширной тугайной полосой Дарганаты. По сообщениям арабских географов X в., на месте современных тугаев были сплошные возделанные земли с пятьюстами виноградниками.[70]

Общий археологический облик развалин Даргана[71] свидетельствует о том, что Дарган в X в. был действительно большим городом Хорезма, но все же не вторым по величине после Гургандж, как его характеризует Макдиси.

Развитие города Даргана в значительной мере было обусловлено положением города на оживленной переправе[72], превратившей Дарган в важный узловой пункт на путях из Бухары, Амуля и Мерва в Хорезм.

Ниже Даргана, в 44 *км* от него, на пойменной террасе расположены развалины г. Джигарбенда. Основание его, по археологическим данным, относится к II—III вв. до н. э.

Основное древнее укрепление Джигарбенд невелико (100×80 *м*), оно использовалось неоднократно в афригидский период и в IX—XIII вв., после чего Джигарбенд из небольшой крепости превратился в густонаселенный городок и погиб во время монгольского нашествия.

Ниже Джигарбенда, на расстоянии одного дня пути (55 *км*) арабскими географами упоминается селение Садвар. Бартольд отмечает соответствие его современному селению того же названия.[73]

Старый Садвар соответствует развалинам Чаш-Кала,[74] расположенным рядом с современным селением. Сохранившиеся развалины укрепления Чаш-Калы относятся скорее всего к типу правобережных рабатов. Чаш-Кала также прекратила свое существование в XIII в. В настоящее время район Садвара орошается небольшим каналом, выведенным из Аму-Дарьи. Этот канал, по-видимому, локализуется по руслу древнего канала, на котором возникала жизнь в Чаш-Кале. Арабские географы интересовались, по-видимому, лишь магистральными каналами, особенно в самой дельте, поэтому они совершенно не упоминают небольших каналов местного значения (в Даргане, Джигарбенде, Садваре, Капарасе, Питняке и т. п.).

Между Садваром и Хазараспом сохранились развалины крепости Капарас, которая также относится к античным крепостям. Капарас находится у конца небольшой ложбины, представляющей собою след незначительного древнего канала, орошавшего оазис, живший в X—XIII вв. По археологическим данным, крепость Капарас также жила в это время, вокруг нее развивалось небольшое поселение. Этот маленький оазис действует и в настоящее время, там расположены колхозные поля. В исторической литературе Капарас и его район совершенно не упоминаются. В 1939 г. развалины Капараса были обследованы

---

[70] Макдиси, Указ. соч., стр. 289.

[71] Древний Дарган именуется хорезмийцами «Дарганата» из-за находящейся там могилы Абу-Муслима — вождя аббасидского движения в VIII в., которая была превращена в культовый памятник и являлась местом оживленного паломничества. Сам мавзолей датируется началом XIX в. Могилы Абу-Муслима в Даргане и его преемника Ахмеда Земджи в г. Хиве фиктивны: оба они похоронены в Мерве.

[72] Макдиси, Указ. соч., стр. 292.

[73] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 98.

[74] С. А. Ершов, Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи, ВДИ, 1941, № 1.

С. Ершовым, который ошибочно назвал их «Ататюрк-Кала» и воздержался от датировки самого памятника.[75]

Изолированное положение занимает Питнякский оазис. Он совершенно отделен от Хорезмского оазиса высокими Ташсакинскими буграми; на юге и юго-западе он упирается в пустыню Каракумы. Он орошается небольшим местным каналом Хан-Ябом, построенным, согласно преданию, хивинским ханом Мухаммед Рахимом (1806—1825 гг.). Удобный для орошения, Питнякский оазис, вероятно, был использован и в более ранние времена. Надо полагать, что будущие археологические работы осветят жизнь этого оазиса как в древности, так и в средние века.

В начале Хорезмского оазиса, в весьма удобном стратегическом пункте расположена крепость Хазарасп (тысяча лошадей). Мощность и внушительность ее фортификационных сооружений подчеркивается историками и географами во все периоды истории Хорезма.

«Это — неприступная крепость, — пишет Якут, — и красивый город. Его окружает вода, как остров. К нему только один путь — через проход, который сделан со стороны Хорезма (т. е. с северной стороны). Между ними (г. Хорезмом и Хазараспом) — три дня пути. Он расположен на равнине, где много рынков и торговцев. Население его богато».[76]

Хорезмская легенда приписывает постройку крепости Хазараспа гиганту-деву, который обманом захватил 1 000 крылатых коней, прилетавших сюда на водопой. Он обрезал им крылья и приручил их. Крепость, которая приобрела известность благодаря прекрасному потомству этих коней, стали называть «Хазараспом».

Обширное водное пространство вокруг крепости, отмечаемое историками, частично сохранилось и в настоящее время. Оно образовано исключительно выходом грунтовых вод.

Среди местного населения существует и вторая легенда, согласно которой крепость была построена с расчетом на подземное водоснабжение из Аму-Дарьи, с которой она, якобы, имеет «тайное сообщение» (оби дузд), благодаря чему может снабжаться водою колодцев внутри крепости. Эта же вода выходит на поверхность вокруг крепости. Действительно, внутренняя территория крепости на 5—6 *м* выше уровня *окружающей местности, однако уровень воды в колодцах крепости* совсем близок к ее поверхности.[77]

По дороге из Хазарасна в Хиву, на южной окраине оазиса, Истахри упоминает крепость Кардаран-хас.[78] Макдиси описывает её как большое, мощное укрепление с деревянными воротами и рвом.[79]

Каладжик (Кардаран-хас) *находится почти на полпути* между Хивой и Хазараспом. У Истахри расстояние между Хазараспом и Кардаран-хасом показано в три фарсаха и от нее до Хивы пять фарсахов; у Макдиси же, который помещает между Хазараспом и Кардаран-хасом еще и крепость Зардух, это расстояние увеличивается почти вдвое против действительного между Хивой и Хазараспом.[80] По-видимому, Зардух включен здесь ошибочно.[81]

[75] С. А. Ершов, Указ. статья.
[76] МИТТ, т. I, стр. 238.
[77] Это явление не получило еще должного научного освещения.
[78] Истахри, Указ. соч., стр 299—300.
[79] Макдиси, Указ. соч., стр. 289.
[80] МИТТ, т. I, стр. 206.
[81] В. В. Бартольд также возражает против включения Зардуха как населенного пункта на этом пути, так как эта крепость в общем перечне населенных пунктов у Макдиси указана среди пунктов правого берега (В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 101).

Если его исключить из этого маршрута, тогда остается действительное расстояние от Хивы до Кардаран-хаса — 4 фарсаха (28 *км*) и столько же до Хазараспа.

По описанию Макдиси, крепость Зардух имела сильное укрепление и пригород[82]. Местонахождение Зардуха пока еще не установлено.

В 18 *км* к востоку от г. Хивы, на территории селения Катта-Баг находится городище Алма-Атышкан. У авторов X в. этот пункт совершенно не встречается. Несколько позже в этом районе упоминается селение под названием Савкан, которое можно локализовать в Алма-Атышкане.

По описанию Якута, Савкан представлял собой благоустроенный город с соборной мечетью и минаретом[83].

В настоящее время городище Алма-Атышкан находится почти на самом конце бездействующего канала Савкан. Последний по ряду признаков относится к группе очень старых каналов в системе Палван-Яб[84].

Именование канала по названию города, у которого он протекал, было обычным явлением (канал Хазарасп, канал Мадра, канал Курдер и т. п.). Сохранение названий старых городов за небольшими селениями также характерно для большинства городов Хорезма (например, Шурахан, Дарганата, Мадыр и т. п.). Все это позволяет отождествлять город Савкан XIII в. с городищем Алма-Атышкан.

За чертой городища Алма-Атышкан, на полях Катта-Бага в большом количестве попадаются средневековые кирпичи, черепки и другие остатки материальной культуры. Во время расширения канала Катта-Баг было обнаружено основание большого минарета из так называемого караханидского кирпича. Судя по кирпичам и керамическим находкам, сделанным непосредственно возле минарета, — можно датировать его сооружение примерно XI—XII вв.

Город Хива в пределах его «Ичан-Калы» относится к типу городов кушанского периода. В связи с многократными изменениями фортификационных сооружений и планировки города, древние черты в кладке стен и в основании башни сохранились совершенно фрагментарно[85].

Хива, по-видимому, никогда не меняла своего места и в X в. представляла собой «небольшой городок» на конце канала (Хейканик, Палван-Яб), по которому ходили суда до самой Хивы[86].

«Хива,— пишет Макдиси,— на краю пустыни, а это обширный (город), он на канале из реки, в нем благоустроенная соборная мечеть. Таковы же Кардаран-хас и Хазарасп с деревянными воротами и рвом»[87].

Название Хива впервые встречается у арабских географов X в. Как сообщает Якут, название этого города писали Хивак (خيوق); в народном произношении XIX в. оно звучало «Хива» (خيوه)[88].

На магистральной дороге Хазарасп—Хива, Арда-Хушмитан-Гургандж расположено городище в селении Астана, городище около селения Багаг и следы поселения на территории Ак-Мечети. На них нет указаний в

---

[82] Макдиси, Указ. соч., стр. 286.

[83] МИТТ, т. I, стр. 334.

[84] Жители существующего в этом районе селения Савкан-Ходжа считают себя его коренными обитателями, а на жителей окружающих местностей смотрят, как на пришельцев. По-видимому, после падения города Савкан часть его жителей переселилась несколько выше по каналу Савкан.

[85] Я. Г. Гулямов, Памятники г. Хивы, «Ичан-Кала», Труды УзФАН, сер. I, вып. 3, Ташкент, 1941.

[86] МИТТ, т. I, стр. 217.

[87] Там же, стр. 188.

[88] Якут, т. III, стр. 503.

письменных источниках; подлинные их названия остаются неизвестными, но археологический материал говорит об их существовании в раннем средневековье еще до монгольского нашествия.

Все перечисленные населенные пункты Южного Хорезма, расположенные между Хивой и Хазараспом, входят в район действия древнего канала Хейканик (современный Палван-Яб) и служат прекрасной иллюстрацией жизни самого канала и его распределительной сети.

У Истахри, кроме дороги из Хивы на Гурганджа, указывается другая дорога, шедшая в Кят через селение Сафардиз. Расстояние между последним и Хивой 5 фарсахов, а от Сафардиза до Кята 3 фарсаха[89]. Это, безусловно, та же самая дорога, которая часто упоминается у Абулгази (XVII в.) По ней ездили из Хивы в Кят через город Ханки. Расстояния, приведенные у Истахри, почти полностью соответствуют действительному расстоянию между этими тремя пунктами. Поэтому Сафардиз можно локализовать в г. Ханки. Жители Ханки хранят в своей памяти много легенд из истории города. По этим рассказам, город Ханки в древности назывался другим именем, которого они не знают.

В этом городе имеется хонако, построенное для сына или племянника знаменитого ясевийского шейха Сейд-ата. Во время монгольского нашествия город Ханки был разрушен и там уцелело только хонако, вокруг которого впоследствии возродилась жизнь. С тех пор город стал называться «Хан(а)ко» (Ханко).

Эта легенда, очевидно, соответствует исторической действительности; у Абулгази и авторов хивинских хроник название города пишется не просто Ханко (خانقا), а в транскрипции Ханакох (خانقاه)[90].

Самъани и Якут, упоминая Сафардиз, помещают его где-то около Амуля[91] (Чарджоу). На этом основании де Гуйе отождествил Сафардиз с известным Садваром[92]. Такое отождествление, безусловно, ошибочно, потому что, во-первых, Садвар со времени Макдиси и до сих пор сохранил свое название и местоположение; во-вторых, расстояние между Хивой и Садваром не 5 фарсахов (около 35 км), а около 10 фарсахов. Селение Сафардиз пока еще не локализовано.

У Истахри, Макдиси и у последующих авторов одним из промежуточных пунктов на большой Гурганджской дороге упоминается город Арда-Хушмитан (или Арта-Хушмитан). Расстояние от Хивы до Арда-Хушмитана один переход[93].

При тщательном анализе сведений дорожников Арда-Хушмитан может быть отождествлен с развалинами г. Рант (Баянган) близ Амбар-Манака. Последний в XIX в., особенно в связи с оживлением торговли с северными областями Хорезма, снова, так же как и в раннем средневековье, стал важным торговым населенным пунктом, через который ездили как русские путешественники, так и сами хивинцы.

Между Кятом и Арда-Хушмитаном, по Истахри[94], день пути. Дальше, от Арда-Хушмитана до Нузвара, а оттуда до Гурганджа также по одному дню пути[95]. Город Нузвар может быть локализован в городище

[89] Истахри, Указ. соч., стр. 303.
[90] Абулгази, Указ. соч., стр. 268, 269, 303, 305.
[91] В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 102.
[92] Примечание к труду Истахри, BGA, т. I, стр. 338.
[93] Макдиси, Указ. соч., стр. 343, 344. При переводе сведений Истахри Хива ошибочно названа Гурганджем (МИТТ, т. I, стр. 181).
[94] МИТТ, т. I, стр. 181.
[95] Расстояния между этими пунктами, приведенные у Хаджи Хальфа и Хамдаллаха Казвини, согласуются с показаниями Истахри. (В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 106—107).

Булдумсаз, развалины которого показаны на многих географических картах. Название Булдумсаз более позднее и впервые встречается у Абулгази в связи с описаниями событий XVI в.[96].

Археологические данные о материальной культуре Нузвара-Булдумсаза подтверждают существование жизни в нем по крайней мере до XIII в. Позднесредневековый Булдумсаз расположился уже около развалин древнего Нузвара.

Место селения Андаристан точно не выяснено. По описаниям Истахри и Макдиси, Андаристан находился на расстоянии одного перехода (25 — 30 *км*) к юго-востоку от Гургенджа, вблизи места соединения каналов Вадак и Буве. Андаристан предположительно локализуется около плотины № 2 на Дарьялыке, в 15 *км* к западу от современного селения Порсу. Расстояние между Андаристаном и Гургенджем показано у Истахри в один мархала (переход)[97].

Замахшар X в. соответствует развалинам города Измухшира[98].

«Замахшар,— пишет Макдиси,— небольшое (селение), в нем стены, ров, тюрьма, ворота, покрытые железом, и мосты, поднимающиеся на каждую ночь. Большая дорога пересекает город; соборная мечеть красива (она находится) на краю рынка»[99].

Описание Макдиси подтверждается археологическими данными. Но в эпоху хорезмшахов там произошли большие изменения; территория города увеличилась, изменилась его фортификация; орошался он, как и сейчас, низовьями древнего канала Мадра (Газнабад).

Места древних поселений Нузвара и Замахшара и расстояния между ними более или менее уточнены. У Макдиси это расстояние сильно сокращено. Расстояние между населенными пунктами, лежащими на большой дороге Хазарасп—Хива, Арда-Хушмитан—Гургендж, у Макдиси не всегда точны[100]. Например, расстояние между Хивой и Замахшаром показано около 170 *км*, на самом же деле оно не превышает и 70 *км*.

Оазис левобережного Хорезма в археологическом отношении изучен очень слабо. Многие археологические памятники еще не выявлены. Поэтому трудно даже предположительно установить локализацию ряда древних населенных пунктов, как, например, Даскахон-хас, Рузунд, Вазарманд и другие, которые на этой дороге перечисляет Макдиси.

Дорога, которая проходила через Замахшар, безусловно, является той же Шахристанской дорогой, которая, начинаясь от пределов западного Хорасана, пересекала Каракумскую пустыню и выходила к колодцам Куртыш на Узбое, оттуда следовала к Чермен-Ябу и затем вдоль Чермен-Яба до Замахшара, а затем через Арда-Хушмитан — на Гургендж и Кят. В XIX в., во время походов хивинских ханов на северные области Хорасана, нередко упоминается о передвижениях войск по этой дороге. Вместе с тем, есть и другая, более прямая дорога, ведущая из Замахшара в Гургендж и дальше[101]. Не локализованные еще населенные пункты Даскахон-хас, Вазарманд, Рузунд и другие, может быть, находятся на этой дороге. Так, например, в 22 *км* к югу от Куня-Ургенча авто-

[96] А б у л г а з и. Указ. соч., изд. Демезона, стр. 206.
[97] То же у В. В. Б а р т о л ь д а. Сведения об Аральском море, стр. 34.
[98] В. В. Б а р т о л ь д. Туркестан..., стр. 108.
[99] М а к д и с и, стр. 289. Развалины Замахшара были обследованы в 1934 г. археологической экспедицией под руководством М. В. Воеводского и в 1936 г.—нами (M. A. Woyevodsky. A Summary Report of Khwarizm Expedition, Bull. of American Instit. for Iranian Art. and Arch... V, 1938, p. 235—248).
[100] В. В. Б а р т о л ь д. Туркестан..., стр. 101.
[101] Эта дорога зафиксирована на карте А. В. Каульбарса, составленной в 1873 г.

ром были осмотрены развалины небольшого города Етти-Аулия[102]. Вся площадь его покрыта черепками и битым кирпичом IX-XIII вв. Очевидно, в свое время Етти-Аулия был небольшим густонаселенным городом.

В Етти-Аулия может быть локализован городок Малый Гургандж. Впервые о нем в X в. упоминает Макдиси[103]. Якут сообщает, что он находится в 3 фарсахах от Большого Гурганджа[104], не указывая при этом, в каком направлении он находится.

То же можно сказать и о городище Исм-Махмуд (Исмамут)-Ата с явными признаками жизни как в античности, так и в IX в. Там же находится здание позднего мавзолея Исмамут-ата. Исмамут как название населенного пункта не приводится ни одним из авторов раннего средневековья. По-видимому, в X в. он уже не существовал.

Селение Исмамут впервые встречается у Абулгази в числе пунктов, лежащих на дороге из Шахристана в Хорезм, под названием Исмахмут-Ата[105].

Мунис уточняет датировку, сообщая, что ряд зданий мазара Исм-Махмуд-ата были построены Абдурахман-михтаром, т. е. в конце XVIII в.[106]

Де Гуйе ошибочно отождествляет селение Гит с развалинами Дев-Кескена[107], в чем с ним соглашается В. В. Бартольд[108]. Они исходили из того, что Гит определяется у Истахри как укрепленный пункт на границе страны гузов. Археологическое обследование, однако, показало, что Дев-Кескен был пограничной крепостью кушанского времени и давно прекратил свое существование; уже в X в. там не было жизни, которая восстановилась лишь в XV в.[109] Кроме того, в X в., по сообщению того же Истахри, культурные места на запад от Гурганджа распространялись лишь на 1 фарсах, а расстояние от него до Дев-Кескена — 6 фарсахов. Таким образом, предположение де Гуйе и В. В. Бартольда отпадает.

Несколько выше мы подробно остановились на каналах и населенных пунктах южной части правобережного Хорезма до самой столицы, т. е. до г. Кят.

Дорога из Бухары выходила на Аму-Дарью у развалин Таш-Калы и Топрак-Калы. Это — знаменитая Сепанийская дорога. По описанию авторов X в., здесь находился рабат Маш, на расстоянии одного перехода от него (около 30 *км*) — рабат Сандала (развалины Мешекли. — *Я. Г.*), затем через один переход — Бакирган (Мискин-Саид на Аккамыше), еще через один переход — Шурахан, а за ним — Кят. Расстояние между последними было тоже в один переход.

История названия Кята, этой древней столицы Хорезма, весьма сложная.

Гекатей называет ее городом «Хорасмий»[110]. Ранние арабские авторы, как Ибн-Русте[111] и Ибн-Фадлан, называют ее Хорезмом[112]. Если го-

[102] Это городище в настоящее время представляет собой большое туркменское кладбище.

[103] Макдиси. Указ. соч., стр. 287.

[104] Якут, т. IV, стр. 261.

[105] Абулгази, [illegible] рки, № 217, л. 104.

[106] Мунис—Агехи, [illegible] События времени Аваз инака.

[107] Истахри, Указ. соч., стр. 302, примечание.

[108] В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 104.

[109] С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г., ИАН СССР, СИФ, т. IV, 1947, № 2.

[110] В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 4; A. Hermann, Khorezm Stadt, стр. 12, фрагменты № 172, 173.

[111] BGA, т. VII, стр. 91—92.

[112] МИТТ, т. I, стр. 156

род Хорасмий Гекатея совпадает с Хорезмом арабских авторов, то можно предположить, что в древние времена столичный город Хорезма был известен под тем же названием, что и сама страна. У Табари столица названа «Мединат-ал-Фил»[113], у Истахри[114], Ибн Хаукаля [115] и у Макдиси[116] — она названа Кят или Кас. Бируни называет ее Фил или Фир[117]. Между тем, Ибн Хаукаль сообщает, что «столицей (Хорезма) был Дарджош (درجاش), он погиб, и люди устроили себе по соседству с ним другой (город), называющийся по-хорезмски Кас (Кят)». Якут, однако, подчеркивает, что «Хорезм не имя города, но области в целом», и добавляет, что в древности столица области Хорезм называлась Мансура[118].

«Столица его, — пишет Истахри, — называется по-хорезмски Кас, в ней есть крепость, которая необитаема. В ней был город (мадина), но его разрушила река, а народ построил (другой) город (мадина) позади него; река уже приблизилась к (необитаемой) крепости, и боятся, что она разрушит ее. Соборная мечеть (находится) позади крепости (к востоку от нее), дворец хорезмшаха около соборной мечети и тюрьма около (этой) крепости. В середине города (мадина) — канал Джардур, этот канал делит город и рынок на две части. Длина (города) около 1/3 фарсаха (более 2 *км*) и ширина такая же. Что касается ворот, то часть города и ворота исчезли в разрушенной части, а остающаяся построена позади того, что разрушено на реке»[119].

Судя по описаниям Истахри, величина города была огромной.

Спустя 15 лет, т. е. во времена Ибн-Хаукаля, наблюдаются большие изменения:

«Столицей его (Хорезма), — пишет он, — был Дарджош, он погиб (فيلكت), и люди построили себе по соседству с ним другой (بجوارها), (غيرها), город, который по-хорезмски называется Кас. В нем (в погибшем городе) была цитадель (قيندز) и шахристан (мадина), его разрушила река. Река уже погубила цитадель, шахристан, соборную мечеть и тюрьму (находившуюся) около цитадели, от него не осталось ни знаков, ни следов жилищ»[120].

Спустя еще девять лет Макдиси сообщает, что «Кас (Кят) называют Шахристан. Он на берегу (реки) и (по величине) подобен Нишапуру, он на восточной стороне реки. В нем соборная мечеть среди рынков. Дом правления в середине города (балад), у них была цитадель, но ее уже разрушила река...»[121]

Как правило, все города и селения Хорезма из-за опасности наводнения в результате паводков («Дегиша») строились вдали от реки; в этом отношении исключение составляет лишь селение Кипчак[122], которое построено на твердых горных породах. Город Кят находился также вдали от реки, но в результате подмыва берегов оказался у самой реки.

---

[113] Табари, Указ. соч. (О событиях 93 г. хиджры).
[114] Истахри, Указ. соч., стр. 300.
[115] BGA, т. I., стр. 351.
[116] BGA, т. III, стр. 287.
[117] Sachau, Chronologie, т. I, стр. 20—24.
[118] Якут, т. II, стр. 481—483. Последнее название чисто арабского происхождения, и, по-видимому, было присвоено столице в качестве пышного титула наподобие Мерв Шахиджахан, Балх Умми-эл-Билад, Термез Мединат-эл-Реджал и т. п.
[119] Истахри, Указ. соч., стр. 300.
[120] Ибн Хаукаль, Указ. соч., стр. 351.
[121] Макдиси, Указ. соч., стр. 287.
[122] А. Гедройц, Предварительный отчет о геологических исследованиях на сухих руслах Аму-Дарьи, Известия РГО, т. XVIII, вып. 2.

На карте А. В. Каульбарса, составленной в 1873 г., г. Турткуль находился более чем в 5 *км* от Аму-Дарьи, а в настоящее время река снесла половину города. То, что происходит на наших глазах с Турткулем, можно рассматривать, как повторение того, что произошло с древней столицей Хорезма около тысячи лет назад.

Кухендиз, шахристан, соборная мечеть и тюрьма (зиндан) Кята были покинуты во времена Истахри, (а может быть, уже и ал-Балхи), а во времена Ибн-Хаукаля их определенно уже не было. Из сообщения Истахри явствует, что в его время вся западная часть стен города с воротами была снесена рекой. Поскольку кухендиз еще был цел, то это наводит на мысль о возможном расположении его в центре города.[123]

Судя по этому же сообщению, в то время как древняя часть города разрушалась рекой, к востоку от нее разрастался новый город. Очевидно, та часть города, куда переселились горожане во времена Ибн-Хаукаля, ко времени Макдиси стала уже большим вполне оформленным городом.

По словам Бируни, последние следы Филя (Фира) исчезли (смыты рекой) в 994 г.[124], т. е. за год до ликвидации династии афригидов. После монгольского нашествия, вплоть до XVII в. этот город носил название Кят.

Ниже Кята, на расстоянии одного перехода от него, на правой стороне реки был населенный пункт Хас, или Дархас[125], который как по расположению, так и по расстоянию от Кята вполне может быть локализован на месте современного города Гурлена или рядом с ним.

У Абулгази мы часто встречаем название пункта Хаст-минар (Башня Хаст)[126]. То он упоминает, что через Хаст-минар проезжали из Хивы в Кят. В другом месте этот пункт назван в связи с тем, что его брат Асфандияр-хан велел разгромить всех узбеков, населяющих район от него до Хазараспа.[127] В третьем месте Абулгази сообщает, что в 1573 г. Аму-Дарья переменила свое русло и проложила новое выше Хаст-минара, направляясь в Аральское море.[128]

Из этих показаний Абулгази выясняется, что Хаст-минар находится значительно ниже Кята (Шейх-Аббаса), скорее всего около Гурлена, т. е. в том месте, где река поворачивает к Кяту. Около Гурленской пристани, у мазара Али-баба, до недавнего времени были остатки большого минарета (башни), его называли «Хас минараси».[129] Во время спада воды в реке верхушка башни торчала из воды. В сезон паводков этот пункт считался опасным для судоходства, ибо суда часто ударялись о башню, скрытую под водой. По утверждению старожилов, узбеки-судоплаватели считали, что башня на дне Аму-Дарьи появилась в результате чуда, сотворенного святым Али-баба. За последние 35—40 лет башни не стало видно, так как постепенно ее разбирают на кирпичи. По-видимому, Хаст-минар относится к вышеозначенному Хасу.

---

[123] Sachau, Chronologie, стр. 35. Обратим внимание на очень любопытные в этом отношении сообщения у Табари и у Бируни: первый из них знает о столице Мадинат-эл-Фил, а второй отмечает, что рядом со столицей была старая крепость Фил или Фир.

[124] Sachau, Chronologie, стр. 35.

[125] Макдиси, Указ. соч., стр. 343

[126] Абулгази, شجرهٔ تراك ркп., л. 247.

[127] Абулгази, Указ. соч., л. 35.

[128] Там же, л. 87.

[129] В настоящее время еще живы люди, которые видели эту башню.

В результате перемещения русла реки в XVI в. Хаст-минар оказался на левом берегу. В XVI, XVII и XIX вв. наиболее оживленная переправа была в районе Хаст-минар, т. е. примерно современная Гурленская переправа.[130] Вызывает удивление, что в то время из Хивы в Кят ездили таким кружным путем. Вероятнее всего, переправа эта была старая, устойчиво сохранившаяся на одном месте; в глубокой древности она, видимо, была основной переправой, связывавшей столицу с Миздахканом. Гурлен упоминается в истории походов Тимура в Хорезм,[131] весьма возможно, что тогда он находился на правом берегу реки.

Ниже Хаса, в 25 *км* от него, было селение Нузкет. Если его нельзя отождествить с Нузваром, то оно должно соответствовать месту г. Мангыта или, несколько к востоку от него, — развалинам крепости Джумры, у подножия Джумрытау.[132]

Ниже Нузката, в одном переходе, был город Вайхан, который пока невозможно локализовать. Макдиси указывает только, что он находится «вправо».[133] Возможно, что это можно толковать как место, расположенное вправо от главной дороги.

На полпути между Вайханом и Миздахканом был Нукбаг. Судя по указываемой Макдиси локализации, Нукбаг должен был соответствовать старому Порсу. Макдиси сообщает также, что вокруг Нукбага проходил канал, выведенный из Аму-Дарьи и уходивший в степь[134], по-видимому, весьма незначительный, так как в разделе о каналах ни Макдиси, ни Истахри о нем не сообщают.

Сведения, сообщаемые Макдиси о второй и третьей дорогах внутри самого оазиса на правом берегу реки, кажутся нам не вполне понятными. Он приводит ряд названий населенных пунктов и следующие расстояния между ними:

Вторая дорога:

от Рабат-и-маша до Эмира	— 1 переход;*
от Эмира до Барабсара	— 2 перехода;
от Барабсара до Ардхивы	— 1 переход;

Третья дорога:

от Кята до Гардимана	— 1 переход;
от Гардимана до Вайхана	—ок. 1 перехода;
от Вайхана до Ардхивы	2 фарсаха;
от Ардхивы до Нукбага	— 1 переход[135].

* Один переход равен 7 фарсахам.

Одна из этих дорог, во всяком случае, шла по правой стороне канала Курдер, другая же, по-видимому, шла восточнее, т. е. через Нариджан — Кават-Кала и далее, по восточной стороне Султан-Уиздага, минуя Шурахан.[136]

---

[130] Баяни كرلان ياقشيده دريادين اوتب л. 1766.
[131] Низам-эд-дин Шами, МИТТ, т. I, стр. 515.
[132] Археологические материалы, доставленные в Хивинский музей, датируются X в.
[133] Макдиси, Указ. соч., стр. 344.
[134] Макдиси, Указ. соч., стр. 288.
[135] Там же, стр. 244.
[136] Суккулинская дорога, упоминаемая у хивинских авторов XIX в.

Если следовать Макдиси, то все три дороги по правой стороне Аму-Дарьи вели в Миздахкан, а к Гурганджу[137] вели напрямик две дороги по ее левой стороне.

Теперь перейдем к описанию нижней дельты Аму-Дарьи.

Вышеприведенные сведения Истахри о Курдере дают нам основание рассматривать этот проток как искусственный канал, проведенный по старому руслу реки.[138]

У Макдиси между населенными пунктами нижней дельты даны следующие расстояния: от Миздахкана до Дарсана — 2 барида (4 фарсаха); оттуда до Курдера — 1 переход, затем до Джувакина — 2 барида, далее, до Баратегина — 1 переход; от Баратегина до берега моря — 1 переход.

Если древний г. Курдер предположительно поместить на месте современного Чимбая,[139] тогда Дарсан можно идентифицировать с развалинами крепости Тук. Место Джувакина остается неопределенным.

Современный г. Чимбай расположен на обоих берегах канала Кегейли и является крупным торгово-ремесленным центром восточной части нижней дельты. К нему сходятся все старые и новые дороги. Канал Кегейли вытекает из Куванш-Джармы в 25 км ниже ее истоков.

Громадное экономическое значение канала, на берегах которого сосредоточена половина всего населения дельты, для нижней дельты Аму-Дарьи неоспоримо, так как он, прежде всего, обеспечивает ее орошение и является транспортной магистралью для окрестного населения, соединяя г. Чимбай с южной частью оазиса.

Древний канал Курдер в основном соответствует современному каналу Кегейли. На это указывает в первую очередь его благоустроенность и разработанность его системы. Начиная от истоков до г. Чимбая отведено из него около 350 искусственных оросительных каналов, в том числе от правого берега Кегейли — до 175 арыков и от левого берега — около 125.[140]

Все это позволяет нам отождествлять Чимбай, безусловно, весьма древний город, с древним городом Курдером, жизнь в котором зародилась, очевидно, в ту пору существования дельты, когда в ней получило широкое развитие оседлое земледелие и создались условия для товарообмена с окружающим кочевым скотоводческим населением и внутренними областями ханства. Очень возможно, что в более древние времена течение по низовьям протока Курдер периодически перемещалось и шло то по руслу Кок-Узяк (Куванш-Джарма), то по линии современного Кегейли, то, наконец, по руслу Чертан-бай.

Истахри сообщает, что река протекала прежде по Курдерскому руслу; следовательно, можно предположить, что запустение Айван-Калы было вызвано перемещением основного русла из Курдера в промежуток между Гурганджем и Миздахканом. Археологические памятники Айван-Калы свидетельствуют о прекращении там жизни в IX в.

В описаниях Истахри и Макдиси вышеназванные населенные пун-

---

[137] Между Кятом и Гурганджем существовало также удобное водное сообщение как по реке, так и по каналу Буве. Именно этим путем ехал Ибн-Фадлан (Ибн-Фадлан, МИТТ, т. I, стр. 156).

[138] В XIX в. местные ирригаторы Хорезма рассматривали его как аральский проток Аму-Дарьи, действовавший в то время, когда Аму-Дарья текла в сторону Сарыкамыша. «Лишь река (Нахр) Халадж, которая известна под названием Кок-Узяк, текла в это (Аральское) море» (Мунис—Агехи, ркп., л. 183а—183б).

[139] Такое сближение позволяют нам как данные, сообщаемые Макдиси, так и ряд нижеследующих косвенных соображений.

[140] А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, стр. 121—122.

кты нижней дельты следовали друг за другом в западном и северо-западном направлениях от Курдера. Об этих пунктах, кроме Джувакина, у обоих географов мы находим только некоторые общие сведения:

«Селение Баратегин, — пишет Макдиси, — большое, оно в пустыне поблизости от гор, оттуда возят камень; в нем благоустроенный рынок и соборная мечеть. Постройки их из мягкой хорошей глины».[141]

Гит (Джит), — пишет Макдиси — «большой город с обширными рустаками; он находится в степи (и является) пограничной крепостью, обнесенной стеной, на границе с гузами; отсюда отправляются к ним»[142].

О городе Медминия Истахри, как уже сообщалось, пишет, что он из-за изменения русла Курдера оказался расположенным на одной стороне реки с Джурджанией, «в четырех фарсахах от Джейхуна»[143]. «Медминия и селение Баратегин, — пишет он дальше, — находятся на равном расстоянии, но Медминия ближе к Джейхуну»[144].

В. В. Бартольд высказал предположение о возможности локализации Баратегина у гор Кушканатау, однако его смущало то, что там нет поделочного камня.[145] И действительно, здесь могла идти речь не о каменоломнях, а только о заготовках гипса[146], который берут там и в настоящее время и который славится в Кунграде, Чимбае и других местах оазиса под названием аккиджа (белый алебастр).

По рассказам участников этнографической экспедиции 1928 г., у подошвы Кушканатау расположены остатки большого городища Куюк-Кала, где экспедицией были собраны фрагменты керамики и монеты. Общая характеристика археологического материала свидетельствует, что там на месте развалин городища существовал в X в. небольшой городок.[147]

Расстояние между Курдером и Кушканатау (Куюк-Кала) не позволяет предположить, что там некогда находился Баратегин; скорее всего, Каюк-Кала соответствует г. Джувакину. По нашему предположению, Баратегину соответствуют развалины Кыз-Кала у Кубатау, расположенные в 10 *км* к северо-востоку от г. Кунграда. На склонах Кубатау имеются обнажения третичных пород, вполне годных для строительных надобностей[148]. Вместе с тем, расстояние от Кыз-Калы до Куюк-Калы вполне совпадает с указанием Макдиси о Джувакине и Баратегине. Место г. Медминии мы отождествляем с развалинами городища Бограхан, расположенными в 17 *км* к северу от г. Кунграда, а Гит может быть отнесен к развалинам г. Пуль-Джой на мысе чинка Устюрта в 30 *км* к западу от городища Бограхан. Баратегин, судя по словам Истахри, находился на одинаковом расстоянии от Джувакина и Медминии. Это подтверждается и картографическими данными.

Городище Бограхан (بغراخان), или Хаванд (خاوند), часто упоминается в Хивинских хрониках XIX в. как развалины города между гроб-

---

[141] Макдиси, Указ. соч., стр. 288.
[142] Там же, стр. 289.
[143] Истахри, Указ. соч., стр. 303.
[144] Там же, стр. 341.
[145] В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 104, (примечание).
[146] И. В. Мушкетов, Туркестан, т. I, СПб., 1886, стр. 637; Н. Барбот-де-Марни, О геологических исследованиях в Аму-Дарьинском крае, ИРГО, т. XI, 1875, стр. 68; А. Д. Архангельской, Указ соч., стр. 93.
[147] Материалы экспедиции 1928 г. хранятся в Ленинграде.
[148] Из наблюдений М. М. Крылова — руководителя гидрогеологических работ АН УзССР.

нищей Хаким-ата Бакиргани и Кунградом. Согласно замечанию Мунниса—Агехи, собственное название городища—Хаванд, но известно оно под названием Бограхан[149].

Городище расположено на обширной равнине в близком соседстве с озером Мачанкули и поэтому подвергается частым затоплениям в связи с разливами этого озера.

Городище состоит из цитадели, шахристана и огромного рабада. Общая планировка города сохранилась неплохо. Шахристан вместе с цитаделью занимает площадь более 35 000 *м*². Мощность культурного слоя внутри шахристана достигает 3,5 *м*. Этот культурный слой, так же как и в Куня-Ургенче, насыщен археологическим материалом IX—XIV вв. К юг-юго-востоку от цитадели сохранились следы большого здания XI—XII вв., по-видимому, соборной мечети с минаретом. Основание минарета сохранилось до высоты двух метров.[150]

Площадь рабада в 4—5 раз превышает размер площади шахристана. В результате неоднократных затоплений большая часть рабада превратилась в болото и заросла камышом. Последнее обстоятельство мешало нам точно определить конфигурацию рабада. Общий облик городища свидетельствует о былой благоустроенности, населенности и большой значимости этого города, как одного из торгово-ремесленных центров в низовьях Аму-Дарьи.

Ниже Бограхана по течению реки, как показала археологическая рекогносцировка, городищ X в. не обнаружено. Таким образом, возможность отождествления Бограхана (Хаванда) с Медминией X в. становится все более вероятной. Городище носит имя караханидского правителя Богра-хана, завоевавшего Мавераннахр в 992 г. Поскольку сам Богра-хан никакого отношения к Хорезму не имел, мы, вероятно, имеем здесь дело с легендой о Хаким-ата Бакиргани, который, якобы, пользовался уважением Богра-хана и был женат на его дочери.[151] В Хорезме эта легенда бытует со многими подробностями.

В 200—250 *м* к юго-западу от городища Бограхан, с юга на север тянется полусухое русло значительного протока реки. Местные жители называют его «Каракул» и считают прежним руслом Аму-Дарьи. Местное предание об этом русле гласит, будто бы в глубокой древности Бограхан был портовым городом на берегу этой реки, которая все более уклонялась на запад и грозила затопить район города Пуль-Джой, почему владетель Пуль-Джоя и решил оградить свои земли искусственным валом, получившим название «Ак-качи» (Белая дамба). Действительно, в 3,5—4 *км* к западу от Бограхана существуют следы земляного вала, идущего с юга на север. Высота вала около 1,5 *м*, ширина около 4 *м*. Вал Ак-качи, по рассказам окрестных жителей, начинается в районе Чуманая и тянется до берега Аральского моря.

Гит X в. мы отождествляем с Пуль-Джоем, для чего имеем следующие основания.

Поскольку у Истахри говорится, что Гит является крайним (западным) пунктом у границы страны гузов, — а сейчас таким пунктом яв-

---

[149] Мунис—Агехи, فردوس الاقبال ркп. ИВ АН УзССР. № 168, л. 149а «حاوند قلعه‌سی کم بغراخان غه مشهور دور» В настоящее время городище занято огромным кладбищем.

[150] В конце XIX в. минарет был, видимо, в лучшей сохранности и отмечен на карте А. В. Каульбарса (1873 г.).

[151] رشحات‌عین الحیات ркп. из собрания автора, л. 144а.

ляется Пуль-Джой, — учитывая также, что расстояние между Гитом и Медминией равно одному фарсаху,[152] — а на таком расстоянии никакого древнего населенного пункта нет, — остается только отождествить Гит с Пуль-Джоем; кроме того, ближе Пуль-Джоя нет следов течения реки. Там сохранились только следы старого канала, занесенные в средней части песками. Допуская даже возможность более западного течения реки в данном районе, Гит все же не мог находиться в 1 или 2 фарсахах от Медминии, как указывает Истахри, который явно спутал здесь определения «фарсах» и «переход». Если Мидминия, как говорит Истахри, находится в 4 фарсахах (28 *км*) от Аму-Дарьи, то она не могла находиться в 1 фарсахе от Гита. Если даже допустить, что, исходя в этом вопросе из данных своего предшественника Балхи, Истахри и имеет в виду не новое, а старое течение Аму-Дарьи к востоку от Медминии, то остается только заключить, что прежде Аму-Дарья текла поблизости от Кубатау, и что, следовательно, г. Баратегин в то время мог быть расположен совсем близко от реки.

В таком случае наше предположение о направлении течения реки, основанное на показаниях Ибн-Русте, вполне совпадает с показаниями Балхи. Фраза Истахри о том, что «река перешла от Курдера и отрезала Гит от Медминии» может быть понята так, что река просто на 4—5 фарсахов передвинулась к западу от своего прежнего течения и еще больше отклонялась к западу от Курдера в меридиональном направлении. Такое изменение могло произойти вследствие прорыва предполагаемой плотины у сел. Варагдех[153] в 4 фарсахах ниже Гургандж.[154]

Таким образом, у Истахри речь идет о перемещениях русла реки в пределах западной части нижней дельты, имевших место значительно позже того времени, когда это русло отошло от Курдера и Аму-Дарья стала течь между Гургандж и Миздахканом. Этим объясняется отсутствие упоминания у Макдиси Хандиджана, так как уже ко времени Макдиси река прорвала плотину у сел. Варагдех и потекла по Хандиджану, отделив Гит от Медминии.

Пуль-Джой (Гит), подобно Дев-Кескену (Везиру), расположен двумя ярусами: крепость занимает весьма удобный пункт на мысе чинка Устюрта, откуда открывается широкий вид на его плато и на равнину, образуемую дельтой. Крепость небольшая и типична для крепостных сооружений IX—X вв. Под самым чинком расположено большое открытое поселение со следами многочисленных зданий. Вся площадь поселения усеяна фрагментами керамики и кирпича IX—XIV вв.

Непосредственно за этим поселением начинается типичный рустак, простирающийся далеко на юг, запад и частично на восток. По рустаку, который удалось проследить на 5 *км* (дальше следы его теряются в песках), разбросано множество больших и малых сельских усадеб, окруженных ясно выраженными посевными участками.

Пуль-Джой лежит на старой караванной дороге, идущей из глубины оазиса в страну гузов в степи. Она известна у населения Хорезма под названием «Караумбетской дороги», о которой часто упоминают авторы хивинских хроник XIX в.[155]

Пуль-Джой (Место монет) получило свое название от того, что

---

[152] Истахри, Указ. соч., стр. 303.

[153] Мы принимаем транскрипцию Бартольда, которая кажется нам более правильной, чем принятая в МИТТ — «Варгада».

[154] Ибн-Русте, Указ. соч., стр. 91—92.

[155] Мунис и Агехи.

там было найдено много серебряных и медных монет[156]. Местность когда-то подверглась длительному затоплению, следы которого очень хорошо прослеживаются всюду, как по городищу, так и по рустаку.

У арабских географов X в. не приведены расстояния Медминии и Гита от столицы (Гургандж); лишь Истахри указывает на расположенное в расстоянии 5 фарсахов от Гита поселение Куджаг[157]. Де Гуйе ошибочно отождествил Куджаг с Малым Гургандж[158], полагаясь на указание Якута о том, что Малый Гургандж находится в 3 фарсахах от Гургандж[159].

Если учесть, что Баратегин находился не более чем в 30—35 *км* от Аральского моря, а Медминия являлась самым северным пунктом населенной части оазиса, то она находилась от него примерно в двух днях пути, что составляет не менее 15 фарсахов. Следовательно, Куджаг должен быть локализован в 10 фарсахах от Гургандж, между ним и Медминией.

В 12 *км* к юго-западу от Кунграда, на подъеме к плато Устюрта, расположены развалины крепости Топрак-Кала. На 10-верстной карте 1905 г. она обозначена как Кутен-Кала, которая в хрониках XIX в. часто упоминается под названием Кухтан-Каласы[160]. Крепость небольшая, но очень мощная. Внутренняя площадь 6400 *м*². Вход в нее был с южной стороны. Перед воротами крепости раскинулась большая площадь — остатки поселения, — усеянная фрагментами керамики и битым кирпичем IX—XIII вв. На этой площади хорошо прослеживаются фундаменты многочисленных мастерских гончаров и стеклодувов. Район городища орошался небольшим каналом, шедшим с юго-восточной стороны. Судя по направлению, голова канала должна была находиться в 25 *км* южнее Кунграда.

Крепость Кухтан (Топрак-Кала) по расстоянию и по датировке вполне соответствует Куджагу Истахри.

По данным археологических обследований выясняется, что в IX—X вв. были приняты все возможные меры к обеспечению безопасности границ оазиса и для защиты от кочевой степи. По всем выступам чинков Устюрта расположены крепости. Около них сооружены сигнальные башни, сложенные из каменных глыб. Они расположены так, чтобы при приближении опасности как днем, так и ночью, можно было моментально дать огневые и дымовые сигналы и в течение одного часа при любых условиях поднять на ноги все пограничные гарнизоны, которые постоянно стояли во всех крепостях от берегов Аральского моря до Сарыкамыша.

Так как селиться около этих крепостей было всего безопаснее, там постепенно сосредоточивалось население, в результате чего около каждой пограничной крепости образовалось открытое поселение. К таким населенным пунктам проводились каналы, и пустыня постепенно превратилась в цветущий рустак.

Все города Хорезма представляли собой прежде всего сильно укрепленные поселения с железными или обитыми железом деревянными

[156] По рассказам кунградских старожилов, туда ездили на поиски монет и других драгоценностей опытные «специалисты», обученные кладоискателями в Куня-Ургенче. Мунис—Агехи الاقبال فردوس, ркп. ИВ АН УзССР, № 168, л. 169б.

[157] Истахри, Указ. соч., стр. 303.

[158] De Goeje, Das alte Bett des Oxus, стр. 74.

[159] Якут, т. IV, стр. 261.

[160] Мунис—Агехи, الاقبال فردوس, л. 166, 202.

воротами, над которыми устраивались помосты с камнеметными машинами[161]. Вокруг крепостей обычно был широкий и глубокий ров, наполненный водой. Сообщение крепости с внешним миром осуществлялось только через подъемные мосты, которые на ночь поднимались, а утром опускались снова. Крепости считались единственной опорой и убежищем тех рустаков, среди которых они были расположены. Непосредственно за стенами крепости развивались обширные, густонаселенные поселения, которые также обносились стеной. Внутренние укрепления этих городов, в большинстве античного периода, снабжались водою из колодцев или искусственных водоёмов, устроенных часто около самых ворот с внешней стороны. Во время осады защитники и жители заранее на долгий срок запасались водою. В крепостях иногда устраивались так называемые «обдузы» (скрытые подступы ко рву, наполненному водой).

Внешний город всегда имел проточную воду. Это наблюдается в городах не только Хорезма, но и всех стран Востока.

На основании данных арабских географов и материалов археологических исследований, уже можно сделать некоторые исторические выводы.

Арабский халифат сохранил верховную власть за местной хорезмской династией, которая по-прежнему правила частью страны, сидя в старой столице Хорезма — г. Кяте. Однако судя по ходу дальнейших событий, власть этой династии стала носить лишь номинальный характер. После окончательного завоевания Хорезма Мухейрой бин Абдуллахом, арабы, ликвидировав в районе нижней дельты (Курдере или Миздахкане) власть брата хорезмшаха Чагана — Хурзада, представлявшего интересы средних и низших кругов поднимавшегося феодального общества, получили возможность непосредственного управления областями Нижнего Хорезма. Макдиси при описании левобережной части Хорезма вскользь упоминает об этом обстоятельстве[162].

Нам неизвестно, где находилась резиденция арабских наместников Хорезма: существовал ли тогда уже Гургандж или эта резиденция раньше находилась в Курдере или Миздахкане. Известно лишь, что в 728 г. (хиджры) жители Курдера восстали против арабов.[163]

Хорезмшахи, так же как бухар-худаты, после завоевания страны арабами долго еще оставались верными своей старой религии.[164] Взимание «джизьи» с немусульман вынудило население принять ислам, но это обращение долго еще носило лишь формальный характер, и много времени прошло, пока ислам стал господствующей религией. По времени это совпало с начавшимся феодальным подъёмом, который отмечается не сразу после завоевания, но который отнюдь нельзя приписывать «культурному влиянию» завоевателей или ислама. Сами арабы-завоеватели с точки зрения своего общественного и культурного развития стояли в то время на значительно более низком уровне, чем завоёванные ими страны — Иран, Византия, Египет, Средняя Азия и другие.

В оазисах Средней Азии арабы застали цветущую земледельческую культуру, основанную на развитой сети искусственных каналов, богатые торгово-ремесленные города, письменность, развитую архитектуру, скульптуру, живопись, обучение грамоте с раннего детства.[165]

---

[161] Макдиси, Указ. соч., стр. 288, 289.
[162] Макдиси, Указ. соч., стр. 294.
[163] Табари, т. II, стр. 1525.
[164] Н. Веселовский. Указ. соч., стр. 26.
[165] По сообщению Сюян-Цзяна.

Они застали народы Средней Азии в разгар социально-экономической борьбы между новой феодализирующейся верхушкой и старой патриархально-рабовладельческой земельной аристократией — дехканами, возглавляемой традиционными владетельными домами бухар-худатов, хорезмшахов и т. д. Арабы-завоеватели пошли на сговор с этими династиями, поддерживали их, преследовали боровшиеся с ними прогрессивные силы, уничтожали местную письменность, искусство, увозили ценности, уводили в плен искусных ремесленников и ученых. Население Средней Азии подпало под жестокий иноземный гнет; налогоплательщикам на шею вешали печати, отбирали их дома в пользу арабских переселенцев. В период владычества арабов в Средней Азии до аббасидского переворота, с помощью народов Средней Азии свергнувшего омейядов, мы не только не наблюдаем там роста хозяйства и культуры, а наоборот, видим лишь политическое и экономическое бесправие, упадок земледельческой и городской культуры, искусственное торможение роста феодальных отношений. Однако уничтожение границ между странами, завоеванными арабами, независимо от воли завоевателей способствовало развитию большого экономического и культурного общения между народами в мусульманских и немусульманских странах тогдашнего цивилизованного мира. В этой новой обстановке сам омейядский халифат со своей системой управления и фанатической социальной и идеологической направленностью сковывал развитие не только завоеванных им стран и народов, но и самих арабов. Прогрессивная арабская оппозиция, в борьбе за свержение этой устарелой государственной машины, начала искать поддержку у все растущих антиарабских и антиисламских сил Средней Азии и Ирана.

Победа аббасидского движения при поддержке народов Средней Азии привела, прежде всего, к тому, что в IX в. народы Средней Азии и Хорасана стали активно вмешиваться в политическую жизнь халифата, ликвидировали власть арабов в своих странах, образовали собственные независимые государства во главе с местными крупными феодалами — тахиридами и саманидами. В результате длительных кровопролитных вооруженных восстаний как против омейядов, так потом и против аббасидов, народы Средней Азии восстановили свою независимость, получили возможность возобновить прерванное вторжением чужеземных захватчиков историческое развитие. Свободное естественное развитие феодальных отношений, земледелия, ремесел, городской культуры и науки более не задерживалось.

Международный обмен, обеспеченный безопасными торговыми путями, вовлек в свой водоворот все стороны хозяйственного развития народов, подвластных халифату, и соседних с ними стран.

«Приказы, — пишет один из авторов конца X в., — касающиеся торговых сделок, написанные на огромные суммы, исполняются как на отдаленном востоке, так и на отдаленном западе, и платежи по ним идут быстрее, чем поступление платежей и хараджа в казну правителей.»[166]

Хорезм в этот период стал одним из крупных центров международного обмена; через него регулировались спрос и предложение богатых рынков Восточной Европы, Средней Азии, Ирана и других стран. Оживленный торговый обмен, способствовавший накоплению огромных богатств, неизбежно сказался на хозяйстве, вкусах и нравах феодалов. Эта новая обстановка обеспечила скачок в развитии феодального строя.

[166] А. Ю. Якубовский, Развалины Ургенча, стр. 10.

Феодальные города сильно разрослись, их окружали обширные рустаки, усеянные замками мелких феодалов и укрепленными домами (курганча) зависящих от них многочисленных земледельцев. Один из крупнейших рустаков Хорезма — Миздахкан с его 12 000 замков,[167] — напоминает в несколько укрупненном виде облик мертвого рустака Беркут-Кала, Нариндзана, Кават-Калы и др. Так же, как и в других рустаках, вокруг Миздахкана, безусловно, должна была существовать определенная иерархия в расположении этих «замков». Из слов Макдиси явствует, что дома этого рустака, подобно домам в районе Беркут-Калы, носили еще укрепленный характер и в этом отношении несколько отличались от крестьянских домов района Кават-Калы, относящихся к несколько более позднему периоду.[168]

У Макдиси курганчи и замки феодалов обозначаются одним термином. Возможно, что близкое соседство этого рустака с кочевниками-гузами, с которыми происходили периодические столкновения[169], обусловило крепостной характер усадеб и домов рядовых земледельцев.

В Хорезме сходились три международные дороги: 1) основная караванная дорога из Мавераннахра, 2) из Хорасана и 3) из Джурджана. Первая шла через Бухару—Варахша—Кызылкумы (по правому берегу Аму-Дарьи), через Шурахан — Кят — Хос — Низкат — Вайхан — Нукбаг—Миздахкан — Гургандж; вторая: Амуль — Тахирия — Дарган — Джигербенд — Садвар — Хазараси — Ханки — Гурлен — Порсу (Калинин) — Гургандж. Третья дорога шла из Джурджана через Кызыларват по колодцам до Замахшара и оттуда в Гургандж. Из Гурганджа дорога шла через Устюрт на Эмбу, оттуда к берегам Волги, к хазарам и в Булгар. По сообщениям Масуди, хорезмийцы пользовались водными путями, и по Волге ходили большие суда из Хорезма, нагруженные разными товарами[170]. При этом дороги во многих местах то ответвлялись, то снова соединялись, охватывая целый ряд других городов и селений[171].

Около начала X в. саманид Исмаил с санкции хорасанского наместника присоединил Хорезм к своим владениям[172]. Однако династия хорезмшахов по-прежнему продолжала править в правобережном Хорезме; наместники же саманидов правили только в левобережном Хорезме, имея резиденцию в Гургандже[173]. Экономическая и политическая мощь Гурганджа все более увеличивалась.

Длительная борьба между обоими правителями Хорезма кончилась тем, что правитель Гурганджа в 995 г. завоевал Кят и убил последнего афригидского хорезмшаха Абу-Абдаллаха. Гургандж стал столицей всего Хорезма[174]. Это произошло при наместнике саманидов Мамуне, который находился от них в номинальной зависимости. К этому времени саманиды переживали последние годы своей власти; Хорасан отошел во владения новой династии газневидов, а Мавераннахр и восточные владе-

---

[167] Макдиси, Указ. соч., стр. 288.

[168] С. П. Толстов, Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, ВДИ, 1946, № 1.

[169] Ибн-Хаукаль, Китаб Месалик-ал-мемалик, BGA, т., II, 1873, стр. 350.

[170] Масуди, Notices et Extraits VIII. Перечень товаров, служивших предметом обмена, и место их происхождения подробно рассматриваются в трудах В. В. Бартольда и др. В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 163—165.

[171] В. В. Бартольд, Указ. соч., узб перевод, М.—Самарканд, 1931, стр. 99—108.

[172] Н. Веселовский, Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, стр. 28.

[173] В. В. Бартольд, Указ. соч., стр. 163.

[174] В. В. Бартольд, Указ. соч., стр. 163.

ния саманидов все больше и больше подпадали под власть новых завоевателей — караханидов. Али, сын Мамуна (997—1004 гг.) и его брат Мамун сын Мамуна (1004—1017 гг.) уже самостоятельно правили Хорезмом. К этому времени все выступы чинков Устюрта, там, где начиналась граница кочевых гузов, обстроились пограничными крепостями, вокруг которых в свою очередь образовались значительные торгово-ремесленные поселения. Степные дороги по Устюрту обеспечивались сетью колодцев и караван-сараев типа Белеули; гузы и печенеги — кочевые скотоводы—нуждались в этой караванной торговле, поставляя в обмен на необходимые им товары продукты кочевого хозяйства и средства передвижения. Поощряло эту торговлю и сильное хорезмское государство, которое, помимо экономических выгод, видело в ней средство к налаживанию мирных отношений между оазисом и степью. Конечно, это не всегда удавалось; отдельные кочевые племена и их союзы совершали частые набеги, сопровождаемые опустошениями. Особенно страдали приграничные рустаки; линия развалин крепостей по чинкам Устюрта и сообщения арабских географов достаточно характеризуют напряженные взаимоотношения между оседлым оазисом и кочевой степью.

При Мамуне II Гургандж превратился в один из крупнейших центров стран Востока. В нем сосредотачивались торговля, ремесла, искусство и наука; двор владетеля стал центром величайших ученых Средней Азии — Ибн-Сины, Бируни, Фараби — что, как известно, вызвало зависть будущего сюзерена — газневида Махмуда. Попытки Мамуна сохранить независимость Хорезма оказались тщетными, и Хорезм скоро подпал под власть газневидских султанов. Начались внутренние распри.

При газневидах, а затем при сменивших их сельджукидах Хорезм находился в зависимом положении. К середине XII в. хорезмшах Атсыз, после длительной борьбы с сельджукским султаном Санджаром, добился полной независимости Хорезма. Однако и на этот раз независимость хорезмшахов длилась недолго; во второй половине XII в. караханиды и сельджукиды в Мавераннахре и Туркестане вынуждены были подчиниться каракитаям. Хорезм, хотя и не был завоеван ими, однако превратился в их данника. Со стороны Хорезма это было ловким тактическим ходом в борьбе против своих соперников — сельджукидов.

Хорезмшах Текеш (1172—1200 гг.), укрепив военную мощь своего государства, отказался от уплаты дани каракитаям и стремился вытеснить их из Средней Азии. К концу XII в. владения хорезмшахов простирались уже от Сыр-Дарьи до внутренних областей Ирана, а ко времени монгольского нашествия государство хорезмшахов представляло самую могущественную державу на мусульманском Востоке. Такого могущества, как в конце XII — начале XIII вв., Хорезм не достигал за всю историю своего существования.

Ирригационная сеть оазиса с X в. не расширялась. В левобережной части оазиса, на уже существующей ирригационной системе наблюдается значительное оживление; историки отмечают рост старых городов и возникновение новых. Археологические исследования дают возможность констатировать изменения в приемах фортификации, характерные для этого времени. Образцами этой новой техники могут служить крепости Хазарасп и в особенности Дарган.

Во времена правления так называемых «великих хорезмшахов», начиная с Текеша, возродилась культурная жизнь и на Чермен-Ябе. Снова ожили древние города и крепости, такие как Шахсенем, Замахшар,

Гяур-Кала, Дев-Кала, Калалыгыр № 2 и др.[175]. Это свидетельствует, прежде всего, о новом обводнении Чермен-Яба.

Возникший еще в кушанское время в связи с удлинением магистрального канала Мадра (Газиабад), город Замахшар, являвшийся в X в. наиболее западным пунктом Хорезмского оазиса, был одним из промежуточных пунктов на дороге из Гургандж в Шахристан и Нису. На этой «шахристанской дороге» упоминаются также поселения и дальше Замахшара, такие как Субурна[176] и др. «Субурна, — пишет Якут, — городок в области Хорезма. Это конец пределов его (Хорезма) в сторону Шахристана. В 617 году я видел его процветающим»[177].

Весьма оживленная политическая и экономическая связь Хорезма с Хорасаном и другими западными областями вызвала оживление и на «шахристанской дороге», что, безусловно, явилось одной из причин обводнения Чермен-Яба. Наличие воды и населенных пунктов облегчало передвижение как торговых караванов, так и войск. Форпост Хорезма на «шахристанской дороге» выдвинулся в то время далеко на юго-запад по Чермен-Ябу до крепости Дев-Кала. Далее движение по этой дороге обеспечивалось колодцами.

Вопрос о способах обводнения Чермен-Яба в XII—XIII вв. до сих пор не исследован[178].

В это время особенно вырос Гургандж как столица большой державы и важный узел оживленной транзитной торговли.

Джурджания, — по словам Якута, — большой город на восточном берегу Джейхуна, который население Хорезма называет на своем языке «Гургандж» (в арабском произношении Джурджания). В древности главный город Хорезма назывался Фил, потом Мансура; он был разрушен рекой, после чего его население переселилось в Гургандж, небольшой город против Мансуры на западном берегу Аму-Дарьи. Мансура окончательно разрушилась так, что от нее не осталось следов, Джурджания же стала большим городом. «Я видел ее в 616 (1219 г.) до того, как овладели ею татары и до ее разрушения, — пишет Якут. — Не помню, чтобы я видел город лучше, чем этот, с бо́льшими богатствами и с более прекрасным положением. Все это кажется невероятным после разрушения его татарами, потому что от него, по дошедшим до меня (сведениям), не осталось никаких следов, и были убиты все, кто там находился... Не думаю, чтобы в мире был (город), подобный главному городу Хорезма по обилию богатства и величине столицы, большому количеству населения и близости к добру...»[179]

В этот период в северной части верхней дельты наблюдается значительное расширение оазиса на запад. Далеко к западу от Гурганджа возникли Шемаха-Кала и ряд других населенных пунктов; развалины города Шемаха-Кала расположены в 30—35 *км* к западу от Куня-Ургенча, у самого мыса чиников Устюрта.

---

[175] С. П. Толстов, Древности Верхнего Хорезма, ВДИ, 1941, № 1.

[176] Поселение Субурна отождествляется С. П. Толстовым с развалинами г. Шахсенем на нижнем Чермен-Ябе.

[177] Якут, т. III, стр. 32.

[178] В XX в. делались проекты обводнения Чермен-Яба. Как нам удалось установить, по приказу Ислам-Ходжи — первого министра Исфендиар-хана — после рекогносцировки местности по Туну-Дарье до Измукшира был разработан проект, заключавшийся в следующем: все сбросовые воды, находившиеся в Даудане, предложено было соединить с низовьем канала Газиабад и направить в сторону Чермен-Яба, а с другой стороны туда же направить все скопляющиеся воды Туну-Дарьи. Таким образом намеревались создать течение в сторону Чермен-Яба. Дальнейшая судьба этого проекта неизвестна.

[179] Якут, т. II, стр. 54 и 486.

Шемаха-Кала возникла в XII—XIII в. и просуществовала до середины XVI в. Особый расцвет города, как показывают археологические памятники, относится ко времени тесной связи Хорезма с Золотоордынским ханством. Возникновение Шемахи-Калы свидетельствует о наличии в XII в. канала Каан (Каун), и поныне протекающего через Куня-Ургенч.

В X в., по свидетельству Истахри, оазис левобережного Хорезма простирался лишь на 6—7 *км* западнее Гургандж. Археологические материалы подтверждают эти данные письменных источников и, в свою очередь, помогают установить, что канал Каан был построен не раньше XII в. Дальнейшие археологические обследования прольют необходимый свет на историческое прошлое оазиса этого средневекового канала.

По-видимому, Якут, посетивший Гургандж, в нижней дельте Аму-Дарьи не был, ибо он не упоминает целого ряда населенных пунктов и городов в этой области. Он не знает о существовании города Курдера, на одноименном канале, который упоминается у Истахри, Макдиси и Ибн-Фадлана в X в. У Якута Кардар (Курдер) — только название местности (области) в Хорезме. Весьма ценным является его сообщение о языке жителей Курдера (еще до него Ибн-Фадлан подчеркнул особое своеобразие языка жителей Курдера)[180], который, как подчеркивает Якут, был «не хорезмийским и не тюркским»[181]. Вспомним, что еще Бируни, сообщая о стране туркмен к восток-северо-востоку от Аральского моря[182], вместе с тем указывал, что язык этих племен (аланов и асов), живших у побережья Каспийского моря, представлял смесь хорезмского языка с печенежским (тюркским). Сопоставляя данные Бируни и Якута, можно предположить, что и Якут говорит о туркменских племенах, которые из низовьев Сыр-Дарьи проникли в нижнюю дельту Аму-Дарьи, хотя Ибн-Фадлан определенно указывает, что они жили здесь уже в X в. Язык жителей Курдера, очевидно, носил на себе печать слияния хорезмского и туркменского языков.

Культурное и экономическое состояние Хорезма во время путешествия Якута (1219—1220 гг.) находилось на весьма высоком уровне. В это время, как можно установить по данным археологии, земли левобережного Хорезма были освоены уже вплоть до Аральского моря.

Правобережье Аму-Дарьи отражает ту же картину экономического расцвета Хорезма.

Все побережье Аму-Дарьи до Тюя-Муюна, как и в глубокой древности, было усеяно мощными укреплениями, сосредоточенными в важных стратегических пунктах, оборонявших подступы к реке, а также и караванные дороги из Бухарского оазиса к Аму-Дарье. Среди них особо выделяются крепости Наргиз, Ак-рабат, Кыз-Кала, Таш-Кала, Мешикли и др.

Заслуживает особого внимания правобережная крепость Кыз-Кала, увенчивавшая вершину высокого останцевого бугра в 2 *км* от Аму-Дарьи.

Поскольку площадь вершины бугра была целиком использована под укрепление, эта крепость стала недоступной. С юга к ней ведет пологая узкая ложбина, по-видимому, служившая в те времена пандусом. Этот пандус у самой крепости заканчивается предвратным лабиринтом, выстроенным из каменных глыб на гипсовом растворе.

[180] МИТТ, т. I, стр. 156.
[181] Якут, т. IV, стр. 257.
[182] Бируни, ВДИ, 1941, № 1. تحديد نهايات الاماكن لتصحيح مسافات المساكين

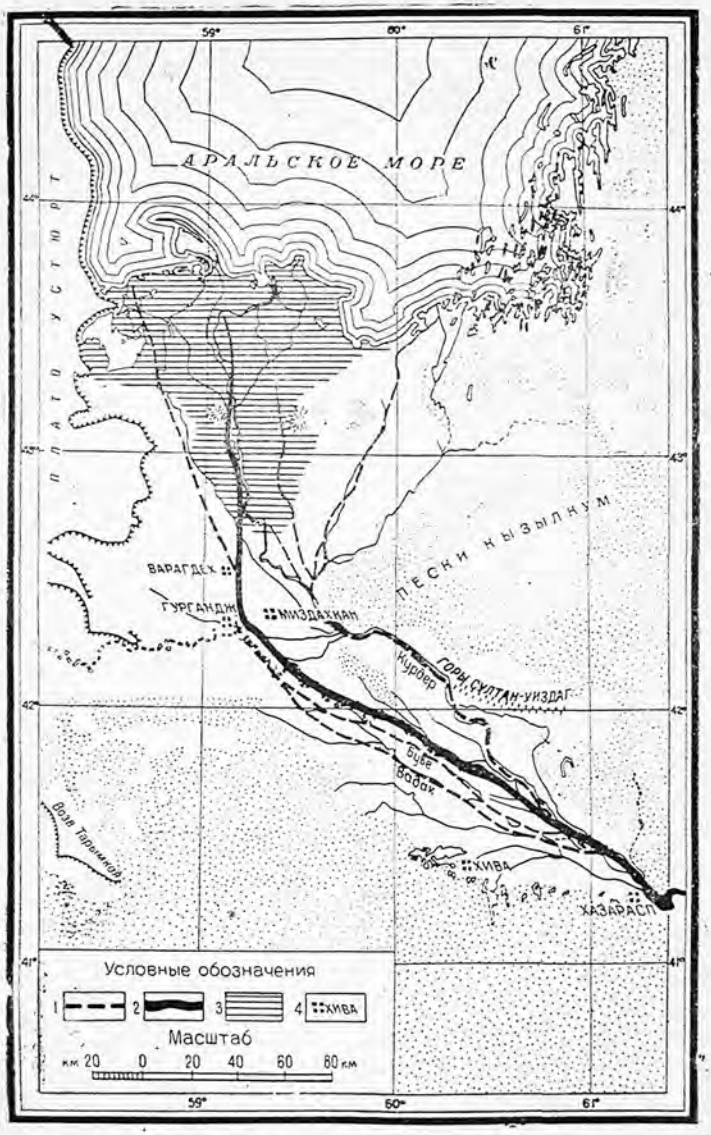


Рис. 11. Схема оросительной сети и гидрографии Хорезма перед нашествием орд Чингиз-хана (XIII в.)

Условные обозначения: 1—действующие каналы; 2—действующее русло Аму-Дарьи; 3—болота и разливы; 4—города.

Вся площадь вершины бугра окружена стеной из рваного камня на глиняном растворе. Вдоль стен расположены жилые помещения для гарнизона крепости. В восточной части сохранились стены большого здания, выстроенного из тех же камней, предназначенного, очевидно, для командного состава. В центре здания находилась круглая цистерна для хранения воды.

В западной части крепости в толще скалистого грунта выдолблено 5 круглых и овальных в плане цистерн. Некоторые из них облицованы жженым кирпичом и оштукатурены гипсом. Диаметр цистерн в среднем 4—4,5 *м*. Они, возможно, были перекрыты куполами, наподобие степных сардоб, сохранившихся в ряде пунктов Средней Азии.

Западная стена крепости снаружи укреплена тремя мощными полукруглыми башнями. Внутри одной из этих башен, расположенной в юго-западном углу крепости, имеется глубокий колодец с обкладкой из жженого кирпича. Стенки колодца гладко отшлифованы длительным трением большой кожаной бадьи — «кауга», которой население крепости черпало из него воду. Колодец достигает основания Кызкалинского бугра и к нему из Аму-Дарьи была проведена специальная подземная водопроводная линия[182].

На берегу Аму-Дарьи, в 2 *км* от Кыз-Калы, расположены развалины небольшой крепости Йигит-Кала, тоже выстроенной из камня. Вдоль ее внутренних стен также находятся помещения для небольшого гарнизона.

Судя по общему направлению водопроводной линии, Йигит-Кала служила вспомогательным, главным образом, охранным, пунктом на водозаборе этого потайного подземного канала.

Кроме того, между обеими крепостями через каждые 300—350 *м* по прямой линии выделяются небольшие бугорки — остатки каких-то однотипных сооружений, связанных с этим водопроводом. Здесь же лежат фрагменты глиняных водопроводных труб, диаметром до 50—60 *см*. Эти бугорки, по-видимому, являлись местами, где производилась чистка водопроводных труб. Систему водоснабжения по подземному водопроводу не следует смешивать с кяризной системой.

В этом подземном водопроводе, так же как и в паводковых наземных каналах, вода под естественным напором шла по трубам к дну колодца, откуда ее бадьями поднимали вверх и хранили в цистернах.

Согласно всем археологическим данным, крепости Кыз-Кала и Йигит-Кала функционировали только с середины XII и начала XIII вв.; после монгольского нашествия жизнь в этих крепостях прекратилась.

В оазисе канала Гаухоре культурные земли по-прежнему начинались от района г. Шурахана. Древние каналы — Базаркалинский и Кырккызский — не были восстановлены. В XII — XIII вв. вода по первому из этих каналов (ныне Кельтеминар) доходила до развалин античной крепости Эрес-Кала[184]. Такое положение сохранилось в Кельтеминарском оазисе до наших дней.

В рассматриваемое время значительно оживилась жизнь по основному руслу Гаухоре и по его ответвлению Керих или Гирье. Давно запустевшая античная крепость Улу (Большой)-Гульдурсун начала функционировать снова; ее фортификационные сооружения были обновлены в соответствии с требованиями времени.

---

[183] Впервые описание колодца дано у Петрусевича в 1877 г., в работе «Предварительный отчет об исследовании Дарьялыка (Узбоя) и местности между Аму-Дарьей и Сары-Камышем», Известия КОРГО, т. XVIII, отдельный оттиск, стр. 9.

[184] С. П. Толстов, Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, ВДИ, 1946, № 1.

В 1,5 *км* к юго-западу от Улу-Гульдурсуна в эту же эпоху возник большой замок Кичи (Малый)-Гульдурсун и целый ряд усадеб, что свидетельствовало о некотором расширении ирригационной сети в районе Гульдурсуна.

Оазис канала Керих (Гирье) ограничивался районом Кават-Калы.

Район Кават-Калы — мертвый оазис в тот период — сохранил до наших дней следы, по которым можно восстановить общий облик социально-политической и культурной жизни эпохи. В жизни феодального Хорезма со времени афригидов произошли большие сдвиги. Напряженная обстановка междоусобиц сменяется относительно мирной жизнью и уверенностью жителей в безопасности. Меняется облик жилых домов; суровые крепости афригидского времени уступают место богато декорированным жилищам феодалов.

2. ИРРИГАЦИЯ ХОРЕЗМА В XIII — XVI ВВ.

В период правления последнего хорезмшаха Ала-эд-дина Султан Мухаммеда (1200 — 1220 гг.) хорезмская феодальная держава достигла большого могущества, временно объединив под своей властью сильнейшие тюркские племена — канглы, кипчаков, туркмен, а также таджикское население. Опираясь, главным образом, на господствующие классы городов и земледельческих оазисов, хорезмшах Мухаммед вел борьбу с каракитаями на востоке и с халифатом на западе. Вытеснив каракитаев из Мавераннахра, мечтая о мировом владычестве, он готовился к походу на столицу халифата Багдад.

Внутри Хорезма, этой огромной теперь державы, беспрерывно шла политическая борьба за власть между представителями кочевых тюркских племен и местной знати, достигшая особого напряжения среди окружавших хорезмшаха придворных кругов. Тюркская группировка, поддерживавшаяся влиятельной матерью хорезмшаха кипчачкой и ее родней, а также значительной частью высшего духовенства, тяготевшего к халифату, стремилась захватить власть в свои руки, чему при поддержке городской и земледельческой знати всячески противодействовал сын хорезмшаха и наследник престола Джелал-эд-дин Мангуберди.

В такой напряженный момент в десятых годах XIII в. с востока нависла новая угроза: на территории современной Монголии сформировалась кочевая держава Чингиз-хана, которая стремилась объединить под своей властью все страны, лежащие на древних торговых путях.

Появление сильного соперника на востоке и завоевание им Китая разрушали планы хорезмшаха о мировом господстве. Не дооценивая могущества поднимающейся Монгольской державы, хорезмшах повел себя вызывающе с Чингиз-ханом, временно проводившим в отношении Хорезма умеренную дипломатию, чем только ускорил его поход на Запад.

Первая встреча монголов с хорезмийцами произошла в 1218 г. на территории Казахстана. Надменный хорезмшах, сначала сомневавшийся в превосходстве своего противника, но скоро почувствовавший всю серьёзность положения, впал в панику и так и не решился дать противнику открытого боя.

Монголы надвигались на запад с молниеносной быстротой. За несколько месяцев пал Мавераннахр, пала область Дженда в низовьях Сыр-Дарьи, монголы почти без боя проникли в Хорасан. Хорезм, по

образному выражению Рашид-эд-дина, «очутился в середине, подобно шатру, у которого перерезаны растягивающие веревки»[185].

Монгольские полчища овладевали всем, что их привлекало в завоеванных ими культурных землях. Богатые древние города, независимо от степени оказанного ими сопротивления, стали объектами грабежа и разрушения. Те же пункты, которые оказали монголам открытое сопротивление, разрушались окончательно, а жители их беспощадно истреблялись. Завоеватели уничтожали всех представителей местных правящих династий.

При дворе хорезмшаха воцарилась полнейшая растерянность; сам хорезмшах бежал, не было ни военачальника, ни выработанного плана обороны страны и ее столицы Гургандж, на которую был направлен главный удар монгольских полчищ во главе с сыновьями Чингиза — Джучи, Чагатаем и Угедеем. По словам историка Мухаммеда Несеви, Чингиз-хан предназначил Хорезм в удел своему сыну Джучи, который, из вполне понятных побуждений пожелал сохранить в целости его прекрасную и богатую столицу. Поэтому перед приступом Джучи вступил с жителями Гургандж в переговоры, увещевая их сдать город добровольно и обещая им в таком случае пощаду.

Несеви подкрепляет это свое сообщение указанием на то, что «монгольское войско, стоя поблизости от него (Гургандж), не пыталось грабить его волости, отличая его от других (областей) большим вниманием и большой милостью и опасаясь предать его гибели и уничтожению»[186].

В. В. Бартольд также подчеркивает разногласия, возникшие между Чагатаем и Джучи по вопросу о Гургандже[187]. Джучи, уверенный во включении этого богатого и цветущего города в свои владения, не мог смотреть безразлично на его судьбу, тогда как Чагатай, в силу традиционной тактики монголов, требовал разграбить город и затем разрушить его. Спор был разрешен вмешательством Чингиз-хана, который, узнав о его причине, передал главное командование младшему сыну Угедею, приказав вести войну в обычном порядке. Монголы ворвались в город и, несмотря на отчаянное сопротивление жителей, предали его разрушению. Особого внимания заслуживает то, что в хрониках мы не встречаем описания разрушения плотины, сдерживавшей воды Аму-Дарьи, факт уничтожения которой монголами является несомненным. У Рашид-эд-дина мы имеем описание попытки монголов разрушить мост, отвести воды реки Джейхуна, «на которой в городе построен мост», для чего было выделено 3 тысячи монгольских воинов. Однако эта попытка была отбита жителями. Таким образом, мы опять наблюдаем отождествление моста с плотиной.

Все завоеванные страны были распределены между сыновьями Чингиз-хана в виде великих уделов (улусов). Улусом Джучи стал Хорезм и земли на территории восточных районов европейской части РСФСР и западного Казахстана. Южный Хорезм, вместе с городами Кят и Хива, был отделен от улуса Джучи и включен в улус Чагатая еще Чингиз-ханом[188]. Действительно, на китайской карте, составленной в 1329—1331 гг. и опубликованной Палладием, граница между

---

[185] Рашид-эд-дин, Джами-ат-таварих, Труды ВОРАО, т. V и XI, СПб., 1858, стр. 69.

[186] Перевод выдержек из сочинения Несеви «Сира ас-султан Джелал-эд-дин Менкуберти», МИТТ, т. I, стр. 480—481.

[187] В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 308, узб. перевод.

[188] Зафар-наме, Низам-эд-дин Шами, МИТТ, т. I, стр. 514.

улусами Джучи и Чагатая проведена между городами Кэ-ти (Кят) и Хула-цзы-му (Хорезм—Ургенч)[189].

Хорезм, так же как Мавераннахр и другие страны, надолго был опустошен, целые города и прилегающие к ним рустаки превратились в развалины.

Земледельческая масса и городские ремесленники частью были истреблены, а большая часть была угнана в Монголию. Уцелевшие торговцы, представители духовенства и другое население разбежались по отдаленным странам западной части мусульманского Востока.

Тахирия, Дарган, Джигербенд, Садвар, Кардаран-хас, Савкан, Арда-Хушмитан, Нузвар, Гульдурсун, Шурахан, Наринджан, Кават-Кала, Миздахкан, Курдер и другие города и крепости навсегда остались лежать в развалинах. Жизнь в остальных городах и крепостях была восстановлена после значительного перерыва. Нельзя говорить о полном уничтожении населения и разрушении всех городов и рустаков, но о его значительном сокращении; необходимость заселения Хорезма понимали и монголы, заинтересованные в сборе дани.

Однако какая-то часть населения по распоряжению главы монгольской империи Угедей-каана (1229—1239 гг.) все же была возвращена на родину. При нем была возвращена, например, значительная партия ремесленников, уведенных из Герата[190]. Надо полагать, что эта мера была распространена и на пленников, взятых в Хорезме.

Ирригационная сеть, требующая регулярной чистки и ухода, пришла в упадок.

Важным историко-географическим событием, связанным с монгольским нашествием, был прорыв течения Аму-Дарьи в Сарыкамышскую котловину в результате гибели города Гургандж и плотины, задерживавшей и направлявшей течение реки. Следовательно, состояние ирригационного хозяйства Хорезма все же стояло на таком высоком (для своего времени) уровне, что плотина, построенная у самого г. Гургандж, сдерживала мощный натиск Аму-Дарьи, не пропуская воды ее в город, и поддерживала устойчивость всей оросительной системы в средней дельте реки. Гибель плотины совершенно изменила условия земледелия в Хорезме и надолго вывела из строя веками складывавшуюся оросительную систему в этом районе.

Выше мы отметили, что площадь Ургенча не ограничивалась пределами правого берега русла Дарьялык. Громадная территория на левом берегу Дарьялыка к юго-востоку от правобережных развалин занята большим домонгольским городом. Общий облик городища свидетельствует, что там действительно произошла катастрофа: все разрушено и размыто страшным потоком. Речной ил — свидетельство прорыва Аму-Дарьи — толстым слоем перекрыл территорию города. В настоящее время местами происходит разрушение и выветривание этих речных отложений, из-под которых выступают культурные остатки.

Якут, посетивший Гургандж перед нашествием Чингиз-хана, говорит о плотине, возведенной жителями и препятствовавшей разрушительному действию реки[191].

Эта плотина, как сообщает Ибн-ал-Асир, была разрушена монго-

---

[189] Указанная карта, помещенная в трудах Российской духовной миссии в Пекине, т. I, приведена также В. В. Бартольдом, в кн. «Сведения об Аральском море», стр. 67.

[190] А. Беленицкий, Историческая топография Герата XV в., сб. «Алишер Навои», М., 1946, стр. 176.

[191] Якут, т. II, стр. 433.

лами, чтобы подавить сопротивление горожан и уничтожить жизнь в самом городе[192].

От наводнения, очевидно, прежде всего пострадала левобережная часть города, расположенная на более низких отметках по сравнению с правобережной частью. Разрушения от наводнения были огромны, но в городе все же сохранились памятники домонгольского периода (мавзолей султана Текеша, минарет 1011 г., мавзолей Фахр-эд-дина Рази) Если учесть, что эти памятники стоят в северной, т. е. более возвышенной части города и не подвергались длительному воздействию воды, то их сохранность не должна вызывать удивления.

Вода, затопившая город, в конце концов постепенно нашла себе сток в Сарыкамыш. Это и было русло Дарьялыка.

Якут в своем словаре, законченном в 1229 г., упоминает о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море[193]. Его сведения, очевидно, питались преувеличенными слухами о повороте Аму-Дарьи в Сарыкамыш и Узбой. Весьма возможно, что, заполнив к тому времени Сарыкамышскую впадину, излишки вод Аму-Дарьи могли в XIII в. прорваться в Узбой. Но постоянного стока в Каспийское море, как мы увидим ниже, не было и не могло быть.

Новейшие геологические[194] и археологические исследования на Узбое[195] показали, что за исторический период течения по Узбою не было, как не было там ирригации, земледелия и поселений. Сведения Абулгази-хана[196] о цветущем характере местности от Ургенча до Огурчи в былое время могут быть отнесены к берегам Дарьялыка лишь до Сарыкамышской котловины[197].

Согласно убедительным доводам А. Кесь, Узбой является прекрасно сохранившейся типичной речной долиной. Узбой рассматривается ею как сухое русло древней самостоятельной реки, питавшейся исключительно через Сарыкамышскую котловину, которая, в свою очередь, питалась водами Аму-Дарьи. В историческое время в Узбой могли быть лишь отдельные кратковременные прорывы из Сарыкамыша.

Ни один из авторов домонгольского периода не указывает на существование между Гурганджем и Сарыкамышем какого-нибудь течения или сохранившегося сухого русла. В этом отношении особенно ценным является анализ вопроса о Сарыкамыше, сделанный Бируни. По его мнению, Аму-Дарья еще в глубокой древности протекала через Каракумы примерно по южным окраинам современного Хорезмского оазиса и впадала в Сарыкамышскую котловину.

Показательно, что Бируни при всей тщательности фиксации древних русел и протоков Аму-Дарьи ничего не говорит о Дарьялыке. Единственное древнее питание Сарыкамыша он относит исключительно к несуществующему южному руслу Туну-Дарья (проток Зейкаш), которое в своих низовьях совпадает с Дауданом.

Едва ли можно допустить, что Бируни, живший в XI в. в Гургандже и собиравший все сведения о прежних течениях Аму-Дарьи, не заметил бы такого важного русла, как Дарьялык, проходившего под самым городом и питавшего Сарыкамышскую котловину. При наличии

[192] В. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1, СПб., 1884, стр. 32.
[193] Якут, т. IV, стр. 670.
[194] А. Кесь, Русло Узбоя и его генезис (выводы), Труды Института географии, вып. XXX, М.—Л., 1939.
[195] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, гл. 12.
[196] Абулгази, Указ. соч., изд. Демезона, стр. 207.
[197] А. Кесь, Указ. соч., стр. 106.

такого русла в его время ему не надо было бы доискиваться источников питания Сарыкамыша в отдаленной древности. Молчание Бируни доказывает, что Дарьялыка в его время не существовало и как русло он образовался лишь во время монгольского нашествия в результате постепенного передвижения прежнего русла реки с востока на запад к городу Гургенджу.

Если русло реки при Ибн-Русте и Истахри проходило в одном фарсахе к востоку от Гургенджа, то при Макдиси река настолько близко подошла к городу, что жители принимали меры для защиты от наводнений, сооружали плотины и отводили течение реки в сторону от города[198].

Эта плотина тщательно и регулярно ремонтировалась из-за угрозы прорыва ее со стороны главного русла реки. Прорыв произошел после отъезда Якута. Произошел ли он от преднамеренного разрушения плотины монголами, как на это указывает Ибн-ал-Асир, или от того, что из-за запустения города был прекращен ежегодный ремонт плотины, мы в настоящее время судить не можем. Прорыв так или иначе совершился, и большая часть воды Аму-Дарьи направилась в Сарыкамыш.

Возникает вопрос, насколько правильно толкует В. В. Бартольд в своем известном исследовании «Сведения об Аральском море» тексты Ибн-Русте, пытаясь отождествить упоминаемый им «левый проток» с руслом Дарьялыка, образовавшимся в XIII в.

Ибн-Русте указывает, что ниже селения Харваз (рустак Миздахкана) от реки влево отделяется проток, который течет до селения Варагдех (в 4 фарсахах ниже Джурджании)[199]. Следовательно, этот левый проток отделяется от реки где-то севернее Джурджании, в чем убеждает нас и визуальное ознакомление с местностью.

В. В. Бартольд же, основывавшийся только на письменных источниках, сам не бывавший в Хорезме и не представлявший себе его исторической топографии, локализует «левый проток» Ибн-Русте южнее Джурджании, считая, что в XIII в. при прорыве плотины он был восстановлен и даже стал главным руслом реки[200]. Аргументируя указаниями ал-Омари (XIV в.) о том, что Гургендж оказался в развилине между двумя рукавами Джейхуна, и исходя из своих ошибочных предпосылок, В. В. Бартольд считает, что местность Халиджан, упоминаемая Истахри, Ибн-Хаукалем и Ибн-Русте, может быть отождествлена с Сарыкамышской впадиной[201].

Мы предполагаем, что развилина («шаровары» ал-Омари) была образована старым (аральским) руслом Аму-Дарьи, протекавшим по-прежнему с восточной стороны Гургенджа, и образовавшимся в XIII в. Дарьялыком, огибавшим Гургендж с юга и направлявшимся в Сарыкамыш.

Домонгольское русло Аму-Дарьи, хотя и значительно ослабленное, долго еще продолжало действовать, так как Хан-Яб (Каан — по его старому названию.—*Я. Г.*) действовал и в золотоордынский период, и г. Шемаха продолжал по-прежнему жить и процветать.

Указание Абулгази о существовании плотины Фатьма-Хатун к востоку от Ургенча на Дарьялыке, возможно, относится к восстановленной старой плотине для поддержания водоснабжения на нижней дельте в монгольское время.

---

[198] Макдиси. Указ. соч., 288—289.

[199] Из текста Ибн-Русте можно понять, что до Варагдеха доходило также и основное течение реки.

[200] В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 47.

[201] Там же, стр. 39.

Громадная империя Чингиз-хана, как говорилось выше, распадалась на три больших государства: 1) Чагатайское — в Средней Азии, 2) государство Хулагидов в Иране и 3) Золотоордынское государство.

Для поддержания своей власти над завоеванными народами эти новые кочевые державы были вынуждены содержать колоссальные армии из кочевников, заинтересовав их в грабеже и эксплуатации подвластных стран и народов.

Монгольские ханы сбором податей и поборов сами не занимались, а предоставили это местным феодалам, присылая им в помощь своих баскаков. Жестокий налоговый гнет доводил крестьян и ремесленников до нищеты и отчаяния. Любая вспышка недовольства со стороны населения беспощадно подавлялась монгольскими войсками.

Однако монголы были достаточно дальновидны, чтобы понимать необходимость поддержания экономики страны; на громадных пространствах монгольской империи обеспечивалась экономическая связь между областями и безопасность караванной торговли. Ремесленники были сосредоточены в центральных городах и работали на рынок. Города Сарай Берке, Сарай Бату и Ургенч стали центрами караванной торговли; здесь процветали ремесла и культурная жизнь. В этих городах собирались представители самых различных народов, культур, религий и толков. Несмотря на тяжелые условия длительного путешествия по безводной степи Устюрта, торговые связи между Хорезмом и городами нижней Волги были весьма оживленными.

В 1333 г. марокканский путешественник Ибн-Батута посетил оба Сарая и Ургенч; по его описанию, от Сарая до Хорезма (Ургенча) было 40 дней езды. Он ехал из Сарая Берке до Сарая Бату 10 дней на лошадях, затем 30 дней степью шли до Хорезма на верблюдах. Хорезм (Ургенч. — *Я. Г.*), — по словам Ибн-Батуты, — самый большой и красивый из тюркских городов, богатый славными базарами, просторными улицами, многочисленными постройками. «Он (точно) колеблется от множеств своих жителей и волнуется от них, как волна морская. Однажды я поехал... верхом и заехал на рынок. Забравшись в середину его, которая называется Шур, я там очутился среди такого скопления народа, что дальше не мог проехать. Решил повернуть обратно, однако, не смог выбраться. Наконец, выбрался после больших усилий».

Этот город подчинялся султану Узбеку (Узбек-хану. — *Я. Г.*) и управлялся его наместником Тимуром Кутлуком. Медресе в городе построено Тимуром Кутлуком, а мечеть Джами — его супругой (дочерью Узбек-хана) Тюрябек-ханым.

«За чертой города протекает река Джейхун, одна из четырех рек, вытекающих из рая. Во время стужи она замерзает, как Итиль (Волга, — *Я. Г.*); люди ходят по ней и она остается замерзшей 5 месяцев... В летнее время ездят по ней в судах до Термеза и привозят оттуда пшеницу и ячмень. Для спускающихся вниз (по реке) этот проезд длится 10 дней»[202].

Из Ургенча Ибн-Батута отправился в Бухару; по пути он посетил Кят,[203] а затем по правобережью через поселение Се-пая (Уч-Учак), где находятся развалины крепостей Таш-Кала и Топрак-Кала, а также сохранившаяся сардоба Шейбани-хана, выехал на часто посещаемую караванную дорогу к Бухаре.

---

[202] Ибн-Батута, ... تحفة النظار, Стамбул, 1914, ч. II, стр. 404—405

[203] Там же, стр. 410.

Ургенч быстро оправился и стал одним из крупных торгово-ремесленных и культурных центров в составе Золотоордынского ханства.

Агент флорентийской торговой фирмы Бальдуччи Пеголетти, составивший в 1340 г. специальное руководство для купцов, так характеризует значение Ургенча как торгового центра: «Нет смысла забираться в глубь Азии, ибо в столице Хорезма — Ургенче можно накупить все интересные для европейского рынка товары»[204].

Огромная площадь городища Ургенч, размеры и мощность культурных наслоений XIII—XIV вв., сохранившиеся архитектурные сооружения того же времени, следы зданий, остатки различных видов ремесленного производства свидетельствуют о том, что Ургенч в этот период пережил большой экономический подъем и достиг такого могущества, какого не достигал за всю историю своего существования.

Для характеристики ирригационного хозяйства некоторых районов верхней и нижней дельты в послемонгольское время приводим вакуфные документы шейха Сулеймана Хаддади, учрежденные в 1349 г.[205] в Ургенче.

«...Учрежден настоящий вакф как благодарение великого эмира... Кутлук Тимура, наместника городов Хорезма и правителя их, сына... эмира Наджм-эд-дина, сына Абнан Турк Туйди...

Из почета и уважения к известному сеиду из потомков... пророка шейху шейхов Сулейману Хадади-и-Мусевию построил для него белое хонако „حانقاه سفيد" у подножия бугра Миздахкана, известного святилища Хорезма. Подарил ему в вакф много земель из собственных мюльков, расположенных между Миздахканом и Багдадом вместе с каналом Тули-Яктан, который был его мюльком, и все земли, лежащие по обе стороны этого канала. Затем еще три канала (سه جوی), из которых первый канал был эмира Ахмеда бин Севинч Тимура. Другой канал Абд-ар-Рахмана бин Бексалар Ходжи и третий канал ее высочества великой принцессы Тюрябек-ханым.

Все перечисленные земли между Миздахканом и Багдадом имеют следующие границы: восточная сторона граничит с каналом известным Миздахканским, южная сторона частично граничит с земельными владениями Герай-Мухаммеда, а частично с землями Мухаммеда бин Аллаяр. Земли Герай-Мухаммеда орошаются из канала Миздахканского, а земли Мухаммеда бин Аллаяр орошаются из канала Седрадж (سدراج). С запада эти земли граничат частично с землями Мухаммеда Кулсака (محمد قولساق), а частично с землями Усман-шейха и с землями жителей сел. Седрадж. С севера граничат с дорогой, идущей из Джурджании (Ургенч) в сторону селения Багдад до береговых насыпей канала Багдад حانقاه بزرك. Из этих земель, расположенных между Миздаханом и Багдадом, та часть, которая находится близ Миздаханкана и принадлежит ему, вся годная к посеву и может дать (по весу Хорезма) 8 000 манов пшеницы. Та часть, которая прилегает к Багдаду, тоже годна для посева и может дать 15 000 манов пшеницы. После постройки этого хонако и учреждения данного вакфа, упомянутый эмир, в силу своей благосклонности и преданности этому шейху, не был удовлетворен этим и построил большое хонако (تاراش نهر بغداد) к югу от канала Насири, который известен также под именем канала селения Вари, принадлежащего к числу селений (области) Хивака. Учредил

[204] Jule, Chatay and the way thither, т. II, стр. 279.

[205] Спустя 16 лет после посещения Ибн-Батуты.

вакф, пожаловал земли, прилегающие к этому «Большому хонако» в следующих границах: с востока частично примыкают к мечети Зекки около мавзолея шейха Кабул-ата и частично достигают холма Хаджибека и канала Мадиилкат. С севера частично граничат с мостом Даулетшаха Сасардара, частично к песчаной полосе, а частично к Намазго Нури. С запада частично граничат с дорогой и баней сел. Нури-хас, а частично примыкают к посевным землям, принадлежащим этой бане, и частично граничат с махалля Низам около мавзолея Баба-Мангу, частично граничат с каналом Нури-хас и орошаются из него. Затем тоже с запада граничат с каналом Кара-амил, каналом Джурьян и местом на Хейканике, который называют Пиртак, и дальше переходят к песчаной полосе. С юга граничат с каналом Хейканик и окраинами длинной полосы песков, которые лежат на северной стороне Хейканика. Оттуда до упомянутой мечети Зекки и в других упомянутых границах все эти земли считаются вакфом. Независимо от того, что они орошаются самотёчной водой (از آب روان) или при помощи чигирей (از آب چرخ) все они превращены в вакф...»

В заключительной части документа перечисляются условия распределения доходов с этих земель и каналов, установленные учредителем вакфа. Дата составления его — 2 рамазана 750 г. х. (1349 г.). Этот документ был возобновлен в 1070 г. х. (1659—1660) в царствование Абулгази Бахадур-хана в связи с тем, что один из потомков сеида предъявил претензию на «десятину» — عشر с земель, перечисленных в вакф-намэ. Абулгази Бахадур-хан разобрался в этом деле и приказал мулле Тахиру-ибн-мулле Ашикхиваки переписать предъявленные документы[206].

Здесь в этом документе нас, прежде всего, интересует вопрос как появления названия г. Багдад (который локализуется несколько севернее того места, где мы локализовали г. Курдер), так и исчезновения из литературы и документов названия курдер—этого известного домонгольского города.

Выше мы локализовали г. Курдер на месте современного г. Чимбая. При этом учитывалось как расстояние между Миздахканом и Курдером, так и некоторые другие приметы, как например, указание Истахри, что «между Джейхуном и Курдером находится рустак Миздахкан»[207].

В этот период вообще возникали и развивались новые города. Среди них особо надлежит отметить Кумкенд и Терсек (развалины Шемаха-Калы).

По словам Абулгази, первый из них, расположенный в 7—8 *км* к востоку от развалин Дев-Кескена, в то время был весьма благоустроенным и богатым городом[208]. Второй, как показали раскопки 1948 г., имел, по-видимому, большое торгово-ремесленное значение[209].

Городище Багдад расположено в Чимбайском районе, в 18 *км* к северо-востоку от г. Чимбая, на территории колхоза «Алга-Бас» и на-

---

[206] Подпись переписчика муллы Тахира находится в конце документа; в 1936 г. документ этот хранился в библиотеке Хивинского музея. В собственном собрании автора имеется копия этого документа.

[207] Истахри. Указ. соч., стр. 303.

[208] Абулгази شجرهٔ ترکیه Изд. Демезона, стр. 220.

[209] Абулгази, Изд. Демезона, стр. 220.

[209] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 311—312; он же. Хорезмийская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, ИАН СИФ, т. V, 1947, № 2.

ходится на канале Кегейли. Городище сохранилось на равнине в виде вытянутого четырехугольника с валами оплывших стен, с остатками многочисленных крепостных башен. Размер городища 350×260 *м*. Больше чем половину площади городища занимает кладбище, покрытое густыми зарослями гребенщика.

Багдад, по-видимому, когда-то подвергался длительному и основательному затоплению, что сказалось на состоянии культурного слоя и сохранности общей архитектуры его укреплений.

По предварительным археологическим данным, город Багдад возник в XII в. и жил с перерывами приблизительно до XVI в.

Возраст городища Багдад не позволяет нам отождествить его с древним городом Курдер: город Багдад возник на одном и том же канале Курдер, но на новом месте и больше нигде, кроме вакуф-намэ Тимура Кутлука, не упоминается; лишь в 1388 г. в связи с походом Тимура на Ургенч Шереф-эд-дин Иезди упоминает о переправе войск через канал Багдадик[210] и дальше на запад, через канал Седрадж[211].

Бартольд в свое время обратил внимание на город с названием Багдад и отождествил его с городком Бугайдид, упомянутым у Якута[212]. Такое отождествление вызывает сомнение, так как, во-первых, Якут вряд ли мог исказить такое общеизвестное название, как «Багдад»; во-вторых, он точно локализует Бугайдид как «городок между Хорезмом и Джендом в стране Туркестан. Он (пользуется) у них известностью»[213]. Здесь, безусловно, речь идет об отдаленном населенном пункте где-то на Джаны-Дарье.

Мы уже привели соображения, в силу которых канал Кегейли можно локализовать в низовьях канала Курдер. Отсутствие в вышеприведенном вакуфном документе упоминания г. Курдера, а также указание, что восточную границу Миздахканского оазиса составляет рустак селения (قرية بغداد) Багдад с каналом Багдад, не является доказательством того, что в то время этот крупный домонгольский город уже не существовал. Поскольку Аму-Дарья, независимо от того, что часть ее течения направилась к Сарыкамышу, по-прежнему проходила с западной стороны Миздахкана, едва ли можно думать, что произошло какое-нибудь серьезное изменение в течении канала Курдер (Багдад).

Вакуфный документ Тимура Кутлука помогает нам выяснить вопрос о г. Багдаде и отождествить канал Багдад (Багдадик — у Шереф-эд-дина) с древним каналом Курдер, на искусственное происхождение которого, а также благоустроенный характер большого района Миздахкана до г. Багдада, орошавшегося четырьмя каналами Тули-яктан, Эмир-Ахмеда, Абдар Рахмана бин Бексалара и Тюрябек-Ханым, мы имеем в этом документе прямое указание[214]. Кроме того, в вакуф-намэ имеются некоторые указания на то, что окрестности Миздахкана орошались из Миздахканского канала, который, по-видимому, был выведен из канала Багдад. В западной части Миздахкана протекал канал Седрадж. Название последнего канала у историков Тимура, по-видимому, пере-

---

[210] МИТТ, т. I, стр. 524, прим. 1.
[211] Низам-эд-дин Шами, там же, стр. 524.
[212] В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 87.
[213] МИТТ, т. I, стр. 412.
[214] Фраза „до роша канала (تا راس نهر بغداد) Багдад" исчерпывающим образом разъясняет искусственный характер этого канала, так как „рош" (береговая насыпь, образовавшаяся от чистки канала) характерен исключительно для искусственных каналов.

дано в искаженном виде[215], так как в приведенной нами вакф-намэ как официальном документе, составленном в г. Ургенче, оно, очевидно, более правильно.

Слова Ибн-Батуты о том, что от Ургенча до Кята он не встретил поселений, создали у ряда исследователей представление о пустынном характере местности вдоль этой дороги. Однако у Ибн-Батуты здесь речь, по-видимому, идет только об отсутствии больших благоустроенных поселений, так как из вакфного документа 1349 г. видно, что местность к востоку от Миздахкана была орошена целым рядом каналов и что там были селения, такие как Седрадж и др.

Во время первого похода Тимура на Хорезм (в 1372 г.) Кят был хорошо укрепленным городом.

Пройдя Кят, авангард Тимура достиг канала (كرلان) Гурлен. В. В. Бартольд правильно отметил, что это должно было быть началом канала Багдад (Багдадик), по которому потом направилось основное русло реки[216].

По рассказу Низам-эд-дина Шами, в 1379 г. войско Тимура вновь подошло к столице Хорезма. «Они перешли через старую реку, которую тюрки называют Эски-Укуз, — и окружили город»[217].

Видимо, войско подошло к Ургенчу с востока и вынуждено было переправиться через домонгольское основное русло реки. Само название «Эски-Укуз» (Старая Аму-Дарья) говорит о том, что течение реки в Сарыкамыш усилилось, оно разработало себе глубокий каньон, а старое, т. е. Аральское, русло постепенно угасало. Этим и объясняется тот факт, что примерно к середине XIV в. жизнь в западной части нижней дельты замирала: г. Медминия (Богрохан), Гит (Пуль-Джой), Куджаг (Топрак-Кала) и др. запустели окончательно.

По рассказу Шереф-эд-дина Иезди, войска Тимура поспешили вслед за убегавшим из Ургенча отрядом противника и достигли Кумкенда и Кыра (возвышенность)[218]. И действительно, Шемаха-Кала расположена на самом краю возвышенности Устюрта, которую сами хорезмийцы называют «Аранг-кыри»[219]. Туркмены называют ее «Чинк».

Городище Шемаха-Кала, как по своему расположению, расстоянию от Дев-Кескена (Везира)[220], так и по археологическому облику, вполне соответствует Кумкенду[221]. Абулгази отмечает его богатство и благоустроенность.

Вторая половина XIV в. была ознаменована военными столкновениями между державой Тимура и Золотой Ордой из-за безраздельного обладания великими караванными путями, соединявшими бассейн Средиземноморья и Передней Азии с отдаленными странами Восточной Азии. Тимуру удалось разбить хана Золотой Орды Тохтамыша, разрушить его столицу и расстроить проходивший через Золотую Орду северный торговый путь. Хорезм, экономически и политически связанный с Золотой Ордой, был одним из важнейших центров караванной торговли и служил форпостом в наступательной борьбе Золотой Орды против империи Тимура. Этим объясняется ожесточение, с которым Тимур стремился его

[215] МИТТ, т. I, стр. 524; у Низам-эд-дина Шами — «Джадрис», у Шереф-эд-дина — «Чадрис».
[216] В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 47 и 70.
[217] МИТТ, т. I, стр. 518.
[218] МИТТ, т. I, стр. 524.
[219] Мунис-Агехи فردوس الاقبال, л. 236.
[220] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр 311.
[221] Там же, стр. 331.

уничтожить: в течение 18 лет (с 1370 по 1388 гг.) Тимур совершил пять походов на Хорезм[222]; в конце концов, он окончательно разрушил Ургенч, засеял его развалины ячменем и опустошил всю область на севере и северо-западе Хорезма.

Разрушение Ургенча и включение Хорезма в состав империи Тимура было тесно связано с ослаблением Золотой Орды и являлось существенным моментом в намеченном Тимуром расстройстве северного торгового пути.

В 1391 г. Тимур разрешил восстановить Ургенч. Восстановлена была только часть города — квартал Каан[223]. При тимуридах Хорезм оказался в стороне от основных торговых путей. В Дешти Кипчаке развернулась междоусобная борьба среди кочевых узбекских ханов и султанов; связи с бывшими центрами Золотой Орды прекратились. Ургенч и другие города Хорезма уже не могли играть роли торгово-ремесленных центров, как это было прежде, и должны были уступить свое преимущественное положение городам Хорасана и Мавераннахра.

Аму-Дарья в этот период продолжала течь в Сарыкамышское озеро. В низовых частях Дарьялыка в XV в. наблюдается некоторое оживление. На развалинах античной крепости зародился город Везир, к западу от него возникли города Адак, Янги-Шахар, Терсек и др.

Археологическая авиаразведка, произведенная С. П. Толстовым в 1947 г., выявила новые памятники, а также помогла уточнить время существования отдельных городищ, расположенных в низовьях Дарьялыка, и в их числе — развалин Ак-Калы, расположенных близ старого русла Курджук-Узяк (проток Дарьялыка перед его впадением в Сарыкамыш) под юго-восточным чинком Бутентау, в непосредственной близости к древнему берегу Сарыкамышского озера[224]. Ак-Кала является наиболее западным пунктом по Дарьялыку.

Неясна локализация Адака[225] — местности, прилегающей к Сарыкамышу по его восточной стороне, носившей это название в XVI—XVII вв. В событиях XVI—XVII вв. местность Адак упоминается далеко к западу от Ургенча и Везира; она была расположена по дороге в Хорасан[226].

Во второй половине XV в. Адак неоднократно упоминается в хрониках, как преддверие Хорезма со стороны Хорасана.

Там же речь идет о переправе через Аму-Дарью в районе Везира и о протоке «Асафа Укуз»[227]. По-видимому, основная переправа через Аму-Дарью «в то время была между Везиром и Ургенчем»[228], вероятнее всего, в районе Кумкенда. По рассказам Абулгази, для того, чтобы попасть из низовьев Аму-Дарьи в Хорасан, шли через Ургенч по большой сухопутной дороге.

Ак-Кала на территории земель Адака характеризуется как военно-

---

[222] В период борьбы Тимура за Хорезм там утвердилась местная династия суфиев из племени кунграт.

[223] В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 71.

[224] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 313.

[225] اداق, узбекский термин, обозначающий окончание течения, конец какого-нибудь процесса или речи. Название «Адак» всецело связано с географическим положением района.

[226] В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 76.

[227] Там же.

[228] Абулгази شجرهٔ ترك Изд. Демезона, стр. 224 — 225: „اولوغ يول برلان اورگنج كيلدىلار كيمه اول وقتده اورگنج برلان وزيرنينك آراسيدين پورور ايردى كيمه‌دين اوتوب دورونده دين محمدخان قاتيغه باردى".

политический и, может быть, экономический центр всего района. Это правильная прямоугольная крепость, обнесенная рвом и прекрасно сохранившимися стенами, сложенными из сырцового кирпича 24×24×6 *см* на пахсовом фундаменте с часто расположенными башнями, несущими два яруса небольших бойниц. С востока к городу примыкает продолжающий его ось прямоугольный пригород, обнесенный совершенно аналогичной, но хуже сохранившейся стеной. В противоположность Везиру и Шемахе, это город однослойный, явно живший очень недолго[229].

Подъемный керамический материал, собранный в Ак-Кала, как и ее архитектура, соответствует позднему слою Везира и Шемахи.

С. П. Толстов, учитывая то обстоятельство, что в исторических источниках главному городу области или страны часто дается название области, отождествляет Адак с Ак-Кала и с городом «Янги-Шахар»[230] (Новый город), упоминающимся в XVI в. наряду с Ургенчем, Везиром и Терсеком. И, действительно, молодой город-крепость на совершенно новом месте вполне мог быть назван «Янги-Шахар» и как военный опорный пункт земель Адака одновременно мог носить название и Янги-Шахар, и Адак[231].

Между прочим, у Абулгази и у других авторов этого периода всегда встречается лишь одно из этих двух названий. У Абулгази название Адак (اداق) обозначает скорее весь упомянутый выше район низовий Дарьялыка. В другом месте он говорит о Янги-Шахаре как об одном из военно-политических центров, расположенных к западу от Везира[232]. У другого, более раннего автора примерно на том же месте упоминается крепость Адак[233], тогда как Янги-Шахар совсем не упоминается. Поздние хивинские историки совершенно ошибочно считают, что Адак и Янги-Шахар—самостоятельные города, затопленные водами Аральского моря[234].

Локализация города Терсек остается невыясненной ввиду скудости исторических сведений. С. П. Толстов склонен отождествить его с развалинами Шемаха-Калы[235].

Такое отождествление, однако, кажется нам неубедительным по следующим соображениям: во-первых, развалины Шемаха-Калы по характеру стратиграфии относятся к раннемонгольскому, а может быть и домонгольскому периоду. Во-вторых, если считать твердо установленным соответствие развалин Дев-Кескена г. Везиру, то, по свидетельству Абулгази, в 7—8 *км* к востоку от Везира в XVI в. существовало очень благоустроенное селение Кумкенд[236], которое упоминается на том же месте и под тем же названием у Низам-эд-дина Шами в XIV в.[237] Поэтому местоположение Терсека следует искать несколько дальше Везира. Терсек никогда не играл существенной роли в политической жизни Хорезма

---

[229] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 314.
[230] Там же.
[231] Исходим из основных доводов С. П. Толстова (см. там же, стр. 314).
[232] Во время похода Ургенчского правителя на Везир, управитель последнего обращался за поддержкой к правителю Янги-Шахара, судя по ходу событий, из нижнем течении Дарьялыка. (Абулгази شجرهٔ ترك, Изд. Демезона, стр. 220).
[233] В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море, стр. 79.
[234] Мунис—Агехи. فردوس الاقبال ркп. ИВАН №Е — 6, л. 214 б.
"اراق بيله‌ن ينگى شهر كم حورزام بلابنينگ محظمانيدين ايردى، اول تنكيزنينگ آسنيده‌دور حالا اول شهرلارنينگ تاشدين بنا تابغان‌عمارداتلاى كيمه اعلى‌غه سوتو بيدين كورونور ايرميش".
[235] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 312.
[236] Абулгази, شجرهٔ ترك, изд. Демезона, стр. 220.
[237] МИТТ, т. I, стр. 524.

XVI—XVII вв. и находился в зависимости от Везира. Исходя из порядка перечисления у Абулгази населенных пунктов[238], Терсек должен был находиться к западу от Везира, по-видимому, на северо-восточном берегу Сарыкамыша.

По Абулгази, в более ранние времена число городов и селений, подчиненных Везиру, было больше, но ко времени прихода Ильбарс-хана в Хорезм (1512г.) жизнь в большинстве из них, кроме Везира, Янги-Шахара и Терсека[239], замерла. Как известно, Везир, или другой город на его месте, до XV в. в источниках не упоминается, вместе с тем, археологическая стратиграфия Везира говорит о том, что развалины Дев-Кескена по происхождению относятся к античным временам, а средневековый город Везир, как по археологическим, так и по историческим данным, возник в XV в., что позволяло бы предположить вокруг Везира наличие развалин городов XV и самого начала XVI вв. Однако отсутствие таковых наводит на мысль, что Абулгази имел в виду ряд античных и более ранних, чем Везир, развалин городов и крепостей, расположенных к югу и к северо-востоку от него.

При описании событий 1464 г. Хондемир сообщает, что султан Хусейн Байкара в 1464 г., овладев г. Везиром, столицей джучида Мустафа-хана[240], позволил ее жителям, которых Мустафа в свое время насильно переселил туда для основания города, вернуться в Ургенч[241].

Как видно, возвышение Везира во второй половине XV в. произошло из чисто политических соображений.

После смерти Тимура (1405 г.) и до 1409 г. в тимуридском государстве развернулась междоусобная война за овладение престолом. Такие же междоусобия шли в ослабленном уже Золотоордынском ханстве. Шахрух, утвердившийся на тимуридском престоле, воспользовавшись смутою в Золотоордынском ханстве, в 1413 г. подчинил себе Хорезм[242], которым стали управлять его наместники. Но уже в начале второй половины XV в. Хорезм снова перестал подчиняться тимуридам. Это, по всей вероятности, произошло после смерти Шахруха (1447 г.), когда начались беспрерывные войны между тимуридами.

В шестидесятых годах XV в. султан Хусейн Байкара во время длительной борьбы за престол с Абу-Саидом (1452—1469 гг.) несколько раз бежал из Астрабада в Хорезм.

Хотя султану Хусейну вначале и приходилось бороться с Мустафой-ханом, ему все же удалось превратить Хорезм в плацдарм против Абу-Саида. До последнего года царствования султана Хусейна Хорезм находился под управлением его наместников. Ургенчем правил тогда зависимый от султана Хусейна[243] Чин Суфи из местной династии кунгратских суфиев. Завоеванию Хорезма Шейбани-ханом в 1505 г. предшествовали неоднократные его набеги то непосредственно на Хорезм, то через него в Астрабадскую область.

В 1510 г. Шейбани-хан погиб под Мервом со всем войском в битве против полчищ шаха Ирана Исмаила I Сефевида, после чего султаны, наместники кочевых узбеков, временно ушли из Мавераннахра и Хорезма.

---

[238] А б у л г а з и, Указ. соч., стр. 198.
[239] Там же, стр. 197—198.
[240] В. В. Б а р т о л ь д. Сведения об Аральском море, стр. 71—77; он же, К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море, ЗВО, т. XIV, вып. 1, стр. 26—27.
[241] Один из узбекских ханов Дешти Кипчака, противник Абул-Хайр-хана (1428—1468).
[242] В. В. Б а р т о л ь д. Сведения об Аральском море, стр. 73.
[243] Там же, стр. 89, прим. 1.

Воспользовавшись этим, Исмаил I направил в Хорезм своих наместников. Последние сидели в Ургенче, Везире, Хиве и Хазараспе. Через год или два жители городов Хорезма решили ликвидировать у себя чужеземную власть; особенно инициативно действовали жители Везира[244], а также ходжи из потомков Сейда-ата, жившие в то время в селении Бакирган и имевшие связь с узбекскими султанами из дома Берке (или Бурге)-султана, противника Шейбани-хана. Жители Везира втайне от иранских наместников вели переговоры с султаном Ильбарсом и его братом Бильбарсом. Братьев тайком доставили в Везир, где, перебив иранцев и быстро очистив от них Хорезм, посадили Ильбарса на хорезмский престол[245]. Так здесь установилась новая династия кочевых узбеков, отпавших от Шейбани-хана; утверждение Ильбарс-хана в Хорезме произошло после гибели Шейбани-хана (1510 г.), и должно быть отнесено к 1511 или 1512 гг.

За время владычества тимуридов в Хорезме нам не известно ни одного мероприятия по расширению оросительной сети, хотя бы в пределах домонгольского оазиса. Наместники ограничивались поддержанием спокойствия и порядка, сбором податей и охраной торгового пути. Содержание же в порядке существующих каналов и предохранительных дамб, ежегодная их чистка, устройство новых — все это, по старой традиции, возложено было на население и осуществлялось через мирабов; от правителя требовалось лишь формальное распоряжение с назначением сахибкара (производителя работ).

Из описания Ибн-Батуты видно, что правобережные земли, за исключением района города Кят, представляли пустыню. При тимуридах прекратили свое существование города Багдад (или Багдадик), Бограхан (Медминия у Макдиси или Хаванд у Муниса—Агехи), Гит (Пуль-Джой), Миздаккан и другие, а также старая цепь караван-сараев по золотоордынской дороге в западной части нижней дельты: удар, нанесенный Тимуром Хорезму и его торговым путям с Золотой Ордой, имел роковые последствия для этой полосы оазиса.

Города и орошенные земли Южного Хорезма — Хива, Хазарасп, Ханки и Кят—в золотоордынское и тимуридское время продолжали свое существование. Отдельные архитектурные памятники, сохранившиеся в Кяте и Хиве, говорят даже о некотором подъеме культурной жизни. Особенно характерно в этом отношении надгробие сейда Ала-эд-дина в Хиве (XIV в.)[246], архитектурные детали мазара сейда Аббаса в Кяте: эти города отражали общий экономический и культурный подъем, который переживал в то время Хорезм. Вопрос о течении Дарьялыка (Куня-Дарьи) все еще остается нерешенным. После длительных и оживленных споров и дискуссий в географической и исторической литературе[247], пос-

[244] Абулгази, Указ. соч., стр. 195.
[245] Там же, стр. 197.
[246] Я. Г. Гулямов, Памятники города Хивы, Ташкент, 1941, стр. 17—21.
[247] В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в., ИТОРГО, т. IV, 1902; он же, К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море, ЗВОРАО, т. XIV, вып. I, 1902; М. Н. Богданов, О старом русле и течении Аму-Дарьи в Каспий, ИРГО, т. X, 1874, № 6; А. И. Глуховской, Пропуск вод реки Аму-Дарьи по старому ее руслу в Каспийское море и образование непрерывного водного Аму-Дарьинско-Каспийского пути от границ Афганистана по Аму-Дарье, Каспию, Волге и Мариинской системе до Петербурга и Балтийского моря, СПб., 1893; А. М. Коншин, О древнем течении Аму-Дарьи по современным географическим и физико-геологическим данным, Записки КОРГО, т. XV, 1893; Р. Э. Ленц, Наши сведения о прежнем течении Аму-Дарьи (перевод с немецкого), Записки РГО, т. IV, 1871; В. А. Обручев, Закаспийская низменность, Записки РГО, т. XX, 1890, № 3; Б. А. Федорович, Приузбойские Кара-Кумы, ТИГ АН СССР, Отчеты Туркменской экспедиции АН, М., 1934.

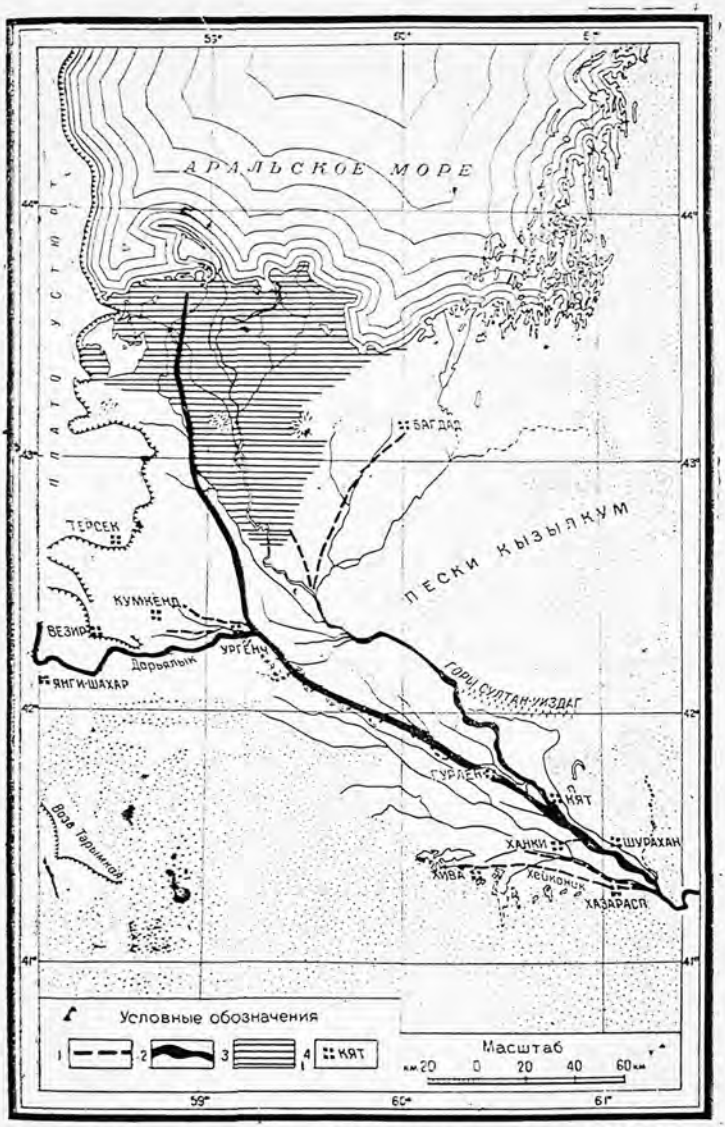


Рис. 12. Схема оросительной сети и гидрографии Хорезма в XIV в.
Условные обозначения: *1*—действующие каналы, *2*—действующее русло Аму-Дарьи, *3*—болота и разливы, *4*—города.

ле новейших геологических[248] и археологических[249] исследований объем и характер течения по Дарьялыку в XIII—XVI вв. все же остается невыясненным. Исследования А. Кесь и С. П. Толстова несколько убедили нас в том, что в исторический период течения по Узбою не было и что Аму-Дарья в XIII—XIV вв. текла только до Сарыкамышской котловины.

Однако в связи с этим возникает вопрос, куда же текли излишние воды Аму-Дарьи? На первый взгляд картина кажется ясной. Согласно данным вакуфного документа Тимура Кутлука от 1349 г., проток Багдад представлял собой искусственный канал с береговыми насыпями (рош) и совпадал с каналом Курдер X в., Ибн-Батута, проехавший в 1333 г. вдоль правого берега Аму-Дарьи, не сообщает о наличии какого-нибудь протока по домонгольскому руслу Аму-Дарьи. После 1221 г., и вообще в XIII, XIV и XV вв., разбор воды по каналам не увеличился, а наоборот, сократился; перестали действовать каналы Гаухоре, Вадак и Буве.

По подсчетам инженера-ирригатора Ф. П. Моргуненкова, объем воды в Аму-Дарье так велик, что при максимальном расходе ее на орошение по нормам поливных площадей 1911—1914 гг. Сарыкамышское озеро можно было бы наполнить в четыре года. На пятом году вода должна была бы образовать сток по Узбою[250].

Но Аму-Дарья текла в Сарыкамыш не 4 года, а более чем 300 лет. Расход воды на ирригацию в те времена был значительно меньше, чем в 1911—1914 гг. Таким образом, любой исследователь будет вынужден согласиться с двумя положениями: 1) что в XIII—XVI вв. Аму-Дарья одним мощным руслом текла в Сарыкамыш и оттуда по Узбою в Каспийское море; и 2) основное ее русло одновременно текло и по Эски-Укузу (домонгольскому руслу Аму-Дарьи), проходившему между Ургенчем и Миздахканом. При этом обращает на себя внимание тот факт, что путешественник ибн-Батута (1333г.) совершенно умалчивает об этом протоке, тогда как 46 лет спустя Шереф-эд-дин упоминает переправу через Эски-Укуз[251]. Абулгази, между прочим, упоминает о плотине «Фатьма-Хатун», устроенной на Аму-Дарье к востоку от Ургенча, через которую перешел Хаджи Мухаммед (Хаджим)-хан, направляясь из Хивы на Ургенч[252].

Название «Фатьма-Хатун» старое, по крайней мере, домонгольское. После монгольского нашествия «хатун», как обращение к особо почитаемым тюркским женщинам заменяется обращением «ханым» (Тюрябек-ханым, Сараймульк-ханым и т. п.).

Весьма возможно, что «Фатьма-Хатун» и была той плотиной, о которой, не упоминая ее названия, сообщали Макдиси, Якут, Ибн-ал-Асир и другие авторы, указывая только, что она находилась к востоку от Ургенча, и с разрушением которой связывается образование Дарьялыка. Большой уклон Дарьялыка к Сарыкамышу, значительно превосходящий уклон в

---

[248] А. Кесь. Русло Узбоя и его генезис. ТИГ АН, вып. XXX.

[249] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, гл. XII.

[250] Ф. П. Моргуненков. И. А. Севастьянов. Ирригационные перспективы Туркменской ССР. Ташкент, 1925, стр. 76—77.

[251] ظفرنامه (مرحله) напечатано в Калькутте, 1887, стр. 1290—1293.

[252] شجره ترك изд. Дезеваза, 1871, стр. 233.

„حاجم‌جان اورکنج‌زینك کون تغوشندا فاطمه خاطون توغانیدین لموسوینی اوتوب یورودی".

сторону Аральского моря[253], мог привести к значительному ухудшению орошения нижней дельты; эта угроза заставила население принимать меры к искусственному удержанию реки в ее прежнем русле, чтобы питать ирригационную сеть. Для этого-то и нужно было восстановить плотину. По-видимому, она и была восстановлена, в пользу чего говорит тот факт, что о сквозном судоходстве по Дарьялыку ниже Ургенча ни в одном из источников сведений нет. Ибн-Батута упоминает о судоходстве только от Ургенча вверх по течению в сторону Термеза[254]. Слова Ибн-Батуты о том, что река Джейхун, протекающая по южной стороне Ургенча, замерзает в течение пяти месяцев, также подтверждают отсутствие сильного течения по Дарьялыку, так как при таком уклоне и большом дебите поток не мог бы замерзнуть.

Исходя из всего этого, мы склонны принять достоверность известия ал-Омари в XIV в. о том, что в то время г. Ургенч находился между двумя рукавами Джейхуна, похожими на шаровары[255]. Следовательно, В. В. Бартольд прав в том отношении, что считал главным рукавом реки тот, который протекал к югу от Ургенча[256]. По всей вероятности, северный проток по Эски-Укузу стал более слабым, но все же доходил до Аральского моря.

Искусственное торможение течения в районе верховьев Дарьялыка усиливало напор воды в Курдерский (Багдадский) канал, другими словами, стимулировало усиление напора воды в древнее (существовавшее до IX—X вв.) русло реки. С увеличением активности последнего слабело течение по Дарьялыку и увеличивалось заиление его верховьев. Возможно, что в XV в. течение по Эски-Укузу прекратилось, ибо к концу этого столетия обширная территория в западной части дельты от Миздахкана до Бакиргана[257] была запахана под пшеницу[258]. После того, как прекратилось течение по Эски-Укузу, низменные места (древний «Халиджан») освободились из-под воды и стали вполне пригодными для сева; в начале XVII в. туда провели искусственный канал[259].

В свое время А. И. Глуховской, отметив всю пользу, которую принесло ханству прекращение течения протоков Аму-Дарьи в Айбугирский залив («Халиджан» древности), так как дно бывшего залива, частично уже занятое под пашня, представляет хорошо пригодную для обработки почву, — в то же время подчеркивал опасность превращения всего этого района в пустыню, если воды Аму-Дарьи перестанут доходить до этой местности и поддерживать в ней влажность[260].

Что касается Уруи-Дарьи (участок Дарьялыка от Ургенча до Сарыкамыша)[261], то она в 1537 г. была многоводной, имела трудную переправу. Когда во время похода Дин-Мухаммеда и Ходжим-хана в Хорезм они из Дуруна прибыли в Куртиш, то при обсуждении дальнейшего

---

[253] Ф. П. Моргуненков, И. А. Севастьянов, Ирригационные перспективы Туркменской ССР, стр. 51.

[254] В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 61.

[255] В. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, 1884, стр. 242.

[256] В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 46.

[257] Абулгази, изд. Демезона, стр. 280.

[258] О способах использования старых озер и водоемов см. главу II настоящей работы.

[259] Абулгази, Указ. соч., стр. 280.

[260] А. И. Глуховской, Об исследованиях древнего русла Аму-Дарьи, ЗИРГО, т. XI, вып. I, 1875, стр. 1—2.

[261] А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, стр. 408.

плана действий выяснилось, что переправа через реку труднее, чем одоление самого противника[262].

Однако уже через 21 год после этого Дженкинсон сообщил, что этот проток иссяк.

Здесь мы вкратце вернемся к вопросу об изменении течения реки в монгольский период, привлекавшему, как говорилось выше, внимание многих исследователей.

В. В. Бартольд, глубоко уверенный в том, что Аму-Дарья впадала в Каспийское море, отстаивал это свое положение в полемике с де Гуйе; де Гуйе же, наоборот, утверждал, что Аму-Дарья с доисторических времен текла только в Аральское море[263].

В. В. Бартольд имел неопровержимые основания утверждать, что река повернула на запад. Однако он ошибался, доказывая существование течения по Узбою; источники, которые он считал достоверными и наименее компилятивными[264], в действительности не заслуживают такого высокого доверия.

Для уяснения вопроса сопоставим сообщения Хамдаллаха Казвини[265] со сведениями арабских географов X в. о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море.

Хамдаллах Казвини говорит: «Главный рукав Джейхуна, пройдя через Хорезм, низвергается с возвышения Хулм, который по-тюркски называют Гурлады («Шум»); шум его слышен на два, даже на три фарсаха; после этого река впадает в Хазарское море в местности Халиджан, где живут рыбаки. От Хорезма до моря шесть дней пути, длина реки 500 фарсахов. Эта река зимой покрывается таким толстым льдом, что некоторое время по нему могут проходить караваны»[266].

По сочинениям трех арабских географов X в. Ибн-Русте,[267] Истахри[268] и Ибн-Хаукаля[269], река Джейхун (Аму-Дарья) впадает в Хорезмское озеро в том месте, которое называется Халиджан и где живут рыбаки. К этому Ибн-Хаукаль добавляет, что зимой река замерзает настолько, что по льду проезжают навьюченные животные и она до пределов г. Хорезма покрывается льдом[270].

Хамдаллах Казвини, безусловно, был знаком с сочинениями арабских географов X в., особенно с трудом Ибн-Хаукаля. Однако упоминаемые им местности в устье Аму-Дарьи, у Аральского моря (Халиджан, место, где живут рыбаки, и др.), механически были перенесены Хамдаллахом Казвини к берегам Каспийского моря. К этим сведениям старых географов он добавил новые, уже современные ему, сведения о «Хулме» и «Гурлады», которые он связывает с устьем Аму-Дарьи, но уже у Каспийского моря. Бартольд и сам сомневается в достоверности некоторых сведений Казвини. Он пишет: «Некоторое сомнение возбуждает, во-первых, название местности Халиджан, во-вторых — указанное (у

---

[262] А б у л г а з и. Указ. соч., стр. 225.
[263] De Goeje, Das alte Bett des Oxus, Leiden, 1875, стр. 20—22.
[264] В. В. Б а р т о л ь д. К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море, ЗВОРАО, т. XIV, 1902, СПб., стр. I.
[265] Отрывок из نزهة القلوب приведенный В. В. Б а р т о л ь д о м в статье «Хафиз Абру и его сочинение», Сборник статей учеников бар. Розена, СПб., 1897.
[266] Сборник статей учеников бар. Розена «Ал-Музаффария», СПб., 1897, стр. 6.
[267] МИТТ, т. I, стр. 150.
[268] BGA, т. I, стр. 303.
[269] BGA, т. II, стр. 354.
[270] Там же.

Казвини. — *Я. Г.*) расстояние от Хорезма до «моря»: в шесть дней[271] можно было дойти от столицы Хорезма до Аральского моря (мы видели, что такое же определение расстояния дает Бекран[272]) или до Сарыкамыша, но никак не до Балханского залива»[273].

Хотя Хамдаллах Казвини и говорит о впадении Джейхуна в Хазарское (Каспийское) море, но это должно быть отнесено не к Каспийскому морю, а к Сарыкамышскому озеру. Местность Гурлады может быть отнесена к урочищу Декча, восточнее Сарыкамыша, где русло превращается в огромный глубокий овраг с отвесными, буквально, недоступными стенами.

В вопросе о существовании течения по Узбою В. В. Бартольд исходил из данных Захир-эд-дина ал-Мараши, который описывает отправление Тимуром сеидов из Мазандарана в Хорезм водным путем. «Когда августейший отряд прибыл в Сари, — пишет он, — то было приказано приготовить корабли в гаванях и отправить сеидов, посадив их на корабли, в Мавераннахр. Согласно высочайшему повелению, сеидов посадили на корабль, отвезли их в Огурчи и таким же образом по реке Джейхуну до определенного места, там высадили их и распределили всех их по различным областям, согласно инструкции»[274].

Этот весьма любопытный рассказ не оставляет сомнения в том, что низовья Узбоя были судоходными, по крайней мере, до Куртишского порога, а возможно, и еще ниже. В этой связи вспомним сообщения Г. С. Карелина о русле Ак-там, представляющем собой низовья Узбоя, длина которого равна 40 верстам. Оно наполнено водою, имеет до трех сажен глубины и доходило прежде до 160 сажен в ширину. «Течения в Ак-Таме нет, — писал Карелин, — вода его так солона, что, по утверждению туркмен, рыба, вгоняемая из залива сильными ветрами, в короткое время слепнет»[275].

На основании свидетельства Г. С. Карелина о верхних участках Ак-тама, а также по данным А. Кесь можно предположить, что морская вода периодически далеко заходит в Узбой[276].

П. А. Православлев, исследовавший в 1925 г. Каспийские отложения, пришел к выводу, что Сарынская трансгрессия Каспия в этих местах, когда уровень моря поднялся на 15 *м* выше современного, падает на XIV в. [277] Если это действительно имело место, то в XIV в. заход каспийских вод далеко в глубину долины Узбоя мог тянуться на значительное расстояние; не исключена возможность плавания по Каспию и до нижней половины Узбоя.

С другой стороны, мы не имеем никаких оснований отрицать возможность периодического стока из Сарыкамыша в Узбой в зависимости от уровня воды в Дарьялыке. Возможность таких прорывов в прошлом не исключается и результатами новейших географических исследований на Узбое[278].

---

[271] Здесь у Казвини речь идет не о днях пути, а о переходах: слово мархеле (مرحله) соответствует половине дневного пути (22—25 *км*).

[272] Мухаммед-ибн-Наджиб Бекран, автор «Джехан-намэ» (XII—XIIIвв.).

[273] В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 50—51.

[274] В. В. Бартольд, К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море, стр. 25.

[275] Путешествие Г. С. Карелина по Каспийскому морю, Записки РГО, т. X, СПб., 1883, стр. 409—410.

[276] А. Кесь, Русло Узбоя и его генезис, Труды Института географии АН СССР, 1939, стр. 64.

[277] Там же, стр. 88.

[278] Там же, стр. 112.

В. В. Бартольд в подтверждение существования течения по Узбою приводит рассказ Хондемира о скитаниях султана Хусейна Байкары между Астрабадом и Хорезмом. В первом из этих рассказов говорится, что Хусейн, спасаясь от Абу-саида, бежал из Астрабада в сторону Огурчи и в область Адак; однако дожди помешали войску Абу-саида преследовать бежавших, и Хусейн с пятью сотнями человек, через семь дней достигнув берега Аму-Дарьи (Дарьялыка), переправился на корабле и лодках[279].

В этом тексте нельзя видеть прямого указания на то, что беглецы достигли именно берегов Узбоя, а не Дарьялыка. Если исходить из быстроты передвижения конных отрядов по безводным пустыням, то семи дней было вполне достаточно, чтобы достигнуть берегов Дарьялыка.

Сухопутная дорога, о которой здесь идет речь, хорошо известна, как можно заключить по рассказам Абулгази. Она идет через колодцы Динар-Кудук на Куртиш и оттуда тем же сухим путем до берегов Дарьялыка. Через Дарьялык на лодках и кораблях переправлялись примерно в районе Кумкенда (Шемахи), между Ургенчем и Везиром[280].

Согласно второму рассказу того же Хондемира, в 1464 г. Хусейн снова должен был бежать из Астрабада на север; но тогда он заблудился и попал на путь, где близость моря и обилие грязи причинили ему и его войску много затруднений. Благополучно миновав эту местность, Хусейн было остановился, но преследование врагов заставило его идти дальше: через три-четыре дня он достиг Адака, откуда пришел к берегам Аму-Дарьи. Здесь он, узнав о враждебных намерениях Османа (сына Мухаммеда Суфи), переправился через Аму-Дарью и расположился на берегу протока Асаф-Укузи. Осман обратился в бегство; Хусейн занял Везир[281].

Судя по второму рассказу, Хусейн шел на Куртиш (путники, идущие из Хорасана и Астрабада, обычно останавливались на Куртише). Однако Хусейну это не удалось, и, заблудившись, он оказался в болотах, образовавшихся от глубокого захода морской воды в Узбой.

Фигурирующий в рассказе проток Асаф-Укузи встречается в источниках впервые. Если этот проток локализовать в районе к югу от Везира (Дев-Кескена), то можно считать его просто одним из ответвлений реки.

Приведем сведения Абулгази о прежнем течении Аму-Дарьи в Каспийское море, о туркменах и их взаимоотношениях с Хивинским ханством при Суфьян-хане. В них впервые встречаются данные о местах поселения туркменских племен и родов и об их занятиях.

По словам Абулгази, в XVI в. три туркменских рода — адакская группа хызр-эли, али-эли и тевачи — занимались земледелием на берегах Аму-Дарьи от Пешгаха до Кари-Кичита, от Кари-Кичита до Абулханских гор. С них взимали десятину урожая и одновременно обязали их платить подать со скота[282]. Это очень характерная деталь, сви-

[279] В. В. Бартольд, К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море, стр. 26.

[280] Абулгази, Указ. соч., стр. 221.

[281] Оба рассказа приведены В. В. Бартольдом в его работе «К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море», стр. 26—27.

[282] شجره ترك, изд. Демезона, стр. 210—211.

„آموسونك يقاسنده ايكن اولتورغان اوچ اوروق تركمان بارايردى حضرايلى‌نينك ادا قلسى على ايلى و تيوچى ايلى بولارنينك ايكين‌لارندن‌ده يك آلديلار تيوچى برلان على ايلينه مال هم سالوب آلديلار...“

Абулгази принимал Дарьялык за Узбой (Аму-Дарью).

детельствующая об образе жизни туркмен — скотоводов и земледельцев, пользующихся обширными пастбищами побережья Сарыкамыша и орошенных земель в низовьях Дарьялыка.

Туркменам трудно было вести полноценное земледельческое хозяйство, поскольку хивинские ханы и феодальная верхушка селили их в хвостовых частях каналов, где они не могли пользоваться водой в потребном количестве (в период вегетации вода до них не доходила, а в период уборки урожая вода, уже никому не нужная, сбрасывалась на их поля). Зачастую ханы по политическим соображениям вообще лишали их воды. Поэтому, чтобы обеспечить себе прожиточный минимум, даже осевшие на землю туркмены продолжали заниматься отгонным скотоводством.

«В Абулхане, — пишет Абулгази, — в то время жило туркменское племя эр-сари; Суфиян-хан отправил к ним человека с такими словами: «Божественный закон установил давать закят, потому вы должны давать из своего имения ежегодно закят; а я тогда не буду посылать от себя людей с тем, чтобы они насильственным путем собирали его».

Туркмены изъявили покорность хану и каждый год доставляли закят со своих имений. Так они делали в продолжение нескольких лет, но однажды проявили непокорность и убили сборщиков налога. Суфиян-хан решил их наказать и отправился в Абулхан.

«В это время переезд из Ургенча в Абулхан был таков, как переезд из одного аула в другой, так как река Аму от Ургенчской крепости текла к восточной стороне горы Абулхан, от подошвы этой горы она отклонялась к югу; отсюда текла на запад. Оттуда текла в Огурчи и впадала в Мазандаранское (Каспийское. — *Я. Г.*) море. На обоих сторонах Аму, до самой Огурчи были нивы, виноградники и деревья. Летом на возвышенных местах устанавливали чигири[283]; скотоводы из-за комаров и оводов уходили на дальние колодцы на расстояние двух переходов от берега реки. Осенью, когда не было комаров и оводов, они возвращались к берегу. Обработанность и плодородность страны была выше предела».

Туркмены, бежавшие от войск Суфиян-хана, заперлись в Чутаке[284]. Хан, когда его войско собралось, осадил Чутак. Осажденные сдались на милость Окатай-хана, который обложил туркмен данью в 40 000 овец ежегодно. Эту дань платили племена теке, иомуды, сарыки, эр-сари, составлявшие один урук «внешних салоров» (تاشقی سالور).

Через несколько лет после этих событий подать разложена была и на прочих туркмен соразмерно числу человек и количеству их скота. Это были племена внутренних салоров (ئچکی سالور) и — хасан-эли, игдир, чоудор, ушак, арабачи и гоклен. Подать составлялась из «бараткойи» (овец, раздаваемых нукерам за службу) и «казан-койи» (овец, поставляемых для ханского котла) общим числом в 58800 овец.

Сведения Абулгази о садах, посевах и виноградниках на Узбое вызывают серьёзные сомнения с точки зрения их правдоподобности. Орошения на берегах Узбоя не было никогда, а оседлые племена хизр-эли, али-эли и тевачи-эли в действительности сидели в низовьях

---

[283] Фраза «На возвышенных местах устанавливали чигири بلند یرلارگه چیقر قورورلار ایردی» —уточнена по рукописи Абулгази, № 217 ф. ИВ АН УзССР. В других рукописях, и особенно в изданной Демезоном, эта фраза совершенно искажена переписчиком.

[284] Чутак — недоступная возвышенность на северной стороне Абулхана. Расстояние между Чутаком и Абулханом три дня пути для конного.

Дарьялыка. Кроме того, туркмены-скотоводы на Абулхане, по-видимому, не зависели от течения Аму-Дарьи по Узбою, и их скотоводческие хозяйства развивались там на значительных родниковых ручьях.[285] У Абулгази Сарыкамыш совершенно не упоминается ни как озеро, ни как море. Упоминаемая им местность Адак не что иное как окрестности Сарыкамышского озера, подобно тому как в Южном Хорезме целая группа сбросовых озер называется «Аяккуль».

Де Гуйе в своих исследованиях путает Адак, Янги-Шахар и Янги-Кент[286]. Однако он справедливо отмечает «фантастические представления» Абулгази как о местностях по Узбою в начале XVI в., так и о времени усиления основного течения реки в Аральское море, основанные на легендах, распространенных среди населения спустя более чем сто лет после времени Суфьян-хана[287].

Из всего сказанного выше о расселении и о занятиях туркмен устанавливается очевидность факта течения Аму-Дарьи в XIII—XVI вв. в Сарыкамыш. Вместе с тем, факт существования в то время Сарыкамышского озера не исключает периодических кратковременных стоков излишков воды по Узбою, которые средневековые авторы считали впадением Аму-Дарьи в Каспийское море.

Результаты географических и археологических исследований также убеждают нас в том, что в исторические времена течения по Узбою не было. Берега Узбоя лишены всяких следов орошения и земледелия. Однако нельзя обойти факт существования явных следов земледельческой культуры на нескольких обширных участках внутри самого русла Узбоя[288].

Земледелие в пониженных местах, связанных со старыми руслами или озерами, встречается всюду в бассейне низовьев Аму-Дарьи; оно следует за прекращением доступа воды во впадины, где огромный запас влаги способствует выращиванию посевов с использованием ничтожных атмосферных осадков. Историкам и географам известно, что в XIX—XX вв. никакого земледелия в русле Узбоя не было; его нет и не может быть и в настоящее время. Следовательно, эти поля на дне Узбоя, разбитые на посевные участки, должны быть отнесены ко времени, непосредственно следовавшему за прекращением каждого из периодических стоков по Узбою, когда дно его не успело еще засохнуть и там можно было выращивать злаки. Поэтому нет никаких оснований приписывать следы этих посевов конденсации атмосферных осадков, так как, во-первых, по данным метеорологии, количество атмосферных осадков в данном районе совершенно ничтожно; во-вторых, песчаная почва берегов Узбоя не может способствовать накоплению атмосферных вод; в-третьих, зной и ветер, как истребители поверхностной влаги, не позволяли грунту на дне Узбоя пропитаться большим запасом влаги. Следы пашен, безусловно, надо связывать с временным прорывом из Сарыкамыша в Узбой.

На такое временное оживление, кроме того, указывает и сравнительно большое скопление туркменских племен в XIV—XV вв. в бассейне Узбоя. Появление здесь пресной воды могло привести их из Дешти Кипчака, Устюрта, Южной Туркмении и из Северного Ирана. На наш взгляд, исчезновение пресной воды в Узбое заставило эти

[285] Путешествие Г. С. Карелина по Каспийскому морю. Записки РГО, т. X, СПб., 1883, стр. 330—441.
[286] De Goeje, Das alte Bett des Oxus, Leiden, 1875, стр. 65.
[287] Там же, стр. 56.
[288] С. П. Толстов, Указ. соч., стр. 303.

туркменские племена концентрироваться на Мангышлаке, Абулхане и на землях Адака.

Все эти события могли быть связаны с восстановлением плотины «Фатьма-Хатун» примерно в Золотоордынский период, что привело к ослаблению Дарьялыка. Уничтожение плотины, по-видимому, уже не могло предотвратить угрожавшего благосостоянию районов Ургенча, Везира и т. д. бедствия — отсутствия воды, так как основное русло направлялось в сторону Курдера.

Путевые записки Дженкинсона в значительной мере освещают состояние Дарьялыка и Сарыкамыша во второй половине XVI в.

В 1558 г. Дженкинсон выехал из Москвы с охранными грамотами царя Ивана IV. Он ехал по р. Волге до г. Астрахани, оттуда на корабле переплыл Каспийское море и высадился на полуострове Мангышлак. С ним вместе ехали хаджи (паломники в Мекку), купцы из Мавераннахра и персы.

«...Мы послали здесь, — пишет Дженкинсон, — несколько наших людей на берег поговорить с правителем и с народом, чтобы нам было обеспечено хорошее обращение с их стороны и чтобы возможно было запастись верблюдами для доставки наших товаров в место, называемое Селлизюр (Sellisure)[289], находящееся в 25 днях пути от места нашей высадки». Через несколько дней они достигли Мангышлака, находившегося во владении Тимур-султана[290].

«...Этот султан обитал в степи, а не в замке и не в городе и сидел, когда я был у него, в маленьком круглом домике из камыша, обитом снаружи войлоком, а внутри коврами. С ним был великий митрополит этой дикой страны, столь же чтимый народом, как римский епископ чтим в большей части Европы, и несколько других важных его сановников. Простившись, я уехал, догнал наш караван, и мы продолжали наше путешествие, пройдя 20 дней по пустыне, от самого берега моря не видя ни городов, ни жилищ и везя с собою съестные припасы на все это время... В течение этих 20 дней мы не находили другой воды, кроме той, которую добывали в старинных глубоких колодцах, солоноватую и совсем соленую, а иногда дня по два, по три оставались и без такой воды. 5 октября мы снова подошли к заливу Каспийского моря, где нашли свежую пресную воду. У этого залива нас встретили таможенники короля туркменов, которые взяли с нас в качестве сборов по одной вещи с каждых 25 и семь девяток в пользу своего короля и его братьев.[291] Получив все, они уехали, мы же остались здесь еще день для отдыха.

Надо отметить, что в прошлые времена великая река Оксус впадала в этот залив Каспийского моря; она берет начало в горах Паропамиза (Parapomisus) в Индии; теперь она не доходит так далеко, но

---

[289] Шехри-Везир — по определению С. П. Толстова (См. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 53). Сб. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», Перевод с английского Ю. В. Готье, Л., 1937, стр. 167.

[290] По Абулгази, Ходжи Мухаммед (Ходжим)-хана узбекские султаны возвели на престол в г. Везире в 965 г. х. (1558 г.); Ургенч, Хазарасп и Кят передали Али-султану; половину г. Хивы, а также Улу-Туба, туркменов кунеш отделили во владение Пулад-султана. Другую половину г. Хивы и туркменское племя карабекаул отдали во владения Тимур-султана (Указ. соч., стр. 336—337).

Из всего этого можно заключить, что туркмены карабекаул проживали на Мангышлаке. Тимур-султан сам сидел на Мангышлаке, и в Хиве от его имени собирали подати лишь его ставленники.

[291] Слова Дженкинсона соответствуют действительности, так как Абулгази сообщает, что «Махмуд-султан, брат Ходжим-хана, находился при нем в Везире» (Абулгази, Указ. соч., стр. 237).

впадает в другую реку по имени Ардок, которая течет на север и уходит в землю; протекая под землею более 500 миль, она снова выходит наружу и впадает в озеро Китай[292]. Отдохнув у сказанного выше залива, мы отправились оттуда четвертого октября, а седьмого октября прибыли в крепость, называемую Селлизюр (Шехри-Везир. — *Я. Г.*), где пребывал король по имени Азим-хан (Хаджим-хан. — *Я. Г.*) с тремя другими своими братьями.[293]

«...Крепость Селлизюр расположена на высоком холме; здесь живет король, называемый ханом. Его дворец состоит из низеньких, длинных, не очень прочных построек. Жители бедны и почти не ведут торговли.

Южная часть крепости расположена на низкой, но очень плодородной земле;[294] здесь растет много прекрасных плодов, из которых один, называемый дыней (Dynie), отличается большими размерами и наполнен соком; жители едят его вместо напитка после еды[295]. Есть здесь и другой плод, называемый арбузом (Carbuse), величиной с большой огурец(?!), желтый и сладкий, как сахар[296], а также хлебное растение, называемое негур (iegur)[297], стебель которого очень похож на стебель сахарного тростника и такой же высоты, как последний; зерна его похожи на рис и растут на верхушке стебля, подобно кистям винограда. Вода, которой пользуется вся эта страна, берется из каналов, проведенных из реки Оксуса к великому истощению этой реки; вот почему она не впадает больше в Каспийское море, как в минувшие времена. В недалеком времени вся эта страна будет, наверное, разорена и станет пустыней из-за недостатка воды, когда нехватит вод Оксуса.

14 октября мы выехали из этой крепости Селлизюра, а 16-го того же месяца прибыли в город по имени Ургенч (Urgence), где заплатили пошлины как со своих голов, так и с голов наших верблюдов и лошадей...

...Город Ургенч стоит на равнине и обнесен земляными стенами окружностью около 4 миль. Здания также земляные, но разваливающиеся и в беспорядочном состоянии; одна длинная улица крыта сверху; она служит им рынком. Четыре раза за семь лет город переходит из рук в руки вследствие междуусобных войн; поэтому в нем очень мало купцов и те очень бедны; во всем городе я смог продать только четыре куска каразеи. Главнейшие товары, которые здесь продают,—это те, которые привозят из Бухары или Персии, но их так мало, что не сто-

---

[292] Здесь мы вполне солидарны с замечанием А. Каульбарса о том, что «исчезновение большой реки на плоской песчаной местности трудно допустить и нельзя ли объяснить это обстоятельство тем, что река, как мы это и теперь видим с Аму-Дарьей, исчезла не в песках, а в обширных разливах, поросших камышом. Дженкинсон мог быть введен в подобное заблуждение переводчиками» (А. В. Каульбарс. Низовья Аму-Дарьи, стр. 448, прим. 258). Если сюда добавить сообщение Муниса—Агехи о том, что «Аму-Дарья в эпоху Хаджим-хана затопила местность Даукара и через нее впадала в море», то предположение А. Каульбарса еще более приближается к действительности.

[293] Кроме Махмуд-султана, там могли быть еще два сына Окатай-хана (братья Хаджим-хана) — Аллакули и Сулейман, о которых упоминает Абулгази (Указ. соч., стр. 236).

[294] По описанию С. П. Толстова, у подножия холма Дев-Кескена расположена обширная территория «нижнего города» и другие остатки поселения XVI—XVII вв. (С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 53).

[295] Речь идет об арбузе, который он перепутал с персидским термином «харбуза» (дыня).

[296] Имеется в виду тыква.

[297] Джугара; переводчик и комментатор неправильно считают, что это, вероятно, кунжут (Сб. «Английские путешественники о Московском государстве», примечание к стр. 177).

ит и писать. Вся страна от Каспийского моря до этого города Ургенча называется страной туркменов и подвластна вышеупомянутому Азим (Хаджим.— *Я. Г.*)-хану и его братьям, числом пять. Один из них именуется главным королем или ханом, но ему плохо повинуются за пределами его собственных владений и того места, где он живет, ибо каждый желает быть самостоятельным королем в своей части...

...26 ноября мы выехали из города Ургенча и, проехав по Оксусу 100 миль, вошли в другую большую реку Ардок, причем мы тут заплатили некоторую небольшую[298] пошлину. Ардок—большая и очень быстрая река, вытекает из Оксуса и течет около 1000[299] миль к северу...

...Седьмого следующего месяца, декабря, мы приехали к замку (городу), называемому Кайт (Kait), подвластному одному султану по имени Сарамет-султан, который намеревался ограбить всех христиан в нашем караване, если бы не боялся своего брата, короля Ургенча (Али-султана)[300].

Из описания Дженкинсона можно сделать следующие выводы:

1. В 1558 г. Сарыкамыш уже не представлял собой бурного «Карантенгиза»[301], как во времена походов Шейбани-хана на Адак в конце XV в., но превратился в тихое пресное озеро, питавшееся из Дарьялыка.

2. Течение по Дарьялыку постепенно затухало и кое-как поддерживало земледелие в его низовьях, где возможно было сеять джугару, разводить дыню, тыкву и т. п. культуры.

3. Ардак — современное русло реки, протекающее между Ходжейли и Нукусом, соответствующее древнему Курдерскому руслу; оно проложило себе этот новый путь не в 1573 г., как на это указывает Абулгази, а гораздо раньше; по крайней мере, в 1558 г. «Ардок» Дженкинсона как основное русло действовал в полной силе.

Абулгази сообщает несколько иные сведения в связи со своими автобиографическими данными. Он пишет: «За тридцать лет до моего рождения[302] река Аму проложила себе русло через тугай, названный Карайгир, расположенный выше башни «Хаст-Минар»; протекая дальше, она доходила до крепости Тук[303] и затем впадала в море Сыр[304], и по этой причине Ургенч лишился воды[305]. Несмотря на это, жители Ургенча все же не покинули его; летом воины во главе с ханом уходили на берега Аму-Дарьи и там на удобных землях занимались посевом. После снятия урожая они возвращались в Ургенч[306]. Весной того же года, в котором я родился, семнадцать человек ездили в Россию по торговым делам. В местности Кош-Яйик на них напал отряд русских казаков из тысячи человек. От этих купцов казаки узнали, что в г. Ургенче нет войска.

Этот отряд русских казаков незаметным образом прибыл в Ургенч и разграбил город. Араб Мухаммед-хан был в это время в г. Хиве. Узнав об этом, он выступил на Ургенч. Казаки оставили город и направились к реке. Араб Мухаммед-хан прошел вперед, вырыл ров и устроил барри-

[298] Небольшая, потому что Кят принадлежал тому же Али-султану (Абулгази, Указ. соч., стр. 236).

[299] Противоречие — выше он писал 500 миль.

[300] Английские путешественники о Московском государстве, стр. 174—179.

[301] В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 80.

[302] По его словам, он родился в Ургенче в 1014 (1603) г. х.

[303] توك قلعەسى

[304] سر تنكزينه

[305] اول سبيدين اوركنج چول بولويدى

[306] Абулгази, изд. Демезона, стр. 291—292.

каду[307]. Два дня сражались, казаки разгромили баррикаду и пошли дальше. Войска хана хотели задержать казаков в этих пустынных местах и истребить их, истомив жаждой.

Они боялись того, что если казаки доберутся до воды (до реки.— *Я.Г.*), то они за один день построят крепость в тугае... У казаков запас воды кончился и, истомленные жаждой, они не были в состоянии выходить из ограды: их истребили, только отряд в 100 человек проскользнул и добрался до берега Аму-Дарьи, там порубил (тугайный) лес, построил крепость и питался рыбой»[308].

Слова Абулгази об изменении русла в 1573 г., как мы видели выше, не соответствуют действительности: изменение русла, по-видимому, произошло гораздо раньше.

Мунис также упоминает об изменении русла; говоря об Аральском море, он дает следующее разъяснение: «Его называют Бахр-и-Хорезм. В заключительной части книги «Раузат-ас-Сафа» его окружность определена в сто фарсахов.— а теперь, говорят, более, чем в двести фарсахов. Прежде, до превращения Хорезма (Ургенча.— *Я.Г.*) в пустыню, река Аму, известная также под названием реки Балха и р. Хорезма, и Джейхуна, протекала подле старого Ургенча; доходила до восточных отрогов Балханских гор, омывала их с юга и поворачивала на запад, затем через Огурчи впадала в Мазандеранское (Каспийское.— *Я.Г.*) море. Только река (или проток.— *Я. Г.*) Халадж[309], известная также под названием Кок-Узяк, впадала в это (Аральское.— *Я. Г.*) море. В 986 (1578) году в период царствования Ходжим-хана р. Аму изменила свое течение: она в тугае Караайгир выше Хаст-Минара проложила себе новое русло: протекая мимо крепости Тук, впадала в это (Аральское) море»[310].

Хивинский историк XIX в. Худайберды Кош-Мухаммед приурочивает этот поворот реки к 984 (1575) г.[311].

Мунис подчеркивает, что р. Халадж, или Кок-Узяк, в то время впадала в Аральское море. Если автор имеет в виду окончательное прекращение течения по Дарьялыку, то это совпадает с показаниями Дженкинсона об Ардаке. Иначе это следует отнести к слухам о временах более отдаленных, связанным скорее всего с туманными известиями о канале Курдер X в. и о канале Багдад XIV в.

Прежде чем уточнить местонахождение тугая Караайгир, необходимо еще раз обратить внимание на слова Ибн-Русте о том, что (река) Джейхун проходит мимо столицы Хорезма. Севернее столицы из Джейхуна выходят справа и слева каналы и протоки, из которых приблизительно в четырех фарсахах ниже города образуются болота, заросли и луга: «...затем он (Джейхун.— *Я. Г.*) течет по прямому направлению от города Хорезма между Джурджанией и Миздахканом»[312]. Истахри отмечает, что «у Кардара есть канал, берущий (воду) ниже главного города (Кята.— *Я. Г.*) в четырех фарсахах из четырех мест поблизости друг от друга...Говорят, что русло Джейхуна было в этом месте, и когда вода в Джейхуне убывает, она убывает и в этом канале»[313].

---

[307] چبب

[308] Абулгази, Указ. соч., стр. 274.

[309] نهر حلج (Мунис, Указ. соч., стр. 244).

[310] Мунис — Агехи فردوس الاقبال ркп. Е—6, л. 241.

[311] Худайберды Кош-Мухаммед, دل غرائب ркп. ИВАН УзССР, л. 44; сообщения Мунис—Агехи и Худайберды Кош-Мухаммеда носят в значительной степени компилятивный характер.

[312] МИТТ, т. I, стр. 150.

[313] Там же, стр. 179.

Слова Ибн-Русте — «затем он течет по прямому направлению от г. Хорезма (Кята.— *Я. Г.*)»[314] — надо понимать так, что река по диагонали направляется от города в сторону Куня-Ургенча и проходит между современными селениями Бий-базар и Шаббаз. При таком решении вопроса не будет разногласий между данными современной геологии, географии, гидрологии[315] и данными исторических источников.

Канал Курдер, у Истахри берущий начало в четырех фарсахах ниже Кята, надо связать со сведениями Ибн-Русте о протоках, отходящих направо и налево от Аму-Дарьи, из которых приблизительно в четырех фарсахах ниже г. Хорезма образуются болота. Здесь Ибн-Русте, очевидно, имеет в виду старое Курдерское русло, о котором сообщает Истахри. Проток образовал водоем перед горами Султан-Уиз-дага, из которого, вероятно, и выводили канал, обеспечивавший благосостояние большой части нижней дельты.

По рассказам Абулгази, к концу XVI в. районы Ургенча, Везира и Адака остались без воды. Посевы засевались у побережья Аму-Дарьи в районе к северу и к северо-востоку от современного Ходжейли. Это вынудило расширить район орошаемых земель; по словам Абулгази, его отец, Араб-Мухаммед, в 1602 г. в местности выше крепости Тук вывел канал, которым орошались земли западной части дельты до широты ниже г. Кунграда, и там собирали большой урожай пшеницы. После жатвы туда пускали воду, а в сентябре снова закрывали голову канала. Через несколько лет этот канал превратился в большой проток и его воды частично изливались в Аральское море[316].

Какой водой пользовался сам город Ургенч с его многочисленным населением? Быть может, жители Ургенча пользовались водой колодцев, вырытых в русле Дарьялыка[317]; или их выручали глубокие колодцы внутри города? Во всяком случае, в то время канал «Каан-Укуз»[318], или «Оби-Каун»[319], протекавший параллельно Дарьялыку, но только по северной стороне Ургенча, уже не существовал. Он упоминается источниками XIV-XV вв. приблизительно на месте Хан-яба. Несомненно, он тогда был и основным источником водоснабжения района Ургенча до селения Кумкенд.

С приходом в Хорезм кочевых узбеков страна попала в еще более тяжелое положение; Ильбарс-хан и султан Бильбарс, овладев Везиром

---

[314] BGA, т. VII, Leyden, 1892, стр. 91.

[315] Б. М. Георгиевский, Южный Хорезм, Ташкент, 1937 (см. геологическую карту Южного Хорезма); А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, стр. 387, карта 1873 г.; Н. Г. Петрусевич, Предварительный отчет об исследовании Дарьялыка (Узбоя) и местности между Аму-Дарьею и Сары-Камышем, Записки КОРГО, отдельный оттиск, 1883; А. Гедройц, Предварительный отчет о геологических исследованиях на сухих руслах Аму-Дарьи, ИРГО, XVIII, 1882, стр. 93—94; В. Цинзерлинг. Орошение на Аму-Дарье, М., 1927, стр. 390 (там же графические приложения); Н. А. Северцов, О результатах физико-географических наблюдений в Арало-Каспийских степях в 1874 г., ИРГО, XI, СПб., 1876, стр. 223.

[316] Абулгази, Указ. соч., стр. 280.

[317] При осаде г. Везира в 1593 г. осаждавшие войска вырыли колодцы вдоль прежнего русла реки (Дарьялыка), вследствие чего в нем вновь появились струйки воды. Однако из-за зноя вода быстро иссякла. Во время осады Везира вода оставалась только во рву крепости и этой водой пользовались как осажденные, так и осаждавшие, однако скоро иссякла и она (В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 93—94).

[318] Шереф-эд-дин Иезди ظفرنامه, т. I, стр. 238—239.

[319] В. В. Бартольд указывает, что Мусеви называет его «Каган Оузы» (В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 68, прим. 1).

и Ургенчем, пригласили к себе своих двоюродных братьев из того же дома Ядгар-хана.

Ильбарс-хан остался сам в Везире, Ургенч же предоставил сыновьям своего дяди — Аменг-хана, набеги которых вынудили иранские гарнизоны в начале XVI в. покинуть Южный Хорезм.

Теперь узбеки из дома Абулхайр-хана в Мавераннахре, сплоченные сперва вокруг Шейбани-хана, а затем Убайдулла-хана, и узбеки из дома Ядгар-хана в Хорезме начали теснить иранцев также и в Хорасане и Астрабаде.

Узбекские ханы Хорезма постоянными набегами на Мангышлак, Абулхан, Дурун, Астрабад и другие места добились установления своей власти над туркменскими племенами. Однако среди хорезмских царевичей разгорелась междоусобица. В своей борьбе они часто обращались за помощью к шейбанидам. Это давало возможность бухарскому хану Убайдулле вмешиваться во внутренние дела Хорезма. В конце концов, Убайдулла-хан, организовав в 1537 г. поход на Хорезм, овладел Ургенчем; многие члены царствующего дома во главе с Аванеш-ханом были перебиты. Убайдулла-хан передал управление Хорезмом своему сыну Абдул-Азизу, обложил население Хорезма тяжелой податью, разделил узбекские роды на четыре группы и расселил их в разных областях: Бухаре, Самарканде, Гиссаре и т. д.

Хорезмские царевичи вступили в заговор, чтобы, объединив силы, выступить против Абдул-Азиза. Убайдулла-хан вновь двинул свои войска на Хорезм. Битва между бухарцами и хорезмийцами произошла в местности Кардан-хас (Кардаран-хас), между Хазараспом и Хивой. Хорезмийцы, несмотря на свои ничтожные силы, разгромили большую армию бухарцев и вынудили Убайдуллу-хана отказаться от претензий на Хорезм и вернуть всех хорезмийцев, уведенных им в плен после первого похода. Таким образом, Хорезм уже через год стал снова самостоятельным.

Однако междоусобные войны в стране не прекратились; города Ургенч, Кят, Везир, Янги-Шахар, Терсек, Хива, Хазарасп с прилегающими районами составляли удел царевичей правящего дома. Иногда один и тот же город, в зависимости от доходности, отдавался в удел двум царевичам. Так, г. Хива в начале второй половины XVI в. считался уделом Пулад-султана и Тимур-султана[320].

Ханы и султаны имели при себе наемные войска — нукеров, на содержание которых, а также на личные расходы правителей расходовались подати, собираемые у земледельческого и скотоводческого населения. Каждый хан или султан кичился количеством нукеров и щедростью в отношении последних. У туркменских племен-скотоводов ежегодно собирали 100 000 голов податных (берат) и 10 000 голов шиланных (для угощения в ставке правителей) овец[321]. Податных овец раздавали нукерам. По словам Абулгази, рядовой нукер Али-султана ежегодно получал 16 овец[322]. При дворе каждого из этих удельных правителей жили служители различных чинов, составлявшие свиту местного правителя. Среди них были служители культа, сокольничие, оружейники, музыканты, воинские чины, мирабы, писари, гости (часто беглецы из других стран) и т. п. Во дворце варили «шилан» (ежедневное угощение во дворце правителя).

[320] Абулгази. Указ. соч., стр. 273.
[321] Абулгази. Указ. соч., стр. 209—211.
[322] Там же, стр. 244.

Основную массу нукеров составляли узбеки и туркмены; и те и другие жили кочевой и полукочевой жизнью. Нукеры со своими семьями и стадами жили неподалеку от ставки своих правителей и расселялись временно на берегах рек и каналов, вытаптывали пашни земледельцев и притесняли их самих. Часть нукеров оседала на земле, сеяла пшеницу, просо, джугару, дыни, тыквы и т. п.

Царевичи часто вступали в борьбу между собой за более доходные уделы. Так, например, Ургенч за семь лет переходил из рук в руки четыре раза[323].

Удельная система правления не стимулировала стремления к объединению и привела к разорению и падению народного хозяйства такой плодородной страны, как Хорезм. У подданных брали все, что у них можно было взять, за их счет кормили нукеров и содержали двор. Если для этого не хватало «внутренних ресурсов», то устраивали набеги за добычей в области Южной Туркмении и Северного Ирана[324].

Во второй половине XVI в. положение несколько изменилось; во главе Хорезмского ханства стал Хаджим-хан (1558—1602), сын Окатай-хана. На некоторое время в Хорезме установилась относительно мирная жизнь. Хаджи (паломники в Мекку) и купцы из Мавераннахра стали проезжать через Ургенч на Мангышлак, откуда по Каспийскому морю попадали в Ширван[325]. Были налажены взаимоотношения с сефевидским Ираном, сделаны попытки к организации нормальных отношений с Московским государством.

В 1593 г. Абдулла-хан (хан Мавераннахра) завоевал Хорезм. Хаджим-хан делал попытки восстановить свою власть, но успел в этом только после смерти Абдулла-хана в 1598 г.

У Абулгази встречаются названия двух новых каналов — Янги-Арыка[326] и Ташлы-Ярмыша, прорытого Али-султаном (1558—1567) во время его управления Ургенчем и Кятом. Голову этого канала можно ориентировочно определить как по названию самого канала, так и по некоторым указаниям Абулгази.

Так, в 1621 г. Абулгази, отправляясь из Кята в Ургенч, встретил своего отца Араб-Мухаммеда около Хаст-Минара (к северу от Гурлена). Выступив оттуда вместе на следующий день, они остановились в местности Ички-Куми. На следующий день они достигли истока канала Ташлы-Ярмыш, где и остановились[327]. Это расстояние более чем в 60 *км* вдоль Аму-Дарьи приводит нас к истоку канала Суанли возле Тахия-Таша, в 15—17 *км* выше г. Ходжейли, где находятся головы позднего Лаузана.

Канал Ташлы-Ярмыш можно считать руслом восстановленного канала, одного из ранее орошавших район, прилегающий к Ходжейли и Айбугиру, о которых, как мы видели выше, упоминается в вакуфном документе Тимура Кутлука.

Само название «Ташлы-Ярмыш» (прорытый в каменистой местности) заставляет искать его голову на урочище Тахия-Таш. Слова[328] Абулгази позволяют заключить, что канал Араб-Мухаммеда, вырытый в 1602 г., служил для расширения посевной площади. В документе Тимура Кутлука отмечается, что эти земли заняты были под посевы пше-

[323] Английские путешественники..., стр. 177.
[324] Абулгази, Указ. соч., стр. 211.
[325] Там же, стр. 257.
[326] Там же, стр. 256.
[327] Там же, стр. 286.
[328] См. нашу главу I и В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 94.

ницы. Следовательно, Ташлы-Ярмыш в XVI в. (Суанли, Севгенли в XIX в.) мог быть проведен для поддержания посевов в южной и юго-восточной части Айбугирского района.

Весьма экстенсивный характер земледелия на месте бывших Айбугирских водоёмов в западной части нижней дельты, большая нужда страны в хлебе и вместе с тем высокий спрос на хлеб со стороны окружающих кочевников заставили хивинских ханов обратить внимание на развитие земледелия на этом участке.

«За год до моего рождения, — пишет Абулгази, — наш хан (Араб-Мухаммед. — *Я. Г.*) с местности, расположенной выше крепости Тук, вывел канал, который через несколько лет расширился на расстояние больше полета стрелы. Концы канала дошли до Куйгуна и оттуда вливались в соленое (Аральское. — *Я. Г.*) море. Местность засевалась исключительно пшеницей»[329].

Место головы канала Араб-Мухаммеда можно установить лишь ориентировочно. Крепость Тук (Ток), как сообщалось выше, расположена в 10—12 *км* к северо-западу от г. Нукуса и представляет собой высокий естественный бугор с остатками укреплений на его вершине. Она впервые упоминается у Абулгази под названием «крепости Тука»; по свидетельству самого Абулгази, в начале первой половины XVI в. населения в Туке и его окрестностях уже не было[330]. Только в конце того же столетия в связи с изменением течения Аму-Дарьи наблюдается значительное оживление района Тук как по правому, так и по левому берегу реки. Но крепость на вершине Тука бездействовала. В начале второй половины XVI в. кочевое население, составлявшее военные силы хивинских ханов, жило около Ургенча и Везира[331]. В повествовании о событиях 1604 г. говорится о грабеже калмыками населения, сидевшего от оз. Ходжакуль до Тука[332]. В период царствования Асфендияр-хана (1623—1642) ввиду безводности района Ургенча резиденция правителя Ургенча была перенесена на левое побережье Аму-Дарьи, на урочище против Тука, где была построена крепость[333].

Если учесть историческую и стратегическую важность Ходжейлинской переправы, можно предположить, что эта крепость вполне могла быть расположена напротив Тука, на месте современного города Ходжейли.

На карте Хорезма, составленной в 1873 г., на левом берегу выше Тука обозначено широкое сухое русло протока Чимбай Узяк. Проток (Узяк) имеет западное направление и впадает в озеро Минчаклы, откуда вытекает другой проток, равный первому. Найти сухое русло канала Араб-Мухаммеда невозможно, так как топография нижней дельты неустойчива и местоположение протоков меняется с древнейших времен вплоть до сегодняшнего дня.

Янги-Арык, выведенный из Палван-Яба и орошающий Янгиарыкский район Южного Хорезма, впервые упоминается в связи с походом Абдулла-хана в 1575 г.[334] Само название (Новый канал) говорит о сравнительно недавнем его происхождении.

---

[329] Абулгази, *Указ. соч., стр.* 280.
[330] Абулгази, Указ. соч., стр. 230.
[331] Там же.
[332] Там же, стр. 275.
[333] Там же, стр. 300. آموسوی‌ننگ قبله طرفنده توك قلعه‌سی‌نینگ روی برونده قلعه سالب اندا اولتوریب ایردوك"
[334] Абулгази, Указ. соч., стр. 251.

Перейдем теперь к рассмотрению географического и хозяйственного положения нижней дельты Аму-Дарьи в XVI в.

В предыдущих главах мы останавливались на состоянии дельты до X в. (во время действия Курдерского русла), после X в. (при Ибн-Русте, Истахри и Макдиси) и в XIV в., когда на месте канала Курдер возник канал Багдад (или Багдадик). К середине XVI в. основное течение снова перешло в старое Курдерское русло и, дойдя до Тука, направилось мимо него в Аральское море. Мунис, как уже отмечалось выше, указывал, что во времена впадения Аму-Дарьи в Каспийское море, в Аральское море впадал единственный ее проток Нахр-и-Халадж, или Кок-Узяк. Очевидно, Мунис имеет в виду состояние канала Багдад в середине XVI в., когда он из канала постепенно превращается в проток Ардак. В другом месте Мунис, описывая Даукаринскую низменность в восточной части дельты, говорит следующее: «Со времени Хаджим-хана (1558—1602) до времени Мухаммед Эмин Инака (1755—1790) Таукара (Даукара. — *Я. Г.*) была большим морем; окружность его достигала приблизительно 30 фарсахов (около 200 *км*). Большая часть вод Кок-Узяка впадала в это море. По приказанию Мухаммед Эмин Инака, население тех местностей, особенно племена канглы и кипчак, преградили сток воды в это море. В годы правления эмира Эваз Инака (1790—1804) море высохло и земли, занятые им, стали пригодными для посевов»[325]. Вполне возможно, что описываемая картина соответствует действительности. Наши наблюдения над городищем Багдад в 18 *км* к северо-востоку от Чимбая и в прилегающих районах подтвердили грандиозные размеры разливов, охвативших окрестности Багдада. Даукаринская низменность носит следы неоднократных больших затоплений, когда излишки вод, не успевавшие изливаться по протоку Янысу, направлялись далеко на восток по древнему протоку Киндиксай (средний проток) или Кыркчраук.[326]

В связи с направлением течения Аму-Дарьи по руслу Курдера в XVI в. там могли образоваться большие разливы. По Абулгази, новое основное русло в XVI в. прошло мимо бугра Тук-Калы; следовательно, исключается всякое предположение о том, что все течение реки направилось по Кок-Узяку и его протокам, так как Кок-Узяк находился значительно выше Тук-Калы. Затопление Даукары могло произойти лишь при большой активизации протока Кок-Узяк, связанной с общим усилением течения реки по этому своему прежнему руслу.

Однако сообщение Муниса о постоянном затоплении Даукары не подтверждается. В начале сороковых годов XVIII в. проезжавшие здесь русские путешественники Гладышев, Муравин и Данилевский оставили описание пути от низовьев Сыр-Дарьи в Хиву по периферии Даукаринской низменности. Ни в описании их пути, ни на карте, составленной по ним, Даукара не представляла собой моря; описываются находившиеся там отдельные озера, пашни, городки, сухие и действующие каналы[327].

Сведения русских путешественников и Муниса относятся к более раннему периоду, чем время правления Аллакули-хана, который, как ему приписывают источники, дал разрешение на прорытие канала Куванш-Джармы[328].

---

[325] Мунис—Агехи, Указ. соч., л. 159.

[326] Там же, л. 84—85.

[327] Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 годах Гладышевым и Муравиным, СПб., 1851, стр. 60—64.

[328] А. В. Каульбарс, Указ. соч., стр. 45.

Г. И. Данилевский, посетивший Хорезм в последнем году царствования Аллакули (1842 г.), пишет, что Даукара — озеро, лежащее по правой стороне Аму-Дарьи, образуемое, как и Айбугирское, рукавами реки. Наибольшая длина его 120 верст. Берега его плоски; северный берег его примыкает вплотную к морю и почти сливается с ним. Выходящие с правой стороны Аму-Дарьи рукава Кок-Узяк и Карабойли впадают в озеро на расстоянии 25 верст друг от друга[339].

В литературе конца XIX в. Даукара фигурирует уже как низменность, земли которой орошает канал Куванш-Джарма, излишек воды которого образует цепь сравнительно небольших озер. Избыток воды в эти озерах сбрасывается в Аральское море по протоку Яныс[340].

В 1945 г. старожилы Даукары упоминали о многократном затоплении местности; так, например, по их словам, в 1910 г. сообщение между аулами было возможно только на лодках. При этом каждый раз вода уходила далеко на восток по Киндиксаю, переливалась через бугуты (плотины), возведенные на нем в разные времена. Каульбарсу в свое время удалось собрать множество любопытных рассказов о периодических разливах на Даукаре[341].

Не считая возможного древнего затопления Даукары в курдерский период, мы наблюдаем ясную картину периодических затоплений и осушений этой огромной плодородной низменности в позднем средневековье. При этом нужно отметить, что хивинские ханы и сами, по-видимому, затопляли Даукару, когда обострялись их взаимоотношения с земледельческими и скотоводческими племенами восточной дельты, в частности с каракалпаками.

Даукара, возможно, пережила несколько периодов затопления.

Мунис сообщает о первом из них, имевшем место в XVI в. Сведения Мунисa об осушении Даукары при Эваз Инаке (1790—1804) относятся, по всей вероятности, ко второму, а может быть и третьему, периодическому затоплению.

Гладышев и Муравин посетили эту низменность значительно позже, когда весь район уже был осушен и заселен.

Во время проезда Г. И. Данилевского (1842 г.) Даукара снова была покрыта сплошными разливами, причем размеры этого водоема, видимо, соответствовали данным, приведенным Муниcом.

Мунис сообщает также ряд подробностей о нижней дельте Аму-Дарьи и о восточном дельтовом протоке, называемом Укуз-Кеткен, Кыркраук, Кок-Узяк и Нахр-и-Халадж. Сомнительна возможность отождествить этот последний с восточным протоком, это скорее Курдер (Кегейли). Это название упоминается в связи с изменением русла Аму-Дарьи в XVI в., в дальнейшем же при описании путей и местностей по восточному протоку это название вообще уже не повторяется. Поэтому возникает вопрос, не был ли канал Курдер впоследствии переименован в Нахр-и-Халадж[342].

---

[339] Г. И. Данилевский. Описание Хивинского ханства, Записки РГО, кн. V, СПб., стр. 78—79.

[340] А. В. Каульбарс. Низовья Аму-Дарьи, стр. 76.

[341] Там же, стр. 479; см. также стр. 44—45, где сообщается о борьбе с разливами Даукары при помощи плотины.

[342] Халадж—название большого тюркского племени, часто встречающееся у арабских авторов IX—X вв. и еще в древности проникшее на территорию Хорасана. Неизвестно, откуда взял Мунис это название канала, жили ли когда-нибудь халаджи на нижней дельте Аму-Дарьи; если это в какой-то мере соответствует действительности, то не имеет ли название местности Халиджан в X в. какое-то отношение к этим халаджам.

Мы располагаем пока еще весьма отдаленными друг от друга (как по времени, так и по территории) географическими названиями и не находим возможности строить на этом материале какие-нибудь серьезные выводы. Название «Укуз-Кеткен» (что в переводе значит «русло, по которому прорвалась река Укуз») говорит о естественном происхождении этого протока. Қыркқраук, на основании сведений Муниса, полностью отождествляется с Укуз-Кеткеном, и голова этого протока локализуется им на месте современной Куванш-Джармы, что соответствует старой голове Қыз-Кеткена около г. Нукуса. Кок-Узяк также соответствует Укуз-Кеткену[343].

По описанию Каульбарса, в 220 саженях ниже истоков Кок-Узяка находился другой проток, который в 18 *км* от своих истоков соединялся с протоком Кок-Узяк, после чего получал новое название «Куванш-Джарма». Название это, как путем расспросов местных жителей удалось установить Каульбарсу, связано было со следующим преданием.

Кок-Узяк не впадал прежде в Даукаринскую низменность, а протекал по ее северо-западной стороне и по сохранившемуся тогда сухому руслу Янысу впадал в Аральское море. По рассказам местных старожилов, население Даукары, испытывая недостаток в воде, обратилось к хивинскому хану Аллакули (1825—1842) за разрешением прорыть канал из Кок-Узяка. Когда разрешение последовало, за его осуществление взялся заинтересованный в нем каракалпак Куванш, который начал строить водозабор в среднем течении Кок-Узяка. Как только был закончен первый участок канала, вода с такою силою хлынула туда, что все дальнейшие работы оказались излишними; река так быстро промыла новое направление, что Кок-Узяк высох ниже того места, где от него отделялся новый канал. Новое русло получило свое название в честь того, кто его прорыл[344].

И действительно, самое название «Куванш-Джарма» (по-каракалпакски) или Куванч-ёрма (по-узбекски), подобно названиям Кул-Ярган, Ташлы-Ярмыш, Ишан-Ярган и т. д., указывает на то, что канал был прорыт Куваншем. Однако позже, по-видимому, в связи с активизацией течения по нижнему протоку это название распространилось на весь проток Кок-Узяк.

В 15 *км* к востоку от г. Чимбая на карте А. В. Каульбарса обозначены остатки старой плотины на Кок-Узяке. Это обстоятельство говорит о большой роли Кок-Узяка в развитии ирригационного хозяйства в Даукаринской низменности.

Куванш-Джарма, проходя по Даукаринской низменности, разливается в низких местах, образуя систему озер: северо-западное—Каратерен[345] и юго-западное — Кунградкуль. Река Янысу несет воды Даукаринских озер в Аральское море. Ее истоки начинаются в западной части озера Тампи-Аягы[346].

Среди каналов, выведенных из Куванш-Джармы, самыми мощными тогда были Кегейли и Пурхан.

Кегейли подходил к г. Чимбаю; в 7—8 *км* ниже Чимбая канал поворачивал на северо-запад по направлению к возвышенности Кушканатау и изливался в озеро. Большая ветвь Кегейли под названием Нау-

[343] А. И. Глуховской. Пропуск вод реки Аму-Дарьи по старому ее руслу в Каспийское море, стр. 149.

[344] А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, стр. 45

[345] Западная часть озера Каратерен носит название Тампи-Аягы (А. В. Каульбарс, Указ. соч., стр. 129).

[346] Там же, стр. 196; см. также А. И. Глуховской. Пропуск вод реки Аму-Дарьи в Каспийское море, стр. 151—152.

пир продолжала направляться на северо-восток, а затем, поворачивая на север, терялась в районе развалин крепости Ураз-Аталык[347].

Плодородный бассейн Куванш-Джармы издревле служил житницей для кочевого земледельческого и скотоводческого населения. Тут прежде обитали туркмены и другие кочевые племена, тяготевшие к г. Курдеру как экономическому центру восточной дельты. Затем, после многовекового перерыва между IX—X и XVI вв., мы опять наблюдаем интенсивное заселение всей Даукары. В упомянутый период восточная часть дельты была заселена в бассейне Курдера—Багдада, соответствовавшего — и то не всегда — современному бассейну канала Кегейли.

Усилившееся обводнение дельты, в том числе и Даукары, во второй половине XVI в. стимулировало переселение сюда с нижнего бассейна р. Сыр-Дарьи значительной части каракалпаков, занимавшихся земледелием и скотоводством, а также казахов, которые вместе с узбеками Арала и каракалпаками в конце XVII в. образовали здесь конгломерат из осколков целого ряда племен разных народностей. Непрочно осев на вновь обводненных участках Даукары, они не имели еще своей государственности и ориентировались то на хивинских ханов, то на бухарских эмиров, то на казахских ханов Малой Орды, сидевших в низовьях Сыр-Дарьи.

Что касается средней части дельты, то, по описанию Абулгази, основное русло Аму-Дарьи, изменив свое течение в XVI в., направилось мимо Тук-Калы на север и, затопляя район Кушканатау, вливалось в Аральское море. Во всяком случае, при Абулгази разливы и протоки основного течения реки в пределах дельты не оказывали непосредственного влияния на орошение западной части дельты, и последняя обводнялась исключительно при помощи искусственных каналов, прорытых Али-султаном[348] и Араб-Мухаммедом[349]. Последний канал, по словам Абулгази, превратился в мощный проток.

Третье и четвертое десятилетие XVII в. (время царствования Асфендияр-хана и борьбы его с другими царевичами во главе с Абулгази) было ознаменовано для узбекских племен значительным ущемлением их интересов. Стесненные туркменами, на которых временно опирался Асфендияр-хан в своей борьбе за власть, узбекские племена ушли из пределов Южного Хорезма на территорию западной и восточной дельты. В то время численность их достигала 3000 семейств; их называли «аральцами» («островитянами»), потому что земли, расположенные в дельте Аму-Дарьи, фактически представляли собой острова, отделенные друг от друга протоками и рукавами (проток Кок-Узяк на востоке, Куйгун на западе и основное русло реки в средней дельте); с севера их омывало Аральское море. Даже самое название «Арал» в Хорезме впервые встречается у Абулгази в смысле дельты Аму-Дарьи[350].

Благодаря возможности сравнительно интенсивного земледелия путем затопления в восточной части дельты, здесь, как раньше на огромной территории в западной части дельты, скопились и осели старые кочевые земледельцы, а обилие камышевых зарослей позволило вести там скотоводческое хозяйство. Вместе с тем обильные урожаи пшеницы

---

[347] Наиболее подробные сведения о Даукаринской низменности сообщают в своих трудах А. В. Каульбарс (Низовья Аму-Дарьи) и А. И. Глуховской (Указ. соч.).

[348] Правитель Ургенча (конец XVI в.).

[349] Абулгази, Указ. соч., стр. 290—291.

[350] Абулгази, Указ. соч., стр. 316.

обеспечивали аральцам возможность большого сбыта товарного хлеба в Мангышлак, Устюрт и в Южный Хорезм.

В исторической литературе до сих пор почти не освещалась хозяйственная жизнь племен, населявших восточную часть дельты Аму-Дарьи до XVIII в. Здесь делается попытка собрать отдельные сведения, разбросанные то тут, то там в источниках в связи с известиями об изменениях в направлении течения главного русла реки, ее протоков, создания и гибели искусственных каналов, чтобы дать разбросанным сведениям народнохозяйственное осмысление.

Глава VII

ДИНАМИКА ИРРИГАЦИОННОЙ СЕТИ ХОРЕЗМА ПОСЛЕ XVI В. РАССЕЛЕНИЕ ПЛЕМЕН И ПОЛИТИКА ХИВИНСКИХ ХАНОВ

Туркмены-гузы, древнейшие обитатели Арало-Каспийского бассейна, издавна были одним из основных народов, населявших Хорезм. В средние века они жили на окраинах Хорезмского оазиса, на Мангышлаке, в Каракумах. Занимались они скотоводством и отчасти земледелием в районе Адака. Хорезмские туркмены связывали свои жизненные интересы с Хорезмом, платили подати казне хорезмских правителей, верно служили им в качестве военной силы. Нередко они вместе с узбеками Хорезма ходили на войну против собственных соплеменников, живших в Южном Туркменистане (долины Мургаба, Теджена, Атрека, Гургена). Делали они это, конечно, не из любви к хорезмским царям, не в благодарность за «большую заботу» о них со стороны остального населения Хорезма, а лишь для того, чтобы не подвергаться притеснениям, не лишаться земли, воды и пастбищ родного края. Тем не менее, на протяжении всей истории позднего средневековья мы имеем сведения о многочисленных случаях «изгнания туркмен из Хорезма»[1].

В 1537 г., по сообщению Абулгази, узбекские царевичи Хорезма перед решительной битвой с бухарским ханом Убайдуллой вызвали главарей адакских хызр-эли и обратились к ним с такими словами: «Идем потребовать родину; если поможете, и в случае победы над врагом, ваш род приравняем к одному из привилегированных родов узбеков и дадим место у левой стороны трона и объявим ваш род «тарханом»[2].

Обнадеженные такими обещаниями, туркмены оказали узбекским царевичам Хорезма действенную помощь и отвоевали страну у бухарцев; но дальнейшие события не говорят о том, что туркмены хызр-эли в действительности получили обещанные им права.

Спустя несколько десятилетий после этой победы хорезмийцев районы Куня-Ургенча, Везира, Адака из-за начавшегося затухания Дарьялыка превратились в пустыню; единственное, что оставалось хызр-эли и другим племенам—это переселиться на концевые участки каналов Южного Хорезма. Земли же Айбугира, орошаемые каналами Али-султана и Араб-Мухаммеда[3], были заняты исключительно узбекскими племенами кунграт киятли и др. Скоро калмыки (джунгары) вытеснили туркмен из Мангышлака[4], и те, по-видимому, переселились на периферию Хорезмского оазиса.

[1] Баяни, در کمانینی یورتدین چقاردی л. 43а, 59б, 116б.

[2] Абулгази, Указ. соч., стр. 225.

[3] При Араб-Мухаммеде столицу перенесли в г. Хиву, и ханство с тех пор стало называться Хивинским.

[4] Мунис—Агехи, Указ. соч., л. 56а.

Начиная с первой половины XVII в. районы Южного Хорезма превратились в арену отчаянной борьбы между узбеками и туркменскими племенами за землю, а следовательно, и за воду. Эту борьбу между туркменами и узбеками за кровные экономические интересы в своих целях—борьбы за престол—использовали сыновья Араб-Мухаммеда Абулгази и Асфендияр. Асфендияр, опираясь на туркмен, занял отцовский престол. Абулгази, опиравшемуся на узбекские племена, только после смерти Асфендияра —и то не сразу —удалось получить власть в ханстве. В 1643 г. его избрали ханом сначала в Арале. Хивинские туркмены, оставшись без правителя, обратились к бухарскому хану Надир-Мухаммеду (1642—1645) с просьбой принять в свое подданство Хиву и прислать туда наместника. Абулгази, опираясь на узбеков Арала, начал войну против Хивы. В 1645 г. он овладел Хивой и стал громить туркмен не только в пределах Хорезма, но преследовал их вплоть до Южной Туркмении. Оттеснив и ослабив туркмен, Абулгази начал борьбу против Бухарского ханства, разоряя его северные и западные области. За время своего царствования Абулгази совершил на Бухару семь опустошительных набегов. Его преемники продолжали ту же политику. Н. Веселовский рассматривает эти набеги Абулгази как «грабеж для пополнения казны»[5]. Но это была только одна сторона вопроса, а другая, основная, заключалась в использовании внутренних разногласий Бухарского ханства для ослабления этого серьёзного противника. Задабривая узбекские племена, Абулгази отводил им орошенные земли; так, например, между ними были распределены все земли у каналов, выведенных на левом и правом берегах Аму-Дарьи от Даргана до Аральского моря[6]. Феодальной верхушке узбекских родов были предоставлены ведущие посты в государстве[7].

При Абулгази ханство экономически и политически тяготело к Мавераннахру и Хорасану, что усиливало удельный вес «Беш-кала» (пяти городов)[8] Южного Хорезма во главе с новой столицей. В 1646 г., т. е. на следующий год после утверждения на престоле Хивы, он построил укрепление г. Нового Ургенча (ныне г. Ургенч)и туда переселил жителей Ургенча—столицы средневекового Хорезма. Развалины старого Ургенча стали с тех пор называться «Куня (Кухня)-Ургенч». Средневековый Везир остался в развалинах[9]. Малый Везир, куда было переселено население старого Везира, находился в 12 *км* к северо-западу от г. Гурлена[10]. В XIX в. Новый Везир был значительным укрепленным селением.

В 1663 г. Абулгази передал престол Хорезма своему воинственному сыну Ануше.

При Ануша-хане Хивинское ханство значительно окрепло. Ануша-хан своими опустошительными набегами на территорию Бухарского ханства и внутренние районы Хорасана навел страх на бухарцев, туркмен и персов. Он захватил город Мешхед, занял там престол иранских шахов и стал после этого также именовать себя шахом (Анушах)[11]. Анушах изменил политику Абулгази-хана в отношении туркмен, которые были нужны ему

---

[5] Н. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, СПб., 1877, стр. 138.

[6] Мунис—Агехи, Указ. соч., л. 56б.

[7] МИТТ, т. II, стр. 328.

[8] «Беш-кала» — «пять городов» или «пять крепостей» — обычное у авторов XVIII в. название Южного Хорезма. В числе «пяти городов» — Хазарасп, Ханка, Ургенч, Кят, Шахабад (МИТТ, т. II, стр. 334, прим. 2).

[9] На картах он фигурирует под названием Дев-Кескен, в хивинских хрониках — «Куня-Везир», у Агехи — جامع الواقعات سلطانی ркп. ИВАН, Е-6, л. 463—464.

[10] Баярд. Указ. соч., л. 45б.

[11] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 95.

как военная сила для осуществления его завоевательной политики. Поэтому при Анушахе мы снова видим туркменские племена на окраинах Хорезмского оазиса. Сам Анушах был женат на туркменке Тохта-ханым из Дарганского района[12]. Время правления Анушаха (1663—1686) было ознаменовано постройкой двух больших каналов Южного Хорезма—Шахабад и Ярмыш.

По рассказу Мунниса, поводом к сооружению канала Ярмыш послужило то обстоятельство, что в период правления Анушаха город Кят на правом берегу остался без воды[13]. Поэтому Анушах, будто бы идя навстречу нуждам города, приказал прорыть на левом берегу канал, получивший название «Ярмыш», и построил на нем крепость Кят, жителей же старого Кята переселил в новый Кят[14]. Это мероприятие было осуществлено до постройки канала Шахабад (1681 г.). Сосредоточив в Южном Хорезме жителей старых городов Хорезма, Анушах стремился укрепить район Беш-кала, поднять благосостояние и обеспечить безопасность последнего. Ярмыш выведен из Аму-Дарьи в 15 *км* к востоку от г. Ургенча и протекает параллельно Дарьялыку.

Длина канала 96 *км*, средняя ширина 17,5 *м* при глубине 2 *м* в головной части; кончается он на урочище Аккуль в 10,5 *км* к северу от г. Ильялы[15].

Второй канал—Шахабад (Шават в народном произношении)—самый большой канал Хорезма. Его голова находится в русле староречья Даудана, перекрытого в прибрежных участках молодыми аллювиальными отложениями (каирами)[16]. Около г. Ханки канал вступает в полосу открытых отложений Даудана и километров тридцать следует по этому старому руслу. К западу от г. Ургенча он круто поворачивает на северо-запад, выходит на полосу более древних аллювиальных отложений и, параллельно с каналом Ярмыш, следует по общему уклону междуруслового равнины[17]. Длина Шахабада 143 *км* при средней ширине 30 *м*. Средняя глубина 3,5 *м*. Он протекает около городов Ханки, Ургенч, Шахабад, Ташауз и Ильялы и кончается в 6—7 *км* к западу от последнего. Поэты-историки того времени отметили дату постройки канала Шахабад фразой „پر فیض“ («пур-файз»—полный изобилия). Сумма числового значения букв этой фразы составляет 1092 хиджры (1681 г. н. э.).

Район на правобережье Даудана, соответствующий среднему и нижнему бассейну канала Шахабад, достаточно древен. В период кушанского владычества и частично в период раннего средневековья здесь возник ряд населенных пунктов, таких как Кандум-Кала, Раит, Топрак-Кала и другие.

Возникает вопрос, можно ли считать Шахабад и Ярмыш новыми каналами?

По описанию арабских географов X в., на том месте, где Анушах провел каналы Шахабад и Ярмыш, было два канала—Вадак и Буве. Первый из них по величине и по месту расположения соответствовал Шахабаду, а другой — каналу Ярмыш.

---

[12] МИТТ, т. II, стр. 330.

[13] Голова канала, обеспечивавшего водоснабжение города, по-видимому, была снесена рекой, что часто случалось и с головами позднейших каналов той же местности.

[14] При желании сохранить г. Кят на старом месте, возможно было бы восстановить его водоснабжение, тем более, что создание двух больших каналов в левобережном Хорезме стоило больших затрат.

[15] А. В. Каульбарс, Указ. соч., стр. 370—371; Г. И. Данилевский, Описание Хивинского ханства, стр. 83.

[16] Б. М. Георгиевский, Южный Хорезм; см. карту.

[17] Там же.

Вадак и Буве, не доходя 30 *км* до Куня-Ургенча, соединялись и текли к нему одним общим руслом (Аму-Дарья текла в то время между Куня-Ургенчем и Миздахканом).

Во второй половине X в. Аму-Дарья отодвинулась на запад, прорвалась в общее русло Вадак-Буве и стала угрожать столице. В связи с этим возникает предположение, что в древние времена здесь функционировал, может быть, с перерывами, канал Вадак, примерно там, где сейчас находится канал Шахабад. В связи с прорывом Аму-Дарьи, Вадак и Буве действовали до нашествия монголов с некоторым отклонением от нового русла реки; сухие русла на территории Ханабада, относящиеся к IX—XIII вв., могли быть низовыми ответвлениями этих двух каналов. «Ирригаторы» Анушаха проследили старые русла и в основном восстановили эти два канала, обходя сухое русло Дарьялыка. Самое название «Шахабад» (благоустроенное шахом) говорит о том, что это не новостройка, а восстановление и благоустройство старого, подобно тому, как старый канал Мадра впоследствии стал называться Газиабадом.

На канале Шахабад Анушах построил крепость того же названия. Сооружение двух длинных каналов было связано с новой политикой Анушаха в отношении туркмен; он решил снова вернуть их и поселить на периферии Южного Хорезма, закрепив за ними свободные земли, и за это потребовать с них несения военной службы. Орошенные земли «от Даргана до моря» были распределены Абулгази-ханом между узбекскими родами. Отнять земли у последних и передать туркменам было бы крайне рискованно.

Анушах разрешил эту проблему, соорудив каналы Шахабад и Ярмыш. Но основную массу земель по этим каналам он опять-таки раздал узбекам, обеспечив им командное положение в верховьях, а туркмен поселил в низовьях каналов Газиабад, Шахабад и Ярмыш. Новые крепости Кят, Шахабад и другие были заселены исключительно оседлыми узбеками — «сартами». Доступ туркменам в тогдашние пределы Беш-кала был закрыт. Такая политика впоследствии сыграла решающую роль в жизни Хивинского ханства.

Остановимся вкратце на происхождении названия канала Газиабад, соответствующего домонгольскому каналу Мадра.

Название Мадра *после монгольского нашествия исчезает, и в вакуфном документе* Тимура Кутлука от 1349 г. он упоминается под названием Нахр-и-Насири (نهر ناصری); позднее исчезает и оно. У Абулгази неоднократно упоминаются каналы Янги-Арык, Хейканик (Палван-Яб) и Зах, канал Мадра-Газиабад вовсе не упоминается. Газиабад как название канала впервые встречается в грамоте сына Анушаха Эренк-хана[18] (1686—1688). Следовательно, канал был переименован в период между 1643—1688 *гг.*

Для такой датировки мы имеем следующие основания. Как мы уже отмечали, в название канала обязательно должно было входить имя или прозвище его строителя—в данном случае «гази» как добавление к имени. Таких правителей было несколько. Сыновья Ильбарс-хана (1512—1513) добавляли к своему имени «гази»—«победитель» (Султангази, Мухаммедгази и т. д.)[19], но они не владели Хивой: один сидел в Везире, другой в Дуруне[20].

---

[18] Хранится в Институте востоковедения АН УзССР.
[19] Н. Веселовский, Указ. соч., стр. 102.
[20] Абулгази, Указ. соч., стр. 216—222.

Таким образом, возможность связать название Газнабад с этими «газзи» исключается. Остается Абулгази (1645—1663), действительно владевший Хивой, проявивший большие заботы по благоустройству Южного Хорезма, хотя в истории его правления мы нигде упоминаний об этом канале не находим. Вполне допустимо, что Абулгази проявил инициативу по восстановлению канала Мадра (X в.) или Насири (XIV в.). Для этого в 3 *км* к востоку от сел. Дургадик, на урочище Кулум-Хаджи был прорыт мощный сброс из Палван-Яба в Газнабад[21], а низовья канала приведены в порядок и на нем была построена крепость Газнабад.

Постройкой крепости Газнабад на одноименном канале к северо-западу от Хивы преследовалась военно-стратегическая цель—закрыть туркменам доступ к столице. И действительно, в последующих событиях эта крепость играла исключительную роль в обороне ханства. То же можно сказать о крепостях Шахабад, Кят, Везир. При Анушахе Беш-кала[22] была защищена линией крепостей, расположенных от Везира до Газнабада.

Почему же мы не находим упоминаний об этих мероприятиях в трудах Абулгази-хана? Во-первых, Абулгази не писал истории своего царствования; его книгу, как мы уже отмечали, продолжал Махмуди бин Мухаммед Заман родом из Ургенча. Однако этот соавтор ограничился только описанием военных подвигов Абулгази-хана. О политических и экономических мероприятиях Абулгази и Анушаха очень кратко и не обо всем сообщают лишь авторы хивинских хроник XIX и XX вв. Например, Мунис упоминает о том, что Абулгази создал г. Новый Ургенч, но совершенно не упоминает о канале Ургенч-арна. Известно, что в то время каналы Шахабад и Ярмыш не существовали, следовательно, прежде чем построить город, Абулгази должен был позаботиться о его водоснабжении, для чего по его приказу был вырыт небольшой самостоятельный канал, который был доведен до пункта, где хан предполагал основать Новый Ургенч.

Остановимся также на двух старых городах Южного Хорезма, известных в X в. под названиями Дерхас и Сафардиз, позднее получивших новые—Ханки и Гурлен.

В период монгольского нашествия оба эти города, очевидно, временно пришли в упадок и их старые названия были забыты. Обычно местоположение исторически сложившихся экономических центров того или иного населенного района было избрано настолько целесообразно, что и впоследствии на том же месте, или рядом с ним, возникает другой населенный пункт. Любопытен в этом отношении пример города Кята; в X в. его окончательно снесла Аму-Дарья, но рядом с ним возник Новый Кят, который просуществовал до XVII в. Когда его водное хозяйство совершенно расстроилось и всех жителей переселили на левый берег (в Новый Кят), старое городище запустело; люди посещали только кладбище, где был мазар шейха Аббаса (умер в XIII в.). В XIX в., однако, там снова возник город под новым названием Шейх-Аббас (Шаббас).

К концу XVII в. в Южном Хорезме известны города Хазарасп, Хива, Хан(а)ки, Ургенч, Шахабад, Кят, Гурлен, Везир и Газнабад; каждый из них представлял собой крепость с глинобитными стенами, воротами и рвом, наполняющимся водой.

Канал Мангыт-Арна, выведенный из Аму-Дарьи в 12—13 *км* ниже г. Гурлена, протекал через территорию сел. Мангыт на 18 *км* дальше к северо-западу от него. Точное время его сооружения трудно установить. У

[21] Баяни. Указ. соч., л. 185а.

[22] Здесь мы только условно употребляем название Беш-кала, которое появилось несколько позже.

Абулгази он не упоминается; в хивинских хрониках он известен под названием «Арна-Аталык»[23]. Самое это название говорит о том, что он выведен одним из аталыков хивинских ханов[24].

В хивинских хрониках в связи с рассказами о событиях XVIII в. упоминание канала под этим названием встречается уже довольно часто[25]. Во всяком случае, Мангыт-арна до прихода к власти Абулгази не существовал, так как последний обязательно упомянул бы этот канал, на котором обычно останавливались хивинские ханы во время походов в северные районы Хорезма. В XVIII в. на этом канале сидело племя мангыт.

В восьмидесятых годах XVII в. при Эренк-хане мангыты и частью кунграты Арала во главе с Адина-Мухаммед-аталыком отложились от Хивы и начали совершать набеги на земли Беш-кала. Эренк-хан, считаясь с ними, назначил Адина-Мухаммеда аталыком в Хивинском ханстве. Канал «Аталык-Арна», орошавший земли, отведенные мангытам, мог быть проведен по инициативе того же Адина-Мухаммеда-аталыка; следовательно, можно предполагать, что большими ирригационными мероприятиями Абулгази и Анушаха были охвачены районы до пределов Дарьялыка, а канал, проведенный Адина-Мухаммед-аталыком при Эренк-хане, получил его имя.

Относительное политическое единство и некоторый хозяйственный и культурный подъем Хивинского ханства приходится на вторую половину XVII в.[26] Хивинским ханом Абулгази была произведена реформа государственного управления, предприняты большие ирригационные мероприятия, что ускорило оседание узбекских племен на орошенных землях, построен ряд городов и крепостей, проявлена инициатива к восстановлению дипломатических сношений с русским государством[27]. При Анушахе намечается стремление к объединению Мавераннахра и Хорезма под властью хивинских ханов.

Политическое единство и относительное спокойствие Хорезма кончились с прекращением дома Аменг-хана[28]. Последним из них был Эренк-хан, сын Анушаха.

После этого Хорезм стал управляться ставленниками Бухарского ханства. Однако нельзя сказать, чтобы все эти ханы оставались в зависимости от Бухары; Шахнияз (1698—1704), Ширгази (1715—1728), Ильбарс (1728—1740), правившие длительное время, вели самостоятельную, но лойяльную в отношении Бухары политику. Бухарские правители стремились ослабить военную мощь и политическое единство Хивинского ханства и поддерживали оппозиционно настроенных аральцев и мангытов.

В XVIII в. в Бухаре в правящих кругах возвысились представители племени мангыт, а в Хиве почти одновременно ту же роль играли представители племени кунграт—потомки Омбай-инака[29].

В этот период в Бухаре и во всех частях Арала наблюдается массовое расселение целого ряда узбекских, каракалпакских и казахских земледельческих и скотоводческих племен и родов. Политическая гегемония среди них принадлежала мангытам, тесно связанным с Бухарой.

---

[23] Мунис—Агехи, Указ. соч., л. 145а. منافع الانسان

[24] Звание «аталык» в Хорезме впервые встречается в сочинении Абулгази при описании событий царствования его отца — Араб-Мухаммед-хана.

[25] Баяни, Указ. соч., л. 55а.

[26] Правление Абулгази, Анушаха, Худайдад-хана и Эренк-хана.

[27] Им же на родном языке написаны труды по истории и медицине. شجرهٔ تراکمه 2 آنالق آرناسی شجرهٔ ترک Хранятся в Институте востоковедения АН УзССР.

[28] Родоначальник династии узбекских ханов Ургенча.

[29] Родоначальник хивинских кунгратов.

Выше мы приводили описание местностей по Даукаре, где в восточную часть оз. Каратерен еще в конце XIX в. впадал проток Ак-Джагыс (Ак-Якыш[30] у хивинских авторов), отделившийся от Кок-Узяка. Эту восточную часть озера называли тогда Тампи-Аягы; из него вытекала река Янысу. Около Ак-Якыша в первой половине XVIII в. находилась мощная крепость. Население этой благоустроенной части восточной дельты хивинские историки называют то «жителями Ак-Якыша»[31], то «жителями берегов трех протоков»[32] (протока Эшим, Кок-Узяк и Пурхан). Судя по названию Ак-Якыш, можно предполагать, что в то время по всему Кок-Узяку и Янысу, а может быть, и по Аральскому морю до возведения плотины на Кок-Узяке у Терс-Акара существовал водный путь. Это мероприятие, по всей вероятности, было вызвано необходимостью усиления течения по каналу Эшим (Исим)-Яраган[33].

Канал был построен каракалпакским ханом Эшим Мухаммедом за два года до гибели русской экспедиции[34].

Эшим-хан был одним из известных правителей каракалпаков[35], и узбеки Арала объявили его ханом еще при хивинском хане Ядгаре. В хивинских хрониках говорится, что в связи с приходом к власти в Хиве Ширгази-хана (1715 г.) каракалпаки во главе с Эшим-ханом бежали, оставив земли Арала[36].

Название крепости Ак-Якыш (آقياقش قلعه سی) часто встречается в хивинских хрониках. В этих хрониках р. Янысу очень часто называется Ак-Якыш-Аягы (нижнее течение Ак-Якыша), что в значительной мере уточняет местонахождение крепости Ак-Якыш.

Как уже говорилось выше, главенствующее положение в Хивинском ханстве заняли представители кунгратского племени, с которыми соперничали мангыты, сосредоточившиеся в Арале. Мангыты претендовали на власть во всем ханстве. Еще при Эренк-хане Адина Мухаммед-бий, независимо правивший аральскими узбеками, был назначен аталиком ханства[37]. Это продолжалось недолго; в десятых годах XVIII в. аральцы, отстаивая свою независимость, возвели в ханы каракалпака Эшим-хана. Ширгази-хану с самого начала прихода к власти пришлось бороться против каракалпаков. В этой борьбе аральские кунграты стали на сторону аральцев, однако хивинские власти перетянули в конце концов кунгратов на свою сторону. Аральцы жестоко отплатили за измену своим бывшим союзникам. В 1721 г. они напали на племя аральских кунгратов, взяли крепость Кунград, истребили всех, кроме женщин и детей, и ограбили город.

В 1722 г. пострадавшее кунгратское племя было переселено на территорию Янги-Арыка в Южном Хорезме. Город Кунград в те времена был, по-видимому, на том же месте, где он находится и сейчас. Гладышев при возвращении в Арал из Хивы вместе с бежавшим оттуда Абулхайр-ханом переправился через Аму-Дарью около Ходжейли и прибыл в Аральское

[30] Термин «якыш» по-хорезмски означает «пристань»; Ак-Якыш — «Белая пристань» (Баяни, л. 176а).
[31] Баяни, Указ. соч., л. 155а.
[32] Там же, л. 50а.
[33] Там же, л. 147б.
[34] Имеется в виду экспедиция Бековича-Черкасского в 1717 г. Время сооружения канала уточнено автором опросом старожилов.
[35] Материалы по истории каракалпаков, Труды ИВАН, т. VII, М.—Л., 1935, стр. 58, 60, 152, 170, 171, 212.
[36] Баяни, Указ. соч., л. 48б и 49а.
[37] Баяни, Указ. соч., л. 46б.

владение «к местечку Конград, жители (которого) живут кибитками, а крутом их сделан вал и в оный из Улу-Дарьи пущена вода»[38].

Согласно объяснению жителей ныне существующего Кунграда, земли, расположенные в западной части нижней дельты, т. е. старые пахотные земли по Куйгуну, были предоставлены нескольким кунгратским родам, которые возглавлял род «ишкили».

Некоторые роды племени кунграт расселились на верхнем течении Кок-Узяка (Куванч-Джармы). По их рассказу, Ширгази-хан переселил на Янги-Арык жителей одной из трех небольших крепостей кунгратов—Каз-Аяклы, расположенной в бассейне Кок-Узяка. После Ширгази-хана, при Ильбарс-хане мангыты снова овладели Южным Хорезмом и переселили кунгратов с Янги-Арыка на прежнее место. Однако основная масса кунгратов каз-аяклы с тех пор ушла к кунгратам ишкили в районе современного Кунграда[39].

Борьба между аральцами и Хивой продолжалась до захвата Хорезма иранцами (Надир-шахом) в 1740 г.

Хорезмские мангыты во главе с Артук-беком и Хураз-беком, так же как бухарские аталыки из мангытов, встали на путь предательства, перешли на службу Ирану, и Надир-шах вручил власть в Хиве этим мангытским бекам—сыновьям известного Ширдали-бия.

Хивинские ханы в этот период, потеряв реальную власть в стране, стали марионетками в руках борющихся группировок; мангытские инаки в течение 8—9 лет при поддержке иранцев фактически держали в Хиве своих ханов. Но постепенно в Хиве усилилась антииранская коалиция из представителей племен кият, кунграт, нукус, уйгур и других, которая ликвидировала власть продажных мангытских беков и покончила с иранским игом в Хорезмском ханстве.

Во второй половине XIX в. страна была охвачена пожаром междоусобных войн; главари мангытов Арала, поддержанные бухарской династией мангытов, вели непрерывные войны против Хивы. Туркменские племена чоудоры и йомуты снова вторглись в район Беш-кала; началась настоящая резня. В результате, за короткое время страна была опустошена. В городе Хиве осталось лишь несколько семейств[40].

Опустошительные войны в пользу той или иной племенной группировки обескровили население Хорезма и расстроили его земледельческое хозяйство. Ханы часто прибегали к чрезвычайным обложениям населения. Придворные историки чаще всего стараются скрыть подлинный характер некоторых массовых вооруженных выступлений против ханов и их наместников, но иногда, в тех случаях, когда это могло служить оправданием для последующих действий угодных им правителей, проговариваются и высказываются более откровенно. Например, в 1756 г. хивинский хан Ганб

---

[38] Поездка из Орска в Хиву и обратно в 1740—1741 годах, совершенная Гладышевым и Муравиным, стр. 15—16.

[39] Исходя из описания Гладышева, можно предполагать, что Кунград в то время напоминал укрепления типа «сингиров» (временных крепостей), которые мы часто встречаем, особенно в северных областях Хорезма. Для примера можно указать на Гяур-Калу, осмотренную нами в 1946 г. и расположенную в Кара-Узякском районе. Она представляет собою прямоугольную площадку 220×180 *м*, окруженную глинобитными стенами на широкой земляной насыпи.

Такие же сингиры, но лучше сохранившиеся, мы встретили в юго-восточной части Даукары: Клыч-Кала и Михтер-Кала, расположенные одна против другой на расстоянии полукилометра (см. карту в работе С. П. Толстова, По следам древнехорезмийской цивилизации).

[40] Мунис—Агехи, فردوس الاقبال ркп. ИВАН, № С 571, л. 114б.

обложил население Беш-кала чрезвычайной податью в размере 40 000 тилля (144 000 руб. по золотому курсу). Это вызвало бурное восстание трудящегося населения (فقرا), и восставшие заставили хана покинуть хивинский престол[41].

Вторая половина XVIII в. не только для Хорезма, но и для всей Средней Азии является периодом некоторого сдвига в хозяйственной, экономической и политической жизни. Упрочение власти русского государства в Южной Сибири, поощрение русскими властями торговых связей Средней Азии с сибирскими городами, растущий спрос в России на хлопчатобумажную пряжу и неограниченный спрос на среднеазиатский текстиль в сибирских землях в значительной мере влияли на расширение посевов хлопка, поднятие его товарности, на развитие торговли и городского ремесла и на оживление городской жизни.

В этот период в Средней Азии наблюдается массовое оседание кочевников на землю, усиление социального расслоения среди племен и родов, упрочение власти родовой знати, с одной стороны, стремления ханов к централизации государственной власти—с другой.

Этот процесс, сопровождавшийся кровавыми столкновениями, почти завершился в Бухарском ханстве в первой половине XVIII в. в пользу сторонников центральной ханской власти. Хивинское и Кокандское ханства в этом отношении отстали более чем на четверть столетия.

В это время на политическую арену в Хорезме выступает молодой энергичный представитель кунградского племени Мухаммед Амин-инак, сын Ишмухаммед-бия. Его поддерживает городская и земледельческая знать.

Мухаммед Амин-инак начал борьбу одновременно против туркменских сердаров—крупных феодалов, которые в период междуцарствия захватили политическую власть в стране, а также против подстрекаемых Бухарой аральских мангытов. Страна в результате всех этих междоусобиц оказалась во власти голода и произвола; города в особенности пришли в полный упадок. Отчаявшиеся жители городов подняли восстание, возглавленное городской знатью (ходжами) при поддержке крупных землевладельцев, интересы которых ущемлялись нарушением экономической жизни, стоявших за централизацию власти. Во время этой борьбы кунграты и выдвинули Мухаммед Амина, как своего предводителя, и оказали ему действенную поддержку. Туркменских сердаров изгнали за пределы страны; аральские узбеки (мангыты) также не смогли оказать длительного сопротивления, чему отчасти способствовали внутренние раздоры среди аральских племен.

В восьмидесятых годах XVIII в. резиденцией мангытов стала крепость Мангыт-Кала. По определению авторов хивинских хроник, эта крепость была расположена на западной стороне протока Карабайли[42]. Хроники сообщают, что племя нукус сидело на восточном берегу протока Сарымай. Мангыт Джан Мурад-инак, прибыв из Бухары в 1787 г., овладел крепостью Мангыт, возвел там в ханы каракалпакского султана Абдурахмана и напал на «крепость племени нукус»[43].

Маршрут Гладышева и Муравина позволяет заключить, что г. Шах-

[41] Баяни, Указ. соч., л. 56а.

[42] Баяни, Указ. соч., л. 93а.

[43] Крепость Нукус, как можно заключить из этих событий, была значительно южнее крепости Мангыт. В маршрутах Гладышева и Муравина в 1740—1741 гг. указана «крепость Нуркус» (Нукус), также находящаяся в 28 верстах к юго-западу от г. Шахтемир (Баяни, Указ. соч., л. 93а; Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 годах Гладышевым и Муравиным, стр. 62).

темир находился на месте современного г. Чимбая, что подтверждается также расспросными сведениями, собранными Амударьинской экспедицией[44]. Следовательно, крепость Нукус можно локализовать на месте зимовки Боз-Кала, расположенной в 10 *км* к северу от бугра Тук.

В хивинских хрониках XIX в. несколько северо-западнее предполагаемого места Нукуса упоминается крепость Ак-Кала (Белая крепость), которую во время правления Ширгази-хана построили Шахтемир-хан и Ширдали-бий[45]. В этих хрониках приведен маршрут хивинского отряда, помогающий уточнить локализацию всех этих пунктов.

Упомянутый отряд переправился через Аму-Дарью выше Ходжейли и, следуя по правому берегу реки, дошел до крепости Ак-Кала; после ночевки у крепости Мангыт на берегу Карабайли он направился на г. Кунград[46]. Название протока или канала Сарымай не упоминается (возможно, оно к тому времени уже было утрачено); если судить по маршруту этого хивинского отряда, Ак-Кала могла быть на самом нижнем участке канала Тарли, значительно западнее канала Кегейли.

На карте 1873 г. обозначены развалины двух крепостей Нукус. Верхняя из этих крепостей расположена на восточном берегу Карабайли в восьми километрах ниже его истоков, а вторая—в шести километрах ниже первой (однако эти крепости не могут быть связаны с Нукусом XVIII в.). Оба эти Нукуса один за другим возникли в первой половине XIX в., а во второй половине того же столетия в связи с восстанием Пенох-хана (1858 г.) жители были переселены на новое место.

В беседах с жителями современного Нукуса выясняется, что раньше (в первой половине XIX в.) они сидели в бассейне протока Карабайли на урочище Куприли Мазар и помнят все рассказы своих отцов о том, как их под конвоем (сурдовул) переселял хивинский хан.

Крепость Мангыт могла быть в районе Калакуль, немного южнее линии бугров Кубатау и Кушканатау, что можно установить лишь на основании маршрута вышеупомянутого хивинского отряда. На это указывает также связь блуждающих протоков Карабайли с тем районом, где, по маршруту хивинского отряда, должна быть крепость Мангыт.

В хивинских хрониках при описании событий 1772 г. упоминается проток Кулабия, который указывается также и у Муравина под названием «Кула-Бий»[47] на левом берегу Аму-Дарьи; по-видимому, он протекал между рекой и г. Ходжейли. Баяни также упоминает проток Кулабия где-то у Ходжейли[48].

В тех же хивинских хрониках в связи с осадой ханом Ильтузаром г. Ходжейли в 1802 г., среди защитников города упоминается племя кулаб (قولاب جماعه‌سی)[49]. Не исключено, что название протока Кулабия связано с названием этого племени, проживавшего в начале нижней дельты.

В 1787 г. хивинцы, воспользовавшись победой над мангытами, до основания разрушили крепость Нукус, а его жителей под конвоем переселили в Беш-кала[50]. По-видимому, их поселили в районе Беш-Арыка между Хазараспом и сел. Янги-Арык, ибо в хивинских хрониках озеро, находя-

---

[44] Л. Н. Соболев, Письмо № 216, Исторические известия СПб., 1884.
[45] Баяни, Указ. соч., л. 183б.
[46] Там же.
[47] Поездка из Орска в Хиву и обратно..., стр. 64.
[48] قولابیه کناریده (Баяни, Указ. соч., л. 87а).
[49] Там же, л. 111б.
[50] Баяни, Указ. соч., 93а и б.

щееся у развалин крепости Каладжик (Кардаран-хас), носит название Нукузкуль[51]. В том же 1787 г. после окончательной победы над мангытом Джан Мурад-инаком жители аральского г. Мангыта по приказанию Мухаммед Амин-инака были переселены на канал Аталык-Арна (Мангыт-Арна), где была построена новая крепость Мангыт[52], из которой впоследствии вырос современный г. Мангыт.

Вернемся к вопросу расселения узбеков по всем орошенным землям Хорезма при Абулгази. По сообщению Мунис, Абулгази объединил племена и роды в следующие четыре группы («тюпе»)[53]:

		к ним примыкают:
I тюпе	уйгур найман	дурман, юз, минг шейх, бурлак
II тюпе	кунграт кият	джаланр, али-эли
III тюпе	нукус мангыт	кенегес ходжейли
IV тюпе	канглы кипчак	он торт уру (14 родов).

Территориальное расселение этих племен и родов в Хорезме представляется в следующем виде.

Найманы заняли в основном Хазараспский район от Питняка до Янги-Арыка и до пределов г. Ургенча. На этой территории обосновались в основном шейхи и бурлаки. За найманами ниже по течению Аму-Дарьи, от пределов г. Ургенча до района Гурлена, а также земли на противоположном (правом) берегу Аму-Дарьи занимали уйгуры. Местности от Гурлена до истоков Лаузана заселили мангыты[54], за ними ниже по реке и в средней части дельты поселились нукусы и мангыты. Вся западная часть дельты, т. е. все богатые хлебородные районы Куйгуна принадлежали кунгратам и киятам. Часть современного Кипчакского района на левом берегу Аму-Дарьи, все земли и пастбища от Ходжакуля до Кок-Узяка на правом берегу Аму-Дарьи, так же как и все земли в восточной части дельты, принадлежали канглы-кипчакам. С ними вместе расположился он торт уру. Кроме того, вокруг столицы (Хивы) были размещены небольшие группы из всех основных племен и входящих в них родов. Особенно большую территорию в этом районе занимали кунграты с киятами (от Хивы до среднего течения Янги-Арыка).

Мангыты, тесно связанные со скотоводством, ушли из пределов Хивинского ханства на просторы восточной дельты с богатыми зарослями и удобными земельными площадями, где можно было вести экстенсивное хлебопашество, затопляя обширные озерные пространства.

В XVIII в. при переселении кунгратов, нукусов и он-торт-уру из Арала в Беш-кала их поселили на Беш-Арыке, Янги-Арыке и т. п. участках, где орошенные земли граничат с системой озер, заросших камышом, и с просторами Каракумов, годными для скотоводства.

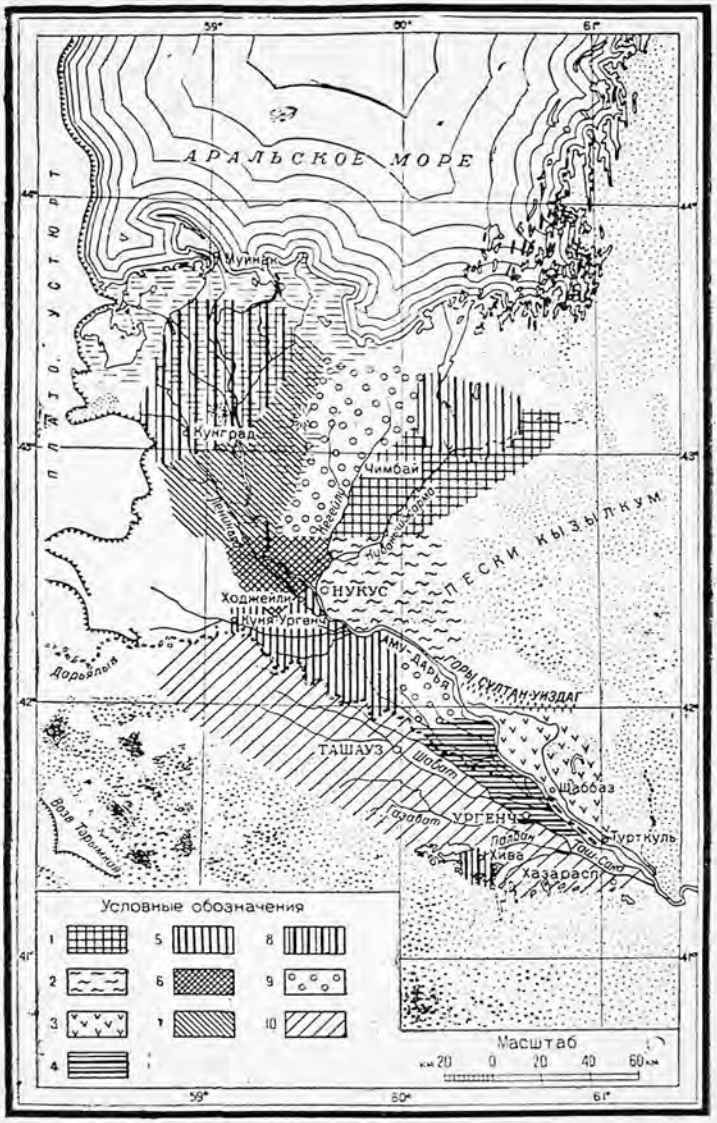
---

[51] Мунис—Агехи. نكوزكولنغه مشهوردور فردوس الاقبال ркп. Фундаментальной библиотеки АН УзССР № 108, л. 166.

[52] Баяни, Указ. соч., л. 97а.

[53] Мунис—Агехи. فردوس الاقبال

[54] Баяни, Указ. соч. л. 55—6. „حرازبيك كرلان جنوبيدين حراب و ادرا يرلارني كم منقت جماعه‌سى‌نتك ملكى حالنصى ايردى آريق ازدروب آباد اتدرور ايردى".


59°
60°
61°
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
плато Устюрт
Мунайлы
Кунград
Чимбай
Ташлыкская
Ташлыкская
Ташлыкская

Второй причиной ухода мангытов из верхней дельты была борьба аральцев против Хивы, возглавляемая мангытами Арала, поскольку Мухаммед Амин-инак временно ликвидировал сильную политическую группировку узбеков.

Как уже выше говорилось, освоение нижней дельты Аму-Дарьи (Арала), судя по данным археологических исследований, началось в основном сравнительно позднее, чем в Южном Хорезме. Мы говорим об этом только совершенно условно, потому что существование городищ кушанского и афригидского времени (Шурча-Авлия около г. Нукуса, Курганча-Кала на восточной Даукаре, Чирик-рабата и Бабыш-мулла на Яна-Дарье и Айван-Кала в средней части нижней дельты) не исключает необходимости поисков в Арале античных и более древних земледельческо-скотоводческих поселений. Постоянные перемещения русел дельтовых протоков, длительные затопления больших районов дельты сыграли большую роль в уничтожении целого ряда более древних памятников. Те из них, которые сохранились до феодального периода, были уничтожены самими земледельцами, разобравшими их на удобрение, как это можно наблюдать и сейчас в оазисах Южного Хорезма.

После больших опустошений, произведенных монголами в XIII в., орошение было восстановлено по старому каналу Курдер, протекавшему в районе между Даукарой и Кушканатау. Однако к началу XV в. и здесь отмечается упадок культурной жизни. Та же картина наблюдается в западной части дельты; в XVI в. этот район носил пустынный характер, города и поселения, такие как Богрохан и Пуль-Джой, прекратили свое существование.

Однако громадная территория бывшего озерного бассейна, тянувшаяся вдоль чинков Устюрта, представляла большие возможности для развития зернового хозяйства. Поэтому узбекские ханы и султаны, как уже отмечалось выше, начали заботиться о поддержании водоснабжения этого района. Так, например, Али-султан построил канал Ташли-Ярмыш, затем Араб-Мухаммед провел сюда другой канал. В результате огромные урожаи пшеницы, получаемые при сравнительно малых затратах труда, стимулировали быструю концентрацию здесь узбекских племен и родов. В связи с полным восстановлением основного русла Аму-Дарьи в сторону Аральского моря открылась широкая возможность освоения больших участков по естественным водным рубежам, где легко было регулировать распределение воды и без проведения магистральных каналов, без заботы об их исправности и без особых трудов по сохранению плодородности используемых участков, ибо в начале освоения этих земель жители Арала часто перекочевывали с участка на участок.

К концу XVII в. в Арале, как и в Южном Хорезме, наблюдается широкое освоение земельных участков и постепенное оседание узбеков, а затем каракалпаков, на земли, расположенные по естественным протокам и искусственным каналам.

Наличие здесь целого ряда дельтовых протоков и частые перемены их русел сначала не вызывали большой необходимости в постройке магистральных каналов, так как наличие огромного количества больших и малых плотин на протоках свидетельствует о широком развитии работ по осушению земель и по регулированию протоков. Вместе с тем наблюдается и сооружение таких значительных искусственных каналов, как, например, Эшим (Исим на картах).

К середине XVIII в. на территории Арала мы видим целую систему земледельческих оазисов с развитым скотоводством, заселенных узбеками

и каракалпаками, с центрами: Ак-Якыш на Даукаре и Шах-Темир и Мангыт — в средней части дельты.

Кроме них, на Арале были выстроены крепости отдельными наиболее мощными родами, как, например, Нукуз, Кият, Кунград, из которых последняя в конце XVIII и в начале XIX вв. стала центром нового политического объединения Арала.

Пределы аральских земель кончались у г. Ходжейли, который представлял собой мощную пограничную крепость с многочисленным населением.

При Абулгази Ходжейли как город и крепость еще не существовал. Очень возможно, что укрепление Ходжейли возникло в XVII в. в связи с расселением узбеков по родоплеменным группировкам, когда род ходжейли (ходжа-эли, т. е. «род ходжей») был включен в состав группы (тюпе) мангыт-нукуз[55].

За мангытами, ходжейли и нукузами были закреплены земли по основному течению Аму-Дарьи ниже Гурлена. Это был очень выгодный район, так как там сосредоточилась торговля зерном и скотом, поступавшими с земель Арала. Ввиду удобного положения на основной переправе между Аралом и Хивой, Ходжейли был основным пунктом остановки караванов, где производился также и сбор правительственных пошлин (باجمان خانه).

Судя по сообщениям хивинских хроник, Ходжейли была наиболее неприступной крепостью и служила форпостом аральцев против Хивинского ханства. Когда в 1804 г. хану Ильтузару удалось овладеть этой крепостью, он, прежде всего, распорядился разрушить ее стены. Большая ханская армия в три дня уничтожила все укрепления города[56].

Все орошаемые земли Хорезма, как по крупным ирригационным каналам, так и вдоль реки, были заселены узбеками. Большие районы орошаемых земель около древних городов оставались в руках коренного оседлого населения, которое из-за отсутствия родовых делений называли сартами. Жители городов Хивы, Ургенча, Ханки, Кята и прилегающих к ним селений также называли себя сартами. Сарты занимали главное место в развитии земледельческого и городского хозяйства страны. Узбеки, которые позже перешли к оседлости, сохранили традиционное родовое деление, но по языку и обычаям ничем не отличались от сартов.

Если сопоставить названия, встречающиеся в ирригационной сети, с данными этнографии, получается ясная картина расселения целого ряда родов по каналам и протокам. Например, канал Суанли стал называться Ходжейлинским[57], по имени поселившегося на нем рода, канал Аман-Кули—Кенегес, канал Аталык—Мангыт-Арна. Отдельные каналы сразу получили названия поселившихся на них родов: Қанглы (к югу от Лауза-на)[58], Қыпчак[59], Уйгур, Найман, Нукуз[60] (около Гурлена), Хызр-Эли[61], канал рода башкирд (между Хазараспом и Гурленом)[62].

На правом же берегу, севернее Шейх-Аббаса, есть арыки Кунграт[63], Уйгур, Уйшун[64] и др. Конечно, в настоящее время в новой социально-эко-

---

[55] Баяни, Указ. соч., л. 43а.
[56] Баяни, Указ. соч., л. 128а.
[57] Там же, л. 150б.
[58] Там же.
[59] Там же
[60] См. десятиверстную карту 1905 г.
[61] Баяни, Указ. соч., л. 126а.
[62] Муниса Агехи فردوس الاقبال ркп. ИВАН, № 6, л. 64б.
[63] Баяни, Указ. соч., л. 148б.
[64] Там же, л. 169а.

номической обстановке в связи с социальными изменениями и постепенным стиранием черт родовых отношений, расселение родами уже не соблюдается, но восстановление прежней картины путем этнографического исследования пока еще не представляет трудности.

Остановимся теперь на расселении каракалпаков в пределах Хорезма и его периферии. Выше мы говорили о каракалпаках на Сыр-Дарье и на ее дельтовых протоках—Куван-Дарье и Яна-Дарье, где они вели орошаемое земледелие, строили искусственные каналы и плотины[65].

Путешественники XVIII в. и позднейшие исследователи отмечают, что во многих местах долины рек Куван-Дарьи и Яна-Дарьи сохранились значительные следы ирригационных сооружений, расположение которых соответствует зоне расселения каракалпаков в конце XVII и первой половине XVIII вв.[66]

В бассейне Куван-Дарьи и Яна-Дарьи Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция путем авиаразведки зарегистрировала интересную картину следов орошаемого земледелия каракалпаков. Повсюду были отмечены следы оросительной сети, планировки полей, круги от некогда стоявших здесь юрт, глинобитные изгороди, ограничивающие причудливую неправильную планировку дворов, развалины небольших глинобитных построек, многочисленные группы мазаров. Следы ирригации и селений особенно густо сконцентрированы в междуречье Яны и Куван-Дарьи[67].

Каракалпаки после разгрома, причиненного им в 1743 г. казахами, лишились значительного количества скота, земли и пастбищ и вынуждены были покинуть районы, примыкавшие непосредственно к кочевьям Малой Орды[68]. Часть их устремилась на Яна-Дарью и в районы к юго-востоку от Аральского моря (смежные с Аральским владением и Хивой). Следует впрочем отметить, что и переселение на Яна-Дарью и даже к границам Хивы не избавляло каракалпаков от насилий со стороны ханов Малой Орды.

Как указывает существующее среди казахов предание, переселившиеся на Яна-Дарью каракалпаки произвели здесь обширные оросительные работы, результатами которых они, однако, пользовались недолго[69].

П. П. Иванов полагает, что каракалпаки еще в начале XVIII в. в значительной массе проникли в земли Арала и во внутренние пределы Хивинского ханства.

Хивинский историк Агехи сообщает, что каракалпаки просили разрешения поселиться в пределах Хивинского ханства только при Мухаммед Амин-инаке [1755—1790), который дал им свое согласие и разрешил поселиться на землях, лежащих в восточной части дельты между Кок-Узяком и Аральским морем[70]. П. П. Иванов, игнорируя прямые указания Агехи и Бланкеннагеля[71], утверждает, что каракалпаки появились в дельте Аму-Дарьи гораздо раньше[72]. Агехи отмечает, что эпизодические вторжения каракалпаков имели место еще при Ширгази-хане; для вытеснения каракалпаков с Ак-Якыша пришлось предпринять специальный поход. Однако

[65] Материалы по истории каракалпаков, сборник. Труды ИВАН, т. VII, Л., 1935, стр. 47.

[66] Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная Гладышевым и Муравиным в 1740—1741 годах, стр. 51—55.

[67] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации; М., 1948, стр. 125—128.

[68] Материалы по истории каракалпаков, сборник. Труды ИВАН, т. VII, Л., 1935, стр. 66.

[69] П. П. Иванов, Очерки истории каракалпаков, стр. 66—67.

[70] Агехи, رياض الدولة ркп. ИВАН, № Д 123, л. 74а и б.

[71] Записки Бланкеннагеля, Вестник РГО, 1858, т. XXII, стр. 96.

[72] Материалы по истории каракалпаков, стр. 73—74.

эти вторжения не приводили к длительному их оседанию: хивинские ханы, насколько известно, не давали санкции на проживание в ханстве каракалпакам, страдавшим от натисков казахов Малой Орды и потому стремившимся осесть в Хивинском ханстве.

Однако сюда, в Хорезм устремилась тогда не вся масса каракалпаков; большая часть их вместе с казахами еще оставалась на Куван-Дарье[73]. В Хорезме же поселились те каракалпаки, которые долгое время делали безуспешные попытки осесть на землях Арала и в конце концов получили официальное согласие Мухаммед Амин-инака на хивинское подданство и право пользования землями. Каракалпакский род хтай, который в 1801 г. зафиксирован на территории Даукары, в 1772 г. осел значительно ближе, в районе Ходжейли и в верховьях Кок-Узяка.

Каракалпаки примерно в конце пятидесятых годов XVIII в. активно участвовали в осуществлении ирригационных мероприятий Хивинского ханства не только в дельте, но и значительно выше пределов последней. Мунис при упоминании канала Аман-Кули говорит, что правитель каракалпакских кенегесов—Аман-Кули-бий вывел этот арык из Аму-Дарьи около истоков канала Севканли и довел его до земель кенегесов в начале правления Мухаммед Амин-инака[74].

Все эти ирригационные мероприятия нашли свое отражение в картографических материалах конца XIX начала XX вв.

Каракалпаки рода кенегес, которые поселились на построенном ими канале Аман-Кули к югу от Ходжейли, позднее проникли на юг в район Куба-дага. Таким образом, в то время, когда хивинские ханы вели борьбу за установление своей власти над каракалпаками Яна-Дарьи и Ак-Якыша, одна часть их уже давно находилась в хивинском подданстве в пределах внутренних районов ханства.

Победа Мухаммед Амин-инака над аральцами не была прочной. Аральцы, переселенные им из Арала в нынешний г. Мангыт, в 1793 г. при его преемнике Аваз-инаке (1790—1804) снова отложились от Хивы. Теперь сопротивление аральцев возглавили братья Ходжа Мурад Суфи и Тюря Мурад Суфи (выходцы из того же рода кунграт, к которому принадлежали и хивинские инаки)[75]. Хивинским ханам пришлось 18 лет (1793—1811) воевать с Кунградом и удерживать натиск аральцев. Хивинские инаки полновластно правили всеми делами ханства; однако, отдавая дань традиции, укоренившейся во всех среднеазиатских ханствах, держали в столице кого-нибудь из чингизидов в качестве подставного хана.

Когда хивинские инаки-кунграты обеспечили себе прочную власть, они решили убрать марионеточных ханов и присвоить себе титул хана. Первым из них был сын Аваз-инака Ильтузар (1804—1806), который «с шайкой своих приверженцев, уничтожив прежний порядок, поработил своей власти все поколения и возложил тяжелые оковы на своих соотечественников, соделавшись единым самовластным и неограниченным повелителем или ханом всего хивинского народа»[76].

Хан Ильтузар украсил свою столицу—г. Хиву—новыми постройками и стал вводить другие порядки в стране.

---

[73] Материалы по истории каракалпаков, стр. 74.

[74] Мунис-Агехи, فردوس الاقبال л. 196б.

[75] Баяни пытается объяснить происхождение этого титула новых кунгратских владельцев Арала их тесными сношениями с дервишами-суфи. На самом же деле это титул кунгратских династов, правивших Хорезмом.

[76] Н. Муравьев, Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 — 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М., 1822, ч. II, стр. 18.

В хивинских хрониках в очень туманных выражениях говорится о какой-то реформе порядка сбора податей, которую ввел Ильтузар-хан. Речь, очевидно, идет о централизации сбора податей и публичных работ, об отмене власти родовых биев и правителей отдельных областей. И действительно, с этого времени наблюдается частое упоминание о назначении кази и правителей в разные области и районы именно хивинскими ханами[77]. За исключением туркмен и каракалпаков, все узбекские роды стали управляться лицами, назначаемыми хивинскими ханами. Раньше глава того или другого рода или племени приходил в Хиву с податью, собранной им по собственному усмотрению—теперь же хивинские ханы сами стали устанавливать податную способность района и назначать туда своих сборщиков. Воинские чины, находящиеся в распоряжении провинциальных правителей, получали жалованье из ханской казны[78].

Хивинским инакам (позже ханам) пришлось вести длительную борьбу также и с непокорными, свободолюбивыми туркменскими племенами в пределах ханства и за его пределами. Хивинские ханы, желавшие использовать туркмен как военную силу в своих честолюбивых замыслах против аральцев и Мавераннахра, стремились привлечь их на территорию ханства, предоставляя им земли.

Туркмены, вытесненные племенем теке из Южной Туркмении, пришли в Хорезм при Аваз-инаке (1790—1804). Аваз-инак поселил их на территории племени кенегес, расположенной в низовьях канала Аман-Кули (в 10 *км* к югу от г. Ходжейли)[79].

Во второй половине XVIII в. в западной части Арала жили чоудоры. Крепость чоудоров находилась у подножия чинков Устюрта, в 15—18*км* к северо-западу от г. Кунграда.

Известно также, что чоудоры как жители Арала все время были связаны с Кунградом и оказывали ему военную помощь против Хивы[80]. Хивинские ханы всячески старались отколоть чоудоров от Кунграда и добились этого лишь в 1810 г., переселив их в район Порсу, к западу от г. Мангыта.

При Ильтузар-хане в Хорезм пришли и йомуты, также вытесненные из пределов Южной Туркмении племенем теке. Им был «пожалован» район Муз-Кумган, а живших там имрели переселили в район Янги-Арыка[81].

В 1806 г. на правом берегу Аму-Дарьи, в районе Шейх-Аббаса произошла битва с войсками бухарского хана; она кончилась поражением хивинцев. В этой битве погиб и Ильтузар-хан. Его сменил брат Ильтузара Мухаммед Рахим I (1806—1825), который достиг ханского престола тем же кровавым путем узурпаторства и подавления интересов угнетенных народных масс.

Узбеки Мавераннахра и Хорезма, разделенные между двумя соседними ханствами, вовлекались их правителями в братоубийственные войны в интересах кучки феодалов и беков. Междоусобная борьба, бесконечные военные действия против мирного населения внутри Хорезма, сопровождавшиеся грабежом и насилиями, произвол феодалов—все это заставило многие узбекские роды покинуть Хорезм и вызвало попытку к восстанию против Мухаммед Рахим-хана I[82].

---

[77] Баяни, Указ., соч., л. 115б, 201б, 202а.

[78] Архив хивинских ханов, хранящийся в Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, тетр. № 60.

[79] МИТТ, т. II, стр. 355.

[80] Баяни, Указ. соч., л. 150б, 151а.

[81] МИТТ, т. II, стр. 370, الافغال فردوس.

[82] Баяни, Указ. соч., л. 141б.

Мухаммед Рахим-хан подавил это восстание, после чего направил все свои усилия против Кунграда; для этого он решил изолировать Кунград от окружающих племен — чоудоров, каракалпаков и т. п. и прекратил водоснабжение города.

Сначала Мухаммед Рахиму удалось покорить каракалпакские племена—хтай, хасанбай, мангыт—и переселить их в районы Ак-Якыша, Кок-Узяка, Ходжейли.

Теми же способами хан Мухаммед Рахим изолировал чоудоров от Кунграда и переселил их на юг.

Вся западная часть дельты, в том числе окрестности Кунграда, орошались водами трех протоков—Чуманай, Чанглы-Басу и Терс-Акар.

Водами этих протоков, сменивших прежние каналы, орошались теперь большие посевные площади в Айбугире и Куйгуне. Истоки Чанглы-Басу, Чуманая и Терс-Акара находились очень близко друг от друга, приблизительно в 40 *км* к северо-западу от г. Ходжейли.

«В прежние времена Чанглы-Басу и Чуманай были ничтожными протоками Аму-Дарьи и, обогнув плато Аранг (ارنك قرى‌سنك ارقه‌سيدن اوتوب) с северной стороны, образовали озеро. Часто во времена спада воды в реке они усыхали; на переправе Ат-юлы (в 10 *км* к югу от Кунграда.—*Я. Г.*) глубина воды не бывала даже по брюхо лошади. После времени правления Мухаммеда Амин-инака (1790) вода стала прибывать в этих протоках и ко времени Мухаммед Рахим-хана каждый из них превратился в большую реку. Выше переправы Сайкечу (в 2 *км* выше Ат-юлы.—*Я. Г.*) оба протока соединялись и единым руслом впадали в Аральское море (Ачик Тенгиз); на переправе Ат-юлы переезд без лодок стал невозможным. Жители Арала провели из них большие и малые каналы и ими орошали свои посевы[83].

Его величество хан из-за вредных действий (кунградских) мятежников решил закрыть доступ воды в эти протоки; войско и ополченцев (قراچيريك) он разделил на три отряда и одному поручил сбор тугайного хвороста, другому сбор дерна, третьему сбор камыша и земли... На каждом берегу из заготовленных материалов соорудили цилиндрические наварды[84] (фашины длиной в 60 гязов[85] и диаметром в 20—30 гязов). Ежедневно с каждого берега опускали по 15 навардов и хан отправил посла к Тюря Суфи с предупреждением. Таким способом в восемь дней закрыли истоки Чуманая плотиной около 200 кари[86], длиной и глубиной 50 гязов. Чанглы-Басу также закрыли в восемь дней. Длина этой плотины была около 180 кари, а глубина 60 гязов. Одновременно закрыли и истоки Терс-Акара («Обратно текущий»). Ширина истока Терс-Акара, где была сооружена плотина, достигала 30 гязов, глубина 6 кари.

Завершив все работы по закрытию доступа воды, хан решил идти на Кунград, однако приближенные уговорили его ограничиться закрытием воды. На плотине построили крепость, где оставили пятитысячный гарнизон во главе с братом хана—Кутлуг Мурад-инаком.

Однако плотина не выдержала напора воды и через 20 дней была снесена водой; Кутлуг Мурад-инак с гарнизоном вернулся в Хиву.

---

[83] Из этих каналов в источнике упоминаются названия только двух небольших каналов — Ивичка и Ихлас, выведенных в шести и восьми километрах южнее Кунграда.

[84] См. главу настоящей работы «Из истории ирригационной техники в Хорезме».

[85] Гяз—110 *см*.

[86] Кари около 2 аршин.

В 1811 г. хан организовал четвертый поход на Кунград и долго осаждал его, моря осажденных голодом. В 40 *км* к северу от Кунграда, на протоке Талдык была крепость Шур-Кала, где сидели каракалпаки. Хан лично пошел на эту крепость, форсированным маршем в тот же день занял ее и переселил ее жителей на южные границы Арала. Озеро Мачанкуль в то время было удобно для посевов. Жители Арала собирали там большие урожаи хлеба. Хан поручил специальному отряду забрать из этого урожая сколько можно, а остальное уничтожить на месте. Также он поступил с посевами в окрестностях Кунграда и около городища Бограхан»[87].

Озеро Мачанкуль, расположенное в 15 *км* к северу от Кунграда, занимает большую территорию. Во время нашего посещения осенью 1946 г. вся территория озера была залита водой и заросла камышом. Мазар и урочище Хаким-Ата (Бакирган), находящиеся в 22 *км* к северу от Кунграда, в то время также были залиты водой этого озера. Развалины г. Медмини (Бограхан в хивинских хрониках), расположенные в 15—16 *км* севернее Кунграда, часто подвергались затоплению. На десятиверстной карте 1905 г. Мачанкуль занимает еще небольшую площадь, а урочище Хаким-Ата показано на совершенно сухом месте. На карте 1873 г. А. В. Каульбарса большая территория Мачанкуля и урочища Хаким-Ата покрыта тугаями.

В начале и в первой четверти XIX в., как можно судить по описаниям хивинских хроник, все эти места были свободными от воды.

Прорывы по отдельным каналам и перемены русел реки повторялись многократно; поэтому проследить историю затопления и осушения западной части дельты, так же как и всей дельты, почти невозможно. Окруженный прекрасным оазисом, г. Кунград из небольшой малолюдной крепости вырос в значительный город. Во время взятия его хивинцами в 1811 г. он имел четверо ворот, а также внешние и внутренние укрепления; территория города могла вместить 20 000 домов (тут, конечно, не исключена возможность и некоторого преувеличения)[88]. Победу хивинцам обеспечила измена некоторых племенных группировок внутри Куиграда; город в три дня был разрушен до основания и жители его насильно переселены в южные районы Хорезма[89].

Победа, одержанная над Кунградом, стала одним из решающих поворотных моментов в деле укрепления власти Мухаммед Рахим-хана над каракалпаками и туркменами. После ликвидации власти аральцев Мухаммед Рахим-хан распорядился вторично переселить племя нукуз на их прежнюю территорию на протоке Саримай[90]. Крепость племени мангыт была разрушена хивинцами в 1800 г. Однако после победы над кунгратами Мухаммед Рахим снова собрал мангытов и восстановил их крепость[91].

Длительная борьба каракалпаков с Казахской ордой давно уже привлекла к себе внимание хивинских ханов.

После переселения каракалпаков с Яна-Дарьи на Ак-Якыш казахи, по словам хивинской хроники, начали устраивать набеги на каракалпаков и грабить хивинские и бухарские караваны, идущие в сторону России. Кроме того, казахи, несмотря на то, что эта территория была присоединена к владениям Хивинского ханства, стали переселяться на Яна-Дарью[92].

[87] Баяни, Указ. соч., л. 165а, 191а и б.
[88] Баяни, Указ. соч., л. 195а и б.
[89] Баяни, Указ. соч., л. 197б, 200б.
[90] Там же, л. 201б.
[91] Там же.
[92] Баяни, Указ. соч., лл. 203—205.

После победы над Кунградом хан Мухаммед Рахим в 1227 (1812) г. пошел на казахов. Поход его был успешен. После этого казахи долго оставались в зависимости от Хивы, ежегодно принося ей дань[93].

Теперь Мухаммед Рахим начал ставить казахских ханов на Сыр-Дарье по собственному усмотрению[94].

«Наведя порядки» на севере страны,—читаем мы в хивинских хрониках,—Мухаммед Рахим-хан обратил свое оружие против племен южных областей современной Туркмении и поставил себе целью переселение ряда туркменских племен в Хорезм. Тут он столкнулся с интересами Бухары, которая не желала появления хивинцев на землях по Теджену и Мургабу, где бухарцы проводили собственную политику.

В Хивинском ханстве наступило относительное спокойствие. Мухаммед Рахим-хан занялся укреплением столицы и расширением поливных площадей,—что было необходимо как для переселения туда туркмен, так и для награждения военной верхушки.

Крупным ирригационным мероприятием было сооружение в 1815 г. магистрального канала Клыч-Ниязбай. «(Канал) вывели из протока Баглан,—пишет Баяни,—провели его по южной стороне Гурлена, севернее Кията и затем, продолжая по южной стороне хтайского Янги-Кала, довели низовье до Шаркраука (Дарьялыка.—*Я. Г.*). Канал известен под названием Клыч-Ниязбай Арнасы.»[95] Упомянутый в хивинской хронике канал Баглан-Арна в действительности представляет собой значительный проток Аму-Дарьи, описанный А. В. Каульбарсом под названием Кичкине-Дарья (Малая река)[96], на котором находились истоки каналов Клыч-Ниязбай и Ярмыш; между ними проходило русло Дарьялыка[97].

Из канала Клыч-Ниязбай влево выходил канал Бешуйли, а вправо—каналы Гурлен, Нукус, Уйгур, Палванбек[98].

Канал Клыч-Ниязбай был сооружен специально для орошения пустующих земель вдоль правого берега Дарьялыка, чем значительно была расширена орошаемая площадь Южного Хорезма. На канале, в 66 *км* ниже его истоков, по установившейся традиции была сооружена крепость, которая, как и канал, носит имя одного из известных сановников Мухаммед Рахим-хана—Клыч-Нияз-бая.

Г. И. Данилевский упоминает между каналами Клыч-Ниязбай и Мангыт-Арна канал Каракуз, который протекал к северо-западу от Булдумсаза.

По сообщению Г. И. Данилевского, «истоки канала Арна (Аталык-Арна или Мангыт-Арна) находились в 24 верстах ниже истоков Каракуза и в 8 верстах выше г. Мангыт. Длина канала равнялась 60 верстам; в низовьях Арны от нее отделялся значительный канал Янги-Яб и, пройдя 33 версты в юго-западном направлении, терялся в песках»[99].

У Г. И. Данилевского отсутствует ясность в определении направления этих двух каналов, а также расстояния между их истоками. Если исходить из приводимых им цифр, истоки Мангыт-Арна должны находиться на широте г. Мангыта; это противоречит его же указанию, что этот канал «течет с востока на запад»; г. Мангыт также никак не мог находиться в восьми верстах ниже по течению этого канала.

---

[93] Н. Муравьев, Путешествие в Туркмению и Хиву, ч. II, стр. 44—45.
[94] Н. Веселовский, Указ. соч., стр. 271—272.
[95] Баяни, Указ. соч., л. 217б.
[96] А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, стр. 20—29.
[97] Там же.
[98] Г. И. Данилевский, Описание Хивинского ханства, Записки РГО, 1851, кн. V, стр. 83.
[99] Г. И. Данилевский, Указ. соч., стр. 83—84.

В хивинских хрониках начала XIX в. Янги-Яб упоминается в связи с событиями в районе к юго-западу от развалин Миздаххана[100]. Такое упоминание вызывается тем, что Янги-Яб и Каракуз первоначально были названием одного и того же канала, построенного Доулет Кара-Кузом, известным сановником Хивинского ханства в первой половине XIX в. Доулет Кара-Куз часто упоминается в Хивинских хрониках на равном положении с Кыч-Нияз-баем. По разъяснению хорезмских мирабов, канал Янги-Яб был построен Доулет Кара-Кузом за три года до победы над Кунградом, т. е. в 1808 г. Канал Каракуз подвергался многим изменениям: его то сокращали, перенося низовья его на Аталык-Арна, то снова удлиняли[101].

Сокращение или перемена направления Янги-Яба (Каракуз) и перенесение его низового течения на Мангыт-Арна, безусловно, произошло после того, как Мухаммед Рахим, расправившись с аральцами, распорядился восстановить крепость Мангыт; одновременно, по-видимому, изменены были истоки и низовья Мангыт-Арна.

Первый прорыв по Лаузану (Лаудану)[102] образовался не раньше начала XIX в. О его происхождении Баяни сообщает, что некий каракалпак, по имени Лаузан-бай, прорыл здесь маленькую канавку (салма) для орошения собственных посевов. Впоследствии река прорвалась в эту канавку, образовав большой проток, который по-прежнему носил имя прорывшего канавку Лаузан-бая[103]. Баяни ошибочно относит это событие к периоду правления Аллакули-хана (1825—1842), т. е. путает его со вторым прорывом Лаузана.

В 1814 г. по приказу Мухаммед Рахим-хана производится генеральная очистка низовий канала Шахабад, а в 1815 г. на нем возводится крепость Ташхауз (تاش حوض, Ташауз на картах.—Я. Г.)[104].

В 1810 г. Мухаммед Рахим-хан распорядился, чтобы из низовьев канала Янги-Арык провели воду в урочище Ак-Мечеть (в 20 *км* к юго-востоку от Хивы) и благоустроили местность[105].

Все эти мероприятия имели целью расселение здесь «мятежных» уйгуров, переведенных из района Гурлена. Мухаммед Рахим-хан в качестве репрессивной меры разделил все племя на три части: одну часть он переселил на вновь орошенные земли в Ак-Мечети, другую—в Ташауз, а третью—на канал Зах, к северу от г. Хивы.

В первой четверти XIX в. на правом берегу Аму-Дарьи не было еще больших населенных пунктов. В описании событий 1806 г. говорится о хорошо укрепленном рабате Ильтузар-хана к северу от Шейх-Аббаса[106].

К северу же от Шейх-Аббаса сын Ильтузар-хана Рахман-берды-бий вывел небольшой канал и вдоль его берегов расположил свои имения, отчего получило свое название селение Бий-базар[107].

---

[100] Баяни, Указ. соч., л. 102.

[101] По длине и направлению Каракуз соответствует Янги-Ябу; на карте А. В. Каульбарса, а также на карте 1905 г., он показан под этим названием как небольшой канал длиной около 50 *км*. На карте А. В. Каульбарса нанесено также сухое русло этого канала, пересеченное новым его руслом.

[102] В хивинских хрониках встречаются оба варианта названия.

[103] Баяни, Указ. соч., л. 329б.

[104] Там же, л. 218а; 294а. По-видимому, у Баяни здесь речь идет только о подготовительных работах к сооружению крепости, так как в другом месте постройка крепости Ташауз им отнесена к 1835—1836 гг., т. е. ко времени правления Аллакули-хана.

[105] Там же, л. 170а.

[106] Баяни, Указ. соч., л. 137а.

[107] В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 102.

Кроме канала Рахман-берды-бия, в этом районе были еще небольшие каналы родов уйгур, кунграт и найман[108].

На правобережье было неспокойно, так как казахи и бухарцы часто совершали набеги из районов Яна-Дарьи и Куван-Дарьи: поэтому дальнейшее восстановление Шураханского и Шаббазского оазисов всецело зависело от налаживания бухарско-хивинских отношений.

Во втором десятилетии XIX в. борьба Хорезма с Бухарой за господство в Мервском оазисе стала особенно напряженной. Между армиями бухарцев и хивинцев дважды произошли столкновения в окрестностях Чарджоу и Фараба—и каждый раз столкновения кончались поражением хивинцев.

Мухаммед Рахим решил изменить тактику, ослабляя противника набегами на земли Бухарского оазиса; укомплектованные чоудорами, каракалпаками и узбеками специальные отряды один за другим каждый месяц совершали набеги на Бухару. В 1823 г. Мухаммед Рахим сам пошел на Бухару с большой армией. Он занял селение Какштуван, переселил его жителей в Хорезм и разместил их в районе Ильялы[109].

В 1824 г. хивинский отряд занял г. Пейкенд и переселил его жителей тоже в районе Ильялы[110]. В этом же районе несколько позже упоминается селение Хайрабад[111], название селения в Бухарском оазисе.

По-видимому, это селение получило свое название после похода Мухаммед Рахима в 1820 г. на одноименное селение в Бухарском оазисе. Возможно, что он переселил в Хорезм и его жителей. Однако в хивинских хрониках об этом не упоминается.

Наконец, в 1825 г. по инициативе эмира Хайдера между обоими ханствами произошло примирение, но лишь на короткое время.

Одновременно с набегами на Бухарский оазис Мухаммед Рахим всемерно стремился подчинить себе также жителей всех оазисов Южного Туркменистана и переселить на вновь орошенные окраинные земли Хорезма воинственные туркменские племена. Их наделяли орошенными землями, как обычно требуя за это от переселенных туркмен военную службу. Так, например, Мухаммед Рахим в период борьбы за Мерв обратился к некоторым главарям племени теке со специальным письмом, где говорил: «Те из племени теке, которые переселятся вместе с вами в Хорезм, будут прощены в грехах; в противном случае все они обречены царскому гневу... Мы вам (текинцам) пожаловали земли в низовьях канала Найман»[112]. Чтобы заставить текинцев быть сговорчивее, хивинский хан одновременно обратился к курдам Северного Хорасана с письмом: «Если хотите быть в дружбе с нами, не медлите с набегами на племя теке.»[113]

В 1814 г. кзылрабатские (кзыларватские) теке, которые во второй половине XIX в. жили в районе Уаза[114], переселились в Хорезм[115].

В первой четверти XIX в. все оазисы Южного Туркменистана испытали силу хивинского оружия, жители его были измучены набегами и походами хивинцев и пришли в полное отчаяние.

Во второй четверти того же века эти действия хивинцев распространились и на пределы Северного Ирана.

---

[108] Баяни, Указ. соч., л. 149б.
[109] Баяни, Указ. соч., л. 245а, 250а.
[110] Там же, л. 249б.
[111] Там же, л. 396а.
[112] Баяни, Указ. соч., л. 220а.
[113] Там же.
[114] Там же, л. 265б.
[115] Там же, л. 232а.

В 1826 г. хивинские войска проникли в пределы Хорасана, разрушили крепость Ак-Дербенд, а жителей крепости переселили в Хорезм в селение, которое до сих пор известно под названием Ак-Дербенд; оно находится в 17 км к северо-западу от г. Хивы.

В 1828 г. из Северного Хорасана в Хорезм переселили жителей крепости Джелкан: в 1829 г. с границ Хорасана переселили али-эли, которых разместили в окрестностях Булдумсаза.

К концу двадцатых годов были осуществлены два значительных ирригационных мероприятия: в 1828 г.—сооружение новой головы Палван-Яба—Ташсака (Каменная голова канала) и в 1831 г. — проведение канала в район Куня-Ургенча.

«...Был весенний период и посевы страны страдали от нехватки воды,—пишет Баяни.—Его величество (хан.—*Я. Г.*) выступил (из города.—*Я. Г.*) и прибыл на голову канала Пахлаван-Аты. В прошлом году здесь в скале была проложена новая голова этого канала, известная под названием «Таш Сака», которую теперь завершили, пропустили воду через нее и (хан) вернулся»[116].

Постройка Ташсака, весьма устойчивой головы в каменистом грунте, в значительной мере обеспечила эффективность действия этого наиболее многоводного канала Южного Хорезма.

Выше мы говорили о прорыве вод Аму-Дарьи по каналу Лаудан (Лаузан) в 1815 г. и о закрытии его в 1819 г.

Хивинские авторы сообщают о вторичном прорыве по Лаузану и другим соседним с ним каналам, в результате чего, по их словам, к востоку от Куня-Ургенча образовалось большое озеро[117]. С одной стороны, воды этого громадного озера прорвались в Шаркраук (русло Дарьялык), с другой—они направились к чинкам Устюрта в западной части нижней дельты. Там они образовали обширное Айбугирское озеро; излишки вод в северной части дельты впадали в Аральское море[118].

При постройке Куня-Ургенчского канала (Арны) воду вывели из озера, образовавшегося у Лаузана, канал провели севернее мавзолея шейха Наджм-эд-дина Кубра, в двух фарсахах от города[119].

Проведением этого канала хивинцы восстановили ирригацию района Куня-Ургенча и вообще правобережной части Дарьялыка, пришедшую в полный упадок еще до того в связи с его высыханием в XVI в. Однако мощность канала все еще не была достаточной для орошения всех прежде орошенных земель этого района; его не довели даже до развалин Шемахи (Кум-Кевд) и Дев-Кескена (Везира).

По словам хивинских историков, канал был широким и глубоким (عريض و عميق) [120] и по своему расположению вполне совпадал со старым каналом Каан (Кавун-Суйи у Низам-эд-дина Шами)[121].

Вслед за расширением орошаемых земель Аллакули-хан усиленно взялся за насильственное переселение туда все новых, совершенно не заинтересованных в этом переселении племен и народностей.

---

[116] Баяни, Указ. соч., л. 277б.
[117] Баяни, Указ. соч., л. 232б; В. В. Бартольд, Орошение Туркестана, стр. 99.
[118] Баяни, Указ. соч., л. 232б; Г. И. Данилевский видел это озеро в 1842 г., когда оно постепенно начало высыхать вследствие ограничения поступления в него воды (Г. И. Данилевский, Описание Хивинского ханства, стр. 77—78).
[119] Агехи, ркп. № Е—6, л. 336а и б; по Баяни, он длиннее на три фарсаха (Баяни, Указ. соч., л. 232б).
[120] Баяни, Указ. соч., л. 232б.
[121] МИТТ, т. I, стр. 516

В 1836 г. он переселил с берегов р. Гурлен в район Куня-Ургенча племя гоклен[122]. В 1841 г. переселил в низовья канала Клыч-Ниязбай племя джемшидов, которое до этого проживало в области Бадгис[123] в пределах Хорасана и состояло из 12 000 семейств (в Хорезм из них было уведено 7600 семейств)[124]. Джемшиды были первоклассными наездниками и вскоре двухтысячная конница джемшидов в войсковых соединениях Аллакули-хана начала оспаривать первенство у прославленной йомутской конницы.

В 1841 г. Аллакули-хан переселил в Хорезм жителей небольших бухарских селений Усты, Илджик, Херадж, Денау, Чекес, Ходжа-Кенафс и ряда других; он расселил их в низовьях каналов Каракуз, Клыч-Ниязбай и Хан-Яб (Куня-Ургенчский канал).

«Жители бухарского селения Лебаб,—читаем в хивинских хрониках,—со времени переселения при Аллакули-хане сидели на канале Басу между Мангытом и Кипчаком... Аллакули-хан построил плотину на Дарьялыке у развалин Куня-Везира (Дев-Кескен) и там орошал земли, пригодные к земледелию. Жителей Лебаба переселили туда с берегов канала Басу.»[125]

В сороковых и пятидесятых годах XIX в. началось орошение громадной полосы пустырей к югу от Дарьялыка. Подробности этого мероприятия в хивинских хрониках изложены следующим образом:

«В 1846 году хан Мухаммед Амин (1846—1855.—*Я. Г.*) ...посетил район Куня Ургенча (район к югу от Куня-Ургенча.—*Я. Г.*). Земли и климат района ему понравились и он решил его благоустроить. (Он) приказал Шах-Мурад-инаку (сыну Клыч-Нияз-бая), чтобы тот провел сюда канал из Лаудана. Шах-Мурад провел канал до окрестностей Кандум-Калы и там построил сад и дворец для хана. Поэтому этот канал назвали именем Шахмурада («Шомрат», на картах. — *Я. Г.*).

Так же было поручено Мухаммед Амину юзбаши (сотнику), чтобы тот провел здесь другой канал из Шаркраука (Дарьялыка)[126]. Юзбаши довел этот канал до урочища «Баги Ашрах» и канал назвали «Сипан-Яб» (канал воинов), потому что все земли, орошенные каналом Сипан-Яб, были розданы царевичам, сановникам и всем чинам из войска. Из Дарьялыка вывели второй канал и довели его до урочища «Каттыг-Акар» (быстрое течение). Хан приказал и там построить для него сад с павильоном, а своему сыну Абдулла-Тюре выделил здесь 20 000 танапов земли. Все эти земляные работы были завершены в течение 12 дней... Всю местность назвали «Хан-Абад»[127].

Через два года хан снова прибыл в Ханабад и по его приказу Мухаммед Якуб-михтер во главе 12 000 землекопов расширил канал Шахмурад «до одного танапа», концы канала довел до Уаза, где разделил на две ветви; одну продлил до урочища Ташиклытам, а другую провел мимо крепости текинцев (в районе Уаза)[128]. В помощь землекопам пригнали каракалпаков, которых разделили на два отряда: первый отряд, возглавляемый Атамурадом кушбеги, направили для удлинения и расширения Куня-Ургенчского канала (Хан-Яб), доведя его до Шемахи (Кумкенд)

---

[122] Баяни, Указ. соч., л. 294а.
[123] Баяни, Указ соч., л. 303б.
[124] Н. Веселовский, Указ. соч., стр. 307.
[125] Агехи جامع الواقعات سلطانی рук. ИВАН, № Е—6, л. 464а.
[126] Где прорыв Лаудана образовал значительное течение.
[127] Баяни, Указ. соч., л. 329—330.
[128] Там же, л. 332б; существовала старая земельная мера длины — одна сторона танапа, равная 66 м.

близ Куня-Везира[129], а одну ветвь этого канала довели до урочища Кзылча-Кала к северо-западу от Куня-Ургенча. Второй отряд, расширив канал Сипан-Яб, вывел из него другой канал, который доходил до урочища Назарбай-Тегиш. Здесь дали землю семьям 700 конников (атли)[130] из туркменского племени кара-йилгунли (قرايلغونلى).

На урочище Кырккыз из Сипан-Яба вывели другой канал и довели его до Каракумов на урочище Сакар-Чага. Здесь туркменское племя сакар получило орошенные земли на 300 конников; кроме того, на канале Каттыг-Акар сакары получили земли на 200 конников, а на канале Кизанай—еще на 100[131].

У головы канала Кырккыз (в системе Сипан-Яб) роздали земли 100 беватанам[132], а в конце канала Шахмурад—текинцам и 200 беватанам. В районе Кзылча-Кала роздали земли племени карачока, в районе Чаштепе—чоудорам. В низовьях канала Хан-Яб земли получили 1000 конников гокленов.

Таким образом, к 1855 г. было завершено сплошное ирригационное освоение всей левобережной части верхней дельты, в том числе громадной территории Ханабада. При этом всех туркмен наделили землями с расчетом на их службу в коннице (даже норма надела земли называлась «атли»), разместили их в низовьях каналов, а верховья заселили беватанами из узбеков. Хивинские ханы свято хранили за узбеками эту привилегию—сидеть в верховьях каналов, что обеспечивало снабжение посевов водой. Недаром в Средней Азии сложилась поговорка: «Хоть отец твой мираб, все же старайся сидеть в верховье канала»[133].

Хан, воспользовавшись новым прорывом Лаузана в русле Дарьялыка, вывел новые каналы, чтобы максимально использовать водные ресурсы, регулирование воды в каналах обеспечивало ему власть над водопользователями.

Агехи, придворный историк Мухаммед Амин-хана, приводит весьма любопытный в этом отношении факт. В 1850 г. хан, совершая поездку по стране для ознакомления с жизнью населения, посетил г. Куня-Ургенч и велел построить плотину на р. Куня-Дарье, протекавшей к югу от него и называвшейся Шаркраук, с тем, чтобы «лишить воды... тех йомутов, которые обитали в устье реки (Дарьялыка) и занимались мятежом и разбоем.»[134] Это же событие описывается и послом Риза Кули-хана, посетившим Ханабад в 1851 г.[135]

Из этого сообщения можно заключить, что часть племени йомутов, «кулли йомуты», поселилась на прежних землях Адака и выше, где не было искусственного орошения, и здесь держала себя независимо. Поэтому хан решил уничтожить естественный водный рубеж, чтобы заставить йомутов переселиться в низовья каналов и по-прежнему нести военную службу. Многочисленные плотины (бенды) в разных пунктах Дарьялыка свидетельствуют о том, с каким упорством йомуты в этой отчаянной борьбе с ханами старались удержаться на землях Дарьялыка[136].

[129] Агехи, Указ. соч., л. 463б.
[130] Каждого конного воина наделили орошаемой землей площадью от 20 до 30 танапов.
[131] Баяни, Указ. соч., л. 332б.
[132] Беватаны—безземельные крестьяне, сидящие на амляковых землях.
[133] «Отанг мираб булса хам сунинг бошида бул».
[134] Агехи, „الارغەسوينماى جمعيتلارى پريشان قلق تابقاى جمع الواقعات سلطانى“, л. 484б.
[135] МИТТ, т. II, стр. 293.
[136] А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, стр. 408—425.

Здесь надлежит отметить, что освоение земель Ханабада началось значительно раньше времени Мухаммед Амин-хана. Выше мы уже приводили случаи поисков каракалпаками новых земель в районе Шаркраука (Дарьялыка) еще при хане Мухаммед Рахиме.

По словам старожилов, жителей районов Кунграда, один из каналов Ханабада—Каракалпак-ярган (прорытый каракалпаками) был построен каракалпаками в тридцатых годах XIX в. Хивинский хан Аллакули, хотя и разрешил им поселиться в этом районе, не принял никаких мер против притеснений, чинимых каракалпакам туркменами. Каракалпаки ушли оттуда, канал был заброшен.

Переходя к описанию дальнейшего освоения земель нижней дельты Аму-Дарьи (Арала), можно отметить что в первой четверти XIX в. каракалпаки окончательно расселились на Арале и выше его пределов.

Если при Мухаммед Амин-инаке им официально было разрешено поселиться на берегах Кок-Узяка до берегов Аральского моря, то при Мухаммед Рахиме I часть каракалпаков была переселена в северо-западные районы Арала. Каждый раз, когда Мухаммед Рахим нападал на эти каракалпакские роды или племена, он также переселял их, но уже на южные границы Арала. В результате каракалпаки окончательно освоили земли верхней дельты до пределов Чилпыка на правом, и до Кипчака—на левом берегу Аму-Дарьи.

После того как хивинский хан победил кунградцев, обстановка несколько разрядилась и каракалпаки, сохранив за собой вышеозначенные пределы верхней дельты, сосредоточились в средней и восточной части нижней дельты.

Они были поставлены в зависимость от хивинского ханства, так как: 1) не имели возможности переселяться на территорию Казахской Орды, поскольку последняя была подчинена Хиве; 2) в полной мере зависели от произвола хана при орошении освоенных ими земель Даукары на канале Кок-Узяк.

Наряду с каналами Пурхан и Эшим, каракалпаки широко освоили бассейн канала Кегейли. Последний является старым мощным протоком Аму-Дарьи, безусловно, относящимся к ее древнему курдерскому руслу.

Предание связывает происхождение г. Чимбая на Кегейли с развалинами города Шахтемира, посещенного Гладышевым и Муравиным в 1740—1741 гг.[137]

Канал под названием Кегейли впервые упоминается в 1820 г.[138] У Гладышева и Муравина указывается, что город Шахтемир находился около озера, имел ров вокруг стен, а воду пили из колодца[139].

В другом месте они же сообщают: «А город у них, аральцев, Шахтемир построен, не доехав Улу-Дарьи (Аму-Дарьи) реки 53 версты, на канале, который пропущен из речки Узен-Дарьи (Кок-Узяка) и сделан был из глины, и ныне весь развалился»[140].

Отсюда следует, что канал Кегейли функционировал в середине XVIII в. Очень возможно, что Чимбай как центр восточной части Арала возник во второй четверти XIX в., вслед за восстановлением и расшире-

---

[137] Л. Соболев, Письмо № 216, Исторические Известия, СПб., 1884; Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 годах Гладышевым и Муравиным, СПб., 1851, стр. 61. В хивинских хрониках город часто встречается под названием جن بای (Баяни, Указ. соч., л. 401а).

[138] Баяни, Указ. соч., л. 239б.

[139] Поездка из Орска в Хиву и обратно..., стр. 61.

[140] Там же стр. 72.

нием ирригационной сети бассейна Кегейли. До того в источниках в качестве ставки каракалпакских правителей фигурирует крепость Ак-Якыш на территории Даукары. В годы борьбы Мухаммед Рахима I с Кунградом он помог предводителю каракалпаков Айдост-бию построить—или, вернее, восстановить—старую крепость Ак-Якыш и сосредоточить там основную массу каракалпаков[141].

В 1827/28 г. Айдост-бий восстал против Аллакули-хана и пал в битве с хивинским отрядом, после чего Ак-Якыш как крепость в источниках больше уже не фигурирует. После этой победы Аллакули-хан мог в порядке репрессии закрыть доступ воды в Даукару. Из вышеприведенного рассказа А. Каульбарса мы узнаем, что Аллакули-хан дал каракалпаку Куваншу разрешение открыть воду из Кок-Узяка в Даукару; после того как была снесена старая перемычка, уже занесенная песками, вода беспрепятственно пошла по старому сухому руслу Укуз-Кеткена.

Куванш (Куванч), с именем которого связана Джарма (Ярма), может быть, тот самый Куванш бахадур из рода колдаули, который действовал вместе с Айдост-бием и спасся бегством от хивинцев, когда последние разбили Айдоста. Куванш бахадур, очевидно, впоследствии добился прощения Аллакули-хана и разрешения на открытие воды в Даукару.

Во второй половине XIX в. основным центром каракалпаков стал г. Чимбай.

К середине XIX в. туркмены и каракалпаки прочно осели на орошаемых землях Хивинского ханства, но грабительская политика хивинского хана постоянно отрывала их от мирных занятий для военных авантюр против Туркменистана и Северного Ирана.

Еще Мухаммед Рахим I стремился захватить власть над туркменами, овладев командным положением на Мургабе. Поскольку плотина на Мургабе была разрушена, воды Мургаба растекались по разводящей сети и Мухаммед Рахим не мог помешать туркменам пользоваться водами Мургаба для орошения своих полей; чтобы добиться их покорности, требовалось почти ежегодно предпринимать против них походы, часто кончавшиеся неудачей.

Поэтому необходимо было восстановить разрушенную плотину «Банди Султан» и построить там крепость Эгры Гузар на урочище Махван[142], так как сооружение плотины позволило бы хивинским ханам регулировать воду по собственному усмотрению.

В хивинских хрониках мы находим очень подробное описание длительных военных действий за овладение крепостью Серахс. Иран и Бухара всячески стремились помешать Хиве подчинить себе ахалтекинцев, набеги которых на области Северного Ирана держали их в постоянной тревоге. Переход Серахса в руки хивинцев открыл бы им ворота Хорасана.

Весной,—читаем мы в хивинских хрониках,—объявляется всеобщая чистка (казу) хорезмских каналов; хан, обычно, лично присутствовал на чистке Палван-Яба, Шахабада[143]; чистка каналов на территории йомутов[144], гоклен, дмемшидов производилась под руководством правительственных чиновников, после чего войскам давался приказ готовиться в поход. Кушбеги и михтер направляли гонцов во все концы страны с призывом к походу.

Беки, правители крепостей, получив ханский приказ, поручали онба-

[141] Агехи, «Рияз-уд-давле», л. 75а.
[142] Баяни, Указ. соч., л. 247а.
[143] Баяни, Указ. соч., л. 332а, 338б, 340а.
[144] Там же, л. 356а.

ши (десятским) и юзбаши (сотникам) спешно готовить нукеров к походу: сушить мясо, запасаться «талканом» (толокно из жареного пшена, джугары или из другой крупы). Нукеры хорошо были обеспечены землей и водой; очистка каналов, орошающих непосредственно их земли, производилась жителями других районов. Преобладающая часть нукеров имела боевую лошадь. Оружие им выдавалось казенное, для чего со всех домов как в городе, так и в селениях, взимался специальный налог «милтык пули» (на покупку ружья)[145]. Размер его был установлен в 60 копеек (по золотому курсу).

В походе пять-шесть нукеров объединялись в один «кош», имевший по одному-два верблюда, на которых было нагружено все снаряжение кош: паласы, одеяла, одежда, посуда, котлы, сосуды с водой, провиант, порох и т. д.

Закончив подготовку, нукеры, построившись в боевом порядке у крепости, выступали во главе с беком.

Кроме узбекских нукеров в крепостях, нукеров выставляло каждое племя туркмен, джемшидов, каракалпаков и аральских узбеков, которые готовились к походу и выступали в таком же порядке.

Хан и члены его дома имели свои отборные и многочисленные отряды[146].

Баяни, описывая выступление в поход хивинского хана Мухаммед Амина, пишет, что перед ним несли знамена всех правивших до него ханов из племени кунграт, а затем знамена йомутов, джемшидов, каракалпаков, аральцев и других (числом 25)[147].

В описываемом походе на племя теке участвовало конных нукеров: 600 кунградцев, 2000 каракалпаков, 2000 йомутов, 700 имрели, 1000 чоудоров, 1000 гоклен, 600 сакар, 700 карачака, 700 эли таза кунграт, 650 агарцев, али-эли, тевачи, 450 ата, 2000 джемшидов, 300 мангытов, 300 кипчаков, 400 карадашли, общим числом 13 400.

Кроме этих конных нукеров, было мобилизовано значительное число слабо вооруженных сельских и городских жителей, которых просто называли «карачирик»[148] (ополчение).

Во время больших походов во главе каждого войскового соединения туркмен и каракалпаков из предосторожности ставили не их племенных вождей, а назначенных ханом узбеков[149].

Эти ежегодные походы с мобилизацией нукеров и мирного населения организовывались не для предотвращения какой-либо военной угрозы мирным жителям Хорезма, не для объединения страны и ликвидации внутренних распрей, а для набегов на мирных ахалтекинцев, для грабежа областей Северного Ирана.

Земледельцы отрывались от своего хозяйства, а остальные мирные жители обслуживали огромное количество нукеров (чистка каналов на их участках).

Хотя в пятидесятых годах XIX столетия население Хорезма уже сильно тяготилось этими походами, однако не решалось еще отказаться от этой повинности. Такой отказ обрек бы их на грабеж, истребление или вытеснение из пределов Хорезма, ибо хивинские ханы обращали против «мятежников» другие племена и народы. Но все же сначала йо-

[145] От этого налога освобождались только нукеры и те лица, которые обязаны были идти в поход.
[146] Баяни, Указ. соч., л. 439а.
[147] Там же, л. 333б, 334а.
[148] Баяни, Указ. соч., л. 335а.
[149] Там же, л. 333б, 334а.

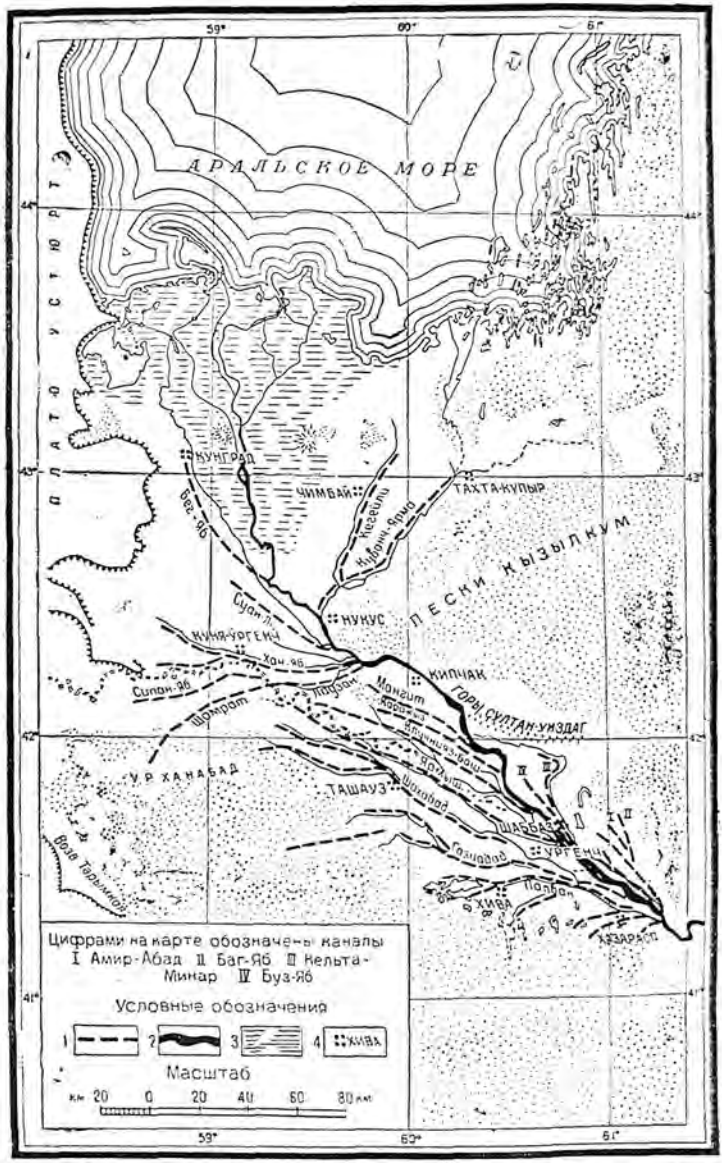


Рис. 14. Схема ирригационной сети Хорезма во второй половине XIX в.

муты, затем каракалпаки и гоклены, джемшиды и другие племена и народности понемногу стали оказывать сопротивление этим бессмысленным предприятиям хивинских ханов.

Во время последнего похода хана Мухаммед Амина на Серахс в 1855 г. уже намечаются первые проявления национальной солидарности среди туркменских племен против политики хивинского хана.

Баяни описывает следующий весьма показательный эпизод. Во время длительной осады Серахса из крепости вышел ее хан Каушут и, вызвав к себе парламентера хивинского хана, просил передать Мухаммед Амину, что серахсцы считают себя его старыми подданными и изъявляют согласие уплатить подать на любых условиях. Он предлагал хану считать, что Серахс ему сдался, но просил подождать с формальной передачей до будущего года, пока серахсцы не выручат из ставки иранского шаха находящихся там своих заложников (ак-ойлюк), которые в противном случае будут истреблены[150].

Просьба эта была весьма резонна. Однако хан Мухаммед Амин настоял на своем и послал свои войска на приступ.

«Тогда,—пишет Баяни,—серахсские теке обратились к йомутам (находившимся в войске Мухаммед Амина.—*Я. Г.*): «Сородичи, вся надежда на вас, чтобы наши жены и дети не были затоптаны.» Йомуты неожиданно повернули с поля битвы и обратились в бегство, что, в свою очередь, повлекло за собой поражение всей хивинской армии и гибель хана[151].

Вскоре после этого, когда хивинские ханы хотели послать против восставших йомутов чоудоров, те последовали их примеру.

Катастрофа хивинцев под Серахсом навсегда сорвала захватнические планы хивинского ханства.

Йомуты чувствовали, что репрессии ждут их и со стороны нового хивинского хана Абдуллы (1855—1856). И действительно, хан, мобилизовав джемшидов, чоудоров и узбеков, выступил против йомутов, несмотря на советы приближенных, уговаривавших хана воздержаться от похода[152]. Йомуты выбрали себе предводителем туркмена Ата-Мурад-хана[153]. Битва кончилась поражением хивинской армии, гибелью самого хана и целого ряда узбекских и джемшидских военачальников. Теперь к йомутам присоединились также имрелийцы[154]. При новом хане Кутлуг-Мураде (1856) против йомутов и имрели не соглашались выступать ни джемшиды, ни каракалпаки, ни другие племена. Имрели запрудили канал Шахмурад и затопили земли Ханабада. Узбеки, сидевшие на землях Ханабада, переселились в южные районы Хорезма[155].

Тогда хан пригласил из Южного Туркменистана в качестве наемной армии племя сарыков и послал их на йомутов; он послал против них также племя теке, сидевшее на землях Уаза. Сарыки не только ежедневно получали от хана поденную плату «конук» (قونوق), но грабили мирное население в пределах ханства[156]. Йомуты оказали упорное сопротивление, и племя теке, не выдержав их натиска, покинуло пределы Хорезма и ушло в южные районы Туркменистана. С ним ушло и племя сакар[157].

---

[150] Баяни, Указ. соч., л. 352а.
[151] Баяни, Указ. соч., л. 352-б
[152] Там же, л. 361.
[153] Там же, л. 360.
[154] Там же, л. 361.
[155] Там же, л. 365а.
[156] Там же, л. 364.
[157] Там же, л. 366б.

Ушли из Хивы и каракалпакские бии. Вскоре в Арале началось восстание каракалпаков, возглавляемое каракалпакским бием Ерназаром из племени колдоулы[158].

Каракалпаки жили в худших условиях, чем йомуты, имрели, джемшиды и другие племена. Хотя их постоянно гнали в походы против других народов и племен, им не были даже предоставлены те ограниченные льготы, которыми пользовались нукеры туркмен, узбеков и т. п. Каракалпаков сгоняли на сооружение каналов в Ханабаде, на чистку каналов Южного Хорезма, а также распределительной водной сети, на которой сидели йомуты. Перечисляя причины, вызвавшие обнищание каракалпаков, Л. Соболев пишет, что правители страны не только обложили их теми же податями и повинностями, которыми было обложено все население ханства, но даже эксплуатировали его в пользу других народностей, населяющих левый берег, заставляя сооружать оросительные каналы на землях туркмен и содержать их в чистоте.

Кроме того, каракалпаки несли очень тяжелую для народа повинность—выставлять нукеров. Каракалпаки Хивинского ханства должны были по требованию правителей давать две тысячи нукеров; этот наряд обходился им, по собранным сведениям, от 100 до 140 тысяч тиллей или от 180 до 250 тысяч рублей в год[159].

Каракалпаки, так же как и туркмены, выжидали момента ослабления власти хивинских ханов, чтобы поднять голову и отстаивать свои права на равных началах с другими.

В ходе восстания Ерназар-бия каракалпаки избрали себе ханом Зарлык-торе из казахов. Зарлык-хан устроил свою резиденцию в Чимбае, потом перешел в Нукус. Но скоро хивинцам удалось внести раздор и отделить каракалпакскую родовую группировку «он-торт-уру» от колдоулы Ерназар-бия. Несмотря на все усилия последнего, предводители «он-торт-уру» схватили Зарлык-хана и в оковах доставили его в Хиву. Бухара хотела воспользоваться этим восстанием и прислала каракалпакам своих представителей; йомуты также примкнули к этому движению. Восстание было подавлено хивинским отрядом, действовавшим совместно с враждовавшими с Ерназаром каракалпаками. Ерназар был убит самими участниками восстания, подкупленными хивинским отрядом[160].

Тем временем, восстание йомутов и имрели продолжалось; в 1856 г. при Кутлуг-Мурад-хане хивинцы прибегли к следующей хитрости: они объявили туркменам, что за службу хану каждому воину будут платить поденную плату «конук». Туркмены приходили в Хиву сначала маленькими партиями, получали щедрые подарки и «конук» и уходили. Затем они стали приходить большими отрядами; их угощали, дарили им халаты. Поскольку «конук» платили поденно, туркмены стали оставаться в городе; воспользовавшись их поддержкой, несколько царевичей убили Кутлуг-Мурад-хана.

Когда хивинские чиновники убедились в том, что почти все туркмены собрались в городе, они заперли его ворота. Началась резня. Были истреблены все находившиеся в городе туркмены, улицы были завалены трупами[161]. Спастись бегством удалось лишь тем, кто находился в загородных домах и усадьбах.

В 1856 г. ханом в Хиве избрали Сеид-Мухаммеда. Восстание возмущенных этой резней йомутов и имрели продолжалось. Хан хотел исполь-

[158] Агехи, Гульшен-и-девлет, ркп. ИВАН, № В, 1891, л. 446.
[159] Материалы по истории каракалпаков, стр. 253—255.
[160] Агехи, Гульшен-и девлет, л. 63—65.
[161] Баяни, Указ. соч., л. 374—376.

зовать против них джемшидов, но те отказались и с семьями и имуществом демонстративно ушли в Хорасан[162]. Гоклены тоже ушли на Гурген, но там их притесняли курды и через два года они вернулись в Хорезм, где их поселили в районе Ташауза[163]. Значительная часть племени имрели также ушла в пределы Хорасана[164].

Для усмирения туркмен хан Сеид-Мухаммед прибег к испытанной политике своих предков. Он послал Эмира-торе (Сеид-Махмуд-торе) с большим отрядом в крепости Ташауз и Ильялы с целью помешать туркменам произвести посевы в Ханабаде и закрыть им доступ на базары в пределах оазиса. Через четыре-пять месяцев, истощенные голодом, туркмены стали просить мира. Хан поставил условием, чтобы они переселились из Ханабада на Ак-Сарай, Муз Кумган и Янги-Яб, т. е. на низовья каналов Газиабад и Шахабад, что позволило бы хивинскому хану, опираясь на линию крепостей Бадиркент, Газнабад, Ташауз, Ильялы, Клыч-Низябай и Куня-Ургенч, держать туркмен в полном подчинении. Однако не все туркмены согласились на это; часть их переселилась, большая же часть во главе с Ата-Мурад-ханом осталась в Ханабаде.

Убедившись, что эта мера не дала ожидаемого результата, хан решил закрыть Лаузан и превратить район Ханабада в пустыню. Агехи, описывая историю обводнения Дарьялыка, пишет: «Вода потекла по нему на большое пространство. Не обрабатывавшиеся ранее земли сделались необычайно плодородными. Снимая обильную жатву с этих земель, большинство (живущих здесь) туркмен, во главе с йомутами, благодаря чрезмерной (своей) сытости „بمود باشلق اكثر تركمان طوايغى اول مزرعه‌لاردين كوب محصولات آلب توبديلار" начали возмущаться.

Поскольку проток воды по указанному каналу (Лаузану) явился причиной беспорядка и возмущения со стороны туркменских мятежников, ...(хан) (в пятницу 23 октября 1857 г.—*Я. Г.*) назначил Хасан-Мурада кушбеги, чтобы тот закрыл указанный канал и тем самым лишил бы мятежников надежды на сбор урожая... Кушбеги в тот же день направился для выполнения порученной ему обязанности, захватив с собой множество землекопов (бельдар) и прочих рабочих из числа населения (райя). Приблизительно в десять дней он соорудил плотину (бенд), сделав ее такой же мощной, как «стена Александра Македонского»[165].

С тех пор все цветущие земли Ханабада и Куня-Ургенча до пределов Дев-Кескена запустели. Земли в низовьях Газиабада, Шахабада и Ярмыша, на которых расселили йомутов и гокленов, не могли обеспечить нужды этих двух многочисленных туркменских племен, которым приходилось вести полуголодное существование.

Пока хан был занят походами на туркмен, в 1858 г. против Хивы во время сбора податей восстали кунградцы. Они убили наместника хивинского хана Кутлуг-Мурад-бека—правителя Кунграда, а также и Мухаммед-Карим-дивана, посланного ханом для сбора податей.

Среди кунградцев в то время находился Мухаммед Пенах из рода болгади-кунграт, обитавшего в то время в селении Каттабаг около г. Хи-

---

[162] Баяни, Указ. соч., л. 376—377.
[163] Там же, л. 402.
[164] Там же, л. 394а.
[165] МИТТ, т. II, стр. 580—581. چون اوشبو سواول مفسدلار افسادلاريعه باعث ايردى... حان حضرتلارى" اول آرنانى باعلاماق امرى برلا معموراينب بيارديلار...

(Агехи, Гулшен-и довлет, л. 117 б).

вы[166]. Кунградцы избрали его ханом и призвали на помощь йомутов, предоставив им равные права с узбеками[167].

Между кунгратами, которые силой хотели переселить ряд каракалпакских родов в Кунград, и хивинцами вновь разгорелась борьба. Отряд хивинцев опередил кунградцев; некоторые каракалпакские и узбекские роды, в том числе нукусы, частично были переселены с берегов Карабайли из урочища Копрали Мазар[168] вверх по Аму-Дарье. Нукусы-каракалпаки и нукусы-узбеки вместе расселились в сплошных зарослях в районе современного г. Нукуса. Прежняя крепость нукусов, по-видимому, находилась на берегу Карабайли; развалины ее зафиксированы на карте А. В. Каульбарса[169].

Сеид-Мухаммед-хан вынужден был лично выступить в поход против Пенах-хана, ибо посланные им отряды оказались бессильными против соединенных сил кунградцев и йомутов. Выступая в поход, он послал своих сановников к йомутам, населявшим районы Исмамута, Измухшира и Ханабада с предложением идти с ним в поход против Кунграда. Предводители туркмен собрались у представителя хана в Ханабаде и согласились идти в поход только при условии, если хан откроет им воду (Лаузан), что и написали в совместном заявлении (عريضه داشت سوذ(ماك بابيدا)

Потом, однако, туркмены сообразили, что если хан и пообещает открыть воду, то, поскольку он находится в походе, не может сделать этого сейчас же; подавив же кунградское восстание при помощи туркмен, он тем более не выполнит своего обещания. Туркмены решили выдвинуть другое требование: они пойдут на Кунград, если хан будет каждому платить по две тенге (30 копеек) в день. Представитель хана на это не согласился; предводители йомутов отказались выступить, („آنداغ بولسه بزلار خدمت ايتماكچه باراماسمز")

и разошлись по аулам[170].

Описание маршрута хана по землям Арала у Баяни проливает некоторый свет на гидрографию и ирригацию западной части дельты: пройдя мимо Ходжейли, хан прибыл на левый берег реки и остановился против головы канала Бег-Джаб, где на судах переправился на правый берег Аму-Дарьи. Идя по правому берегу на запад, он переправил армию через проток Карабайли и дошел до Шур-Качу.

Здесь Аму-Дарья разветвлялась на три протока: 1) Шур-Качу прорвался в старый проток Окуз, неся две трети вод Аму-Дарьи; огибая бугор Кубатау (Кызылджар) с востока и севера, он направился на северо-запад; примерно в 13 км ниже Кунграда он соединялся с Куня-Дарьей; 2) Куня-Дарья текла по-прежнему на север, около г. Кунграда; 3) Кият-Джарган, отделившись от Куня-Дарьи, протекал между Кунградом и чинками Устюрта[171].

Когда по этим местам проходила ханская армия, как раз было время летних паводков; вся центральная часть дельты от Кубатау до Бозгула была затоплена и всадникам пришлось скакать по воде. В хивинских хро-

[166] Баяни, л. 401а.

[167] «Йомуты получили ряд должностей при Пенах-хане», — пишет Баяни. (Там же).

[168] По расспросным данным, собранным в Нукусском районе в 1945 и 1946 гг.

[169] Как уже упоминалось, на этой карте показаны две крепости под одним и тем же названием «Нукус». Вполне допустимо, что узбеки и каракалпаки племени нукус жили рядом друг с другом в крепостях, носивших их племенное название.

[170] Баяни, Указ. соч., л. 401а.

[171] Баяни, Указ. соч., л. 406в.

никах отмечается, что такое усиление Шур-Качу произошло только за последние семь-восемь лет[172], т. е. примерно с 1850 г., когда, по словам Агехи, Мухаммед Амин-хан путешествовал по нижней дельте и посетил район Кунграда, где уже тогда к югу от него воды Аму-Дарьи образовали большие протоки.

В семи местах эти протоки прорвались на запад; ширина некоторых из них равнялась 70 и 140 *м*. Хан велел закрыть все эти протоки, и на них построили такие величественные плотины, подобных которым якобы «за всю историю человечества никто не видел и никто не мог себе даже представить»[173].

Вполне можно допустить, что воды Куня-Дарьи в районе Кунграда прорвались на запад, затопляя пашни старого Куйгуна. В то же время, после того как протоки были закрыты плотинами, на восток значительно выше этого места прорвался Шур-Качу. Такое сильное обводнение центральной части дельты кажется вполне объяснимым, поскольку по Шур-Качу текли две трети всех вод Аму-Дарьи.

Кият-Джарган по своему расположению соответствует Чуманаю в начале XIX в.: это название сохранялось за ним очень долго, и на многих картах он именно так и упоминается (Чуманай или Шуманай). Кият-Джарган должен быть старым протоком. В XVII в. при расселении узбекских племен кияты вместе с кунгратами составили одну «тюпе» и поселились вместе с ними на плодородных землях Куйгуна. К юго-востоку от г. Кунграда была крепость Кият; вполне возможно, что канал Кият-Джарган (прорытый киятами) мог быть сооружён для орошения их посевов.

В районе г. Кунграда во второй половине XIX в. и в XX в. фигурируют два канала: Хан-Джаб (Хан-Яб) и Бег-Джаб (Бег-Яб). По рассказам кунградских старожилов, в последней четверти XIX в. Куня-Дарья два раза высыхала, а на востоке от нее образовался мощный проток Чуляк. Последний захватил и низовое течение Карабайли. В 80-х годах XIX в. Карабайли снова восстановили, но на этот раз вывели его из Чуляна; помимо Карабайли, он назывался и Йомут-Яб. Низовья этого канала шли через территорию г. Кунграда. Поскольку это было сделано с санкции хивинского хана Мухаммед Рахима II, его назвали Хан-Яб.

По единогласному утверждению кунградцев, старый Бег-Джаб был сперва выведен из Талдыка и доведен до моря. Его постройку приписывают Кушбеги-беку, восстановившему укрепления города Кунграда перед восстанием 1857 г. (он был убит восставшими вместе с другими сановниками хивинского хана). По рассказам кунградцев, истоки Бег-Джаба первоначально находились к югу от Каратау. В связи с прорывом Шур-Качу, низовья Бег-Джаба не доходили до Кунграда. За 50 лет (до 1946 г.) голова канала Бег-Джаб пять-шесть раз перемещалась то на протоки Аму-Дарьи, то на Хан-Яб. Подобным же образом меняла свое место голова Хан-Яба. Проток реки часто придвигался вплотную к Кунграду и прорывался в Хан-Яб.

Кунградцам приходилось тратить большие усилия на борьбу с этими прорывами. Только после постройки канала Суанли-Ленин-Яб в 1940 г. водоснабжение Кунградского района стало регулярным.

В XIX в. ирригация в правобережной части Южного Хорезма начала постепенно восстанавливаться. Как уже указывалось, сначала проведены были небольшие каналы между горами Султан-Уиз-дага и Шейх-

---

[172] Баяни, Указ. соч., л. 406а.

[173] Джамиул вакиат-и-Султани, ркп. ИВАН, № Е—6, л. 480б.

Аббасом (древним Кятом). Там расселились некоторые колена отдельных родов уйгуров, кунгратов, найманов и т. п. Эти земли были расположены против гурленской переправы; в случае опасности со стороны бухарцев или казахов, люди бросали все и переправлялись на левый берег, под защиту крепостей. Через эти же переправы можно было с левого берега посылать отряды для защиты жителей. Земли древнего орошения правобережья, прежде всего, интересовали членов правящей династии Хивы. С разрешения хана на правом берегу были размещены переселенцы-каракалпаки и казахи, которые занялись орошением пустующих земель. Нередко, когда бегарные работы[174] не требовали применения всей рабочей силы, или эти работы можно было закончить раньше срока, хан и его родственники использовали освободившихся людей на ирригационных работах на правом берегу[175]. Вновь орошенные земли становились их личными владениями.

Шураханская как населенный пункт и Шураханский канал в правобережном Хорезме после X—XI вв. впервые упоминаются у Данилевского[176]. В то время на правом берегу существовали каналы: Шураханский, Найман, Уйгур, Ильтузарханский.

При Мухаммед Рахиме I, или Аллакули, Шураханский канал (древний Гаухоре), по-видимому, в какой-то мере был восстановлен.

По расспросным сведениям, Инак-бий (Сары-бий), двоюродный брат Аллакули-хана, нашел здесь только отдельные разбросанные хижины сборщиков топлива, пастухов и охотников. Шураханский канал в то время был совершенно запущен и зарос камышом; доходил он только до урочища, где находится ныне Турткульский аэропорт. Все земли вокруг канала представляли собой густые туган.

К концу сороковых годов прошлого века из Аму-Дарьи вывели сначала небольшой канал Буз-Яб и, постепенно удлиняя его, за 15—16 лет довели до урочища Клыч-Инак. Это была не новостройка, а частичное восстановление древнего Кятского канала с той только разницей, что его не могли вывести из Шураханского канала, а прорыли его голову, прямо из Аму-Дарьи. Этим была орошена почти вся прибрежная полоса от Шурахана до Султан-Уиз-дага.

В районе Шейх-Аббаса были небольшие канавы (салма), выведенные шейхами мавзолея из протока Кесик. Хивинский хан Сеид-Мухаммед (1856—1864) восстановил здесь старый канал, орошавший Шимамкент, расположенный к северу от Шейх-Аббаса. Большое число орошенных земель хан превратил в вакф мазара Шейха-Аббаса[177].

После восстановления каналов Буз-Яб и Шурахан хивинские царевичи всюду стали разводить для себя обширные сады и пашни, куда в качестве дешевых издольщиков пригоняли каракалпаков и безземельных узбеков. Последние шли работать на любых условиях, чтобы спастись от произвола местных правителей, мирабов и ханских чиновников.

В 1874 г. в Шураханском районе было уже довольно много каракалпаков[178].

Из Шураханского канала в пятидесятых годах провели каналы Кельтеминар-Яб (по руслу древнего Базаркалинского канала), Баб-Яб

[174] Ежегодная 12-дневная трудовая повинность сельского населения в основном по сооружению и расчистке оросительной сети.

[175] Такое злоупотребление «бегаром» практиковалось часто и не только родственниками хана.

[176] Г. И. Данилевский, Описание Хивинского ханства, стр. 85.

[177] П. П. Иванов, Удельные земли Сеид Мухаммед-хана. Записки ИВАН, т. VI, стр. 43 и сл.; Мунис-Агехи, Указ. ркп., № Е—6, л. 590б.

[178] Баяни, Указ. ркп., л. 403а.

(по руслу Гульдурсун-Каваткалинского канала), Амирабад (по руслу Думанкалинского канала), Сары-Бий (небольшой канал, связанный с ответвлением старого Гаухоре)[179].

Около начала шестидесятых годов XIX в. г. Шурахан вырос и стал торговым центром этого небольшого участка. Ниже Шурахана развивался второй торговый центр — Шейх-Аббас (Шаббаз).

На левом берегу Аму-Дарьи продолжалась борьба туркмен за воду. Туркменские племена отказались идти с ханом в поход на г. Кунград для подавления восстания и стали готовиться к тому, чтобы оказать должный отпор ожидаемой карательной экспедиции. Хан одержал победу в Кунграде с помощью провокаций, подкупов и интриг. Пенах-хан был убит.

Это обстоятельство ухудшило позиции туркмен.

В 1859 г. хан Сеид-Мухаммед решил вместо похода против туркмен применить против них репрессии чисто экономического характера. В июне того же года к северо-западу от крепости Газиабад на урочище Тамач он приказал построить новую крепость, чтобы закрыть доступ мятежным йомутам во внутренние районы оазиса[180]; затем, «...чтобы стеснить их положение,»—пишет Агехи,—хан приказал прекратить допуск туркмен на базары Хивинского ханства и торговлю продовольствием с «мятежниками». Кроме того, по его же распоряжению была построена плотина на Газиабадском канале недалеко от крепости Газиабад, благодаря чему пропуск воды на пашни йомутов был прекращен. Туркмены были вынуждены прекратить сопротивление и выдать заложников, после чего все запреты были сняты и вода пущена на туркменские поля[181].

Строя новую крепость на урочище Тамач, которая явилась продвижением хивинской оборонительной линии в глубь йомутских земель, хан обещал туркменам неприкосновенность их посевов. Однако гарнизон, стоящий в Тамаче, не позволял йомутам производить посевы на их прежних землях и на этой почве у них часто происходили столкновения с хивинцами.

Туркмены решили любой ценой прорваться через линию крепостей к реке (Аму-Дарье), чтобы разрушить плотину на Лаузане и открыть воду в Ханабад и Куня-Ургенч, а хивинцы преградили им проход к реке и, изнурив туркмен, заставили их вернуться на старые места.

Историк Агехи очень красочно описывает все перипетии борьбы йомутов с хивинцами; несмотря на враждебный тон придворного историка в отношении туркмен, которых он неизменно называет «разбойниками» и «мятежниками», его повествование, независимо от его желания, отражает сложившуюся с древнейших времен в странах Востока зависимость земледелия от искусственного орошения, которое было основой производственной жизни, опорой цивилизации и, вместе с тем, стало орудием господства в руках классовой верхушки. Развалины античных крепостей Шурахана, Гульдурсуна, Джилдик-Калы, Кандум-Калы, молчавшие в течение многих веков, являются сейчас, после археологических исследований, такими же свидетелями этой классовой политики, как крепости — Хива, Газиабад, Тамач, Шахабад, Ташауз, Ильялы, Клыч-Ниязбай, Куня-Ургенч, служившие опорой власти деспотов Хорезма на водных рубежах в XIX в.

Эта политика использования воды в качестве орудия классового

---

[179] Название Амирабад связано с именем Эмира-горе, а Сары-Бий — с именем Сары-инака (инак-бия).

[180] Баяни, Указ. соч., л. 413а.

[181] МИТТ, т. II, стр. 600—601.

угнетения неизменно прослеживается от Геродота до правления последних узбекских ханов.

Пока туркмены еще не осели на землю, хивинским ханам Ильтузару и Мухаммед-Рахиму I каждый раз приходилось устраивать на них походы или заманивать их обещаниями предоставления им больших земельных угодий. Во второй половине XIX в., когда туркмены окончательно осели на землю, ханы перешли к политике их экономического угнетения.

С точки зрения хивинских ханов, туркмен и каракалпаков можно было держать в повиновении и заставить служить только при условии содержания их в полуголодном состоянии и при умелом ведении политики натравливания одних племен на другие. Население Хивинского ханства прекрасно понимало сущность политики ханов и беков. Хан в глазах своих подданных был жадным интриганом и честолюбивым плутом, не выполнявшим той функции, которая возлагалась на него как на главу государства.

«...В основе политического господства,—пишет Энгельс,—повсюду лежало отправление какой-либо общественной должностной функции... политическое господство оказывалось длительным лишь в том случае, когда оно эту общественную функцию выполняло...»[182].

Борьба туркмен за воду, за восстановление прежних орошенных земель Ханабада или за расширение посевных площадей в низовьях действующих каналов не кончилась. До сбора урожая туркмены терпели все притеснения, а по окончании сбора военные действия снова разгорались. Это вошло в систему, и в хорезмском быту было известно как «Уроқ яраширғи» (мир до жатвы).

Приводим здесь красочный рассказ о пережитых туркменами притеснениях, который мы услышали летом 1936 г. на урочище Дирейли в низовьях канала Газиабад из уст старика-йомута Ата-Нияза:

«Когда у правды и справедливости ослепнут глаза и оглохнут уши, они стоят за спиной сильных; разыщите среди йомутских мужчин хотя бы одного, у которого на теле не было следов сабли или пули противников Хивинского ханства. В те времена, когда мы рубились в теснинах Дербента, на просторах Аландашта, под стенами Пейкенда или в Дешти Кипчаке, мы имели земли и воду и носили новые халаты; когда же мы во главе армии Хорезма навсегда закрыли для других доступы к Хорезму, противников ханов растворили как воск и просили ханов довольствоваться этим—нас начали теснить, закрывать воду нашим пашням, травить брата на брата. Наконец, загнали нас в тупики каналов, подобно мешку, наполненному мышами, и обвязали цепью крепостей. Посмотрите на вашу карту,—продолжал он,—этот мешок стягивали все туже и туже. При Аллакули-хане мы сидели на орошенных землях около самой Хивы, около Газиабада, Шахабада. При Сеид-Мухаммед-хане оттеснили нас без какой-либо причины за Бадиркент; построив крепость в Тамаче, оттеснили от окрестностей Газиабада до пределов Ильялы. Хивинцы при ханах говорили «йомут разбойник», «йомут мятежник», а теперь время стало советским, ханы, беки, махрамы ушли на дно ада; остались узбек и туркмен;—где тот «разбойник», «мятежник» и где несправедливость узбека? Все ушло вместе с теми, которые ушли ко дну».

Ханы сами сознавали шаткость своего положения среди населения, интересы которого они все время незаконно нарушали. Поэтому всякий раз при угрозе вторжений извне ханы, прежде всего, стремились устано-

[182] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, М., 1948, стр. 168.

вить мир с туркменами. Так, например, в 1872 г., когда пришла первая весть о вступлении войск царской России на границы Хорезма, хан приказал срочно раздать земли туркменам (в пределах Айбугирского озера)[183].

Положение узбекского населения в ханстве было не лучше положения туркмен и каракалпаков. Из 380 025 десятин возделываемых земель около 100 000 десятин «принадлежали хану, его родственникам, сановникам и весьма состоятельным лицам»[184].

Большая часть узбекского населения ханства не имела земли и работала на землях этих собственников в качестве «ярымчи» на издольных началах.

Для иллюстрации тяжелого положения трудящегося населения можно привести перечень платимых им налогов, от которых освобождены были *шейхи, духовенство, сановники, владельцы тарханных грамот и т. п.*

В число налогов и повинностей входило: 1) бегар; 2) казу (шестидневная повинность «бала казу» и чистка распределительной сети); 3) качу (мобилизация на устройство качи — предохранительных дамб); 4) алгут (единовременные поборы, кроме салгута); 5) салгут (поземельная подать); 6) милтык-салиги (денежный сбор с населения на покупку оружия для армии); 7) араба алу (мобилизация арб на государственные нужды; 8) улаг туту (верблюдов и лошадей, мобилизация населения); 9) куналга (предоставление чиновникам ночлега крестьянами); 10) суйсун (порядок угошения во время куналги, обязательно сопровождавшегося закланием барана или теленка, принадлежащего хозяину дома); 11) чапар пули (плата за извещение о сборе подати); 12) таразуяна (плата весовщику при внесении подати); 13) мирабона (сбор в пользу мираба); 14) дарбазабан пули (плата привратнику у ворот города за пропуск груза); 15) атлану (обязательная явка в ополчение и для участия в ханской охоте); 16) мал с шелка (в размере одной сороковой из доходов населения по шелководству); 17) плата мир-туману (местному правителю); 18) плата шегаулу; 19) плата караулу; 20) плата казначею при приеме денежной подати; 21) плата корубану (леснику или надзирателю пастбищ); 22) мушрифана (плата чиновнику, который проверяет урожай и устанавливает его размер); 23) афанак пули; 24) чибик пули; 25) сбор в пользу духовенства во время публичных работ и т. д.

Из этих податей, поборов и повинностей ни одна не взималась в соответствии с установленными нормами; алчные чиновники и сборщики, всячески пользуясь темнотой и неграмотностью податного населения, старались осложнить расчеты, запугать беззащитных и содрать с них как можно больше.

Например, «бегар» по установившемуся исстари правилу не должен был длиться больше 12 дней, в действительности же он длился 15—20 дней, а иногда 50 дней[185]. Кроме чистки распределительной сети канала, которым они пользовались сами, узбекские земледельцы обязаны были чистить каналы, на которых сидели туркменские нукеры. Сверх того, их постоянно призывали в ополчение (кара-чирик или аламан) в связи с бесконечными военными действиями.

Земледелие здесь было весьма трудоемким, учитывая господствующее чигирное орошение, при котором на полив одного гектара земли за-

[183] Баяни, Указ. соч., л. 441б.

[184] Гиршфельд, Военно-статистическое описание Хивинского оазиса..., Ташкент, 1902—1903, ч. II, стр. 45; Г. И. Данилевский, Указ. соч., стр. 123.

[185] Ор. Шкапский, Аму-Дарьинские очерки, Ташкент, 1900, стр. 71, табл. на стр. 208.

трачивалось почти в четыре раза больше труда, чем в районах с самотечным орошением[186]. Земледельцу часто приходилось работать и по ночам. На ежегодное удобрение полей требовалось 22% всего рабочего времени земледельца[187]. Земледельческое население находилось в постоянной кабале у ростовщического капитала; по рассказам старожилов, никто из попавших в лапы к ростовщикам не мог выбраться из них при своей жизни и обязательно оставлял долг в «наследство» своим детям.

По договору 1873 г. земли, лежащие в восточной половине нижней дельты, и все земли правобережной части верхней дельты перешли в управление Аму-Дарьинского отдела Туркестанского генерал-губернаторства. Этим значительно сократились доходы хивинской казны. Кроме того, согласно тому же договору, Хивинское ханство было обязано выплатить контрибуцию в размере 2 200 000 рублей. Вся тяжесть этой контрибуции новым бременем легла на массы и так уже совершенно обнищавших непосредственных производителей. Поскольку хивинские ханы заручились охраной царского правительства от внешних врагов, они отменили военную службу туркмен и взамен этого обложили их податью.

Всякие народные движения в ханстве беспощадно подавлялись при помощи военной администрации и гарнизона Аму-Дарьинского отдела.

Как способы земледелия и орошения, так и размеры сборов и повинностей остались прежними и в ханстве, и в Аму-Дарьинском отделе. Трудовые повинности даже увеличились в объеме.

Одним из ирригационных мероприятий в Аму-Дарьинском отделе было расширение Шураханского канала в 1892 г.[188]. Никаких серьезных мероприятий в части ирригации и мелиорации проведено не было.

Земли Ханабада по-прежнему остались пустынными. Туркмены с трудом восстановили Куня-Ургенчский канал — Хан-Яб. При этом голову канала перенесли на канал Суанли. До 1917 г. два раза открывали Даудан, но каждый раз хивинский хан (Мухаммед Рахим) поспешно закрывал его, исключительно из опасения, что «туркмены, пользуясь этой водой, станут сытыми и отступят от пути покорности его величеству хану»[189].

Таким образом, установление в Хиве протектората царской России в 1873 г. не внесло никаких существенных изменений в порядок управления ханством, и тем более в его ирригационное хозяйство. Некоторым облегчением явилось прекращение междоусобных войн между ханствами, освободившее население от призыва в ополчение.

Только после Октябрьской революции советская власть, подлинно народная власть, не только провела грандиозные оросительные работы и напоила водой все земли Хорезма, но и заставила народы Хорезма, как и все народы Средней Азии, забыть—«кто туркмен и кто узбек».

---

[186] История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 143.
[187] Ор. Шкапский, Указ. соч., стр. 200.
[188] Ор. Шкапский, Указ. соч., стр. 51, 171.
[189] Агехи, Указ. ркп., л. 117б.

Глава VIII

ИЗ ИСТОРИИ ИРРИГАЦИОННОЙ ТЕХНИКИ В ХОРЕЗМЕ

I. РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ СЕТЬ

«...Дарьёям тошмарам нейларсан?!
— Казарам ичкарам...»[1].

Эта хорезмская поговорка отражает самую сущность всей истории водопользования, начиная от естественных разливов до сооружения магистральных каналов.

В предыдущих главах мы подробно останавливались на вопросе о характере перехода древнехорезмийских земледельцев от использования естественных разливов к их местному регулированию и последовательному выходу к истокам речных протоков.

Древние хорезмийцы, заменяя естественный проток искусственным, все же оставались в полной зависимости от режима реки, так как не научились еще регулировать его в целях ирригации. Поэтому они для устройства головы канала искали на берегу реки такие места, где бы вода во время паводка самотеком пошла по каналу.

Такие каналы носят название «паводковых», так как они действуют эффективно исключительно только во время паводков. Хорезмские земледельцы с большим вниманием следят за наступлением этого периода на Аму-Дарье. Люди, умевшие предсказать время начала паводков, пользовались в оазисе большой популярностью.

В Хорезме издревле существовал календарь паводков, в котором точно были установлены приметы наступления тех или иных изменений в режиме реки. Первый паводок по этому календарю называется «Кок-камыш-тошуви» (паводок зеленого камыша). Начинается он в то время, когда вырастает первый молодой камыш на островах и озерах. Это время соответствует двадцатым числам марта. Быстрое или медленное прорастание камыша, по утверждению хорезмцев, предопределяет нормальное наступление паводка или его запаздывание.

Второй паводок называется «Ак-балык-тошуви»[2] (паводок белорыбицы) и приходится на середину апреля, так как в это время начинается движение белорыбицы из Аральского моря вверх по Аму-Дарье. Третий — «Юлдуз-тошуви» (паводок созвездия Плеяды) — приходится

[1] «...Я река, однако, не хочу разливаться, что ты поделаешь?
— Прокопаю и буду пить (пользоваться)».
Старый знаток водного дела Бабаджан Атабаев, начальник водхозотдела Хазараспского района Хорезмской области, относит происхождение этой поговорки к мифологическим преданиям, созданным во времена глубокой древности.

[2] Данные того же Бабаджана Атабаева.

на середину мая. Хорезмцы приурочивают этот паводок к появлению созвездия Плеяды. Четвертый — «кырк-чилгов-тошуви» (период сорокадневной жары) — начинается во второй половине июня и кончается в начале августа. Продолжительность этого паводка определяется в 40 дней.

Бируни относит начало этого паводка к 24 числу месяца хазиран (июнь), а его наибольшее усиление—к 25 числу месяца тумуз (июль)[3].

Ежегодно с наступлением сезона предпосевных и летних поливов земледельцев охватывает беспокойство: наступят ли в срок, не запоздают ли паводки? В прежнее время в случае запаздывания паводка начиналось *традиционное торжественное молебствие*. Духовенство выступало из Хивы (слух о чем молниеносно распространялся по всему Хорезму) и собиралось на островке Аралча-Аулия (святой островок), расположенном на низовом участке Тюя-Муюна. Туда же съезжались представители родовой знати и вообще вся знать страны. Они привозили с собой дары для духовенства и быков для жертвоприношения.

По рассказам очевидцев, по окончании моления в реку бросали зарезанного быка как жертву духу—покровителю воды. Этот обычай широко практиковался и в отношении паводковых каналов. Существует рассказ о том, что при пуске воды во вновь прорытую голову Ташсака Аллакули-хан лично принес в жертву быка[4].

Все древние общины стран Востока находились в полной зависимости от паводков; они ликовали, когда в реках поднимался уровень воды и способствовал наполнению каналов, и страдали, если паводка не было. Они приписывали это воле богов и духов и старались им угождать, чтобы добиться их милости.

Аналогичные представления мы встречаем у многих восточных народов. Так, например, в древних преданиях Месопотамии мы читаем: «Собрание богов под председательством Бэла обсуждает судьбу Ширпурлы (Лагоша); Ширпурла страдает от отсутствия воды, ее каналы пересохли. Боги обещают поднять разлив... лишь с тем условием, чтобы Гудея построил храм...»[5].

Нет никакой разницы между представлениями древних хорезмийцев и древних жителей Месопотамии, когда первые, добиваясь паводка, приносят жертву духу реки, а вторые строят храм, чтобы бог послал им паводок.

Совершение магических обрядов с жертвоприношением именно на острове Аралча-Аулия и объяснялось тем, что этот остров находится в начале верхней дельты Аму-Дарьи, откуда начинаются основные искусственные каналы Хорезмского оазиса.

По убеждению хорезмийцев, некий святой «Аралча-Аулия» обитает на этом острове и управляет паводками. По другой версии, «Аралча-Аулия» — женщина; образ ее, по всей вероятности, связывается с образом «Кора чач-она», изображаемой в виде женщины, держащей в одной руке яблоко или гранат как символ плодородия. Почти во всех городищах античного Хорезма в большом количестве встречаются эти

---

[3] Бируни, Осорул бакия акал курунул холия, ркп. перевода хранящегося в ИВАН, УзССР, стр. 432, 440.

[4] В 1940 г. во время пуска воды во вновь прорытую голову канала Суанли-Ленин-Яб строители-колхозники в шутку предложили автору настоящих строк бросить в воду зарезанного быка. Хотя это предложение и было шуткой, однако оно говорит о живучести этой старинной традиции.

[5] Н. Д. Флитнер, Земледельческие культы древней Месопотамии, ТОВЭ, т. I, Л., 1939, стр. 11.

терракотовые фигурки, которые вошли в археологическую литературу под названием «богини плодородия».

Древние хорезмийцы упорно искали способов поднятия воды в канале и в тех случаях, когда нет паводка. Для этого они делали водозаборы на каналах выше по течению реки, придавая ложу канала максимальный уклон, чтобы даже низкие воды реки свободно проникали в него.

Самой трудной задачей для ирригаторов Хорезма был выбор подходящего пункта для устройства истоков (головы) паводкового канала. При этом учитывались следующие моменты:

1) устойчивость грунта берега в том месте, где устраивается голова (берега реки в основном состоят из ее собственных отложений и отличаются неустойчивостью); часто во время разливов или при усилении паводков истоки паводковых каналов подвергаются интенсивному размыву и сносятся окончательно, причем смывается нижний угол у головы, в результате истоки лишаются направляющей опоры и водоток по каналу прекращается;[6]

2) режим русла в период паводков; часто в течение сезона паводков происходит перемещение основного течения, поэтому ирригаторы стремились использовать те участки, где течение постоянное и умеренное;

3) соответствие избранного пункта какому-нибудь старому истоку.

В Хорезмской ирригационной технике, за исключением мест с устойчивым грунтом, избегали устройства больших истоков, обеспечивавших полный эффект действия магистрального канала, так как из-за неустойчивости грунта голова канала под напором паводковых вод подвергалась расширению и канал легко мог превратиться в ничем не сдерживаемое, никем не контролируемое русло. Подобные прорывы случались на канале Курдер в XVI в., на протоке Чалиш в XVII в., Лаудане в XIX в. и т. п. Чтобы избежать катастрофы, на больших паводковых каналах часто устраивают не один водозабор, а несколько. Каждый из них в отдельности маломощен, но легко регулируется, что позволяет достигнуть желаемого эффекта без угрозы прорыва реки. Часто в случае необходимости увеличения ирригационной воды прибегали к созданию дополнительных истоков канала. Так, например, в XIX в. новоселы Беш-Арыка добились согласия хана на прорытие ими дополнительной головы для канала Палван-Яб. Таким путем они увеличили доступ воды в магистральный канал и сами получили законное право на пользование водою Палван-Яба. Новая голова носит до сих пор название «Беш-Арык Ярган» (прорытый жителями Беш-Арыка).

Паводковые каналы сильно заиливаются. Это происходит от того, что с поступлением воды в канал быстрота течения значительно уменьшается. Крупные частицы взвешенных наносов, содержащиеся в амударьинской воде, начинают быстро оседать, главным образом в головных участках паводковых каналов, которые заиливаются быстрее других.

Заиление для паводковых каналов Хорезма считается неизбежным, так как их истоки базируются на постоянно действующих и довольно глубоких участках русла Аму-Дарьи.

В Индии, в бассейне Инда и в Пенджабе для орошения используют так называемые «дундсы» — протоки в пределах русла, действующие только в сезоны кратковременных паводков. Уровень дна этих временных протоков, по сравнению с дном основного русла реки, несколько выше, и поэтому во время паводков по дундсам направляются лишь

[6] Хорезмийцы рассматривают это как катастрофическое бедствие и передается оно фразой «Исток снесен рекой» (Сакова Дарьё—олди).

верхние слои воды с наименьшим количеством тяжелых частиц взвешенных наносов. Это значительно уменьшает степень заиляемости индостанских паводковых каналов. В остальное время года и временно действующие протоки (дундсы), и отходящие от них паводковые каналы стоят совершенно сухими.[7]

Хорезмские паводковые каналы, наподобие египетских[8], имеют постоянное действие и закрываются только зимой.

Эффективность действия канала в смысле увеличения поступления в него воды, а также усиления самотечности низовой распределительной сети зависит от устройства головы канала и от увеличения уклона его трассы. Здесь надо отметить следующее противоречие, обусловленное примитивностью ирригационной техники: с одной стороны, без достаточного уклона в трассировке всей системы канала нельзя обеспечить наибольшую самотечность его мельчайшей концевой сети, с другой стороны, — большой уклон грозит опасностью прорыва реки в канал. Поэтому хорезмские мирабы вынуждены были думать, прежде всего, об укреплении головы канала.

Паводковые каналы не обеспечены никакими регуляторами, защищающими от чрезмерного поступления воды. Хорезмские ирригаторы шли по пути наименьшего сопротивления; для обеспечения канала водой они питали его несколькими головами, а излишек воды, образовавшийся в канале, сбрасывали на периферию по трассе. Всюду на периферии паводковых каналов образованы сбросы, регулирующиеся в зависимости от уровня поступления воды в канал.

В качестве сбросов используются старые русла реки, низины на окраинах оазиса. Так, сбросом из Пахта-Арны на правом берегу служит сухое русло Суярган, из Палван-Яба — маломощный канал Газиабад, из канала Шахабад — старое русло Даудана и т. п.

Зачастую в холостой части каналов устраивали специальный сброс, уносящий излишки воды обратно в реку, вниз по ее течению. Такие специальные сбросы в Хорезме называются «бедрау». Бедрау на двух его концах обеспечивается перемычками, которые открываются лишь в случаях катастрофического подъема воды.

Все паводковые каналы, за редким исключением тех из них, которые вытекают из мест с устойчивым каменистым грунтом, имеют по несколько голов, расположенных далеко друг от друга.

Устройство многоголовых истоков преследовало практический результат; хорезмские ирригаторы рассчитывали воспользоваться разными уклонами головных участков по отношению к горизонту паводковых вод и, вместе с тем, сохранить пропускную способность канала, не увеличивая быстроты течения.

В. Цинзерлинг следующим образом объясняет расчеты древних ирригаторов[9] Хорезма в размещении голов каналов на разных участках:

«СД есть паводковый канал, АС и ВС — его головные участки... А и В — головы, расстояние между которыми составляет, для примера, шесть верст.

При высоком уровне воды в реке канал питается из головы В, при низовом — из А. Горизонты самых высоких и самых низких вод в Аму-

---

[7] С. Ф. Островский, Ирригационная система Индии, СПб., 1907, стр. 15, 41.

[8] М. Н. Ермолаев, Современное орошение и хлопководство в Египте, СПб., 1910, гл. IX

[9] См. приложенную схему, составленную В. Цинзерлингом.

Дарье имеют, примерно, следующие (условные) отметки: у А —100, 60 и 99, 60, а у В—100, 00 и 99,00 саж.

Дно головы закладывается обычно на отметке около уровня самых низких вод, то есть у А на отметке около 99, 60 саж. и у В— на 99, 00.

Начало орошения совпадает по времени, когда горизонт воды в реке повысится примерно на 0,40 саж. до отметки 100,00 саж. у головы А. Канал СД устраивается с таким расчетом, чтобы отметки дна канала у С не отличались сколько-нибудь значительно от отметки дна в голове В, чтобы головному участку ВС, по которому пропускаются воды во время прохождения паводка, не угрожала опасность размыва.

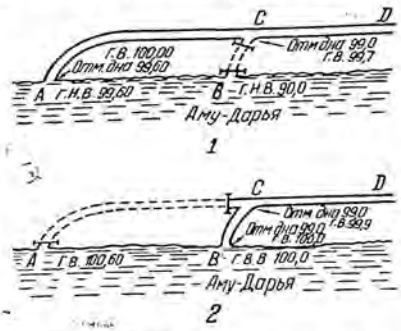


Рис. 15. Схема многоголовного питания паводкового канала.

Исходя из приведенных заданий, представляется возможным в обычных условиях местности устроить головной участок АС с большим уклоном дна в 0,10 саж. на 1 версту (0,6 саж. падения на 6 верст). Водная поверхность имеет, однако, значительно меньший уклон, так как сечение головного участка АС устраивается с постепенно возрастающей глубиной, в начале около 0,4 саж., а в конце 0,6—0,7 саж. Такому заданию соответствует уклон водной поверхности на участке АС в 0,05 саж. на 1 версту.

Если уровень воды в реке стоит низко, то питание канала производится посредством головы А. Головной участок ВС на это время перегораживается двумя земляными перемычками, в начале и в конце, так как если бы этот участок не выключить, то происходило бы течение воды из канала обратно в реку, как это можно усмотреть из сопоставления горизонтов воды в реке у В и в канале у С. Когда уровень воды в реке стоит высоко, то выключается участок АС и питание канала производится посредством головы В. Сечение головного участка ВС устраивается с таким расчетом, чтобы уклон водной поверхности не превышал примерно 0,05 саж. на 1 версту. В таком случае представляется возможным во время прохождения паводка обеспечить у С глубину около 0,9 саж. Следовательно, во время прохождения паводка горизонт воды в канале у С имеет отметку 99,90 саж., а глубину воды 0,9 саж. При низких водах в Аму-Дарье горизонт воды в канале, в том же месте — 99,70 саж., а глубина 0,7 саж. или всего лишь на 0,2 саж. ниже. Таким образом, при помощи системы многоголового питания паводковых каналов открывается возможность регулировать горизонт воды в канале»[10].

Древние ирригаторы искали надежный грунт для головы канала и равномерный уклон для его русла. Они помещали голову канала как можно выше против течения, стремясь, однако, не удлинять чрезмерно холостую часть канала. Поверхность Хорезмской низменности благоприятствует ирригации, так как, начиная примерно от широтной линии

[10] В. Цинзерлинг, Указ. соч., стр. 563—564.

Ташсака, низменность имеет слабый уклон на север и северо-запад по направлению к Арало-Сарыкамышским впадинам в среднем по 0,2 м на 1 км[11]. Это обстоятельство облегчало задачу древнейших ирригаторов при нивелировке трассы каналов.

Паводковые каналы устраивались с расчетом на низкий уровень воды в реке, но они все же не могли быть использованы в период спада воды.

Однако нельзя было и слишком углублять головы паводковых каналов, хотя бы уже потому, что количество взвешенных наносов в воде Аму-Дарьи очень велико, а быстрота течения в каналах несколько меньше, чем в реке; следовательно, те частицы, которые не осаживаются в русле реки, оседают в головных частях каналов, которые находятся несколько выше уровня дна реки. Поэтому движущиеся донные пески русла реки почти не имеют доступа в канал. В последний попадают главным образом взвешенные частицы песка, быстро осаждающиеся при первом же ослаблении силы течения.

Итак, при существующей небольшой глубине паводковых каналов Хорезма в них все же проникает значительное количество наносов.

В паводковых каналах за вегетационный сезон отлагаются наносы мощностью в 0,60—0,80 м. В одном только Южном Хорезме ежегодно из каналов выбрасывается около 7 000 000 м³ наносов[12]. Самые тяжелые частицы, главным образом песок, остаются на дне головной части, а ил оседает в оросительной сети низовой части канала. Песчаные наносы образуют перед головой канала целые отмели. Эти отмели постепенно разрастаются вверх и вниз по течению реки. Если сильный паводок не смоет их или не изменит русла реки, то эти отмели превращаются в острова, которыми основное русло реки отделяется от протоков у головы каналов. Теперь канал снабжается водою из этих протоков. Последние все более суживаются, заиляются, и, наконец, между головой канала и островом образуется тупик и канал окончательно лишается головы. Остается или прорыть новую голову через образовавшийся остров, или поднять голову канала выше по течению.

Рис. 16. Профиль и план расположения голов паводковых каналов.

При нивелировке каналов стремились обеспечить такое течение воды в канале, чтобы плодородный ил достигал орошаемых полей, но чтобы в то же время не размывались берега.

Все эти моменты обусловили, по-видимому, в Хорезме создание широких и неглубоких каналов. Местные мирабы при этом хорошо учитывали уклон местности, где прокладывалась трасса, и соотношение ее горизонта с горизонтом водной поверхности в Аму-Дарье, так как последнее обстоятельство обусловливало горизонт грунтовых вод прибрежного района.

[11] А. В. Архангельский, Указ. соч., стр. 28.
[12] Б. М. Георгиевский, Южный Хорезм, Ташкент, 1937, стр. 112.

Насыпные дамбы устраивались довольно высоко с расчетом на максимальный водоток в канале. Вся земля, вынутая при постройке канала, укладывалась в виде вала по береговой линии.

Расчеты откоса каналов у древних хорезмийцев были разработаны очень давно и тщательно. Безусловно, отчасти к этому относятся слова Мухаммед бин Муса-ал-Хорезми о том, что его математическим трудом пользовались и при постройке каналов[13].

Голова искусственного канала в Хорезме обозначается термином «сака». Этот термин часто употребляется в Иране и Афганистане для обозначения профессии водоносов, или, иначе говоря, тех, которые «поят (других) водой»[14].

В художественной литературе народов Востока дождевые тучи в аллегорическом смысле называются «нильская сака»[15].

Голова канала получила это название соответственно своей функции как место, подающее воду и орошающее.

Каждый канал имеет холостую часть в начале, где вода обычно течет по пустынным прибрежным местам; полезное действие канала начинается несколько ниже. Обычно холостая часть не имеет специального наименования и часто относится просто к участку «сака», что отмечается и в исторической литературе Хорезма.

В ирригационной терминологии Хорезма искусственные каналы обычно обозначаются термином "یاف" или "یاپ„ —яп — (Палван-яп, Хан-яп, Янги-яп и т. д.)[16].

Большие каналы и головные, широкие участки каналов называются «арна» (آرنا). Последний термин в собственном смысле слова, относится к протоку, ответвлению реки в русле. Под термином «арна» можно понимать проток, часть реки, отделенную от нее островом или отмелью. Применение этого термина к искусственным каналам объясняется тем, что последние по величине рассматриваются как часть реки. Таковы, например, Пахта-Арна, Шават-Арна, Палван-Арна, Аталык-Арна. Вместе с тем, этим термином обозначаются и такие протоки Аму-Дарьи, как Баглан-арна, Кесик-арна и т. д. Средние и мелкие каналы называются «яб». Ябами называются не только самостоятельные каналы, но и крупные каналы распределительной сети. Например, все распределительные каналы, выходящие из Пахта-Арны, называются ябами: Тазабаг-Яб, Сарибий-Яб, Кельтеминар-Яб, Буз-Яб и др.

От яба отделяются средние оросительные арыки, носящие название «бадак». Ширина бадака колеблется около одного метра, а глубина зависит от его ширины, уклона местности и от степени применения чигирного орошения. В случае преобладания последнего — бадаки прокапываются глубже. Во избежание размывов головы бадаков обеспечиваются специальным сооружением «долдарга». Бадак разбивается на

---

[13] The Algebra of Muhammed ben Musa, transl. by F. Rosen, London, 1831, текст Оксфордской рукописи, стр. 3, английский перевод, стр. 2/3. На это обстоятельство при переводе английского текста обратила мое внимание Н. Б. Байкова, за что приношу ей свою благодарность.

[14] غیاث اللغات Словарь :کسکه آب نوشتاندن پیشه اوباشد سقا (Гияс-ал-логат) Бомбей, 1904.

[15] سقای نیل :کنایه ازابراست که بعر بی سحاب میکویند словарь برهان قاطع (Бурхан-и Коте): Бомбей, 1804 г.

[16] Этот термин в русскую географическую терминологию вошел в форме «яб», которой мы и будем здесь придерживаться. Палван-Яб часто называется Арна.

салмы и на тартмы. Под первыми подразумеваются самотечные канавки — арыки, которые, главным образом, распространены в низовых участках яба. В Хорезме термин «салма» часто распространяется и на бадак. Вода, разбирающаяся на тартмы — короткие канавки — поступает в кяризы, откуда при помощи чигиря переливается в чигир-салму.

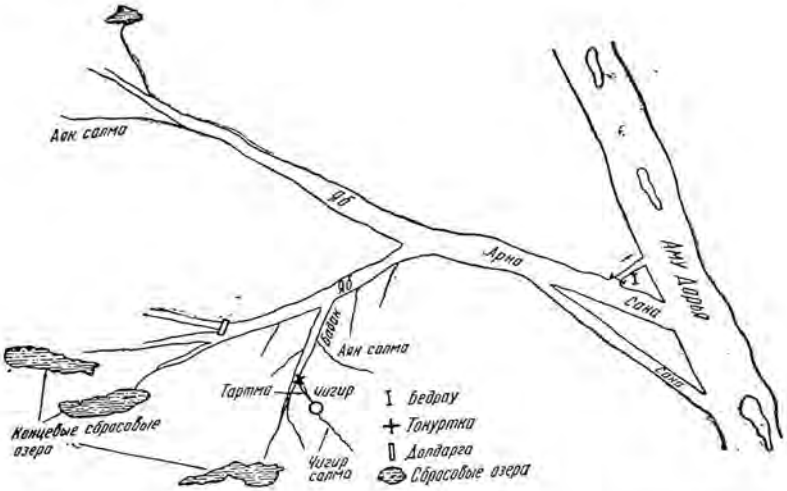


Рис. 17. Схема оросительной сети и сооружений в системе крупного канала в Хорезме

До сих пор мы говорили о паводковых каналах, имеющих наибольшее распространение во всех странах Востока с классической ирригацией.

Регулирование воды в головах каналов с применением регуляторов непосредственно на Аму-Дарье не практиковалось. Регуляторы применяются лишь в распределительной сети каналов.

Однако надо отметить, что в истории ирригации Хорезма вообще имели место также и грандиозные сооружения, как например, плотины, регулировавшие течение реки Аму-Дарьи.

Макдиси и Якут говорят о большой деревянной плотине на старом течении Аму-Дарьи, у самых ворот Куня-Ургенча, которая служила для отвода течения реки от этого столичного города. По их описанию, плотина была сооружена из бревен и хвороста[17].

По рассказу Абулгази, в середине XVI в., недалеко от Куня-Ургенча, несколько восточнее города, была плотина Фатьма Хатун[18]. Эти краткие упоминания не дают нам возможности восстановить ни конструкцию этих плотин, ни принцип регулирования с их помощью течения реки.

[17] Макдиси, Указ. соч., стр. 288; Якут, т. II, стр. 483, МИТТ, т. I, стр. 187—188 и 420.

[18] Абулгази, изд. Демезона, стр. 233.

Обычно распространенным регулятором на головах распределительных каналов служила так называемая «долдарга» — очень примитивное сооружение из необделанных бревен и балок, забитых соломой или хворостом. Бревна в горизонтальном положении перекидываются через пролет канала и образуют мостик. К бревнам прикрепляются вертикальные балки, промежутки между ними забиваются хворостом или соломой. Таким способом вода частично запруживается и направляется в соседний канал, уровень которого находится несколько выше уровня первого канала; или же, наоборот, долдарга служит регулятором для ограничения доступа чрезмерного количества воды в канал, имеющий большой уклон и низкий уровень дна.

Долдарга иногда сооружается из треножников (сипоя) в сочетании с хворостом. Термин «долдарга» соответствует термину «тугон», распространенному в ирригационном хозяйстве Ферганской и Ташкентской областей.

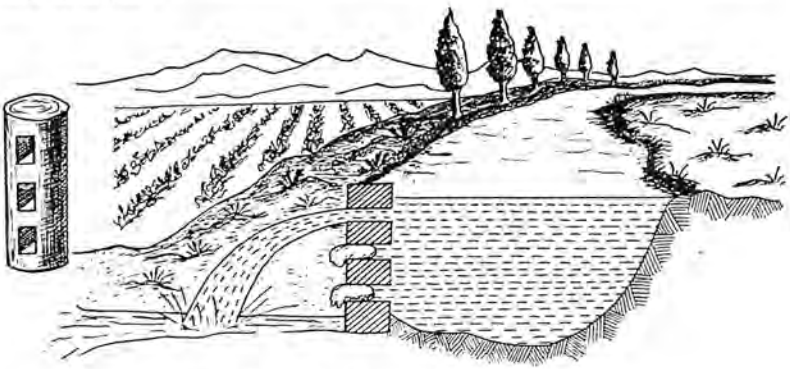


Рис. 18. Тик токуртка и ее действие.

Обычно из яба отводится небольшой арык, голову которого обязательно регулируют через особое приспособление. Эти регуляторы-токуртка устраиваются в таких случаях, когда уровень воды в ябе находится выше уровня выводной канавы. Токуртков служит обыкновенная водопроводная труба длиной от 50—60 *см* до 2 *м*, диаметром от 5—10 *см* до 30 *см*. Их устанавливают в головном отверстии канавы[19]. В нужный момент отверстия закрываются и прекращается доступ воды в канаву.

В Хорезме встречаются почти исключительно деревянные токуртки, соответствующие размерам глиняных. Иногда, когда приходится проводить воду под проезжей дорогой, токуртку делают довольно длинной. Бывают токуртки-регуляторы, которые ставятся в бадаках у выхода из канала: они представляют собой деревянную трубу с несколькими, расположенными друг против друга, отверстиями по стенкам. Такие токуртки устанавливаются вертикально в русле бадака, вровень со стенками канала. Эти трубы называют «тик токуртка» (вертикальная токуртка). Когда в канаве требуется поступление максимального количества воды, действует сразу несколько отверстий. Для сокращения

[19] О. Р. Шкапский, Аму-Дарьинские очерки, Ташкент, 1900, стр. 46.

количества пропускаемой через токуртку воды затыкается верхнее или нижнее отверстие.

Тик токуртка устанавливается с расчетом на любые уровни воды в ябе; при низком уровне воды открывается нижнее отверстие, а при повышении уровня воды — пользуются верхними отверстиями.

Это сделано с таким расчетом, чтобы пропускать через токуртку как можно меньше тяжелых частиц взвешенных наносов, содержащихся обычно в нижних слоях воды.

Когда в ябе много воды и течение становится более сильным, горизонт движения тяжелых частиц повышается и они в большой массе проникают в канаву: тогда закрывают нижние отверстия и открывают верхние, чтобы вода в канаву проникала из верхних слоев течения, где все же меньше взвешенных частиц.

Салма — мельчайшие артерии оросительной сети Хорезма, через которые вода поступает на орошаемые участки. Они делятся на два типа: аяк-салма и чигир-салма.

Аяк-салма — самотечная салма, действующая непосредственно как разветвление яба с достаточной скоростью и достаточным горизонтом. Вообще самотечная сеть в Хорезме называется «аяксу», что в переводе значит — низовья, самотечная вода. Аяк-салма считается наиболее удобным способом, и каждое крестьянское хозяйство дорожит ею как идеальным условием водоснабжения.

Чигир-салма образуется исключительно при помощи водоподъемного колеса — чикира (или чигира).

2. ВОДОПОДЪЕМНЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Как уже говорилось выше, паводковые каналы на Ниле, Аму-Дарье, Инде, Пенджабе действуют недостаточно эффективно в смысле подачи воды на орошаемые поля. Горизонт воды в канале часто находится значительно ниже уровня полей. Поэтому на Востоке издревле прибегали к искусственному способу подъема воды. Самым древним ручным способом орошения были подъемники египетского типа — «шадуфы», которые получили широкое применение в древнем Египте, Месопотамии и Индии. Они устраивались обычно на реке или на колодцах и состояли из столба с прикрепленным к нему коромыслом типа журавля. На одном конце коромысла укреплялась тяжесть, а на другом — ведро. Последнее делалось обычно из кожи. Черпальщик погружал ведро в воду и, зачерпнув воды, вливал ее в желоб, откуда она текла на поля. С помощью шадуфа можно было в течение часа поднять на высоту двух метров 3400 *л* воды, на высоту трех метров — 2 700 *л*, четырех метров —2 050 *л* и пяти метров — 1 800 *л*[20]. Для облегчения труда и ускорения работы шадуфов последние устраивались ярусами. Черпальщик, вычерпывая воду из колодца глубиной не более 1,5 *м*, выливал ее в бассейн ярусом выше, откуда другой черпальщик переливал воду в бассейн на следующем ярусе. Таким способом поднимали воду на значительную высоту и орошали ею большие поля и сады.

Система шадуфов в Индии распространена под названием «денсли». В Индии широко распространены и так называемые «ратни», со-

---

[20] И. Лурье и др., Очерки по истории техники древнего Востока, М., 1940, стр. 149.

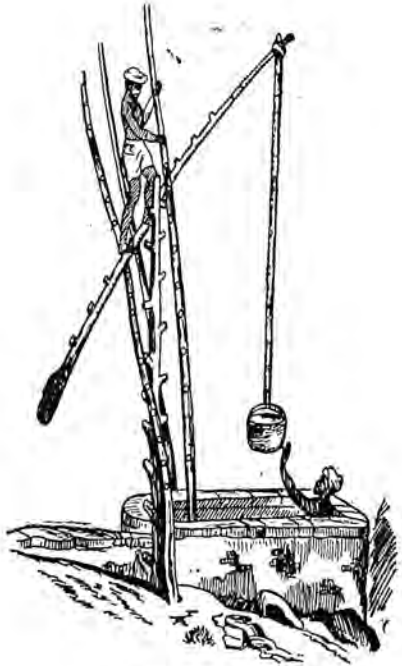


Рис. 19. Шадуф.

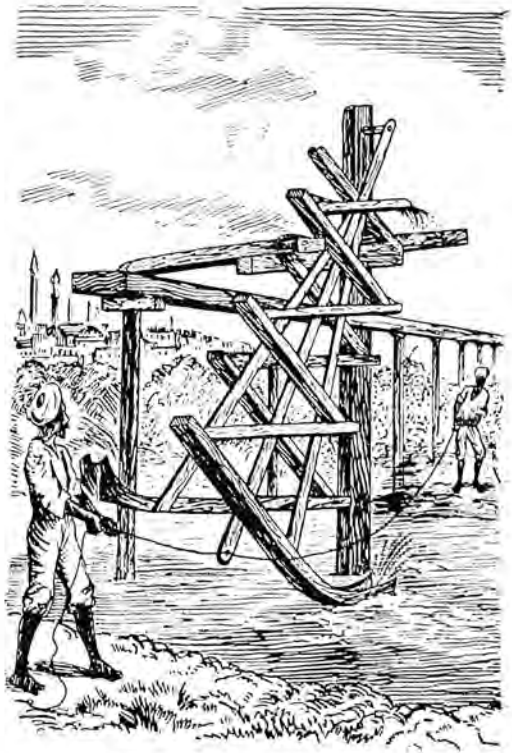


Рис. 20. Водоподъемный маятник.

ответствующие египетскому «атуэ»[21]. Над колодезной ямой на высоте человеческого роста устраивается горизонтальный вал. Через него перекинута веревка, на обоих концах которой привязано по ведру. Два человека стоят с двух сторон ямы и черпают воду с расчетом, что пока вода из первого ведра выливается в желоб, второе ведро наполняется водой[22].

В истории развития ирригационной техники известны такие древние водоподъемные приспособления, как архимедов винт в Египте и водоподъемный маятник в Индии. Последний до сих пор еще кое-где употребляется. Он имеет вид маятника, поперек которого прикреплены ряды желобов в виде зигзагов. Маятник устанавливается посредине канала. К вертикальной оси маятника привязана длинная веревка, концы которой держат два человека, стоящие с двух сторон на берегах канала. Раскачивая маятник взад и вперед рядом ритмичных последовательных толчков, они постепенно поднимают воду из нижнего желоба в верхний, причем каждый желоб снабжен деревянным клапаном, не позволяющим воде, раз попавшей в желоб, вытекать из него обратно при изменении наклона во время раскачивания.

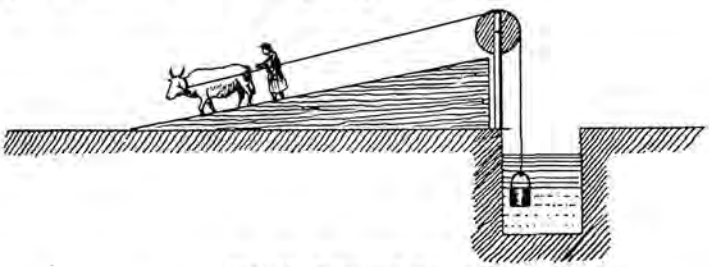


Рис. 21. Индийский хурус.

В ирригационном хозяйстве стран Востока широко распространен подъем воды тягловой силой животных. На берегу канала или колодца устанавливалась пара столбов, наверху соединенных катушкой, через которую перекинута веревка с привязанным к ее концу большим кожаным ведром; другой конец тянули животные — бык, лошадь, верблюд, осел. Бабур дает следующее описание этого распространенного в Индии способа подъема воды при помощи сооружения, которое он называет «хурус». Вол, впряженный в «хурус», тянет конец веревки, удаляясь от столбов до тех пор, пока не поднимет ведро с водой из колодца; здесь человек выливает воду в желоб, а вол возвращается на старое место и повторяет ту же работу[23]. В Месопотамии этот способ носит название «черд»[24]. В Средней Азии он не имеет широкого применения, встречаясь лишь в некоторых местах Кашка-Дарьинской области и в пустынях, где применяется для подъема воды из глубоких колодцев.

Самыми примитивными способами поднятия воды из каналов на поля в Хорезме являлись так называемые «сепма», «депма» и «нова». Сепма представляет собой деревянную лопату с бортами с трех сто-

[21] Х. В. Гельман. Отчет о поездке в Египет, Тунис, Алжир, Италию и Францию, СПб., 1893, стр. 10.

[22] С. Ф. Островский, Ирригационная система Индии, СПб., 1907, стр. 18.

[23] Бабур, Бабур-наме, Казань, 1856, стр. 355.

[24] И. Лурье, и др., Очерки по истории техники древнего Востока, М., 1940, стр. 22.

рон. На берегу канавы устанавливаются две вертикальные балки-треноги с перекладиной наверху. Корытцеобразная лопата снабжена ушками, за которые она на длинных шнурах подвешена к перекладине. Сепма устроена по принципу качелей; когда шнур в вертикальном положении, лопата погружается в воду, а когда его натягивают вперед, лопата плавно поднимается по кривой и выливает воду. Для удобства переливания, из нижней канавы часто отводят немного воды и образуют небольшой водоем, откуда и черпают воду. Рабочий, держа лопату за ручку, раскачивает лопату, переливая воду из нижележащей канавы в канаву вышележащего орошаемого участка.

Рис. 22. Способ сепма.

В Кара-Калпакии сохранилась несколько иная форма сепмы; там лопата установлена на лежащем на земле поперечном бревне и наподобие рычага приводится в движение рукой или ногой рабочего. Если сепма приспособлена для действия ногой, она носит название «депма» (педаль).

По подсчету хорезмских мирабов, применением сепмы в течение целого дня можно полить участок площадью не более 0,05 *га*.

Сепма сохранилась до сих пор, но встречается очень редко; она применяется еще лишь благодаря тому, что ее легко можно переносить с одного места на другое. Сепма использовалась главным образом для полива малых участков.

Полив способом «нова» («желоб») применялся в Южном Туркменистане и очень редко в Хорезме. Этот способ заключается в том, что с помощью деревянного желоба длиной в 3,5—4 *м* с одним глухим концом вода с более низких точек рельефа поднимается на более высокие. В одних случаях желоб устанавливается на поперечно лежащем бревне, на котором он может свободно наклоняться в ту и другую сторону. Глухой конец желоба погружается в воду, и рабочий каждый раз должен поднять нова из воды и придать ей соответствующий на-

Рис. 23. Ручная нова.

Рис. 24. Нова.

клон, чтобы вода стекала в вышележащую салму. При более усовершенствованном способе веревка, привязанная к глухому концу новы, перебрасывалась через ветку дерева или через перекладину сипая и человек поднимал нова, натягивая переброшенный конец веревки. При этом способе человек может стоять на одном месте и затрачивает на полив меньше сил и времени.

Наконец, самым «усовершенствованным» приспособлением является древняя водочерпальная машина, известная под названием «сакия» — в Египте и Месопотамии, «чарх» — в Иране и Индии и «чикир» (чигирь) — в Хорезме.

За время длительного процесса развития земледелия на Востоке там была создана своеобразная ирригационная техника — от примитивных способов ко все более сложным видам водоподъемных механизмов, несомненно определявшим изменения в социально-экономической жизни общества.

Переход от шадуфа (Месопотамия и Египет), рати, денсли (Индия), новы (Мервский оазис и Хорезм), сепмы (Хорезм) к черду (Месопотамия и Египет), хурусу (Индия) явился значительным шагом вперед по пути облегчения человеческого труда. Три вида сепмы и два вида новы в Хорезме тоже показывают путь усовершенствования водоподъемной техники, хотя и в ее более примитивной и менее эффективной стадии.

Новые способы подъема воды с применением рабочей силы животных уже представляли собою рационализацию, которая сильно повысила продуктивность труда ирригатора.

Следующим крупным шагом в истории развития водоподъемной техники был переход к системе «конвейера». Мы не располагаем необходимым материалом по промежуточным и более примитивным видам этой «конвейерной» техники, но можем предположить, что прототипами этого нового механизма служили «атуэ» в Египте и «ратии» в Индии. Конвейер этот состоит из приводимого в движение колеса с прикрепленными к нему сосудами: сосуды зачерпывали воду и поднимали ее с нижележащего горизонта реки или канала в арычную сеть вышележащего берега.

В Китае, наряду с колесным конвейером, пользуются и несколько иным его видом — «ленточным». Такой конвейер представляет собою полотно из подвижно соединенных друг с другом в одну цепь дощечек, скользящих по наклонно поставленному длинному желобу; цепь дощечек, огибая нижний погруженный в воду и утвержденный на оси конец желоба, движется вверх по наклонной плоскости, гоня перед собой воду; на вершине желоба цепь непрерывно огибает вторую ось. Вода, достигая вершины желоба, стекает оттуда в другой желоб, подающий воду на поля[25]. Это китайское водоподъемное сооружение бывает двух видов: неподвижное и переносное. В первом случае оно соединено с передаточным механизмом, вращаемым силой животного. Во втором случае сооружение это устанавливается на любом месте у берега реки. Иногда ось приводится в движение рукой одного человека, в других случаях — около вершины желоба на продолжении оси находятся накрест вбитые планки ступеней, по которым проворно переступают ногами один или два человека, упирающиеся вверху руками в опорную перекладину стойки. Эти машины отличаются своим легким весом и свободно переносятся одним человеком.

[25] И. Клингер, Среди патриархов земледелия, ч. III, СПб., 1899, стр. 98—100.

Рис. 2 . Ленточный конвейер.

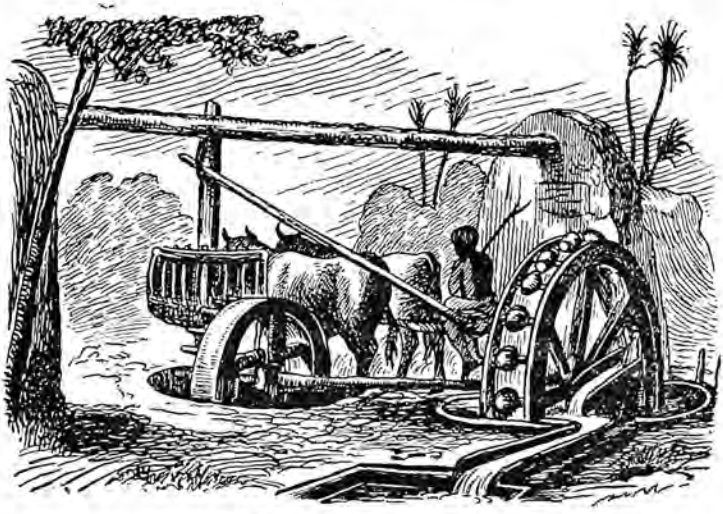


Рис. 26. Индийский чарх.

На Востоке наибольшее распространение получило так называемое «персидское колесо». В Иране и Индии оно известно под названием «чарх» (колесо), в Египте и Месопотамии «сакья», в Хорезме «чикир» и т. д.

Чикир (چقر), вошедший в современную литературу в форме «чигирь», связывают с узбекским глаголом «чикормак»[26] (поднять, выносить, вытаскивать и т. д.).

По другому объяснению, название «чикир» происходит от глагола «чигримок» (крутить, скручивать). Местное название «чикир» впервые упоминается у Абулгази в середине XVII в. Поскольку Абулгази, по его словам, старался написать свою книгу наиболее популярным языком, можно заключить, что он, вместо иранского, предпочел употреблять народный термин[27].

У Хорезми для обозначения чигиров в Мервском оазисе в X в. приводится шесть терминов: 1) дуляб, 2) далия, 3) гаррафа, 4) зурнук, 5) наура, 6) манджанун. По мнению В. В. Бартольда, каждый из этих терминов имел специальное значение, и, относясь к особому виду чигира, представлял собою приспособление для подъема воды на орошение высоколежащих земель[28].

В вакуфном документе хонако шейха Сулеймана Хаддади, учрежденном в 1349 г. в Хорезме, приводится иранское название чигира — «чарх».

Чигир (чикир) состоит из трех основных частей: колеса с водочерпающими сосудами, горизонтальной оси и привода.

При установке чигира на удобном для полива месте роется колодец глубиной в 3 *м*, шириной в 1 *м* и длиной в 3 *м*. Три стенки ямы во избежание обвала обшиваются бревнами и хворостом; одна из его узких сторон остается открытой для доступа воды. Такой колодец называется «кяризом». Кяриз сообщается с источником воды через подводящую канаву, называющуюся «тартма»; последняя выводится из салмы или яба в большинстве случаев через токуртку. Тартма зачастую устраивается значительно ниже уровня проточной воды; поэтому сток воды в кяриз прекращается только тогда, когда закрывают токуртку.

Колесо чигира устанавливается внутри кяриза в вертикальном положении: острый конец оси колеса укрепляется в небольшой выемке, устроенной в толстом бревне. Последнее находится в середине противоположной к приводу стенки. Колесо устанавливается в кяризе с таким расчетом, чтобы кувшины, привязанные к нему, свободно погружались в воду. Однако в то же время большая часть колеса должна находиться выше края кяриза, чтобы вода из кувшинов выливалась в желоб с достаточным наклоном.

Чигиры встречаются двух видов: «улу-чигир» (большой чигир) и «кичи-чигир» (малый чигир). Они отличаются друг от друга размером колеса, а следовательно, и количеством кувшинов. Диаметр колеса достигает от полутора до двух с половиной метров. Обод колеса («каснок»)

---

[26] «Чикор» — повелительное наклонение от этого глагола, в большинстве случаев употребляется в смысле поднятия груза наверх с помощью какого-нибудь приспособления. Так, например, глаголом «чикормак» обозначается подъем с помощью «журавля» глины для обмазки крыши, или погрузка на повозку тяжелого груза с помощью наклонно поставленных балок или рычага

[27] Абулгази, شجرهٔ ترک, ркп. № 217 Фундаментальной библиотеки АН УзССР л. 285а. В дальнейшем тексте мы будем употреблять термин чигир (чикир), как наиболее распространенный.

[28] В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 54—55.

напоминает большой обруч из гнутых досок шириной в 6—7 *см*, толщиной в 2 *см*. К ободу колеса привязываются глиняные кувшины — «дигиры»; дно каждого кувшина имеет как бы отросток в виде сплющенной рукоятки. Дигир привязывается к ободу за этот отросток, а также за его горлышко, веревкой, сплетенной из коры молодого тутовника или тала. Дигиры расположены по ободу в наклонном положении с таким расчетом, чтобы при обратном спуске в кяриз вода из них выливалась в желоб возле колеса. К чигирному колесу, в зависимости от его диаметра, прикрепляются от 24 до 36 дигиров. В большинстве случаев их бывает 28—30[29]. Емкость дигира в среднем равна трем литрам. Большой чигир рассчитан на тягловую силу верблюда. Малые чигиры приводятся в движение работой ослов, лошадей и быков.

Рис. 27. Улу-чигир.

Горизонтальная ось колеса чигира («ятик ок») имеет свободный конец, выступающий за кяриз. На этот конец надето другое небольшое колесо со множеством выступающих наружу шипов. Оно представляет собой примитивную передаточную шестеренку. Это вертикальное колесо на горизонтальной оси называется «кичи-кумач» (малый кумач). Для свободного вращения кичи-кумача в земле сделана небольшая выемка. Участок между чигирным колесом и кичи-кумачом перекрыт балками и землей так, чтобы по этому пространству свободно могло проходить рабочее животное. Неподалеку от кичи-кумача, на уровне его верхнего края установлен горизонтальный «улу-кумач» (большой кумач). Ось последнего вертикальная и называется «тик-ук» (вертикальная ось). Над этим кумачом установлено деревянное сооружение из двух столбов — «ура» — с перекладиной наверху — «мослык». Длина мослыка 4—5 *м*. Верхний заостренный конец вертикальной оси улу-кумача вставлен в выемку в центре мослыка, а нижний конец входит в подобную же выемку толстой балки, лежащей горизонтально на линии оси (вала) ки-

[29] С. К. Кондрашев, Орошаемый Хорезм, М., 1931, стр. 137.

чи-кумача. Конец оси последнего входит в выемку этой балки. Таким образом, и горизонтальная ось кичи-кумача и вертикальная ось улу-кумача прикреплены к этой балке.

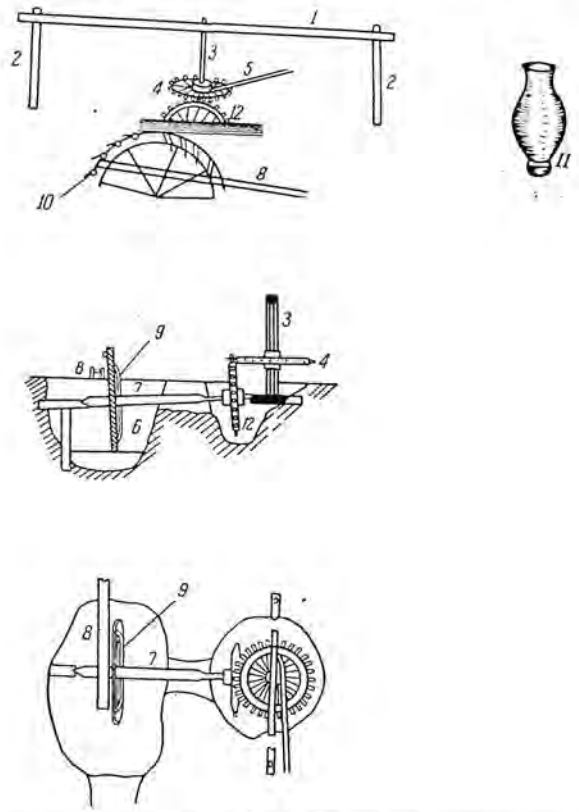


Рис. 28. Устройство чигира.

Условные обозначения: 1—мосляк, *2*—ура, *3*—тик ук, *4*—улу-кумач, *5*—кутлик, *6*—кариз, *7*—ятык ук, *8*—нова, *9*—чигирное колесо, *10—11* дигир, *12*—кичи-кумач.

Оба кумача устроены по одному образцу из прочного дерева—вяза, растущего в Хорезме. Обод улу-кумача снабжен по кругу шипами длиной в 15 *см*, шириной 10 *см* вверху и 6 *см* внизу, толщиной в 5 *см*. К горизонтальному кумачу прикреплена простая палка «кутлик», длиной в 1,5 *м*, к которой припрягается рабочее животное.

В качестве рабочего животного в чигир впрягается верблюд, лошадь, бык или осел. Животное двигается вокруг вертикальной оси, проходя между кяризом и приводом. Оно крутит горизонтальный (улу) кумач по направлению часовой стрелки. При этом горизонтальные шипы цепляются за шипы вертикального (кичи) кумача и таким образом при-

водится в движение вал с чигирным колесом. Дигиры один за другим погружаются в кяриз и наполняются водой. Поднимаясь до края кяриза, они выливают воду в деревянный желоб, который установлен параллельно колесу. Из желоба вода стекает на поля по канаве, называемой «чигир-салма».

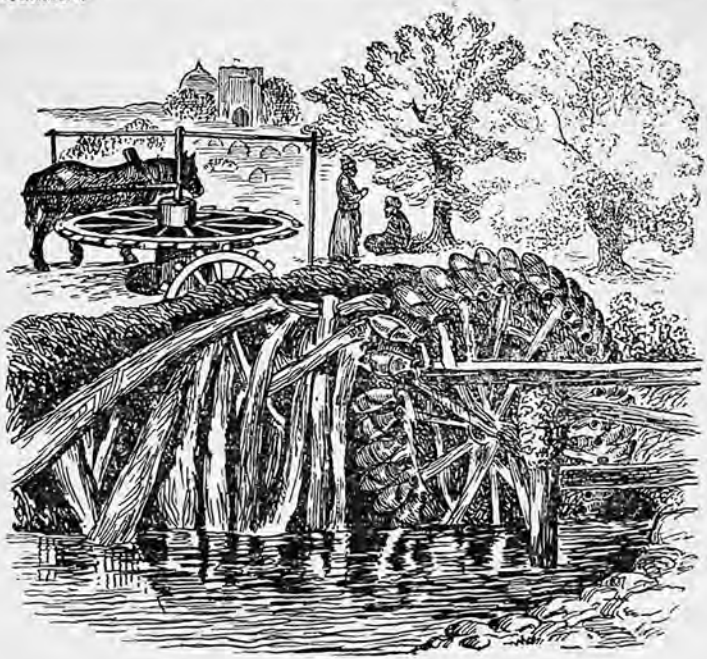


Рис. 29. Кичи-чигир.

Хорезмский чигир по своему устройству имеет большое сходство с египетскими «сакия», индийским и иранским «чархом».

Хорезм не знает многоярусной чигирной системы, так как надобности в ней не было. Среди населения Хорезма бытует легенда, согласно которой некий отшельник Наиладж-баба в глубокой древности оросил плато Устюрта, построив там чигирную систему из семи ярусов. Мнимый мавзолей Наиладж-баба находится около развалин крепости Дев-Кескен на чинках Устюрта, однако никаких следов подъема воды Хорезмская археологическая экспедиция на чинках Устюрта не обнаружила.

Не встречается в Хорезме и цепочная система чигиров, широко распространенная в Индии и Приволжье. Эта система отличается от хорезмского чигира тем, что там дигиры не прикреплены непосредственно к колесу, а привязаны к веревке в виде цепи и свисают вниз до поверхности воды в колодце. При вращении колеса дигиры, наполнившись водой, поднимаются на веревке до колеса и выливают воду в желоб.

Китайская водоподъемная машина устроена по тому же хорезмскому принципу, что и чигир, с той только разницей, что передаточный механизм, приводимый в движение силой животного, прикрепляется в Ки-

тае к «ленточному конвейеру», а не к чигирному колесу, как в Хорезме.

Хорезмский чигир рассчитан на подъем воды главным образом на высоту около двух метров. По данным С. К. Кондрашева, чигирное колесо в течение одного часа делает 265 оборотов и за это время подает около 20 000 *л* воды, обслуживая три десятины земли[30].

Чигирное орошение отличается от самотечного (аяк) тем, что вода, подаваемая на поля при чигирном орошении, отстаивается в кяризной яме, вследствие чего большая часть взвесей, содержащихся в проточной амударьинской воде, оседает на дне ямы. Но зато растворенные соли в чистом виде попадают на поля и ускоряют засоление почвы. Хорезмские земледельцы считают, что в самотечной воде взвешенные частицы (песок, ил) почти аннулируют действие растворенных солей и поэтому предпочитают самотечное орошение.

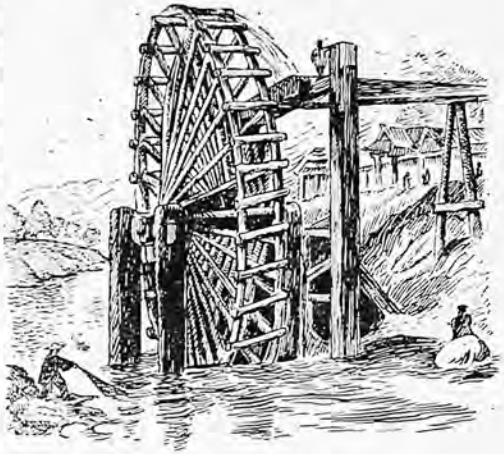


Рис. 30. Китайский чигир.

Остановимся теперь на водяных чигирах (су-чигир), которые были весьма распространены в хорезмском оазисе и приводились в движение силой течения воды. Отсюда и их название «су-чигир».

Водяной чигир состоит из двух больших колес, соединенных одной общей осью. Это колесо снабжено многочисленными поперечными лопастями. Течение, ударяясь в лопасти, придает колесу вращательное движение. Для облегчения веса колеса здесь вместо тяжелых глиняных дигиров прикреплены легкие деревянные или жестяные сосуды.

В китайских водяных чигирах вместо таких сосудов действуют бамбуковые желоба[31].

Водяные чигиры устанавливаются около берега на деревянных сваях. Поступающая из дигиров вода сливается в желоб, а затем через арыки поступает на поля. Когда в воде нет потребности, желоб отодвигается в сторону и вода стекает обратно в канал. Водяные чигиры, благодаря рентабельности и простоте своего устройства, распространены везде, где имеется искусственное орошение.

В Хорезме большие водяные чигиры на самой Аму-Дарье встреча-

[30] М. Громов и В. Баранов, Чигир — как водоподъемная машина и как привод. Ташкент, 1931, табл. 1; С. К. Кондрашев, Орошаемый Хорезм, табл. 25; С. П. Трамбачев, Предварительные материалы к вопросу о развитии ирригационного строительства в Средней Азии, Вестник ирригации, 1925, № 12. Коэффициент полезного действия чигира зависит от диаметра колеса, который достигает иногда громадных размеров.

[31] И. Клингер, Указ. соч., ч. III, стр. 101.

ются лишь в таких местах, где этому способствует строение берега и характер течения.

На искусственных каналах Хорезма применялись чигиры небольших размеров. Их было много, особенно на канале Шахабад. Путник плыл по каналу среди монотонного шума и жалобного скрипа водяных чигироз, действующих без перерыва.

Время возникновения чигирного орошения установить трудно. Известно только, что в Месопотамии в III тысячелетии до н. э. в текстах Фара-Шуруппака упоминается об «оросительной машине», на устройство которой «потребовалось дерево»[32], используемой при помощи быков и ослов.

Такими «машинами» в древности могли быть черды, широко употребляемые там и в настоящее время. Черды значительно примитивнее, чем сакия (чигир). На устройство черды действительно требуется некоторое количество дерева и они приводятся в движение силою животных.

Однако переход от качающего, весьма примитивного способа подъема воды —«сепма»— к чигирному, основанному уже на вращении, заставляет нас попытаться установить хронологический рубеж, на котором вообще произошла смена качающей, «маятниковой» техники — вращающей, более совершенной. Таким рубежом мог быть переход от зернотерки к ручной мельнице, а затем к харосу, основанный на круговом движении. Отсюда возможен был бы переход и к водоподъемному колесу.

Предлагая такую последовательность, пока только в порядке рабочей гипотезы, основанной на узком круге наших представлений о путях возникновения и развития чигирной техники, можно было бы связать появление чигира с возникновением водяного мельничного колеса. В действительности же маловероятно, чтобы такая страна классической ирригации, как Египет, не знала техники водоподъемного колеса еще во времена античности — и во всяком случае задолго до появления водяной мельницы. Очевидно Хорезм довольно рано испытал влияние Переднего Востока в такой важной области, как ирригационная техника.

Весьма допустимо также, что чигирный механизм предшествовал водяной мельнице, и что когда-нибудь будут обнаружены памятники чигирного хозяйства в глубокой древности.

При исследовании мертвой ирригационной сети земель древнего орошения в Хорезме мы пока не находили никаких признаков чигирного хозяйства. Древние каналы проведены как бы по водоразделу, причем уклон для самотека прослеживается довольно хорошо. Каналы мелкие и широкие, что рассчитано именно на обеспечение самотечности.

Нигде не были встречены хотя бы намеки на следы кяризных ям. Не попадались также фрагменты глиняных сосудов, указывающих на применение чигирных кувшинов (дигиров).

Арабские географы совершенно не упоминают о чигирной системе в Хорезме. Это отчасти можно объяснить тем обстоятельством, что с системой чигирного орошения они уже были знакомы в Иране и в странах Переднего Востока. По этой причине они могли и не упомянуть о наличии чигирной системы в Хорезме. Наличие чигирного орошения в X в. в Мервском оазисе, упоминаемое у Хорезми, позволяет предполагать, что этот прием ирригационной техники, вероятно, был распространен во всем Хорезмском оазисе.

Следы чигирного орошения в мертвых оазисах феодального периода

[32] И. Лурье и др., Очерки по истории техники древнего Востока, М., 1949, стр. 22.

(район Кават-Кала) еще не найдены; при этом сухие русла каналов этого времени значительно углублены и, несмотря на их большую протяженность, гораздо уже, чем античные каналы. Одно это уменьшение ширины и увеличение глубины уже является указанием на орошение с расчетом на подъем воды.

Б. М. Георгиевский, как уже отмечалось, высказал любопытное мнение о зависимости возникновения чигирного орошения в Хорезме от нарастания культурно-ирригационных наносов. Поверхность древних оазисов, по его подсчетам, за исторический период поднялась более чем на два метра. Это обстоятельство, безусловно, вызывало необходимость в постоянной очистке дна как магистральных каналов, так и распределительной сети, а низкий уровень воды в каналах вынудил земледельцев прибегнуть к способам искусственного подъема воды при помощи сепмы, новы и чигира.

Самое раннее упоминание чигира в Хорезме относится к середине XIV в[32].

Однако этим еще не доказывается позднее введение чигирного орошения: о нем не пишут и в хивинских хрониках XIX в., хотя в это время страна изобиловала чигирами.

По ряду соображений можно предположить, что возникновение чигирного орошения в Хорезме относится к периоду становления феодализма, т. е. V—VI вв. н.э.

Большое сходство в общем устройстве и в деталях между чигиром и египетской сакия вызывает предположение о возможности заимствования населением Хорезма идеи чигира в Египте, этой стране более ранней классической ирригации; здесь, однако, надо подчеркнуть, что в терминологии как различных видов чигира, так и его деталей, нет ничего общего.

3. ПЛОТИНЫ И ИХ УСТРОЙСТВО

В борьбе за регулирование вод буйной Аму-Дарьи населению Хорезма особенно часто приходилось иметь дело с паводковыми прорывами реки. Для предупреждения и устранения таких катастроф обычно прибегали к сооружению плотин. Необходимость перекрывать каналы в зимний сезон обусловливала сооружение перемычек. Все эти работы требовали большой затраты труда и огромных количеств инертного материала, который мог бы противостоять размыву. В Хорезме камень для подобных работ используется редко[34], а широко применяются фашины, которые в Хорезме называются «навардами». Навард сооружается из хвороста и земли с дерном (чим — более дешевый и доступный материал) и в виде цилиндра длиной 6—8 *м*, диаметром 1—1,5 *м*[35] подкатывается к берегу канала и спускается в воду; за ним следует другой, третий и т. д. Спуск навардов производится одновременно с двух противоположных берегов канала, пока перемычка не замкнется.

---

[33] Вакуфный документ, учрежденный Тимуром Кутлуком в 1349 г., АН УзССР, л. 204б. В этом документе определяется размер платежей со всех земель, безотносительно к тому, как они орошаются — чигиром (ازچرخ) или самотечной водой (از آب روان).

[34] Каменная плотина известна на голове Лаузана; она сооружена из камня, так как ее не предполагалось открывать.

[35] Навард делают следующим образом: хворост и камыш расстилают на ровном месте, сверху плетилают дерном, который и завертывают в эту подстилку из хвороста и камыша, обвязывая получающийся цилиндр поперечными поясами из проволоки. В. В. Цинзерлинг, Указ. соч., стр. 568.

Иногда эту технику применяли для заграждения довольно значительных протоков реки и больших прорывов — и тогда наварды достигали грандиозных размеров, соответствовавших величине протока или прорыва.

Мунис-мираб и Баяни рассказывают о том, как хивинский хан Мухаммед Рахим отводил три протока Аму-Дарьи от района г. Кунграда, чтобы наказать непокорных аральцев. Закрыты были Чуманай, Чангли-Басу и Терс-Акар. В протоки спустили наварды. Длина наварда была до 60 гязов (66*м*), окружность около 20—30 гязов (32*м*). Все три протока были преграждены в течение восьми дней. Ширина прегражденного Чуманая была более 200 *м*, а глубина около 10 *м*. Ширина Чангли-Басу — около 180 *м*, а глубина — около 11 *м*. Ширина Терс-Акара — 33 *м*, глубина — около 6 *м*[36].

Кроме плотин применялись еще и другие инженерные сооружения.

Почти по всей прибрежной низменной полосе, затопляемой водами Аму-Дарьи во время паводков, тянутся иногда в несколько рядов мощные дамбы — качи, сооруженные кропотливым трудом населения всего Хорезмского оазиса[37].

Качи сооружается из чистой земли, без употребления камыша, хвороста и других вспомогательных материалов, чем обеспечивается максимальная его плотность[38].

Дамбы устраивались с некоторыми отступлениями от берега реки, так как из-за неустойчивости грунта, берег постоянно подвергался эрозии. В настоящее время это наблюдается у береговой полосы против Шайх-Аббаса (Шаббаза), где в течение последних 40 лет Аму-Дарья смыла шесть рядов дамб и население почти ежегодно сооружает новые и новые линии дамб, отступая все дальше от реки.

Прибрежные дамбы достигают довольно больших размеров; ширина основания дамбы обычно доходит до 20 *м* при высоте в 2,5—3 *м*. Ширина верхней плоскости дамбы не превышает 8—10 *м*.

Дамбы сооружаются и по пониженным полосам вдоль паводковых каналов и по береговым линиям сбросовых озер, которые во время усиления паводковых вод разливаются и угрожают прилегающей культурной полосе. Сооружение и ремонт этих дамб издревле входили в обязанность всего населения оазиса. Ежегодно по окончании полевых работ преобладающая часть населения обязательно занималась ремонтом действующих дамб.

Во время летних паводков и зимних заторов нередко происходят катастрофические прорывы дамб, что чаще случается на левом берегу; при этом затопляются целые районы с многочисленными населенными пунктами.

Например, в 1933 г. высокие воды прорвали линию дамб выше сел. Гурлен и вода хлынула в канал Клыч-Ниязбай, а оттуда попала в старое русло Дарьялыка. Прорыв произошел в 48 пунктах, и на срочное восстановление дамб ушло 2 700 000 рабочих дней.

---

[36] Баяни. Указ. соч., л. 158б.

[37] Происхождение хорезмского термина «качи» остается невыясненным. Некоторые хорезмийцы истолковывают его этимологически, как глагол «кочу» — соответственно русскому глаголу бежать, избегать и т. п. Термин качи в других областях Средней Азии и в сопредельных странах не встречается.

[38] По сообщению старого ирригатора Атабаева Бабаджана, среди хорезмских мирабов существовало узаконенное правило жестокого наказания за употребление в дамбах сухих или мерзлых комьев глины, а также и других пористых и разрыхляющихся материалов.

Тяжелой повинностью для земледельцев Хорезма являлась ежегодная очистка каналов от илистых наносов[39].

Казу — заиление каналов в Хорезме — явление неизбежное для всех участков оазиса. Плодородный амударьинский ил — прекрасное удобрение для полей и в то же время бедствие для ирригационной сети.

Интенсивно отлагаясь, «арычные» наносы в течение одного вегетационного периода образуют в арыках Южного Хорезма слой мощностью до 0,60—0,80 *м*. Из этого количества наносов 60% оседает в головной части магистрального канала, а остальные 40% — в хвостовой части распределительной сети. Средняя часть магистральных каналов, за исключением Пахта-Арна, не заиливается[40]. Поэтому ежегодная очистка каналов (казу) от ила издавна разбивалась на две зоны: 1) сака казуви (очистка головной части) и 2) обхура казуви (очистка распределительной сети).

Сака (головной участок) канала принадлежит верховному правительству, организация чистки и содержание ее в сохранности входит в обязанности правительства. Все земледельческое население обязано нести определенную, узаконенную повинность по обслуживанию и поддержанию сака.

Работа по «обхура казуви» — повинность местного порядка, т. е. дело самих потребителей воды, пропускаемой через сака. Объемы работ по очистке этих участков каналов достигают грандиозных размеров. Только в одном Южном Хорезме из каналов ежегодно выбрасывалось около 7 млн. *м*³ наносов. По всему Хорезму на очистку каналов ежегодно требовалось до 1 млн. рабочих дней[41].

Казу производились два раза в год: весной и осенью. Работа по казу на больших каналах продолжалась не больше двух недель, так как на нее пригоняли большое количество казучи (чистильщики канала).

Организация улу-казу (великих казу), ташкы-казу (внешнее казу) была обязанностью правительства. Производитель работ — сахибкар — непременно один из важных сановников — назначался ханом по особой грамоте с санкции или рекомендации главного мираба[42].

Перед объявлением великих казу, видные сановники пускали в ход подкупы и интриги, соперничая друг с другом, чтобы заполучить должность сахибкара, так как казу для них была кампанией, на которой можно было хорошо нажиться. Сахибкар — производитель работ — имел большие полномочия и по своему усмотрению комплектовал аппарат должностных лиц. Отсюда уже возникала возможность брать взятки от многочисленных претендентов на новые административные должности. Однако злоупотребления не кончались на этом. Сахибкар начинал придумывать всевозможные затруднения для казучи. Самым лучшим способом вымогания денег считался вызов казучи из отдаленных районов. Например, для производства казу на канале Шахабад, или Палван-Яб, казучи созывались из каракалпаков дельты, или из Ходжейлинского района. Если кто-нибудь из казучи не был в состоянии явиться на место

[39] От казу, как и от несения других повинностей, освобождались духовенство, родственники хана, чиновники, нукеры и другие привилегированные лица.

[40] Б. М. Георгиевский, Указ. соч., стр. 112; В. В. Цинзерлинг, Указ. соч., стр. 573.

[41] Б. М. Георгиевский, Указ. соч., стр. 112; В. В. Цинзерлинг, Указ. соч., стр. 573.

[42] Мираб—«правитель воды»—термин таджикско-персидского происхождения; состоит из сочетания слов «мир» (начальник, князь, владыка, управляющий) и «об» (вода).

работы, с него взималось пять тилля (18 рублей по золотому курсу — по тогдашним ценам стоимость семи-восьми баранов).

Явиться же к сроку было не так просто. Правительство не занималось перевозкой казучи, и несчастные люди должны были сами оплачивать проезд на арбах, переправу на судах, запасаясь еще и продуктами на весь долгий путь.

Поэтому, когда в населенный пункт приезжал вестник (хабарчи) и объявлял о призыве на казу, все жители приходили в тревогу. Вестник же по заданию сахибкара начинал торговаться с местными властями о количестве откупающихся от повинности. Из 100 человек казучи разрешалось откупаться только восьми. С них собирали 40 тилля (144 рубля); откупная сумма трех казучи оставалась в пользу местных властей, все же остальные деньги поступали в пользу сахибкара. Вестник по положению имел право собрать в свою пользу по две теньги (30 коп.) с каждого казучи. Это называлось «афанак-пули».

Казучи по приезде на место работы обязан был заплатить чибикчи[43] по одной теньге (15 коп.). Каждый казучи, не ограничиваясь обусловленной платой, старался дать ему побольше, чтобы отвести «чибик» подальше от своей спины. Потом шло дальнейшее обирание казучи: поборы на содержание кухни, обслуживающей администрацию, на фураж их коней, на сбор в пользу духовенства и т. д.

Наконец, по приказанию сахибкара, арканчи («люди с веревкой») начинали разбивать каналы на чеки (участки), каждый чек от 25 до 40 *м* в зависимости от ширины и глубины участка. На каждый чек ставилось от 50 до 100 человек во главе с чибикчи. Мирабы определяли глубину выемки.

Вот тут-то после расстановки казучи по чекам и начинался настоящий торг с «выкупными». Откупная плата снижалась до трех тилля; есаулы (ханская полиция) и чибикчи, по указанию сахибкара, начинали уговаривать казучи откупиться; в случае отказа, намеченное лицо подвергалось всяким издевательствам. При этом число казучи становилось все меньше и меньше, а норма чека оставалась прежней; таким образом, вся тяжесть работы падала на беднейшую часть крестьянского населения, которой нечем было откупаться.

В назначенное время для начала казу приезжал сам хан. Ежегодно в марте месяце он лично выступал из столицы на казу больших каналов Палван-Яба, Газнабада, Шахабада[44]. На казу второстепенных каналов, кроме сахибкара, посылался кто-нибудь из высокопоставленных вельмож.

После большой церемонии с участием духовенства хан спускался в канал, ему подавали лопату и он делал вид, что собирается взять первую лопату земли; однако, по старым обычаям, один из казучи перехватывал у него лопату и выбрасывал комочек грязи. За эту «услугу» он освобождался от казу. После этого начиналась работа.

Известно, что берега головного участка канала постоянно были загромождены рашами — насыпями от прошлых очисток канала; поэтому казучи приходилось выкидывать глину на высоту до 4—5 *м*. Вся работа производилась вручную. Единственным орудием служила «капча» (буквально — ладонь, ладошка), т. е. маленькая лопата с длинной ручкой.

Сахибкары и их администрация думали только о наживе; пытка и штраф были в полном ходу.

[43] Чибикчи — лицо, которому вверялся надзор за 50—100 казучи (этот термин происходит от того, что чибикчи, заставляя казучи работать, избивал их прутьями «чибик»).

[44] Баяни, Указ. соч., л. 218а, 355б.

Не было никаких методов поощрения за хорошую работу; не было также никакой заботы о землекопах ни со стороны верховного правительства, ни со стороны местных властей.

Хорезмские старики рассказывают, что в 1828 г. Аллакули-хан решил прорыть Ташсака («каменная») — новую голову большого канала Палван-Яб. Он пригнал на эти работы около 40 000 населения. Грунт был каменистый. Кайчей и лопатой ничего нельзя было сделать, кирки и ломы имелись не у всех. Работа затянулась; бесчеловечные пытки перешли все пределы; казучи дошли до крайней степени изнурения и стали спасаться бегством в Бухару.

Казучи обратились к хану через посредство духовенства с ходатайством облегчить положение рабочих и выставили справедливые требования:

1. Ежегодный срок обязательной повинности (12 дней) истек давно.
2. Грунт каменистый, а хан не заботится о том, чтобы снабдить землекопов необходимыми инструментами.
3. Самое же главное заключается в том, что вода из вновь построенного канала по-прежнему будет достоянием чиновников, духовенства и нукеров. «Просим вас, высокопочтенные руководители мусульман, — говорилось в заключение, — добиться у нашего хана равенства в пользовании этой водой».

Духовенству и хану не понравились даже эти более чем умеренные претензии. Хан вызвал своего главного визиря Юсуф-михтера и велел воздвигнуть пять-шесть виселиц, на которых были повешены наиболее активные «бунтовщики». Так была построена знаменитая голова Палван-Яба — Ташсака.

В Хорезме такие большие государственные мероприятия, как постройка нового канала, очистка голов каналов, сооружение больших береговых дамб (качи), постройка плотин на протоках, постройка крепостей и больших монументальных зданий, являлись обязательной трудовой повинностью населения (так называемый «бегар»). Бегар был установлен в количестве 12 дней в год на человека. Кем и когда была определена эта норма — неизвестно.

Работы местного характера, такие как обхура-казу, постройка дамб (качи) местного значения, срочный ремонт больших качи в бегар не входили; на них мобилизовывалось местное население только данного района.

Кроме двенадцатидневного бегара, в Хорезме существовала шестидневная, тоже обязательная повинность — «бала-казу» («бедственное казу»). Все эти повинности очень тяжело отражались на положении земледельцев. Поздней осенью и ранней весной казучи гоняли куда угодно по усмотрению правительства. Их собственные поля оставались без присмотра, хозяйство приходило в упадок.

4. ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ И МИРАБСТВО

В ирригационном хозяйстве Хорезма были установлены мелкие территориальные общины водопользователей, так называемые «джабди». Их размеры, однако, не были точно определены. Лишь при Мухаммед Рахим-хане I (1806—1825) установили размер джабди в десять танапов.

В Южном Хорезме, где достаточно хорошо были разработаны нормы водопользования, вода, орошающая десять танапов земли, счита-

лась за одно «су»[45], а пользователи одного «су» как территориальная община водопользователей назывались «джабди».

Независимо от количества хозяйств, каждая джабди имела своего начальника, которого называли «джабди-баши» (глава джабди). Джабди, как низшая и организованная единица водопользователей, была ответственна за организацию общественных работ перед верховной администрацией.

О созыве на казу и на другие виды общественных работ извещался джабди-баши, который обязан был выделить от джабди одного рабочего. Если джабди объединял несколько малоземельных хозяйств, они договаривались между собой, снаряжали одного человека и отправляли на работу.

Если размер джабди (десять танапов) совпадал с размером владения одного лица, то в таком случае владелец сам выступал в качестве джабди-баши и вынужден был выделить одного рабочего за свой счет. Часто размеры земель баев, духовенства, чиновников и членов правящего дома в несколько раз превышали размеры джабди, однако, независимо от этого, их считали за один джабди и требовали от них только одного рабочего. На практике же такие хозяйства вообще освобождались от участия в общественных работах. Местные власти и верховная администрация общественных работ избегали брать от них рабочих, так как с ними приходилось обращаться несколько осторожнее, чем с беззащитными малоземельными членами джабди.

Институт джабди всегда носил сугубо формальный характер; выгадывали на нем только крупные землевладельцы, что же касается малоземельных членов джабди, их «гнали»[46] на любой вид работ.

В ирригационном хозяйстве каждого из ябов часто в самый разгар вегетационного периода чувствовался острый недостаток в воде. На этой почве происходили серьезные столкновения между водопользователями верхних и низовых участков каналов. Очень часто чиновники и привилегированные лица заставляли мирабов закрыть воду другим водопользователям, пока не насытятся водою их земли. Местные ирригаторы и остальные жители Хорезма хорошо помнят, что в таких случаях простые земледельцы большой толпой являлись в столицу и жаловались хану на свои бедствия. Бывали случаи, когда они получали возможность восстановить справедливость и с разрешения хана собственными руками уничтожали преграды, закрывавшие воду. Часто возмущение достигало таких пределов, что мирабам приходилось спасаться бегством.

Для быстрого регулирования и распределения воды, каждый яб сверху вниз разбивался на три или четыре участка: 1) баш (голова); 2) урта (середина) и 3) аяк (низ); на конце каждого участка в порядке очереди устраивалась фашинная или дощатая преграда, носящая название «бугут» или «тахта». Бугут обеспечивал быстрый подъем воды в ябе, следовательно, и быстрое насыщение водой полей вышележащего участка. Таким образом все земли, расположенные в районе командования данного яба, получали быстрое удовлетворение. Такая очередность снабжения водой называлась «асвак». Часто асвак распространялся на отдельные бадаки или на малые ябы, выходящие из большого яба.

Благодаря сложности и большой трудоемкости ирригационной системы Хорезма, институт мирабства всегда занимал видное и очень важ-

[45] «Су» как мера орошаемой земли часто встречается в документах Хивинского архива.

[46] Так выражались сами хорезмийцы: «козуга кувиб кетдиляр.»

ное положение в Хивинском ханстве. Мирабы, как нам известно по источникам, входили в состав окружавшей хана правящей верхушки[47].

Мы не располагаем историческими указаниями о положении мирабов в управлении делами при верховном правительстве для более ранних периодов. Однако то огромное значение, которое вопросы орошения занимали в народном хозяйстве, заставляет нас считать, что мирабы во все периоды истории Хорезма занимали не меньшее положение, чем при Абулгазихане. П. П. Иванов утверждает, что должность мираба при верховном правительстве не имела „отношения к водной администрации"[48]. Факты опровергают это положение; в хивинских хрониках XIX в. с начала до конца отмечается участие главных мирабов в регулировании важных ирригационных вопросов.

„Мухаммед Рахим-хан,— пишет Баяни, — направил Султан-мираба, Мунис-мираба и Бек-Али-мираба в местность Тюйнюклю[49], для того, чтобы они установили состояние головы канала Хейваник (Палван-Яб) с точки зрения необходимости ее чистки"[50].

Рис. 31. Бадак.

В 1809 г. при сооружении плотин на протоках Чуманай и Чанглы-Басу строителями распоряжаются Мунис-мираб и Кара-бахадур-мираб. В сочинениях Муниса и Агехи всюду встречаются указания на их участие в восстановлении дамб на месте прорывов, в проведении казу и т. д... «В понедельник мы закончили работы по приведению в порядок головы канала (Палван-Яб) вплоть до Кулум Ходжи, где имеется сброс из Хейваника в Гази-Абад»[51].

Легко убедиться в том, что Мунис-мираб и Агехи-мираб — авторы политических хроник — были специалистами по ирригации, так как там нет ни одного события, описывая которые эти два мираба не упомянули бы о каналах, об их строителях, об изменениях течения реки и ее протоков с полным знанием дела.

[47] Мунис-Агехи, Фирдаус-уд-Икбал, ркп. ИВАН УзССР, № С 571 (590а), л. 566.
[48] МИТТ, т. II, стр. 331, прим. 1.
[49] В то время Ташсака не было и эта местность называлась Тюйнюклю.
[50] Баяни, Шаджара-и Хорезмшахи, ркп., л. 185а.
[51] Мунис—Агехи, Указ. ркп., № 168. л. 213а.

Мы вполне согласны с тем, что эти главные мирабы по своей деятельности совершенно отличались от обычных мирабов, которые, вкупе с местной администрацией, отвечали за прорыв дамб, за проведение своевременной очистки местной оросительной сети и были непосредственно связаны с распределением воды на местах.

Автору настоящих строк приходилось иметь специальные беседы со старыми водными специалистами. По их утверждению «мирабы хана» занимались только проектировкой постройки и реконструкции каналов, руководили их «нивелировкой», приезжали для консультации во время «великих казу» и на места больших прорывов. Они хорошо владели «наукой фариаз (математическими расчетами. — *Я. Г.*) и все строили на бумаге».

К сожалению, до нас не дошли те «нивелировки на бумаге», о которых рассказывают очевидцы. По описаниям, они представляли собой длинный свиток с пометками стран света, с множеством цифр. Из рассказов ряда лиц, в том числе вышеупомянутого Бабаджана Атабаева, выясняется, что прежние мирабы вели нивелировку каналов по уровню грунтовых вод. По объяснению группы опытных водных специалистов из Куня-Ургенчского района, при нивелировке трассу проектируемого канала по всей ее длине разбивали на ряд квадратов площадью 40×40 кулачей[52]. В каждом квадрате закладывали в шахматном порядке шурфы до грунтовых вод. Потом во время периодических летних паводков в шурфах отмечали изменения уровня грунтовых вод. Сами рассказчики этого не видели на месте, а лишь запомнили то, что было объяснено мирабом русскому инженеру, который лет 50—55 тому назад приезжал в Куня-Ургенч. Инженер через переводчика записал и вычертил все, что рассказал ему Ата-мираб[53].

Рытье ям в шахматном порядке на трассе канала было, по-видимому, разведывательной работой перед его трассировкой. Математические расчеты трассировки были разработаны уже давно, как это устанавливается по трудам ал-Хорезми, однако ими владели только высокограмотные специалисты водного дела, прежде всего, верховные мирабы ханства.

Каждый магистральный канал был под надзором одного или двух верховных мирабов, которые непосредственно назначались ханом и подчинялись кушбеги или михтеру. Мирабы получали жалованье из казны[54].

Местные мирабы обслуживали бассейны отдельных распределительных каналов. Их работа была довольно сложной. Если канал орошал только одно селение, мираб назначался из этого же селения по рекомендации местных властей и мираба магистрального канала. В случае, если на данном канале было несколько селений и на нем сидело несколько родов, должность мираба являлась объектом постоянного раздора между ними. Дело каждый раз доходило до канцелярии михтера.

Распределение воды всегда вызывало споры, так как мирабы редко бывали справедливы. Ханская канцелярия решала эти споры в зависимости от размера взяток, поступающих от тяжущихся сторон.

Местные мирабы не получали жалования из казны, их довольствие по старинному обычаю обеспечивалось самими водопользователями. Мираб во время сбора урожая имел право получить от земледельца причитающуюся ему долю.

[52] Кулач — мера длины, равная размаху рук (сажень).

[53] Таш-бугут (каменная плотина) на голове Лаузана была сооружена этим же мирабом.

[54] Архив хивинских ханов, хранящийся в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина г. Ленинграда, тетр. № 60, стр. 11.

Эта доля называлась «мирабона»; она не была определена никаким законом и давалась по усмотрению самого хозяина. Однако по старому обычаю все же выработалась норма «мирабоны», которой в основном и придерживались. По правилам, мирабу не положено было спорить с хозяином о размере даваемого довольствия. Да такие споры и не возникали, так как всякий старался угодить мирабу. Если мираб своевременно сам не являлся за «мирабоной», то «мирабону» обязательно привозили к нему на дом. По общераспространенному убеждению, неуплата «мирабоны» призывала несчастье на голову земледельца.

Население, однако, глубоко ненавидело этих мирабов за их несправедливость, взяточничество и вымогательство.

По существовавшим законоположениям, всякое уклонение от приказания мираба или медлительность при его исполнении приводили к суровым наказаниям. Виновного избивали до потери сознания и насильно распродавали его рабочий скот под предлогом необходимости найма рабочих за его счет и т. д. От этого главным образом страдала беззащитная беднота. Мирабы делали незаконные поборы во время сооружения или ремонта дамб (качи); издеваясь над строителями, избивая их за малейшую медлительность, нарочито затягивая работы, они добивались того, что строители соглашались на выкуп.

Среди населения Хорезма широко распространены были приметы и поговорки, характеризовавшие его отношение к мирабам: «На раше (на береговой насыпи) нельзя совершать молитву, так как там проходил мираб, и место осквернено его ногами».

Не рекомендовалось покупать имущество мираба, так как это приносит несчастье.

Если же кто-нибудь жаловался на злобу и вымогательство какого-либо чиновника, то ему в ответ говорили: «Значит ты еще не попадался в руки мираба!»

Эти приметы и поговорки — яркое свидетельство обид и притеснений, которые безнаказанно чинили мирабы, вызывая законное негодование и презрение трудящихся масс Хорезма.

Глава IX

РАЗВИТИЕ ИРРИГАЦИИ В НИЗОВЬЯХ АМУ-ДАРЬИ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ[1]

Победа Великой Октябрьской социалистической революции избавила народы бывшей царской России и ее колоний от социальных и экономических оков, препятствовавших развитию производительных сил страны и культурному росту ее народов.

Установление Советской власти в Туркестане, в том числе и в бывшем Аму-Дарьинском отделе, расположенном в непосредственной близости от Хивинского ханства, обеспечивало его трудовому населению поддержку Советской власти и русского рабочего класса под руководством Коммунистической партии в борьбе против ненавистного ханского строя, помогло трудящимся Хорезма очистить хивинскую землю от ханов, беков, мирабов и прочих эксплуататоров.

Власть перешла в руки трудового населения Хивинского ханства, которое было провозглашено Хорезмской Народной Советской Республикой (ХНСР); несколько позднее народная революция сбросила власть эмира в Бухаре, также преобразованной в народную советскую республику (БНСР).

В результате временного объединения всей хозяйственной жизни Средней Азии народы вновь образованных среднеазиатских республик экономически окрепли, а народный советский строй, установленный в этих республиках, при постоянной экономической и политической поддержке передового русского пролетариата, руководимого Коммунистической партией, в небывало короткие исторические сроки позволил перейти от феодального строя к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

В конце 1924 г. состоялось национально-государственное размежевание Средней Азии, намеченное В. И. Лениным еще в 1920 г.

Благодаря мудрой национальной политике Коммунистической партии, Советской власти и непосредственной помощи русского народа, трудящиеся народностей Хорезма — туркмены, узбеки и каракалпаки — получили возможность свободно объединиться со своими соплеменниками в Туркестанском крае и в бывших Хивинском ханстве и Бухарском эмирате. Последние после национально-государственного размежевания стали на путь социалистического развития, были преобразованы в социалистические республики и как таковые, вошли в Союз ССР. Узбеки Хо-

---

[1] В этой главе рассматриваются только основные мероприятия Советской власти по переустройству оросительной сети, поскольку освещение огромных и коренных изменений, которые произошли в народном хозяйстве Хорезма после Великой Октябрьской социалистической революции, требует специального глубокого исследования.

резма объединились с узбеками Бухары и Туркестана, туркмены — с туркменами Закаспийской области и бывшего Чарджуйского бекства; каракалпаки были выделены в автономную республику. В результате настойчиво проводимой Коммунистической партией национальной политики быстро стирались родоплеменные разграничения, прекратились межнациональные распри, искусственно насаждавшиеся в свое время хивинскими и бухарскими ханами, поддерживаемые и поощряемые бывшей царской властью.

Проведение Советской властью в новых братских республиках Средней Азии земельно-водной реформы в основном обеспечило землей всех обездоленных при ханской власти трудящихся земледельцев из земель экспроприированных у ханов, беков, баев и духовенства.

Свободный и равноправный труд, руководящая, направляющая и организующая деятельность Коммунистической партии и неизменная помощь Советского государства обеспечили трудовому дехканству эффективное и плодотворное использование накопленного им многовекового опыта, вывели его из нищеты.

С первых дней установления Советской власти было приступлено к осуществлению развития производительных сил также и в тех районах, где земледелие основано на искусственном орошении и где без налаживания ирригации не могло быть и речи о подъеме сельского хозяйства и об улучшении положения трудящихся масс.

Весной 1918 г. за подписью В. И. Ульянова (Ленина) был издан декрет Совнаркома «об ассигновании 50 млн. рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ».

В декрете предусматривалось создание в Туркестане Особого Управления ирригационных работ, при котором создавались комитеты технический и хозяйственный, с широким привлечением экспертов и специалистов по различным областям техники и экономики; предусматривалось также снабжение и оборудование ирригационных работ строительными материалами, инвентарем, машинами, продовольствием, одеждой, фуражом и прочим необходимым для осуществления работ оборудованием. При Управлении создавалась должность политического комиссара, в функции которого входили вопросы охраны труда — установление продолжительности рабочего дня, нормы и оплата сверхурочных работ, пособий на лечение, по случаю увечья и смерти, социального страхования.

Этот декрет был нацелен на широкий плановый размах развития оросительной системы — вместо проводимых в ханстве локальных, не связанных между собою общей целью мероприятий. Огромное политическое звучание имела также предусматриваемая планом забота в отношении рабочих на ирригационных стройках, что было совершенно необычным для казучи, которые при ханской власти были превращены в объекты самой беззастенчивой, самой зверской эксплуатации.

Декрет являлся документом огромной важности, свидетельствующим о глубоком понимании Советской властью в центре насущных нужд населения в Средней Азии. В. И. Ленин в письме товарищам-коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики указывал на необходимость «сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения. Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»[2].

---

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 32, изд. 4, стр. 297.

За этим историческим декретом последовало новое, весьма важное специальное постановление Совнаркома от 2 ноября 1920 г. о намеченных срочных мероприятиях по развитию хлопководства и ирригации.

Программные указания В. И. Ленина и решения партии и правительства по таким насущным вопросам дня, как развитие орошения, нашли живой отклик в широких массах трудящихся районов орошаемого земледелия (советский Туркестан, Бухара и Хорезм). В Ферганской долине, в долине Зеравшана, в Голодной степи и в низовьях Аму-Дарьи начались оросительные работы, выразившиеся в строительстве новых каналов — Янги-Фергана, Дехкан-абад, Янги-Арык, Савай, Куванш-Джарма, Нарпай, Уч-Курганского, Дальверзинского, Булунгурского, Кум-Курганского, Хазарбагского, Джунского, Назарханского и ряда других.

Поскольку Советская власть в низовьях Аму-Дарьи установилась сначала на правобережных землях — на бывшей территории Аму-Дарьинского отдела,— здесь были осуществлены первые большие ирригационные мероприятия.

Еще в 1919 г. было приступлено к регулированию системы Куванш-Джармы для упорядочения водоснабжения средней и восточной части нижней дельты. Основной упор в этой работе был сосредоточен на выпрямлении и укреплении берегов Кыз-Кеткена — одного из активных истоков протока Куванш-Джарма. Грандиозные земляные работы по расширению и укреплению всей системы очень быстро были осуществлены населением нижней дельты — узбеками и каракалпаками. Стало возможным регулировать орошение в низовьях Куванш-Джармы и развивать хлопководство в Даукаринской низменности. Основную массу вод Куванш-Джармы направили по каналу Кегейли. В Чимбайском оазисе был установлен устойчивый водный режим. Устройство мощного регулирующего шлюза на Кыз-Кеткене обеспечило равномерное водоснабжение по всей системе.

После завершения работ на системе Куванш-Джармы (Кыз-Кеткен) было начато расширение ирригационной сети в южных районах правого берега.

Здесь положение было особенно серьезным. Правый берег, составленный осадочными грунтами, неустойчив; головы каналов часто сносили паводки, фарватер реки в самый разгар летних поливов временами отходил от прежнего участка. Было решено максимально усилить Шураханский канал и перенести головы целого ряда больших и малых каналов на Шураханскую систему. Голова канала была расширена и передвинута выше против течения. Однако отсутствие головного регулятора ничем не гарантировало от прорыва паводковых вод в Шураханский канал и от затопления целых районов. Поэтому в 1926—27 гг. старое русло Суярган было подготовлено для сброса лишних паводковых вод из Шураханского канала. После окончания подготовительных работ, голова канала Буз-Яб была переведена на Шураханский канал; распределительная сеть каналов Тазабаг-Яб, Амирабад, Кельтеминар, Сарыбий и других была расширена, а их водораздел соответственно обеспечен деревянной плотиной. С 1928 г. Шураханский канал был переименован в Пахта-Арна[3].

Районы от Ходжа-куль до бугров Беш-тюбе были орошены двумя вновь выведенными каналами еще в 1927 г.

Однако развитие сельского хозяйства в Хорезме не могло быть обеспечено увеличением орошаемой площади только путем проведения новых

[3] Переведением канала Буз-яб на Пахта-Арну в основном был восстановлен канал Гаухоре, действовавший в X в.

каналов или восстановления старых. Поэтому первой задачей Советского государства было проведение мероприятий инженерного порядка, которые помогли бы избавиться от таких трудоемких процессов, как очистка заиляющихся каналов, регулирование паводков, устройство дамб и перемычек.

При подсчете объема труда, ежегодно затрачиваемого на очистку оросительной сети Хорезма, выяснилось, что его хватило бы на то, чтобы через каждые два года сооружать такую магистраль, как «Большой Ферганский канал». Поэтому среднеазиатские республиканские органы водного хозяйства в первую очередь поставили перед трудящимися такие задачи:

1. Ликвидировать зависимость оросительной сети от паводков на Аму-Дарье и обеспечить устойчивое водоснабжение возможно больших площадей. Это мероприятие требовало, прежде всего, отказа от большого числа разрозненных примитивных голов каналов, рассчитанных на паводки, и перенесения их на одну мощную магистраль, истоки которой можно было бы поднять вверх против течения реки, обеспечив их головным регулятором.

Такое мероприятие в свою очередь должно было обеспечить быстроту течения в канале, его многоводность и освободить колхозников от значительной затраты труда на чигирное орошение. Для осуществления этих мероприятий Аму-Дарьинским бюро Средазводпроиз были составлены проекты первой и второй очереди.

Один из таких проектов, рассчитанный на длительный срок выполнения, был грандиозным по масштабу работ и требовал сооружения на Аму-Дарье двух поперечных барражей. Верхний барраж, проектируемый на Тюя-Муюне или у Ташсака, должен был обеспечить подъем уровня воды в реке. Вода, осветленная в отстойниках, должна была направляться направо — по каналу Пахта-Арна и налево — по Ташсакинской магистрали.

Сооружение нижнего барража намечалось в начале нижней дельты, между устойчивыми берегами Аму-Дарьи у Тахия-Таша. Тахияташский барраж тем же способом должен был обеспечить: 1) водоснабжение всей северо-западной полосы левобережного Хорезма от низовьев южно-хорезмских каналов до чиинков Устюрта и до Сарыкамыша; 2) водоснабжение всей западной полосы нижней дельты от района Ходжейли до Аральского моря; 3) расширение и регулирование водоснабжения средней и восточной полосы нижней дельты с питанием из магистрального канала Куванш-Джарма с наибольшим усилением тока воды по каналу Кегейли.

Однако Узбекская ССР, перед которой советская страна выдвигала все более растущую программу по развитию хлопководства, не могла ждать, пока составлялись и обсуждались проекты, и шли изыскательные работы. Поэтому хозяйственные органы, имея в перспективе выполнение этого большого проекта, приступили к осуществлению мероприятий по регулированию водоснабжения отдельных больших участков оазиса через самостоятельное укрупнение системы.

Несколько более сложным делом оказалось урегулирование ирригационной системы левобережья Южного Хорезма, где главная задача ирригаторов заключалась в перенесении всей системы каналов на одну мощную магистраль, основанную на устойчивом ташсакинском регуляторе.

Проект Сазгипровода, разработанный в 1930 г., предусматривал устройство:

1) головного сооружения в Ташсаке;
2) шлюза для ввода землечерпального каравана в канал, и
3) регулировочные работы на реке Аму-Дарье для поддержания расходов левого русла.

Магистральный канал предполагался длиною 70 *км;* на первых 34 *км* использовалось русло Палван-Яба, после чего он шел по целине. На 34-ом километре намечался первый узел сооружений, от которого на случай катастрофы отходил сброс «бедрау» в Аму-Дарью и Палван-Газаватская ветвь.

После 34-го километра магистральный канал выходил из русла Палван-Яба и направлялся по целине, несколько приближаясь к реке. На 49-ом километре при пересечении магистральным каналом верхнего русла Шавата (Кушбеги-Ярган) намечался второй узел сооружений, от которого отходил второй запасной сбросовый канал «бедрау» и Шахабадская (Шаватская) ветвь.

Последний узел намечался на 70-ом километре, откуда отходят два крупных распределителя и концевая Кыч-Байская ветвь. Последняя длиною 11 *км* впадает в староречье Куня-Дарьи, после чего начинается верхняя часть арыка Кыч-Бай.

Цель этого проекта заключалась в прорытии нового канала и расширении существующих русел. Кроме ветвей и сбросов, в проект входило сооружение 12 распределителей для объединения многочисленных арыков, пересекаемых магистральным каналом, и верхнего «машинного» распределителя.

Для осуществления проекта необходимо было в общей сложности пройти по целине 102 *км* и расширить существующие арыки на расстоянии 85 *км,* т. е. осуществить большие земляные работы, не считая инженерных сооружений.

Земельная площадь Южного Хорезма в части, охватываемой проектом Ташсакинского канала, была определена в 417713 *га.*

В соответствии с проектом, первая очередь работ по сооружению магистрального канала обеспечивала орошение только безусловно годных для земледелия площадей, а также тех земель, которые требовали только легкой мелиорации, общей площадью в 303 902 *га.*

Осуществление проекта в целом после производства соответствующих работ по переустройству старой и устройству новой сети обеспечивало снабжение водой существующих оросительных систем, создавало возможность получить прирост до 100 000 *га.*

Устойчивая водообеспеченность давала возможность оросительной системе Южного Хорезма укрепиться прежде всего за счет использования потенциальных природных богатств земель существующего орошения. На втором этапе воды побежденной реки намечалось обратить против надвигающейся пустыни и вернуть жизнь тем землям, которые пустыня засыпает песками и покрывает чешуей такыров. Проведение железной дороги и снабжение гидроэнергией вдохнут новую жизнь в этот край, героически устоявший в борьбе с разрушительными силами природы и вошедший в период, когда эти силы будут обращены на службу человеку[4].

Победа колхозного движения, ликвидация кулацких хозяйств и блестящий успех первой пятилетки коренным образом изменили весь облик экономической, социальной и культурной жизни советских республик.

---

[4] А. Н. Аскочинский, Южный Хорезм как объект водохозяйственного строительства, Ташкент, Сазгипровод, 1934, стр. 54—66.

Теперь в качестве хозяйственной единицы водопользователей выступала сельскохозяйственная артель с совершенно иными требованиями к орошению, иными возможностями, иными взглядами на перспективы хозяйственного развития района и республики.

Рост хлопководства в колхозах республик во второй и третьей пятилетках, потребность в бесперебойном действии оросительной сети привели к широкому обсуждению вопроса о принципах орошения в колхозах, превратившихся в основное организующее звено при переходе к великим ирригационным стройкам.

Быстрое улучшение материального благосостояния как колхозов, так и колхозников, организованность и плановость хозяйственных мероприятий в колхозах не могли не привести к быстрому хозяйственному подъему в стране, к росту творческой инициативы самых широких масс производителей, поддержанной и возглавляемой Коммунистической партией и Советским правительством. Эта инициатива, выразившаяся в движении передовиков и новаторов производства, явилась следствием нового хозяйственного подъема сельского хозяйства в результате его коллективизации и успешного выполнения пятилеток народного хозяйства.

Инициативу расширения оросительной сети скоростными методами народных строек взяли в свои руки колхозники Ферганской долины — ведущего хлопкосеющего района Узбекистана. Летом 1938 г. колхозники Папского района за десять дней своими силами построили канал Лянгар и оросили 600 *га* земли. В 1939 г. тем же скоростным способом был построен канал Ляган.

Это движение колхозников получило максимальную материальную поддержку со стороны правительства. Инициатива ферганских колхозников была подхвачена колхозами всей республики и распространилась за ее пределы.

Колхозное дехканство, охваченное огромным трудовым подъемом, стало выполнять грандиозные работы по собственной инициативе. Работы на системе Кыз-Кеткена, Пахта-Арны, сооружение двух каналов между Ходжакулем и Беш-тюбе и тому подобные работы, по существу были выполнены теми же методами скоростных народных строек.

В 1936 г. в Шаватском районе нам пришлось беседовать со стариками одного колхоза по вопросам истории орошения. На эту беседу собралась и колхозная молодежь, заинтересовавшаяся ее темой. Молодежь засыпала нас вопросами, касающимися новых ирригационных мероприятий в Хорезме. Они знали о сущности проектов, объеме и характере производимых работ. Их не пугали трудности, они горели желанием улучшить и украсить родную землю. Старики вспоминали, как проводились оросительные работы при ханах, на которые хан не только не отпускал денег, а наоборот, казучи сами кормили всех чиновников, следивших за работами, и даже отдавали свои последние гроши на оплату «труда» администрации.

Скоростное строительство Большого Ферганского канала силами самих колхозников и всеобщее одобрение этого подвига в советской печати вызвали большой энтузиазм у колхозников низовьев Аму-Дарьи, и они еще ревностнее принялись за осуществление намеченных работ. В печати появились отклики с мест, подтверждавшие готовность народа осуществить запроектированные сооружения.

В том же 1939 г. по всему Хорезму развернулись массовые работы на скоростных народных строительствах. Судьба западной полосы нижней дельты Аму-Дарьи по бывшему протоку Чуманай и каналу Хан-Яб, подверженной частым катастрофам из-за слабости берегового грунта, была, наконец, решена.

По проекту предполагалось поднять голову старого канала Суанли выше против течения Аму-Дарьи и заложить мощную голову запроектированного магистрального канала в более устойчивом грунте. Намечалось объединить реконструированные трассы каналов Суанли и Хан-Яба и таким образом обеспечить водоснабжение Ходжейлинского района и западной полосы нижней дельты.

В 1939 г. колхозники Куиградского, Караузякского и Чимбайского районов КК АССР в течение одного месяца перестроили всю трассу Хан-Яба и назвали ее Ленин-Яб. Весной 1940 г. колхозники взялись за перестройку канала Суанли — и завершили ее быстрыми темпами. В результате Суанли-Ленин-Яб стал крупным магистральным каналом с устойчивой головой около Тахиа-Таша.

Летом 1939 г. колхозники Кара-Калпакии улучшили систему орошения средней части нижней дельты, для чего использовали многоводный канал Кегейли. В его верхнем течении была проложена голова нового канала Май-Яб, который провели на северо-запад от Чимбайского района.

Одновременно с постройкой Май-Яба каракалпакские колхозники провели немалую работу по упорядочению ирригационной сети в пределах Даукаринской низменности, выразившуюся в выпрямлении русел, укреплении берегов и усилении мощности отдельных каналов.

Таким образом, за 1939—1940 гг. колхозники низовьев Аму-Дарьи осуществили грандиозный ташсакинский проект, построили магистраль Суанли-Ленин-Яб, Май-Яб; в 1941 г. они соединили два небольших канала между Ходжакулем и Беш-тюбе, построенные в 1927 г.; при этом потребовалось расширить трассу канала, укрепить его голову. Так на краю Кызылкумской пустыни был создан Назархан-Арна — канал, орошающий значительную площадь на правом берегу Аму-Дарьи.

Объявление народных строек в колхозах, селах и городах воспринималось как праздник, к ним готовились как на большое гуляние; о тех, кто поедет и кто должен остаться, шли горячие споры.

На трассе строительства канала повсюду царило веселое оживление. Соревновались между собой районы и колхозы; соревнование выдвигало передовиков и новаторов усовершенствованных народных методов строительства оросительной сети. Мужчины и женщины работали с одинаковым азартом. В разгар веселой работы вдруг на каком-нибудь участке трассы раздавалось громкое «ура» и поднимался красный флаг — знак, что колхоз выполнил свое задание. Ликование достигло пределов, когда по трассе канала пошла вода: перед медленно текущей первой струей воды с пением и плясками двигалась празднично одетая группа народных танцоров и певцов.

По окончании рабочего дня на трассе в станах колхозников выступали артисты, народные певцы, шутники; взрывы веселого смеха не прекращались до поздней ночи. Многолюдно было также и на лекциях, устраивавшихся опытными лекторами по вопросам международного положения, санпросвету, популяризации достижений науки.

На фоне недавнего прошлого, когда труд был тяжелым проклятьем, когда мрак и насилие средневековья глушили инициативу народных масс, подавляли способности трудящихся, этот радостный труд в новых условиях общего подъема экономики и культуры, заботы государства о трудящихся был делом чести, доблести и славы.

В 1942 г. в условиях Великой Отечественной войны, когда вся молодежь была мобилизована на фронт, колхозники Кара-Калпакии откликнулись на призыв партии и правительства сооружением по собст-

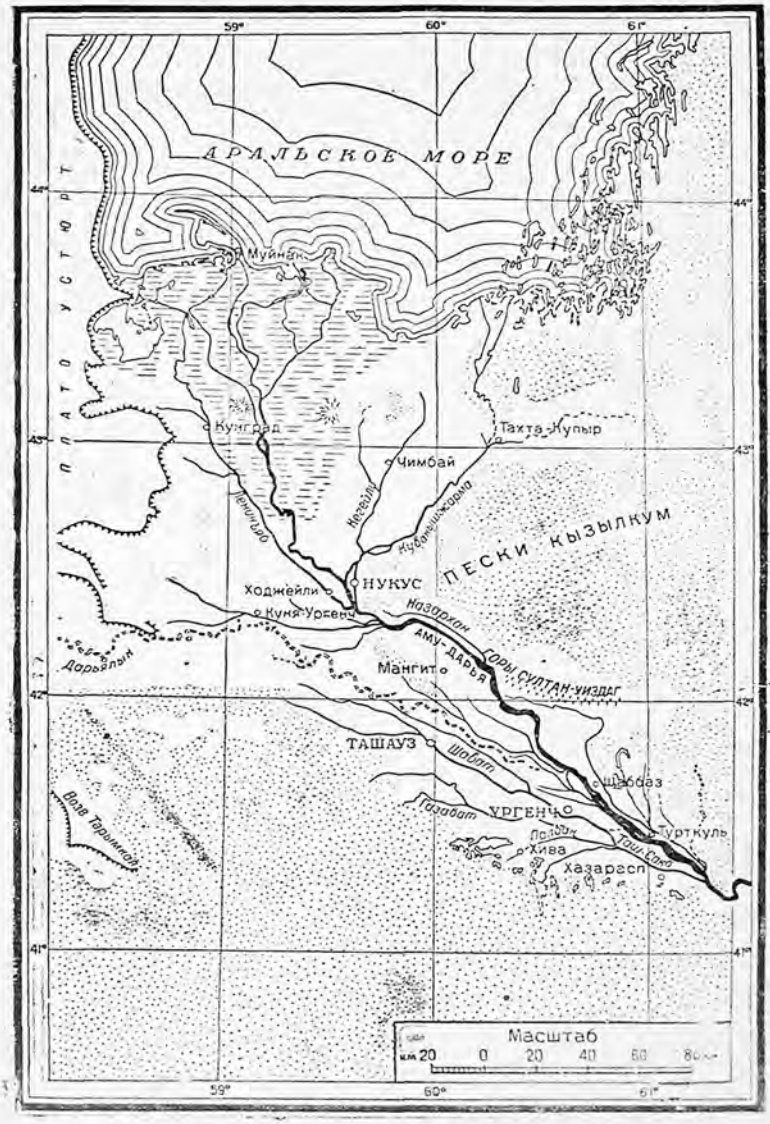


Рис. 32. Схема ирригационной сети Хорезма в 1953 г.

венной инициативе Кырккызского канала. При этом были расширены низовья канала Тазабаг-Яб, который был проведен по его древнему руслу на землях древнего орошения и доведен до пределов развалин крепости Кырккыз.

Те земли, где такыры были загромождены подвижными барханами, где никто никогда не жил, кроме ящериц и сов, где до 1940 г. мы вели археологические раскопки, подвозя воду на верблюдах, — с 1945 г. раскинулись бахчи прославленных хорезмских дынь, растут сады и стройные тополи затеняют вновь построенные жилища колхозников-переселенцев. Среди зелени и садов, напоминая о грозном прошлом, возвышаются многочисленные уже знакомые нам развалины крепостей, замков V—VIII вв.

Этот опыт показал колхозникам, что пески на землях древнего орошения, о которых сложено столько мрачных легенд, в действительности не таят в себе ничего грозного, так как они стали господствовать здесь только с тех пор, как древние правители перестали выполнять свои прямые обязанности и дезорганизовали сопротивлявшиеся этим пескам силы подчиненных правителям древних земледельцев.

Земли древнего орошения надо было отвоевать у песков Кызылкумов. Для этого, в первую очередь, необходима была реконструкция канала Пахта-Арна. Новая голова этого канала была заложена в твердом, скалистом берегу Аму-Дарьи. Глубина головы доведена до 20 м. На протяжении нескольких километров канал течет в узком, скалистом каньоне шириной 15—16 м, а затем соединяется с головным участком Пахта-Арны. Новая голова на Айри-Кале обеспечивается головным регулятором.

Таким образом, благодаря Советской власти, под руководством Коммунистической партии в Хорезме разрешена большая историческая проблема — проблема инженерного переустройства средневековой ирригационной сети. Неустойчивые головы всех паводковых каналов Южного Хорезма перенесены на регулярно действующую Ташсакинскую магистраль. Последняя снабжена мощным головным регулятором в твердом грунте Ташсака и обеспечена отстойником. Это грандиозное сооружение наладило регулярное действие оросительной сети. Мощные головные сооружения Ташсака, Суанли-Ленин-Яба, Кыз-Кеткена предохраняют оазис от возможных прорывов реки и дают возможность пускать воду самотеком (аяк).

С перенесением голов оросительной сети на большие магистрали сильно сократилось заиление каналов. Орошение укрупненных карт колхозных полей Хорезма и Кара-Калпакии перестало зависеть от паводковых сезонов; колхозники избавились от тяжелого труда по очистке каналов и от не менее тяжелой чигирной системы орошения.

То, о чем мечтало веками хорезмское крестьянство, было осуществлено за короткий срок планомерной и упорной деятельностью советских водохозяйственных и научных органов.

Со времени установления Советской власти в Хорезме началось внедрение техники: для очистки головных участков на магистральных каналах в значительных масштабах применяются экскаваторы и землесосы. В Хорезме учреждена специальная Хорезмская экскаваторная станция—«ХОРЭС».

Важную роль в ирригационном хозяйстве Хорезма играют водяные насосы, которые применяются там, где воду нельзя подавать самотеком. Их число увеличивается с каждым годом. Эти мощные водоподъемники помогли хорезмским колхозам избавиться от чигиря. Монотон-

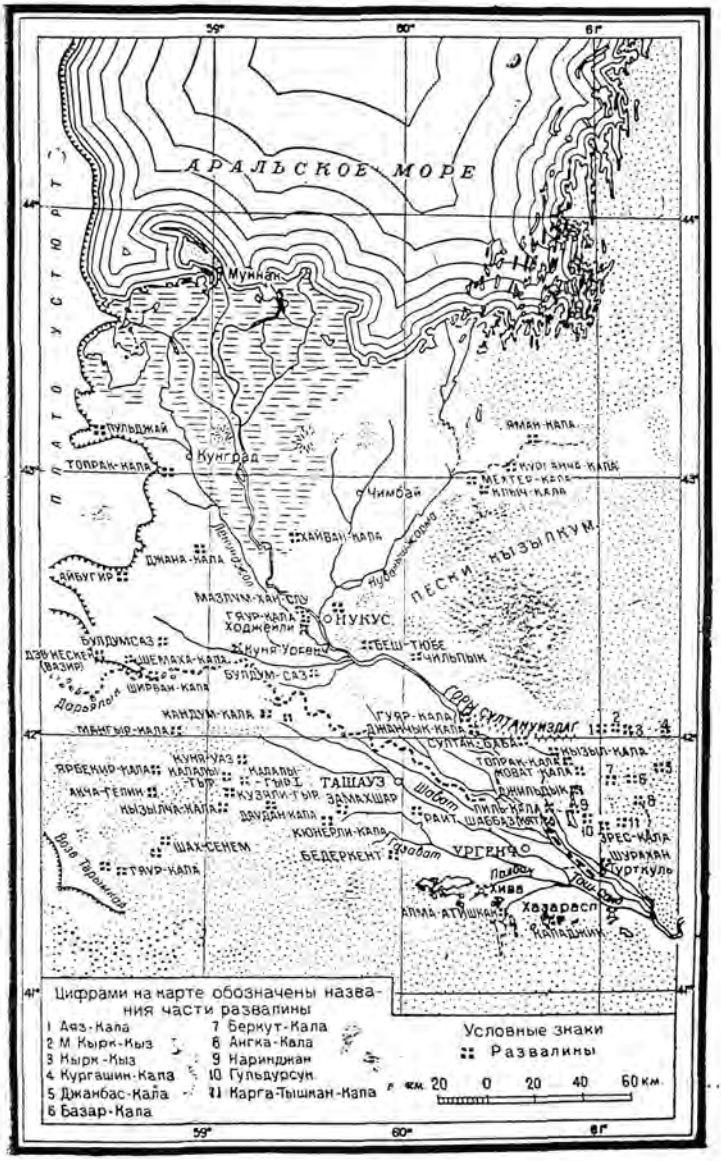


Рис. 33. Карта развалин древних поселений низовьев Аму-Дарьи.

ный скрип водяных чигиров всюду сменился теперь гулом действующих насосов.

До 1930 г. во всем Хорезме действовало 40 000 чигиров, из них 4 000 работало в Хазараспском районе, который всегда являлся самым классическим и типичным районом чигирного орошения. По данным 1947 г. количество действующих чигиров в этом районе, из-за отсутствия надобности в них, не превышает 150 в год. Эти данные дают представление о степени сокращения чигирной сети.

Коренным образом изменилась также и система управления водным хозяйством:

1) все головные участки каналов находятся в ведении Управления Аму-Дарьинской ирригационной сети (УПРАДИСа), в функции которого входит: поддержание в сохранности голов каналов, их регулирование, устройство на них ирригационных сооружений;

2) регулированием исправного действия распределительной сети ведают водхозотделы областных и районных Исполнительных комитетов депутатов трудящихся;

3) регулирование распределения воды по магистральному каналу находится в ведении специальных межрайонных эксплуатационных участков. Например, в Южном Хорезме вся система по Ташсакинской магистрали обслуживается тремя эксплуатационными участками: 1) между Хивой и Кош-Купруком, 2) в Ургенче, 3) между Гурленом и Мангытом.

В Хорезме в основном нашли осуществление такие важнейшие мероприятия, как обеспечение регулярного действия ирригационной сети при резком сокращении затрат человеческого труда на чигирное орошение, на очистку каналов и на борьбу с катастрофами.

После успешного завершения Великой Отечественной войны Коммунистическая партия и Советское правительство поставили перед страной задачу максимально повысить производство хлопка, значение которого для народного хозяйства страны приравнивалось к значению железа и нефти. Поэтому после завершения всех мероприятий первой необходимости в орошении перед страной встала задача дальнейшего расширения орошаемой площади путем максимального освоения всех годных и условно годных для земледелия земель. Мощным толчком для регулярного обеспечения технического оснащения ирригационной сети и для ее развития явилось завершение строительства ж. д. линии Чарджоу—Кунград.

Неизменно растущая быстрыми темпами социалистическая техника позволила усилить начатое уже наступление на Кызылкумы и Каракумы и оттеснить их от периферии оазиса. Появление воды в пределах песков, благодаря регулирующей деятельности человека, явилось твердой гарантией его победы над природой, борьба с которой начата была еще в доисторические времена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы постарались подробно изложить в настоящей работе историю орошения Хорезма в связи с общей историей его народов на основании результатов, добытых археологическим изучением памятников материальной культуры на территории Хорезма с древнейших времен в сочетании с изучением данных исторических хроник и других письменных источников.

Подведем здесь краткие итоги и сделаем из них соответствующие выводы.

Как уже отмечалось, в разработке истории Хорезма нельзя не подчеркнуть большую заслугу русского востоковедения XIX—XX вв., уделявшего внимание также и вопросам истории орошаемого земледелия в Средней Азии.

Среди плеяды русских историков-востоковедов выделяется крупная фигура академика В. В. Бартольда, в числе многих заслуг которого необходимо отметить сбор сведений по истории орошения оазисов дореволюционного Туркестана на основании письменных источников и составление ценнейших сводок по этому вопросу.

Однако В. В. Бартольд не ставил перед собой задачи выявления социальных и политических причин динамики развития ирригации в отдельных оазисах Средней Азии; кроме того, в силу слабого развития археологической науки в его время, он не мог выйти далеко за рамки сведений письменных источников.

После Великой Октябрьской социалистической революции советская востоковедческая наука вышла из того тупика, куда ее завела идеалистическая точка зрения на исторические процессы, и подошла к изучению истории развития материального производства и производственных отношений вооруженная марксистско-ленинским методом исторического материализма.

Современная советская археологическая наука, руководствуясь учением классиков марксизма-ленинизма об историческом пути развития орошаемого земледелия в странах Востока, за короткий период достигла в республиках Средней Азии значительных результатов. Она преодолела налет любительства в археологии, ограничивавшей себя вещеведчеством и розысками памятников одного только средневековья, проникла в античность, в первобытное время и сумела классифицировать отдельные виды памятников материальной культуры всех эпох вплоть до нижнего палеолита.

Работы ряда экспедиций под руководством С. П. Толстова — в Хорезме, В. А. Шишкина — в нижнем бассейне Зеравшана, М. Е. Массона — в бассейне реки Сурхан-Дарьи и в Южной Туркмении, Г. В. Григорьева и А. И. Тереножкина — в бассейнах рек Чирчика и Зеравшана, Д. Д. Букинича — в оазисах Прикопетдагья, экспедиции ГАИМК — в Кызылярской степи и в восточной части Ферганской долины выявили картину исторического процесса хозяйственного и общественного развития в оазисах и степях Средней Азии.

Хорезмская археологическая экспедиция под руководством С. П. Толстова путем систематического изучения археологических памятников земель древнего орошения в низовьях Аму-Дарьи позволила классифицировать их по периодам. Следы высохших каналов, тянущиеся к античным и средневековым памятникам в пустынной зоне, следы исторического процесса перетрассировки и перестройки каналов, связь этих перемен с переменами, происходившими в орошаемых ими городищах, замках и т. п., — все это, прежде всего, вырисовывается на фоне использования людьми водных ресурсов.

Во времена неолита вода использовалась для охоты и рыболовства; в эпоху бронзы — для примитивного земледелия и скотоводства, а для искусственно орошаемого земледелия — на заре классового общества.

«Хорезм — страна, которая извлекла всю пользу из Джейхуна», — писал Истахри. И действительно, вся аллювиальная дельта низовьев Аму-Дарьи, вся жизнь Хорезма в объятиях великих пустынь является даром этой великой реки, приносящей Хорезму и воду и плодородный ил. Река Аму-Дарья издревле носила разные наименования: Оксос — у древних греков, Арангха или Аранг — в Авесте, Гуйшуй — у древних китайцев, Джейхун — у арабов, Амуя или Амул — у хорасанцев и у жителей Мавераннахра, Окуз — у хорезмийцев. Окуз не является производным от греческого Оксос, а древним местным названием, сохранившимся до сих пор. Название Аму-Дарья происходит от г. Амуя (Чарджоу), где в раннем средневековье существовала имевшая важное значение переправа из Хорасана в Бухару.

Низовья Аму-Дарьи имеют общий уклон на север и на северо-запад; превалирует уклон в сторону Сарыкамышской котловины: старые русла и ирригационные каналы также имеют направление к Сарыкамышу. Современные плодородные земли низовьев Аму-Дарьи состоят из осадков взвешенных наносов этой мутной реки, приносимых ею и ее бурными горными притоками. Новейшими геологическими исследованиями установлено, что палеогидрография низовьев Аму-Дарьи в первой половине четвертичного периода носила совершенно иной характер; амударьинские аллювиальные отложения с моллюсками Corbicula fluminalis могут быть отнесены ко второй половине четвертичного периода.

В этом отношении весьма любопытной является палеогидрографическая гипотеза великого узбекского ученого Бируни. Он высказал предположение о том, что первоначальное течение Аму-Дарьи в Каспийское море шло по так называемому Келифскому Узбою. Позднее река повернула на север, в сторону Хорезма, пробила сначала теснину Дульдульатлаган, а затем и Тюя-Муюн, вышла на Хорезмскую равнину, затопила ее, откладывая ил, и образовала Аральское море. Эта гипотеза в основном подтверждается новейшими исследованиями четвертичной геологии (И. Герасимов и К. Марков). Бируни приводит при этом — к сожалению, только в арабском переводе — старые названия отдельных пунктов среднего течения Аму-Дарьи: «Секр-эш-шайтан (Плотина

дьявола), соответствующее теснине Дульдульатлаган, и «Маздубаст» (Плотина Мазды — бога маздеистов), соответствующее Тюя-Муюну. По выходе из теснины Тюя-Муюн Аму-Дарья в доисторические времена текла блуждающими руслами, давая ответвления вправо — по Суярган, влево — по Даудану. Само основное русло также не было постоянным. Это, прежде всего, было обусловлено непрочностью структуры ее берегов, состоящих из собственных отложений Аму-Дарьи.

Основная причина перемещения древних русел Аму-Дарьи и прекращения течения по ним заключается не только в законе Бера, как предполагают некоторые, не является также результатом землетрясений, по мнению других, — но подчинена общей закономерности течения вод Аму-Дарьи и характеру структуры береговых наносов. В силу этих закономерностей любой проток Аму-Дарьи, любой паводковый канал Хорезма подвергается заилению в своей головной части и быстро выходит из строя. Прекращение течения по древнему руслу Даудана и Дарьялыка также подчинено этому общему закону; поэтому головные участки Даудана и Дарьялыка до сих пор оставались неуточненными.

Неустойчивость структуры грунта в низовьях Аму-Дарьи обусловливает перемещающийся характер течения реки, которая постоянно подмывает собственные берега и сносит целые цветущие районы, города и селения. Вследствие активизации этого подмывающего действия, так называемого «дегиша», в X в. снесена была древняя столица Хорезма — г. Кят.

Грозный «дегиш», частые наводнения диктовали хорезмийцам практику размещения поселений в значительном отдалении от прибрежной полосы. Древние хорезмийцы всецело связывали судьбу оазиса с Аму-Дарьей; у них выработались формулы религиозных благопожеланий, высказываемых на дворцовых и иных торжествах, как например: «Дарьёга баракат бергай, дарьё уз рудхонасида оккай» (да будет река многоводной, да течет она в собственном русле).

Созданы были мифы о водных божествах, как, например, о «Хубби», воспеваемом в образе юноши — покровителя реки, спасителя утопающих, — умирающее и вновь воскресающее божество. Сложились также легенды о возможности отведения реки от Хорезма, как, например, легенда о грозном султане Санджаре и девушке Тюрябек-ханым, о мифическом великане Адж-бин-Онуке и старухе, в которых и девушка, и старуха выступают в качестве спасительниц оазиса от грозившей ему гибели.

В тех районах бассейна низовьев Аму-Дарьи, где произведены археологические обследования, обнаружены пока лишь следы обитания первобытного человека, относимые к позднему неолиту и приурочиваемые к IV—III тысячелетиям до н. э. Эта культура первобытных охотников и рыболовов получила название «кельтеминарской». Пока она является еще самой древней для Хорезма.

Стоянка кельтеминарцев была обнаружена под значительным слоем такыровидного суглинка, образованного многократными наносами мутных разливов Аму-Дарьи; эти наносы мы условно назвали такырами. Жилище в виде большого шалаша круглой или овальной формы было расположено на древнем бархане на берегу древнего водоема. Обитатели дома жили в нем большим родом.

Следующая за кельтеминарской культура — уже надтакырная, так называемая «тазабагябская» культура степной бронзы — представлена десятками развеянных стоянок с фрагментами керамики и каменной микролитоидной индустрией. Тазабагябская культура, как это сейчас

доказано наукой, была культурой скотоводов-охотников, населявших широкие степные просторы и базировавшихся по разливам рек, на озерах, на «коках» и других водных рубежах. В Средней Азии она обнаружена сейчас на широком ареале — в бассейне низовьев Аму-Дарьи, на Зеравшане, в Фергане. Это обстоятельство говорит, прежде всего, о происходившем тогда процессе освоения степей, о значительных перемещениях скотоводческо-охотничьих племен, обладателей различных вариантов одной и той же культуры степной бронзы, относимой к III—II тысячелетиям до н. э.

Наряду с тазабагябской культурой, на том же ярусе напластования такыровидных суглинков обнаружена (пока только в двух пунктах того же Джанбаскалинского района) несколько иная культура бронзы, названная нами «суярганской».

По технике изготовления и по орнаментальным мотивам найденные в большом количестве керамические изделия восходят чаще всего к кельтеминарской и тазабагябской культурам, вместе с тем, почти половину керамических изделий составляют фрагменты крашеной и лощеной керамики, известной по Анау. Плоскодонные тонкостенные сосуды с профилированным венчиком покрыты толстым слоем красной охры или каким-то светло-серым раствором, и после окраски были подвергнуты тщательному лощению. Иногда подобная окраска сочетается с нарезным елочным орнаментом, характерным для керамики кельтеминарской и тазабагябской культур.

Исчезновение каменной индустрии, появление зернотерки и крашеной керамики, тип жилища, исчезновение костей рыб и диких животных в отбросах пищи — говорят о том, что стоянка принадлежала уже первобытным земледельцам Хорезма.

Археологические же и этнографические исследования установили, что природа первобытного и орошаемого земледелия в странах Востока подчинена общему закону: оно развивалось на базе использования затухающих протоков равнинных рек, а также горных рек и ручьев в двух физико-географических зонах: в предгорьях, где горные ручьи и селевые потоки, приносящие обильный ил, затухают на равнине, отлагая приносимую ими муть, а также в образуемых ими лиманах в дельтах равнинных рек; и тут и там они снабжают почву таким количеством влаги, которое необходимо для произрастания и созревания злаков.

Такова природа лиманов Копет-дага в Туркмении (Д. Букинич), северного склона Нуратинского хребта (Я. Гулямов), саев Ферганской долины (Я. Гулямов), Кызылрской степи (Б. А. Латынин), Центральной Индии (С. Островский), Верхней Нубии (Бурхарт) и т. п. В Средней Азии эти лиманы носят общее название «лайк» (муть). Просо, ячмень, пшеница и кунжут высеваются прямо в жидкий ил с таким расчетом, чтобы до засыхания грязи посев успел прорасти.

В бассейнах равнинных рек Хорезма земледелие началось с использования разливов затухающих дельтовых протоков, где весенние разливы образуют временные водоемы — лиманы, которые носят название «куль» (лиман, озеро).

В нижней дельте Аму-Дарьи (в Арале) узбеки, каракалпаки и казахи еще в совсем недавние времена широко практиковали посев зерновых в громадных впадинах тем же самым способом, которым они пользовались и раньше, искусственно затопляя их водами Аму-Дарьи. При Абулгази (XVII в.) впадины «Куйгун» в западной части Арала затоплялись осенью специальным каналом, выведенным из Аму-Дарьи; в сентябре канал закрывался, и, когда под воздействием солнца завер-

шалось испарение воды, собиравшиеся отовсюду землепашцы засевали это громадное озеро привезенными с собою семенами прямо в осевшую муть на отведенном им участке; затем они расходились по своим селениям и вновь собирались во время жатвы, по окончании которой вся местность «куля» снова затоплялась. Эта практика лежит в основе земледелия всего Хорезма: до настоящего времени мелкая единица посевной площади, приспособленная к искусственному затоплению, обозначается термином «кульча» (лиманчик, озерко); в этом термине отражена вся история зарождения и развития орошаемого земледелия в Хорезме.

В восточной полосе Джанбаскалинского района, где расположена стоянка № 6, нет никаких следов искусственного орошения, и условия существования этих первобытных земледельцев базировались на водоёмах (лиманах, озерах), образовавшихся от разливов протока Суярган.

Суярган, древний проток Аму-Дарьи, окаймляет восточную границу земель древнего орошения правобережного Хорезма и в настоящее время представляет собой длинную систему озер, в значительной степени занесенных движущимися песками Кызылкумов. Истоки Суяргана находятся на урочище Аккамыш, выше Турткуля.

Полная зависимость первобытного орошаемого земледелия от естественных разливов Суяргана обусловливала его передвижной характер. Непостоянство разливов, изменчивость их границ, а также изменения рельефа местности в связи с передвижением барханных и бугристых песков заставили земледельцев каждый сезон передвигаться в поисках удобных лиманов. Поэтому здесь не могли образоваться устойчивые земледельческие поселения типа прикопетдагских тепе.

В начале или в первой четверти первого тысячелетия до н. э. наблюдается подъем земледелия, освоение всех пригодных земель по разливам и другим водным рубежам. Так называемая амирабадская культура раннежелезного века представлена довольно грубой, но хорошо обожженной керамикой, сопровождаемой зернотерками. Вскоре, к середине первого тысячелетия до н. э., появляется и гончарный круг. В этот же период уже умножившиеся земледельческие общины переходят к несколько более устойчивому образу жизни, задерживаясь на прежних местах, регулируя разливы, подводя их к населенному пункту. Этот переход от скитальческой жизни отдельных больших семей, каковыми были, например, обитатели кельтеминарской стоянки № 6, к организованной земледельческой общине позволял отводить мелкие каналы от протоков реки и, передвигая головы канала все выше и выше к протоку, подводить их, наконец, к самой реке.

В политической истории Хорезма на этом этапе образовались большие конфедерации сакских племен на базе военного союза; это было временем контакта земледельческого оазиса с племенами кочевых степей.

Владычество саков над землями парфян и борьба саков с мидийским царством (Диодор), владычество хорезмийцев над оазисами Южной Туркмении до образования ахеменидской Персии (Геродот), вытеснение европейских скифов массагетами (Геродот), появление такого раннего города, как Хорезм (Гекатей), говорят об образовании царства, власть которого возвышалась над властью вождей племен.

В левобережном Хорезме в эту пору жизнь развивалась в районе нижнего бассейна протока Даудан, который по размерам своего сухого русла — и особенно по размерам дельтовых протоков — представляет собой мощный проток Аму-Дарьи. В доисторические и ранненисторические времена на краю современного оазиса Южного Хорезма Даудан

разделялся на блуждающие дельтовые протоки, стекавшие по направлению к Сарыкамышской котловине через озеро Тюйнюклю и через сухое, шедшее несколько южнее русло Чермен-Яба.

Район естественных бугров Калалыгыр и Кюзелигыр, где протекала жизнь первобытных земледельцев и скотоводов левобережного Хорезма, изобиловал болотами и водоемами. Городища Кюзелигыр и Калалыгыр, венчающие верхние площадки бугров, представляют собою ранние типы населенных пунктов; они были сооружены в удобных и надежных местах как в стратегическом (на дороге Хорезм — Мидия), так и в гидрографическом (как защита от блуждающих вод Даудана) отношениях. Ранних искусственных каналов в районе этих городищ нет. Население обходилось местным регулированием разливов Даудана. Чермен-Яб, представляющий собою древний проток и античный искусственный канал, проходит далеко отсюда.

Ранние греческие источники говорят об обводненности западной части бассейна Аму-Дарьи. Аристобул (IV в. до н. э.) указывает на существование водного пути по Аму-Дарье от Северного Афганистана до Каспийского моря, что свидетельствует *об обводненности* Узбоя; если это было так, то Узбой снабжался водою только через Даудан; русла Дарьялыка в античные времена еще не существовало.

Однако новейшие геологические, географические (А. Кесь, В. Федорович) и археологические (С. П. Толстов) исследования не подтверждают существования течения по Узбою в историческое время. Рассказы греческих источников о переходах апасиаков и других массагетских племен под водопадами на Узбое могут быть отнесены к доисторическим временам. Водный путь (Аристобул) мог идти по Даудану — Чермен-Ябу до какого-нибудь определенного пункта в Северных Каракумах. Товары могли доставляться сухим путем до нижнего Узбоя, куда в то время могли заходить морские воды Каспия. Находки каспийской фауны в нижнем Узбое подтверждают возможность таких заходов.

Современный оазис Южного Хорезма на левобережье Даудана *наносного происхождения*.

Правый берег Даудана круче, чем левый; разливы паводковых вод могли доходить до границ Каракумов. Археологические памятники, относящиеся к культурным слоям Хазараспа и городища Алма-Атышкан свидетельствуют о том, что возникновение этих пунктов произошло не позже V—IV вв. до н. э.

Постепенное угасание течения по Дауданy было обусловлено постепенным расширением сети каналов в Южном Хорезме, ослаблением бурности течения, связанным, с одной стороны, с разбором воды на ирригацию, и с другой—с заилением головной части Даудана.

В отношении истории ирригационного освоения земель Южного Хорезма *весьма любопытными являются данные новейших гидрогеологических* исследований (Б. М. Георгиевский): мощные культурно-ирригационные наносы на южной стороне Даудана, по мнению этого автора, являются результатом отложений в течение 2 000 лет, а в районе северной стороны Даудана до русла Дарьялыка — в течение 1 750 лет; в районе между Дарьялыком и «каирными» землями современной пойменной террасы Аму-Дарьи эти наносы отлагались в течение 900—1 000 лет, в районе же поймы Дарьялыка — 400—500 лет. Здесь основным фактором нарастания культурно-ирригационных наносов является ежегодное внесение искусственного удобрения в виде свежей земли с песком. Данные этих геологических подсчетов в основном согласуются с археологическими наблюдениями; причина небольшого

расхождения в периодизации (у геологов цифра меньше на 400—500 лет) кроется в том, что, по археологическим данным, в земледельческой практике Хорезма до V—VI вв. н. э. искусственное удобрение не применялось.

Переход к гончарному кругу, к ранним укрепленным населенным пунктам и ранним искусственным каналам согласуется с данными первых исторических известий о сакско-хорезмийской военно-политической конфедерации, соперничавшей с Мидией в оазисах Южного Туркменистана. Ни одно сильное варварское кочевое объединение в истории не могло не опираться на культурные земледельческие оазисы, в которых общественное развитие стояло намного выше, чем у кочевого. Оазисы, в силу превосходства своего материального производства и основанной на нем духовной культуры, влияли на степные объединения и отчасти стимулировали их развитие.

Прежде всего, между оазисом и кочевой степью устанавливается контакт по вопросам военного характера, который со стороны оазиса преследует сперва оборонительные цели; затем постепенно создается совместное мощное военное ведомство во главе с царем, развертывающее грабительско-экспансионистские предприятия на чужих территориях. Это обеспечивало создавшимся деспотическим царствам возможность путем насилия над покоренными племенами и народами со стороны «финансового ведомства» и «ведомства публичных работ» принуждать их к сооружению больших стен, грандиозных по тем временам ирригационных каналов и плотин. Что не под силу было бы отдельному роду, отдельному племени или общине, оказывалось возможным для деспотического государства. На такие работы силой пригонялись не только жители отдельных оазисов, но и военнопленные и просто подчиненные племена — люди, не имевшие отношения к земледельческому труду, создававшие все эти сооружения не для своего пользования. На крупные ирригационные и оборонительные сооружения в Южном Хорезме хивинскими ханами и в XVIII—XIX вв. пригонялись десятки тысяч каракалпаков, которые ни территориально, ни экономически не были заинтересованы в этих мероприятиях. Такие принудительные работы представляли собою в Хорезмском государстве древнюю традицию.

Фаразман — царь Хорезма, который предложил Александру Македонскому дружбу и военный союз против причерноморских скифов, был одним из династов этого большого царства, ведшего борьбу со скифами в Европе и с ахеменидской Персией в Азии. К тому времени в правобережном Хорезме уже действовал искусственный Базаркалинский канал, проведенный около городищ Кой-Крылган-Кала, Базар-Кала с веткой на Джанбас-Калу. Сооружение этого мощного и длинного канала на крайнем востоке земель древнего орошения объясняется тем, что он как самый древний канал возник на территории тех земель, которые лежали вблизи древнего естественного протока Суярган; из этого естественного протока в эпоху раннего хорезмийского царства проводились первые небольшие примитивные каналы, которые потом объединялись, подобно тому, как это было в Египте в эпоху Среднего царства, где мелкие каналы уступили свое место новому, большому.

В то время дальние и близкие подступы Хорезмского оазиса укрепляются линиями крепостей вдоль обоих берегов Аму-Дарьи до Хазараспа (в левобережном Хорезме) и до Топрак-Кала около Сепан (в правобережном Хорезме). Хазарасп в начале оазиса, Джанбас-Кала и

черменябские крепости на его окраинах обеспечивали в то время безопасность подступов Хорезмийского государства со всех сторон.

Вторым периодом усиления могущества Кангюйско-Хорезмийского государства и расцвета ирригации (II в. н. э.) было время построения второго правобережного (Гульдурсунского) канала. Этот мощный канал был выведен из древнего Базаркалинского канала, мимо крепостей Большой Гульдурсун, Беркут-Кала, Уй-Кала и доведен до крепости Малый Кырк-Кыз. Сооружение грандиозной крепости Большого Гульдурсуна, Малого Кырк-Кыза, сооружение Черменябского канала в левобережном Хорезме и возведение целого ряда укрепленных пунктов на этом канале относится именно к этому периоду. В это же время Кангюйско-Хорезмийское государство достигает зенита своего могущества: «китайских послов сажает ниже усуньских», отбивает Согд у Греко-Бактрийского царства, помогает Даваньскому (Ферганскому) царству в его борьбе против китайской экспансии.

В период между II в. до н. э. и I в. н. э. Кангюйско-Хорезмийское государство переживает некоторый упадок. Вторжение с востока мощного объединения Больших юе-чжей, ликвидация ими власти Кангюя в Согде и Шаше, безусловно, имели своим последствием осложнение внутреннего социально-политического положения в Хорезме. В это время жизнь в оазисе, орошаемом древним Базаркалинским каналом, значительно захирела, и, наоборот, в I в. до н. э. несколько расцвела в оазисе, орошаемом Гульдурсунским каналом; возможно, что в это время на месте разветвления двух каналов возникла крепость Шурахан, которая охраняла права водопользователей Гульдурсунского канала. От последнего был отведен большой Топраккалинский канал, а низовье основного русла Гульдурсунского канала было повернуто на северо-восток, отведено далеко до колодца Кукча, где была сооружена крепость Кургашин-Кала. Возможно, к этому времени относится, как полагает С. П. Толстов, чеканка монеты хорезмского «безымянного царя», безуспешно стремившегося восстановить единство и отстоять независимость Хорезмского государства. Города и крепости — Кардаран-хас (развалины Каладжика между Хивой и Хазарасном) и Кандум-Кала (на северном Даудане), возникшие во II в. до н. э., а также Хазараси, переживали в то время сильный упадок.

В I в. н. э. Хорезм подпал под власть кушанов и, как древний культурный оазис, сумел извлечь выгоду из вхождения в систему этой могущественной империи. Хорезм снова объединяется; наблюдается значительное оживление в оазисе Базаркалинского канала, значительный расцвет жизни в оазисе Гульдурсунского канала, вывод большой ветви из Топраккалинского канала, орошение района предгорий Султан-Уизлага, возведение на нем крепости Аяз-кала, усиление Газиабад-Черменябского канала, постройка крепости Замахшар (Измукшир) и других крепостей в районе Чермен-Яба, восстановление Кандум-Калы, Кардаран-каса, постройка крепости Дев-Кескен на чинке Устюрта, возникновение Хивы, сооружение большого канала на левобережье Даудана, усиление укреплений Хазарасна; все эти мероприятия относятся к кушанскому периоду.

Военное ведомство сильного кушано-юечжийского союза около начала н. э., несмотря на свой варварский характер, сумело быстро установить контакт с усиливающимся рабовладельческим строем Бактрии.

При Канишке Кушанское царство достигло апогея своего могущества. Прогрессивные рабовладельческие общества оазисов всемерно использовали силу и могущество этой империи, расширив ирригацию,

развивая внешнюю торговлю, укрепляя оборону. Распад империи кушанов к III в. н. э. был обусловлен усилением внутренних социально-политических противоречий, успехами центробежных феодализирующих сил внутри искусственно объединенных стран и областей. Этому особенно способствовала династическая борьба внутри самой государственной системы.

Хорезм в первую очередь воспользовался этим ослаблением Кушанской империи и обособился, как самостоятельное государство, возглавляемое местной династией. Таких местных династий было много; каждое родоплеменное объединение имело свою династическую группировку. Процесс распада патриархально-рабовладельческого строя сопровождался борьбой, возглавляемой отдельными династиями, захватившими власть в бассейне того или иного канала.

В III в. наблюдается появление монет местного чекана с тамгой одной из династических группировок: превращение Топрак-Кала в резиденцию хорезмийских царей, сооружение крайнезападного Кятского канала и возведение на нем крепости Пиль-Кала, прекращение жизни в районе Аяз-Калы, Кыркыз-Калы, Базар-Калы, почти полное прекращение жизни в Кардарьи-хасе на канале Газиабад. IV—V вв. в археологическом отношении особенно показательны для характеристики разложения патриархально-рабовладельческих отношений и зарождения феодальных.

Топрак-Кала и другие густонаселенные города античного типа прекратили свое существование; жизнь переходит в отдельные укрепленные усадьбы, разбросанные по всему действовавшему оазису. Резиденция хорезмшахов в IV в. переносится в г. Кят. Возрождается жизнь вдоль древнего течения Гульдурсун-Беркуткалинского канала в пределах до Уй-Калы; левее этого канала сооружается новый канал, после чего начинается концентрация хозяйственной и политической жизни по оазисам лишь двух каналов — Кятского и Беркуткалинского. На остальных каналах наступает почти полный упадок. Среди монетных находок встречаются отдельные монеты с различными тамгами. Все это говорит о распаде государственного единства, о понижении мощности главного канала, о борьбе за воду между отдельными оазисами, а также о возникновении двух политических центров — в Кяте и Беркут-Кале, о борьбе между ними, что привело к частым военным действиям, к сокращению объема орошаемого земледелия, ко все растущей силе феодального уклада, противостоящей власти старой земледельческой аристократии во главе с хорезмшахами.

Появление арабов в VIII в. на территории Средней Азии и обещание ими помощи хорезмшаху заставили последнего пойти на предательство по отношению к родине и к собственному брату (Хурзаду), возглавлявшему феодальную оппозицию.

Арабы в VIII в., поддерживая хорезмшахов, бухархудатов, совместно с ними боролись против прогрессивных феодальных сил, подавляли народные восстания. Материальное и моральное угнетение — тяжелая контрибуция, харадж и джизья (подушная подать), навешивание печатей на шеи налогоплательщиков, отчуждение жилищ местного населения в пользу арабов, бесцеремонное хозяйничание арабских колонистов в покоренных областях, уничтожение ими местной культуры — письменности, живописи, скульптуры и т. п. — заставили хорезмийцев и другие народы Средней Азии взяться за оружие и восстать против арабов и против всех, против покорителей-захватчиков хорезмшахов и бухархудатов.

Неоднократные вооруженные восстания народных масс привели к усилению власти новых местных династий уже на феодальной основе, и, наконец, к отпадению народов Средней Азии и Хорасана от арабского халифата. Ликвидация арабской власти, образование в IX в. крупных местных объединенных государств тахиридов и саманидов явились новым этапом в истории народов Средней Азии. Быстро развивается торговля, ремесло, восстанавливается ирригация, разрастаются города феодального типа, процветают науки и искусства. Выдвигается целый ряд ученых с мировыми именами: Хорезми, Фергани и другие, продолжающие древние традиции среднеазиатской науки. Эти ученые играют ведущую роль среди образованных кругов в центре «мусульманского мира» в Багдаде.

Ирригационное освоение района г. Гургандж (Куня-Ургенча), широкое освоение нижней дельты Аму-Дарьи, возникновение Гургандж, восстановление жизни в низовьях канала Газиабад (Мадра) — и особенно в районе города Замахшар — относятся к этому периоду.

Сопоставление археологических данных с описаниями арабских географов X в. дает следующую картину: на левом берегу Аму-Дарьи на границе оазиса стояла мощная крепость — город Хазарасп, к которой был подведен канал; в 25 *км* западнее Хазараспа стояла крепость Кардаран-хас (развалины Каладжик), к которой был подведен второй канал того же названия. Главной водной артерией Южного Хорезма был проведенный еще при кушанах канал, доходивший до города Хивы. Первые два канала питались из хивинского канала Хейканик (ныне Палван-Яб).

Следующий канал — Мадра — соответствует каналу Газиабад, что доказывается существованием развалин г. Мадира на канале Газиабад.

Пятый канал — Вадак — был сооружен на правобережье Даудана также при кушанах и доведен до района Кандум-Кала. Это подтверждается развалинами поздней части Кандум-Калы, Ваянгана, Топрак-Калы. В начале IX в. этот канал был доведен до района Гургандж; в основном он соответствует каналу Шахабад (Шават). Для усиления мощности Вадака в IX в. был построен шестой канал — Буве, низовья которого были соединены с Вадаком. Гургандж (Куня-Ургенч) питался водой этих каналов. До IX в. орошения здесь не было, что подтверждается и отсутствием в этом районе археологических памятников раннего периода. Локализация Юе-гена китайских источников в Гургандже пока еще не подтверждается. Миздахкан (развалины Мазлумхан-слу в 7 *км* западнее г. Ходжейли) — более древен, чем Гургандж.

По описаниям арабских географов X в. (Ибн-Русте, Истахри и Макдиси), Аму-Дарья в то время протекала между Миздахканом и Гургандж.

Земли правобережного Хорезма вплоть до Султан-Уиз-дага в X в., так же как и в древности, орошались единственным каналом Гаухоре. Это название у Истахри приведено в правильной транскрипции (Гаухворе), однако истолкование названия как «пища коров» дано им неправильно. Мы видим в нем сочетание слога «хвор» как составную часть названия «Хвораэм» (Хорезм) с термином «гау» .Термин «гау», по всей вероятности, означал «проток» или «канал» (Гаухудфар — древний проток в нижнем Зеравшане, Гаухворе—также древний канал в низовьях Аму-Дарьи); отсюда мы заключаем, что Гау-хворе, безусловно, было связано с именем древнейшего города «Хорезм», упомянутого еще Гектеем Милетским. Гаух(в)оре — это тот самый древний канал, который был выведен из Аму-Дарьи около середины I тысячелетия до н. э. Истоки его

так же, как в древности истоки старого русла протока Суярган, находятся на участке Аккамыш. В период арабского владычества жизнь в Беркуткалинском оазисе прекратилась: она также сократилась в оазисе канала Кельтеминар (Базаркалинском). Основное течение Гаухоре, соответствующее современному Буз-Ябу, орошало западную приамударьинскую часть земель древнего орошения — Кятский район. Около г. Шурахана от Гаухоре отделился канал Гирье, соответствующий современному каналу Тазабаг-Яб и частично каналу Кельтеминар. Город Шурахан в X в. отождествляется с городом Гарабхашна, упомянутом у Истахри (X в.).

Аму-Дарья, протекавшая к востоку от Гургенджа, постепенно превращалась для него в непосредственную угрозу. Во времена Ибн-Русте (913 г.) река проходила в одном фарсахе (6—7 *км*) восточнее Гургенджа, а во время Макдиси (985 г.) в связи с ее прорывом в низовьях каналов Вадака и Буве ее русло передвинулось на запад и река текла в опасной близости уже непосредственно под стенами города. Жители Гургенджа соорудили весьма своеобразную плотину из досок, балок и хвороста и ею отвели воду реки от города. Об этом упоминает и Якут (XIII в.).

В период правления «великих хорезмшахов» (XII—XIII вв.) наблюдается некоторое оживление ирригации; возникло орошение в районе к северу от Гургенджа, а канал Газиабад был доведен до Шахсенема по Чермен-Ябу; канал Гирье был продолжен до района г. Кават-Кала.

Нашествие Чингиз-хана явилось катастрофой для производительных сил Хорезма; беспощадное истребление мирного населения, увод в Монголию искусных ремесленников, режим монгольских баскаков и грабительская политика монгольских властей имели последствием массовый исход населения городов и селений, их запустение и разорение оазисов. Почти все города Хорезма, рустаки, расположенные на искусственных каналах, в течение нескольких десятков лет лежали в развалинах; многие из них навсегда прекратили свое существование. Монголы разрушили плотину, отводившую воды Аму-Дарьи от Гургенджа, и затопили город. Некоторые авторы выражали сомнение в правдоподобности сообщений о затоплении Гургенджа, ссылаясь на сохранность некоторых дошедших до нас домонгольских архитектурных памятников. Такое обстоятельство, однако, не противоречит этим показаниям, так как сохранившиеся памятники находились в северной, более возвышенной части города того времени, в районе кладбища, куда не могли дойти бурные воды Аму-Дарьи, в то время как вся остальная часть города была затоплена. Культурный слой большей части города, особенно в его южном районе, размыт и вся территория густо усеяна черепками, кирпичами и другими остатками материальной культуры; в настоящее время они обнажаются из под толстого слоя речного ила, подвергающегося постепенному выветриванию. Бушующие воды Аму-Дарьи затопили большой район вокруг города. Затем река пробила себе русло, которое мы сейчас называем Дарьялыком (Куня-Дарья) и начала обводнять Сарыкамышскую котловину; мы не имеем никаких оснований предполагать, что Аму-Дарья направилась по уже существовавшему в домонгольскую эпоху высохшему руслу. Бируни, специально занимавшийся вопросами исторической гидрографии низовий Аму-Дарьи и образования старых русел, а также Сарыкамышской котловины, совершенно не упоминает о наличии высохшего русла на месте Дарьялыка. Археологические исследования также не подтверждают существования земледельческой культуры — и культуры вообще — в бассейне Дарьялыка до IX в.

Не был Дарьялык каспийским руслом Аму-Дарьи и после XIII в.

Согласно подсчетам ирригаторов и гидрографов, Аму-Дарья при максимальном использовании ее вод на существующее орошение способна заполнить Сарыкамышскую котловину в течение четырех лет, а на пятый год вода должна была бы уже изливаться в Узбой и течь по его руслу в Каспийское море. Однако новейшие геологические и археологические исследования на Узбое, как уже отмечалось выше, опровергают существование такого течения по Узбою в исторические времена. Доводы В. В. Бартольда, приведенные им в подтверждение существования течения по Узбою в средние века, несостоятельны, использованные им источники противоречивы, а многие пункты, локализуемые им на Узбое, относятся к низовьям Дарьялыка в районе перед впадением его в Сарыкамыш.

Здесь возникает совершенно логичный вопрос: куда же могли стекать воды Аму-Дарьи, учитывая, что она текла в Сарыкамыш не четыре-пять лет, а свыше 300 лет. Правильному решению этого вопроса может помочь внимательное изучение сообщений целого ряда источников.

Ал-Омари говорит, что после монгольского нашествия Аму-Дарья стала обтекать Ургенч (Гургандж) с двух сторон, т. е. произошла бифуркация русла. У историка Низам-эд-дина Шами говорится о переправе войск Тимура через проток или русло Иски-окуз («старая река»-Аму-Дарья) по пути от Миздахкана в Ургенч. Археологический обзор западной части нижней дельты подтверждает обводненность ее в XIV в. Тектоника Хорезмской низменности показывает, однако, что уклон к Сарыкамышу значительнее, чем к Аралу, так что при малейшей возможности вся вода могла бы направиться в Сарыкамыш, а это событие было бы катастрофой для всего оазиса.

Если это действительно так, то можно ли признать состоятельность указаний ал-Омари и Низам-эд-дина Шами? Думается, что можно. Для этого внимательно рассмотрим данные первоисточников и сопоставим их между собой.

Абулгази в связи с событиями первой половины XVI в. в Ургенче, говорит, что Ходжим-хан выступил из Хивы и направился в Ургенч, восточнее которого он перешел Аму-Дарью по плотине Фатьма-Хатун.

Обращает на себя внимание сообщение о плотине на Аму-Дарье, по которой прошло большое войско. Существование течения в каком бы то ни было объеме по домонгольскому руслу Аму-Дарьи и образование «шаровар» из двух течений могло быть возможным лишь при условии отведения — хотя бы частичного — сарыкамышского течения плотиной. При этом для нас не имеет никакого значения, была ли эта восстановленная домонгольская плотина или новое сооружение. Важно то, что эта плотина, не позволяя водам Аму-Дарьи стекать по естественному уклону в сторону Сарыкамышской впадины, удерживала их для орошения оазиса, которому в противном случае грозило бы полное осушение. Плотина около Ургенча и разбор воды на ирригацию ослабляли течение в верховьях Дарьялыка, в результате чего произошло интенсивное его заиление; течение Аму-Дарьи, преграженное плотиной, усилило напор воды в канале Курдер, протекавшем по древнему аральскому руслу. В этом и заключается наиболее вероятная причина «поворота» Аму-Дарьи в XVI в. от Сарыкамыша в Аральское море. Сначала постепенно иссякло русло Иски-окуз, затем Дарьялыка. Несомненное усыхание Дарьялыка подтверждается сообщениями Дженкинсона (1558 г.), который застал течение по Дарьялыку уже значительно ослабевшим, но зато бурное течение в аральском русле Ардак. В 1575 г. войско Абдулла-хана пользовалось водами колодцев и луж в высохшем русле Дарьялыка. По сообщению Абулгази, к концу XVI в. водоснабжение района г. Ургенча совершенно

прекратилось. Как мы видим, слова Абулгази об обводненности Узбоя и о существовании пашен и садов по его берегам не подтверждаются: все это могло относиться к берегам Дарьялыка в районе до Сарыкамыша. Археологической авиаразведкой, произведенной С. П. Толстовым, обнаружены явные следы пашен только внутри русла Узбоя; их можно связывать лишь с эпизодическими кратковременными прорывами вод Аму-Дарьи в период обводнения Сарыкамыша (XIII—XVI вв.). Такие пашни — обычное явление для многих старых русел; чуть появляется паводковая вода, туркмены, каракалпаки, казахи стараются использовать ее для посевов, разбивая русла на обвалованные квадратные участки. Сейчас русло Узбоя не засевается, так как туда не поступает вода в количестве, обеспечивающем почву необходимой влагой.

К концу XIII в. Хорезм начал залечивать раны, нанесенные монгольским нашествием: вхождение Хорезма в улус Джучи стимулировало выдвижение его на первое место в системе этой сильной кочевой орды. Хорезм был богат искусными ремесленниками, художниками, торговцами, учеными, теологами — и культура его оказалась выше, чем культура завоевателей. Он вновь стал центром ремесла и торговли. Ургенч в системе торговых путей чингизовой державы получил особо важное значение: он быстро восстановился и стал богатейшим торгово-ремесленным городом. Восстановление ирригации и развитие земледелия в Хорезме в целом отставало от роста г. Ургенча.

Несмотря на невыносимый режим, установленный монгольскими баскаками, жители Хорезма все же стали возвращаться на родину; жизнь в оазисах отдельных каналов начала восстанавливаться. Некоторые историки, ссылаясь на сообщения Ибн-Батуты (1333 г.), предполагают, что в первой половине XIV в. район между Ургенчем и Кятом представлял собой безжизненную пустыню. Однако приведенный нами вакуфный документ хонако шейха Сулеймана Хаддади, учрежденный в 1349 г. Кутлук Тимуром в Ургенче, рисует нам оживленную хозяйственную жизнь в этом районе. Здесь действовали четыре канала, земли по ним засевались пшеницей, существовали такие селения, как Седрадж.

В XVI в. вслед за приходом к власти в Хорезме узбекских султанов сюда началось массовое переселение узбекских племен и родов; султаны использовали их в своих междоусобных войнах, разорявших страну.

Объединение Хорезма в сильное государство, опиравшееся на новую конфедерацию узбекских родовых группировок, началось с Абулгази-хана (1643—1663).

Такие мероприятия, как постройка г. Нового Ургенча, сооружение Ургенчского канала, постройка укрепления Вазир к северу от Гурлена завершены были также при Абулгази. Таким образом, при нем началось вторичное освоение земель южного левобережного Хорезма. Этот просвещенный правитель Хорезма отказался от кочевых традиций своих предков, усвоил культуру города и земледельческого оазиса. Канал Газнабад и крепость на нем (Газават) также связаны с именем Абулгази, которому приписывается восстановление древнего канала Мадра (Насири, XIV в.) и строительство крепости.

Дальнейшее развитие ирригационных мероприятий — сооружение самого крупного канала Хорезма Шахабада (Шават) в 1618 г., а затем канала Ярмыш — относится к третьей четверти XVII в.; фактически это было только восстановлением двух древних каналов — Вадака и Буве, хотя и в несколько иной трассировке их низовий.

В конце XVII в. ирригационные мероприятия были распространены на правый берег Дарьялыка. Известным вельможей Адина Мухаммед-

аталыком был сооружен канал Аталык-Арна (ныне Мангыт-Арна), на котором была возведена крепость Мангыт. Район ниже оазиса канала Мангыт — земли Ходжейли и Куйгуна у Устюрта орошались каналами Суанли и Араб-Мухаммеда. Канал Суанли в иной трассировке действовал еще в XIV в. В XVI в. он был восстановлен и голова его перенесена на твердый берег у Тахия-Таша.

Развитие ирригации и земледельческой культуры в правобережном Хорезме в это время приостановилось; при Ануша-хане водоснабжение г. Кята совсем прекратилось и жители его переселились во вновь построенный левобережный Кят. Земли между Катом и Султан-Уиз-дагом частично орошались незначительными и непостоянными каналами. Канал Гаухоре пришел почти в полный упадок.

Династия так называемых чингизидов в Хорезме прекратилась с Эренк-ханом. На политическую арену выступили представители двух древних и могущественных узбекских родов Хорезма — кунгратов и мангытов. Мангыты объединились в Арале с кунгратской оппозицией и открыли военные действия против Хивы. В это время власть в Бухаре фактически перешла к мангытским биям, которые деятельно поддерживали мангытов в их борьбе с кунгратами Хивы. Кунграты опирались против мангытско-туркменского блока на крупных землевладельцев и городскую знать и добились окончательной победы.

Первые известия о появлении каракалпаков в Хорезме относятся к XVIII в. Они поселились сначала в восточной части нижней дельты. Водоемы, заросли и удобоорошаемые земли восточной части дельты (Даукара) обводнялись мощным восточным протоком Кок-Узяк. Здесь рядом с канглы и кипчаками поселились каракалпаки со своим ханом Эшим-Мухаммедом и в XVIII в. построили крепость Ак-Якыш на Кок-Узяке. В дальнейшем каракалпаки постепенно переселились на орошаемые земли верхней дельты.

В начале XIX в. хивинские ханы усиленно стали переселять туркмен в низовья каналов, наделяли их орошаемыми землями и обязали их военной службой для своих грабительских набегов на южно-туркменские оазисы и на Северный Иран. Сильные военные отряды туркмен и каракалпаков служили опорой военного могущества хивинских ханов первой половины XIX в.

Восстановление ирригации правобережного Хорезма началось около середины XIX в. Ташсака как устойчивая голова канала Палван была сооружена в 1838 — 1839 гг. Каналы Каракоз и Клыч-Ниязбай построены двумя полководцами Мухаммед-Рахим-хана — Клыч-Ниаз-баем и Даулят Каракозом.

Во втором десятилетии XIX в. произошел прорыв вод Аму-Дарьи по Лаузану. В дальнейшем вода прорвалась в русло Дарьялыка и дошла до Сарыкамыша. В середине XIX в. хивинские ханы воспользовались этим естественным обводнением для орошения огромной территории плодородных земель от Куня-Ургенча до Уаза, для чего проведены были каналы Шамурат, Сипаи и Каракалпак-Ярган; вся эта вновь орошенная местность получила название «Ханабад». На земляные работы, связанные с проведением каналов, каракалпаки пригонялись десятками тысяч, но ни одному каракалпаку не досталось ни одной пяди этой орошенной их трудами земли. Орошенные земли Ханабада в основном роздали царевичам и чиновничеству; остатки земель в хвостовых частях каналов распределили между туркменскими нукерами. Наделив их землею, хивинские ханы погнали туркмен на грабеж мирных жителей оазисов Южного Туркменистана. Эти нескончаемые кровопролитные братоубийственные войны,

в конце концов, открыли туркменам Хорезма глаза: они поняли сущность политики хивинских ханов и стали отказываться от военной службы. Начались частые столкновения между туркменами Хорезма и войсками хивинских ханов. Последние хивинские ханы отказались, однако, от утомительных карательных походов против туркмен и приняли по отношению к ним более простую и действенную политику ущемления их в правах на водопользование. В районах расселения туркмен были построены крепости, которые командовали над каналами. В случае неповиновения вода отводилась и посевы засыхали. Голодные и обреченные на гибель туркмены упорно боролись за свои права, но все было тщетно, так как они не могли устоять против гарнизонов крепостей с их артиллерией. Большое скопление непокорных туркмен у границ оазиса вынудило хивинских ханов пойти на закрытие Лаузана, чем была вызвана гибель цветущего Ханабадского района. Борьба между туркменами и хивинскими ханами, сопровождаемая частыми вооруженными столкновениями, продолжалась почти до самой Великой Октябрьской социалистической революции.

При последних ханах ирригационное хозяйство Хорезма переживало серьезный упадок. Ханы натравливали друг на друга туркмен и каракалпаков (а на тех и других — узбеков), взаимно ослабляя тех и других. Общинные земли побежденных в конце концов отбирались ханом. В результате, преобладающая часть орошаемых земель Хорезма превратилась в частную собственность членов правящего ханского дома. Народ был совершенно обездолен и измучен многочисленными налогами, число которых достигало 25 различных видов. Восстания трудящихся масс узбеков, каракалпаков и туркмен возникали беспрерывно.

За время существования царской администрации, в правобережном Хорезме также не было произведено никаких существенных изменений в ирригационном хозяйстве в сторону его улучшения. Все мероприятия колониальной власти, так же как и в ханское время, носили только местный характер, были направлены на местное расширение посевных площадей; осуществлялись они мучительным изнурительным трудом эксплуатируемых широких масс трудообязанного населения.

Орошаемое земледелие в Хорезме с древнейших времен основано было на четырех (за вегетационный период) паводках Аму-Дарьи: 1) Кок-камыш; 2) Ак-балык; 3) Юлдуз (созвездие Плеяды) и 4) Кыркчилгоу. Если паводки запаздывали или вообще не наступали, то это вызывало тревогу во всей стране и предвещало хозяйственную катастрофу.

Первые известные нам по археологическим данным искусственные каналы Хорезма, были широкими и неглубокими. Они напоминали естественный проток, нормально действующий только во время паводков. Этими широкими и неглубокими каналами вода подводилась на отдаленные участки. Большая часть воды таких каналов уходила на испарение и на сбросы в низовьях. Главной причиной такого устройства явилось, прежде всего, отсутствие в те времена водоподъемной техники.

Углубление каналов началось еще в эпоху раннего феодализма. Этот процесс хорошо прослеживается на землях древнего орошения, где высохшие русла древних каналов связаны с однослойной или двуслойной зоной культурных земель.

Орошаемое земледелие породило у древних хорезмийцев большой интерес к водному календарю, геодезии, астрономии и математике. Известный математик Мухаммед бин Муса Хорезми подчеркивает в своем

труде, что его простыми математическими вычислениями пользуются при проведении каналов. Установление связи между паводками и движением созвездий, а также с другими явлениями природы, точность водного календаря свидетельствуют о накопленном хорезмийскими учеными большом запасе наблюдений над явлениями природы, а также о знакомстве с математическими и астрономическими расчетами ал-Фергани, обоих Хорезми, Бируни, Ибн-Сины и других среднеазиатских ученых раннего средневековья.

Учет уклона старых русел Аму-Дарьи, использование их для выведения древних и средневековых каналов, точность расчетов общего уклона и микрорельефа местности при трассировке каналов, разбивке трасс с учетом высоты стояния грунтовых вод — все это говорит о большом самостоятельном научном опыте, порожденном хозяйственной жизнью земледельческого оазиса.

Хорезмские мирабы еще в древности разработали весьма рациональный способ многоголового питания паводковых каналов. Техника эта состояла в том, что каналы обеспечивались несколькими головами на разном расстоянии друг от друга. Одна голова располагалась выше другой против течения реки, причем каждая из голов была рассчитана на другой уровень воды в Аму-Дарье. Верхняя голова питала канал при низком уровне воды в Аму-Дарье, средняя — при среднем уровне, а нижняя — при высоком уровне. Сооружение нескольких голов было остроумным решением задачи максимального питания каналов еще и потому, что, несмотря на исключительное умение хорезмских мирабов учитывать структуру берегового грунта, природу взвешенных наносов и уклон местности, — питание канала одной большой головой при отсутствии устойчивого головного регулятора было бы равносильным созданию угрозы прорыва реки в канал и — в лучшем случае—гибели последнего. Многоголовое питание позволяло избежать эту опасность.

Каждый большой канал обеспечивался сбросным каналом «бедрау», назначение которого состояло в том, чтобы вынести излишки воды из канала в случае катастрофического подъема воды. Большие каналы называются в Хорезме «арна», малые — «яб». Арны разветвляются на ябы, от ябов отделяются мелкие «бадаки», от которых уже непосредственно по полям расходятся арычки — «салма». Салмы, питающиеся водой при помощи водоподъемного колеса (чигира)[1], носят название «чигир-салма», а обычные салмы — «аяк-салма».

Водоподъемная техника в Хорезме также имеет своеобразный исторический путь развития от самых примитивных ручных способов «сепма», «депма», «нова» к чигирному колесу, приводимому в движение тягловой силой животных или силой течения воды. Появление «чигира» относится к периоду раннего феодализма (VI—VII вв.).

Хорезмский чигир, по сравнению с китайским, индостанским, приволжским и египетским типами водоподъемного колеса, имеет в общем наибольшее сходство с египетской «сакия». Первое упоминание в письменных источниках о чигирной системе относится к X в.

Все общественные работы в Хорезме, связанные с постройкой и ежегодной чисткой каналов, с сооружением береговых дамб и перемычек, а также с возведением оборонительных сооружений, находились в ведении ханской власти.

Институт «бегар» (двенадцатидневная ежегодная трудовая повин-

[1] По-хорезмски чикыр.

ность) считался обязанностью всего земледельческого населения оазиса. Все основные земляные работы и сооружения производились в порядке бегара. Однако правящая верхушка и вообще власть имущие использовали бегар для своих личных потребностей (постройка дворцов, разведение садов и возведение укреплений); такие злоупотребления были в ханстве общераспространенным явлением.

Распределение воды по оросительной сети осуществлялось специальными водными чиновниками — «мирабами». Алчность, несправедливость и злоупотребления мирабов делали положение водопользователей невыносимым, а фигуру самого мираба в глазах трудящихся земледельцев превратили в синоним бедствия.

В организации общественных работ в Хорезме была разработана своя система. Каждые десять танапов орошаемой земли составляли единицу водопользования, обозначаемую термином «су» (вода). Потребители каждого «су», независимо от их числа, составляли одну общину, обозначаемую термином «джабди».

Во главе «джабди» стоял избираемый из среды общинников «джабди-баши». Последние подчинялись местному мирабу, который, в свою очередь, подчинялся кушбеги или миктеру. Во время публичных работ местные мирабы подчинялись «сахибкару» (производителю работ), непосредственно назначаемому ханом.

* * *

Мы рассмотрели здесь историю развития оросительной сети в Хорезме в течение многих тысячелетий в том виде, как эту историю рисуют нам результаты, добытые работами советских археологов в Средней Азии: медленную эволюцию от использования Аму-Дарьинских разливов для охоты и рыболовства во времена неолита — к примитивному земледелию и скотоводству на естественных протоках Аму-Дарьи во времена бронзы и, наконец, к искусственно-орошаемому земледелию в эпоху классового общества.

Резкий революционный перелом в развитии ирригации Хорезма наступил после победы Великой Октябрьской социалистической революции на всей территории бывшей Российской империи и свержения Хивинского ханства, обусловивших замену феодальной общественной формации социалистической. Эта смена общественных формаций, осуществленная в неслыханно короткий исторический срок и оказавшаяся возможной в результате мудрой национальной политики Коммунистической партии, не только расширила и упорядочила оросительную сеть Хорезма, но и коренным образом изменила самый принцип развития орошения, подчинив его социалистическому закону планово-пропорционального развития в соответствии с общими интересами народного хозяйства не только Хорезма или Средней Азии, но и в масштабах всей Советской страны.

Трудовому дехканству Хорезма, заветные мечты которого о земле и воде полностью осуществились, были созданы все возможности для широкого использования накопленного им в течение тысячелетий народного опыта ирригационного строительства.

Разработанные водохозяйственными организациями грандиозные планы пересоздания оросительной системы Хорезма встретили широкое сочувствие всего трудового населения Хорезма, так как они избавляли его от вечного страха перед наводнениями — грозным «дегишем», от тя-

гот, связанных с ежегодной очисткой вручную каналов, что требовало выброса около 7 млн. $м^3$ иловых наносов в год в одном только Южном Хорезме, от тягот чигирного орошения и т. п.

Огромные сдвиги в жизни хорезмского дехканства, обусловленные осуществлением под руководством Коммунистической партии и Советской власти сплошной коллективизации, успешное выполнение первых пятилеток развития народного хозяйства, социалистическая организация труда, ставшего из тяжелого проклятия делом доблести, чести и славы — позволили во всю ширь развернуться народной инициативе. Она нашла свое выражение в народных скоростных стройках по расширению и упорядочению ирригационной сети; проявление этой чудотворной народной силы, возможное лишь там, где народ является хозяином своего труда и его продукта, полностью было поддержано Коммунистической партией и Советской властью.

«С тех пор, как существуют кетмени,
Таких чудес не делали они!
С тех пор, как труд среди людей возник,
Так никогда он не бывал велик;
Такого вдохновенного труда
Не знал никто, нигде и никогда!»

Такими простыми и доходчивыми словами сами колхозники выразили *охвативший их подъем, разницу между подневольным и свободным трудом.*

За весенние сезоны 1939 и 1940 гг. колхозники Хорезма осуществили постройку Ташсакинской и Суанли-Ленин-ябской магистралей; голову канала Суанли заложили в прочном каменистом грунте Тахия-Таша и расширили канал до величественных размеров. До этого еще был перестроен старый Хан-Яб, переименованный в Ленин-Яб. Низовье Суанли было объединено с Ленин-Ябом, в результате чего образовался магистральный канал Суанли-Ленин-Яб, орошающий Ходжейлинский район и всю западную часть нижней дельты до пределов Аральского моря. Вся средняя и восточная часть нижней дельты орошается сейчас через кызкеткенское головное сооружение, постройка которого была осуществлена еще в двадцатых годах.

В 1942 г., в разгар Великой Отечественной войны, колхозники Кара-Калпакии применили опыт народных строек и для восстановления ирригации в центральной части земель древнего орошения. Был восстановлен древний беркуткалинский канал, заброшенный при нашествии арабов. Для этого потребовалось расширение канала Пахта-Арна (Шурахана), а низовья канала Тазабаг-Яб были доведены до развалин Кырккыза. Пустыня вновь превратилась в цветущий оазис.

Перспективы по освоению низовьев Аму-Дарьи весьма блестящи и многообразны. Планомерное использование водных запасов Аму-Дарьи на орошение и развитие хлопковых полей уже преобразовало народное хозяйство страны. Дальнейшее его развитие обусловит полное преобразование мертвых песков пустыни, — и в том числе всех земель древнего орошения, на которых было пролито столько слез, пота и крови трудового дехканства — в цветущие колхозные поля и сады.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БФК—Большой Ферганский канал.
ВДИ—Вестник древней истории.
ВГО—Всесоюзное географическое общество.
ЗВОРАО—Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ВС—Военный сборник.
ГАИМК—Государственная академия истории материальной культуры.
ЖМНП—Журнал Министерства народного просвещения.
ЗКВ—Записки Коллегии востоковедов.
ИВ АН—Институт востоковедения Академии наук СССР.
ИВ АН УзССР—Институт Востоковедения АН УзССР.
ИКОРГО—Известия Кавказского отделения РГО.
КСИ ИМК—Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
Мат СТК—Материалы для статистики Туркестанского края.
МИА—Материалы и исследования по археологии СССР.
МИТТ—Материалы по истории туркмен и Туркмении.
РГО—Русское географическое общество.
САГУ—Среднеазиатский государственный университет.
СИФ—Серия истории и философии.
СОНАТ—Социалистическая наука и техника, журнал Узбекского филиала АН СССР
ТВ—Туркестанские Ведомости.
ТИГ—Труды Института географии АН СССР.
ТОВЭ—Труды Отдела Востока Эрмитажа.
BGA—Bibliotheca geographorum arabi-corum. Ed. de Goeje. I—VIII, Lugduni Batavorum. 1870—1892.
BMS—E. G.—Browne Memorial Series.
BAF—Bibliothèque arabo-française.
GMS—Gibb Memorial Series.
BJ—Bibliotheca Indica

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Маркс К. Британское владычество в Индии, Соч., т. IX, М., 1933, стр. 346—352.

Маркс К. Будущие результаты британского господства в Индии, Соч., т. IX, М., 1933, стр. 362—368.

Маркс К. Капитал, т. I, II, III, Госполитиздат, 1949

Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин. Об ирригации, Партиздат ЦК КП (б) Уз, Ташкент, 1940.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг, Госполитиздат, М., 1948.

Энгельс Ф. Диалектика природы, в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XIV, 1931. стр. 389—630.

Энгельс Ф. Марксу К. Письмо от 23 мая 1851 г., в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XXI, М.—Л., 1929, стр. 209—212.

Энгельс Ф. Марксу К. Письмо от 6 июня 1853 г., в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XXI, М., Л., 1929, стр. 491—496.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XVI, ч. I, М., 1937, стр. 7—153.

Энгельс Ф. Россия в Средней Азии, в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XI, часть I, М., 1933, стр. 363—367.

Ленин В. И. Аграрная программа соц. демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Соч., т. 13. изд. 4, 195—396.

Ленин В. И. Внутреннее обозрение. Октябрь 1901, Соч., т. V, изд. 4, М.—Л., Госполитиздат, 1946, стр. 229—276.

Ленин В. И. Декрет об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ, сб. Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин, Об ирригации, Ташкент, 1940.

Ленин В. И. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля (на II Конгрессе Коммунистического Интернационала 19 июля—7 августа 1920 г.), Соч., т. 31, изд. 4, стр. 215—220.

Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, изд. 4, М.—Л., Партиздат ЦК ВКП (б), 1936, стр. 173—290.

Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. Июль 1916 г., Соч., т. 22, изд. 4, стр. 306—344.

Ленин В. И. Печальный документ, Соч., т. 24, изд. 4, стр. 309—311.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности, 1896—1899, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 1—53.

Ленин В. И. и Сталин И. В. Статьи и речи о Средней Азии и Узбекистане, Партиздат ЦК КП(б) Уз, Ташкент, 1940, Институт истории Компартии при ЦК КП(б) Уз. (Фил. ИМЭЛ).

Ленин В. И. Товарищам-коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики, Соч., т. 32, изд. 4, стр. 295—297.

Ленин В. И. Уроки кризиса, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 73—77.

Сталин И. В. Вопросы ленинизма, изд. 11, М., 1947.

Сталин И. В. Доклад по национальному вопросу 29 апреля (на VII апрельской конференции РСДРП большевиков 24—29 апреля 1917 г.), Соч., т. 3, Госполитиздат, 1953, стр. 49—53.

Сталин И. В. Как понимает социал-демократия национальный вопрос?, ОГИЗ, Госполитиздат, 1945.

Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос, Госполитиздат, 1949.

Абу Джафар Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми. Китаб сурат ал-арз. Das Kitab Surat al ard, herausgegeben von Hans v. Mzik, BGA, Banb III

Абул-Гази Бахадур-хан. Родословное древо тюрков, Соч. Абул-Гази, хивинского хана, перевод и предисловие Г. С. Саблукова, Известия Общества археоло-

гии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXI, вып. 5—6 1905; т. XXII, вып. 6, 1906; отдельное издание, Казань, 1906.
Абул-Гази Бехадур-хан, Шаджара-и тарокима. Родословная туркмен, Пер А. Туманского, Асхабад, 1897.
Абу-Тахир Тартуси. Джанг-намэ Абу-Муслим Сахиб Кыран, узбекский перевод Ташкент, 1910.
Абу Юсуф Якуб. Китаб ал-харадж. Булак 1302 г. х.
(Abou) Jousof Ja'Koub. Le livre de l'impôt (Kitab al Kharadj), trad. et ann. par E. Fagnan, Paris. 1921.
Авеста. (Le) Zend-Avesta. Traduct. nouv. avec comment. histor.et philol. par James Darmesteter, vol. 1—3, Paris, 1892—1893. Annales du Musée Guimet t. 21, 22,24.
Английские путешественники о Московском государстве в XVI веке, перевод с английского Ю. В. Готье, Л., 1937.
Арриан. Анабасис Александра, перевод с примечаниями Н. Кореньков, Ташкент 1912.
Ал-Белазури. Китаб футух ал-булдан.
Liber Expugnationis Regionum, auctore imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djâbir al Beladsori Lugduni Batavorum, 1863—1866.
The origin of the Islamic State. Being a translation of the Kitab futuh al buldan of a Imam Abu—l'Abbas Ahmad ibn Jabir al'Baladhuri, part I, translated b Kh. Hitti. New-York, 1916; part 2, translated by F. Ch. Murgotten, New York, 1924.
Беневени Ф. Дневник пребывания в Хиве (на итальянском языке), в кн. Попов А. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом, Записки РГО т. IX, 1853, стр. 237—318.
Беневени Ф. (Реляции из Бухары), в кн. Попов А., Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом, Записки РГО, т. IX, 1853, стр. 319—424
Березин И. Н. Сборник летописей. История монголов, сочинения Рашид-ад-Дина персидский текст с переводом и примечаниями, ТВОРАО, т. V, VII, VIII XV, т. I—IV, СПб., 1858—1888.
Ал-Бируни Абу-Рейхан. Китаб ал асар ал-бакия ан ал-куруи ал-халия.
Alberuni. Chronologie orientalischer Völker, von Alberuni. Herausg. von Dr. E. Sachau Leipzig, 1878. Neudruck in Helioplanverfahren, Leipzig. 1923.
Alberuni's India. Ed. by Dr. E. Sachau, London, 1888; Second edition, London, 191(
The Chronology of ancient Nations, an English version of the arabic text of the Atha al—Bakiya of Alberuni... translated by Dr. Ed. Sachau, London. 187
„Тахдид нихайат ал-амакин фи тасхих масафат ал-масакин", ркп. № 338 в библиотеке „Султан Фатих" в Стамбуле (см. С. Волин, К истори древнего Хорезма, ВДИ, 1941, № 1, стр. 192—196.
Бичурин Н. Я. (о. Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средне Азии в древние времена, т. I—II, 2-ое изд., М.—Л., 1950—1953.
Гардизи. Китаб зайн ал-ахбар.
Kitab Zainu'l Akhbar, composed by Abu Said... Gardîzi... about 440 a. H., edit. b Muhammad Nazim. London, 1928 (BMS 1).
Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью (1893—1894) СПб., 1897.
Геродот. История, перевод Ф. Г. Мищенко, в двух томах, М., 1886—1888.
Гладышев, Муравин. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—41 гг. поручиком (Оренбургского драгунского полка Дмитрием Гладышевым и геодезистом Муравиным. Издана с приобщением современной карты Миллерова пути от Орска до Зюнгорских владений и обратно Я. В. Ханыковым. СПб., 1851.
Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э.—III в. н. э.), хрестоматия, под ред Л. В. Баженова, Ташкент, 1940.
Известия англичан о России XVI в., пер. с английского с предисловием С. М. Середонина; чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Путешествие Дженкинсона в Хиву и Бухару, кн. I, 1884, стр. 36—56.
Ибн ал-Асир. Ал камил фи-т-тарих.
Ibnal-Athîri. Chronicon quod perfectissimum inscribitur, edit. C. J. Tornberg, I—XIV Upsala, 1851—1853 Lugduni Batavorum, 1867—1876.
Ибн Батута. Voyage d'Ibn Batoutah Text arabe, accompagné d'une traduction par C. Défrémery et de Dr. B. R. Sanguinetti, Paris, 1855 (1877).
Ибн-Русте, Китаб ал-а'лак ан-Нафиса.
Kitab al-a'lak an Nafisa. Auctore Abu Ali Ahmed ibn-Omar ibn-Rusteh. Ed. M. J. de Goeje, BGA VII, Lugduni Batavorum 1892.
Ибн-Фадлан. Путешествие ибн-Фаддана на Волгу, перевод и комментарий под ред. акад. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939.

Ибн-Хаукаль. Китаб ал-месалик ва л-мемалик.
Viae et Regna. Descriptio dictionis moslemicae. Auctore Abu'l Kāsim ibn Haukal. BGA II, Lugduni Batavorum, 1873; 2 ed. „Opus Geographicum auctore ibn Haukal" 1938.
Иванов П. П. Хозяйство Джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., ИВ АН, М.—Л., 1954.
Ал-Идриси. Нузхат ал-муштак фи хтирак ал-афак.
Géographie d'Edrisi, traduite de l'arabe en français par Amédée Jaubert vol. I—II, Paris, 1836—1840.
Искандер Мунши. Тарих-и алям-ара-и-Аббаси, тегеранское издание, 1945.
Ал-Истахри. Китаб ал-месалик ва л-мемалик.
Kitab mesalik wa memalik auctore Abou Ishac al-Farisi al Istakhri. Ed. M. J. de Goeje, BGA I, Lugduni Batavorum 1870; ed. 2—1927.
Квинт Курций Руф. История об Александре Великом, царе Македонском. С дополнениями Фрейнсгейма, пер. С. Крашенинникова, т. II, СПб., 1813.
К истории наших сношений с Хивой. Донесение переводчика Гуляева и канцеляриста *Чучалова канцелярии Оренбургского губернатора о прибытии их в Хиву*, о событиях, происходивших в это время в Хивинском ханстве, и о стеснениях, каким они подвергались по распоряжению хана. Сообщил А. Добросмыслов, Протоколы заседаний и сообщения ТКЛА, Ташкент, 1910, стр. 69—81.
Клавихо Руи-Гонзалес де. Жизнь и деяния великого Тамерлана, Сочинение Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями, сост. под ред. И. И. Срезневского, сб. Отд. русского языка и словесности АН, т. XXVIII, № 1, СПб., 1881.
Ксенофонт. Греческая история, перевод и вступление С. Лурье, Соцэкгиз, М., 1935.
Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. 1. Греческие писатели вып. 1—3, т. 2: латинские писатели; вып. 1—2, СПб., 1893—1906 гг., ВДИ, 1947, № 1, 4; 1948, № 3; 1949, № 1.
Ал Макдиси (Ал Мукаддаси). Ахсан ат-такасим фи ма'рифат *ал-акаим*.
Descriptio Imperii Moslemici. Auctore Schamso'ddin Abou Abdollāh Mohammad ibn Ahmed ibn Bekr-al Banná al Bashāri al Mokadassi. Ed. de Goeje, BGA, III, Lugduni Batavorum, 1872; Ed. 2—1906.
Al Moqaddasi. Description de l'Occident musulman au IV—X siècles. Texte arabe et traduction française avec une introduction, des notes et quatre index. Par Charles Pellot Alger, 1950 (BAF) 9).
Ал-Мас'уди. Китаб мурудж ал-захаб; Китаб ат-танбих ва'ль ишраф.
Kitab at tanbih wa l ishrāf. Auctore al Mas'udi, ed. M. J. de Goeje, BGA, VIII, Lugduni Batavorum, 1894.
Le livre de l'avertissement et de revision, traduit par B. Carra de Vaux, Paris, 1896 (1897).
Les Prairies d'or. Texte arabe et traduduction par C. Barbier de Meynard et A. Pavet de Courteille, I—IX, Paris, 1861—1877.
Материалы для описания Хивинского похода 1873 года, составленные под ред. Генерального штаба генерал-лейтенанта В. Н. Троицкого, вып. I—XI, Ташкент, 1881—1882.
Материалы по истории каракалпаков, сборник, Труды ИВ АН, т. VII, М.—Л., 1935.
Материалы по истории туркмен и Туркмении, МИТТ, т. I (VII—XV вв.), Труды ИВ АН, М.—Л., 1939.
Материалы по истории туркмен и Туркмении, МИТТ, т. II (XVI—XIX вв.), Труды ИВ АН, М.—Л., 1938.
Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, Материалы по истории народов СССР, Труды Историко археографического института и Института востоковедения АН СССР, вып. III, часть I, Л., 1932.
Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму Дарьинском отделе и Сыр-Дарьинской области, вып. 1—2, Ташкент, 1915.
Материалы по районированию Средней Азии, Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I, кн. 1—3, Ташкент, 1926.
Мирза-Шемс Бухари. О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемса Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьевым, Казань, 1861.
Мирхонд (Мухаммед ибн Ховенд-шах ибн Махмуд), Раузат ас-сафа, тегеранское изд. 1270 г. х.; индийское изд. 1883.
Histoire des Sultans du Khorezm, Par Mirkhond, texte persan, publié par M. Défrémery, Paris, 1842.
Vie de Djenguiz Khan par Mirkhond...publiée par A. Jaubert, Paris, 1841.

Мухаммед Риза Мираб (Агехи). Шахид-и Икбал, извлечения в русском переводе, Кауфманский сборник. М., 1940.
Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, изд. П. М. Мелиоранского, СПб., 1908.
Die Scheibaniade. Ein özbegisches Heldengedicht in 76 Gesängen, von Prinz Muhammed Salich aus Charezm. Text, Uebersetzung und Noten von H. Vambery. Wien—Budapest, 1885.
Мухаммед Юсуф-Мунши. Тарихи Муким-хани или Тазкираи Муким-хани, ркп. ИВ АН УзССР, № по кат. 175—184.
J. Senkowskï. Supplément à l'histoire générale des Huns, des Turcs et des Mongols, St Petersbourg, 1824.
Ан-Несеви Мухаммед. Сират ас-султан Джелал-ад-Дин Менкуберти.
Muhammad an-Neseviе. Vie de Djelal ed Din Man Kobirti, texte arabe et traduct. française. Ed. par O. Houdas, vol. 1—2, Paris, 1891—1895.
Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. Книга о правлении визира XI столетия Низам ал-Мулька, перевод, введение и примечания Б. Н. Заходера, отв. ред. Е. Э. Бертельс, М.—Л., 1949 (АН СССР, Литерат. памятн.).
Пальмов Н. Н. и Пономарев А. И. Печатные и рукописные исторические известия о каракалпаках на русском языке; в кн. Материалы по истории каракалпаков, Труды ИВ АН, т. VII, М.—Л., 1935.
Плано Карпини Иоанн де. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1911.
Поло, Марко. Книга Марка Поло, перевод И. П. Минаева. Ред. и вступ. статья И. П. Магидовича, М., 1955. Путешествие Марка Поло, перевод с франц. под ред. В. В. Бартольда, Записки РГО по отд. этнографии, т. XXVI, СПб., 1903.
Рашид-ад-Дин. Джами ат-таварих. Сборник летописей, т. I—III, М.—Л., 1946—1952.
Blochet E. Djamiat-tevarikh, GMS, XVIII, London, 1911.
Ас-Сам'ани Абу-Са'д. Китаб ал-ансаб.
The Kitab al-Ansâb by Abd al-Karim ibn Muhammad al-Sam'ani... with an Introduction by D. S. Margoliouth, GMS, XX, Leyden-London, 1912.
Страбон. География Страбона в 17 книгах, перевод Ф. Г. Мищенко. М., 1879.
Ат-Табари. Тарих ар-русул ва-л-мулук.
Annales-quas scripsit Abu Djarir at-Tabari, Cum aliis edit. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1879—1901.
Chronique de Tabari, traduite sur la version persane d'Abou'Ali Mohammad Bel'ami par M. H. Zottenberg, I—IV, Paris, 1867, 1874.
Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884.
Фазлуллаибн Рузбехан. Михман-намэ-и Бухара, ркп. ИВ АН УзССР № 1414.
Хамдаллах Казвини. Тарих-и-Гузиде.
Browne Ed., Hamdu'llah Mustawfi i Qazwini. The Ta'rikh-i Guzida or „Select History", vol. 1—2, Leyden-London, 1910—1913.
The Geographical part of the Nuzhat al Qulûb, composed by Hamd Allah Mustawfi of Qazwin in 740 (1310). Edit by G. Le Strange (GMS, XXIII) London-Leyden, 1915. Transl by G. Le Strange (GMS, XXIII, 2), 1919, VI, 5, 1919.
Хафизи Абру. Зубдат ат таварих.
Chronique des rois mongols en Iran. Texte persan, edit. et trad. par K. Bayani, II, trad. et notes, Paris 1936.
A persian Embassy to China; an extract from Zubdatu'l Tawarikh of Hafiz Abru, Lahor. 1934.
Хафизи Таныш. Абдулла-намэ, ркп. ИВ АН УзССР, № 5363.
Худайберды Кош-Мухаммед. Диль Гаро'иб ркп.
Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского. Издано с введением и указателями В. В. Бартольда, Л., 1930.
Шами Низам Ад-Дин. Зафар-намэ.
Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafar-nama par Nizamaddin Sami, ed. par F. Tauer, Praha, 1937.
Шереф ад-Дин Али Язди. Зафар-намэ.
The Zafar nâmah by Maulana Sharafuddin Alioí Jazd. Ed by Muhammad Hahdad, vol. 1—2 (Bl), Calcutta, 1887—1888.
Cherefed-din Ali natif d'Iezd. Histoire de Timour bec. connu sous le nom du grand Tamerlan, empereur des mongoles et tatares, t. 1—4, Delft, 1724; (франц. перев. Petis de la Croix)
Шир-Мухаммед (Мунис). Мухаммед Риза (Агехи). Фирдаус-ул ик-бал. ркп. ИВ АН УзССР, № 821/1 и №Е-6.
Якут. Китаб му'джам ал-булдан.

Jacût's Geographisches Wörterbuch, herausg. von Ferd. Wüstenfeld, I—VI, Leipzig, 1866–1870.
Абдакушин И. Санитарный обзор Аму-Дарьинского отдела с 1887 по 1891 г., Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области за 1892 г., часть II.
Авдиев В. И. История древнего Востока, М., 1948.
Авдиев В. И. Сельские общины и искусственное орошение в древнем Египте, Историк-марксист, 1934, № 6.
Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией, т. 4—6, 9—12, СПб., 1842—1872.
Аленицын В. Несколько замечаний о путешествии Дженкинсона в Хиву в 1559 году, Записки РГО по отделу этнографии, т. VI, СПб., 1879.
Алиханов. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему, СПб., 1883.
Аму-Дарьинский отдел, ТВ, 1875, № 10.
Арканов Б. С. Орошение. Опыт изложения основ проектирования оросительных сооружений и конструктивных особенностей оросительной системы, М.—Л., 1926.
Артамонов М. И. Вопросы истории скифов в советской науке, ВДИ, 1947, № 3.
Архангельский А. Моллюски верхнемеловых отложений Туркестана, вып. 1, Труды геологического комитета, новая серия, вып. 152, 1916.
Архангельский А. Из геологических наблюдений в пустыне Кзыл-Кум, Известия Докучаевского почвенного комитета, 1915, № 3.
Архангельский А. Предварительный отчет о геологических исследованиях в низовьях Аму-Дарьи, Известия геологического комитета, XXXIII, 1914.
Архангельский А. Ископаемая фауна берегов Аральского моря. Верхнемеловые отложения, вып. 1, Научные результаты Аральской экспедиции, Известия ТОРГО, т. VIII, вып. 1, 1911—1912.
Архангельский А. Геологические исследования в низовьях Аму-Дарьи, Труды Главного геолого-разведочного управления ВСНХ СССР, вып. XII, с 2 карт., М.—Л., 1931.
Аскочинский А. Н. Южный Хорезм как объект водохозяйственного строительства, Ташкент, 1933.
Базинер Ф. Путешествие через киргизские степи в Хиву в 1842—1843 гг. доктора философии Базинера, ТВ, 1873, № 31 и 46.
Барбот-де-Марни Е. Н. О геологических исследованиях в Аму-Дарьинском крае, Известия РГО, т. XI, СПб, 1875, № 2, стр. 110—121.
Бартольд В. В. Дорожник XIV в. от Бистама до Куня-Ургенча, ЗВО, т. XV за 1902—1903 гг., СПб., 1903.
Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903.
Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и в России, изд. 2-е, Л., 1925.
Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927.
Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана, ж. «Сельское хозяйство и лесоводство», 1913; отдельный оттиск, СПб., 1914.
Бартольд В. В. К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море, Записки ВОРАО, XIV, вып. 1, 1902.
Бартольд В. В. Мерверруд, ЗВО, т. XIV, СПб., 1902.
Бартольд В. В. Места домусульманского культа в Бухаре и ее окрестностях, Восточные Записки, т. 1, Л., 1927.
Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Баку, 1925.
Бартольд В. В. Новый источник по истории Хорезма, Известия УзФАН, 1941, № 2.
Бартольд В. В. О колесном и верховом движении в Средней Азии, АН СССР, М.—Л., 1937.
Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа, сб. «Туркмения», т. I, АН СССР, Л., 1929.
Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в., Научные результаты Аральской экспедиции, вып. II, ИТОРГО, IV, Ташкент, 1902.
Бартольд В. В. События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка, Кауфманский сборник, М., 1910.
Бартольд В. В. Султан Санджар и гузы, ЗВО, т. XX, СПб., 1912.
Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I—II, Спб., 1898—1900.
Бартольд В. В. Хафиз-и Абру и его сочинения, Аль-Музаффария, Сборник статей учеников профессора В. Р. Розена, СПб., 1897.

Бартольд В. В. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских. ж. «Хлопковое дело». 1924, № 11.
Бартольд В. В. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в., ЗРГО по отделу этнографии, т. 34, 1909.
Беляев И. А. Сказание об Едигее и Тохтамыше на каракалпакском языке арабской транскрипцией. Протоколы заседаний и сообщений членов закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока, вып. 4, 1917.
Берг Л. С. Аральское море. Опыт физико-географической монографии. Известия ТОРГО, V, СПб., 1908.
Берг Л. С. Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1928 г.), М.—Л., 1929.
Березин И. Н. Очерки внутреннего устройства улуса Джучиева, ТВОРАО, ч. VIII, СПб., 1864.
Березин Л. Естественные районы Копет-Дага и их сельскохозяйственное значение. Туркменоведение, 1929, № 5 и 6.
Бланкенгагель. Путевые заметки Бланкенгагеля о Хиве в 1793—94 гг. С примечаниями В. В. Григорьева, Вестник РГО, т. XXII, 1858.
Богданов М. Н. Краткий очерк долины и русла Аму-Дарьи между Уч-Учаком и Шейх-Арыком, Известия РГО, X, 1874, № 6.
Богданов М. Н. Обзор экспедиций естественноисторических исследований в Арало-Каспийской области с 1720 по 1874 гг. Труды Арало-Каспийской экспедиции, вып. I, СПб., 1875.
Богданов М. Н. О старом русле и течении Аму-Дарьи в Каспий, Известия РГО, X, 1874, № 6.
Богданович К. К геологии Средней Азии. Описание некоторых осадочных образований Закаспийского края и части Северной Персии, Записки Минералогического общества (2), XXXVI, 1890.
Букинич Д. Д. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. Хлопковое дело, 1924, № 3—4.
Букинич Д. Д. Старые русла Окса и Аму-Дарьинская проблема (в связи с вопросом обводнения Келифского Узбоя и Дарьялыка), Библиотека хлопкового дела, кн. 4, М., 1926.
Бутаков А. И. Несколько страниц из истории Хивы, ТВ, 1871, № 28.
Бутаков А. И. О дельте и устьях р. Аму-Дарьи, ТВ, 1872, № 32.
Бутаков А. И. Сведения об экспедиции, снаряженной для описи Аральского моря в 1848 г., Вестник РГО, VII, 1853, стр. 1—9.
Бутаков А. И. Эпизод из современной истории Средней Азии, Отечественные записки, 1865, ноябрь.
Вамбери А. Очерки Средней Азии, Дополнение к путешествию в Среднюю Азию, М., 1868.
Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 г. Арминием Вамбери, членом Венгерской Академии. С картою Азии, М., 1865.
Вамбери А. Путешествие по Средней Азии из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 г. с научной целью по поручению Венгерской Академии в Пеште членом ее А. Вамбери, М., 1867, 2-е изд., 1874.
Васильев Н. Кочевники Туркестана (Опыт экономического обзора), Самарканд, 1890.
Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. 1—3, СПб., 1863—1866.
Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времен кончины Абуль-Хайр-хана (1748—1755), т. 1—2, Уфа, 1853—1855.
Вельяминов-Зернов В. В. Монеты бухарские и хивинские, ТВОРАО, ч. IV, 1860.
Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего, СПб., 1877.
Веселовский Н. И. Первое подданство туркмен России, Исторический Вестник, 1884, май.
Владимирцев Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934.
Воейков А. И. Климатические условия в связи с орошением и хлопководством Туркестана, СПб., 1913.
Воейков А. И. Орошение Закаспийской области, География и климатология, т. 3, СПб., 1908.
Воейков А. И. Очерки Туркестана, СПб., 1913.

Воскресенский М. Предварительный отчет о почвенных исследованиях на левом берегу Аму-Дарьи в Хорезмском округе (машинопись), 1927.
Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, Записки РГО, по отделу этнографии, т. I, 1867.
Гетройц А. Предварительный отчет о геологических исследованиях на сухих руслах Аму-Дарьи, Известия РГО, XVIII, 1882.
Гельман Х. В. Исследования прорывов реки Аму-Дарьи, образовавшихся во время ее разлива летом в 1878 году, Приложение к 3-му вып. X кн. Записок КОРГО, Тифлис, 1879.
Гельман Х. В. Обводнение старого русла р. Аму-Дарьи, Ташкент, 1900.
Гельман Х. В. Отчет по поездке инженера Х. В. Гельмана в 1891—92 гг. Египет Тунис, Алжир, Италия и Франция. СПб., Записки Имп. русского технического общества. 1893.
Гельмерсен Г. Очерк геологии и физической географии Арало-Каспийской низменности, Горный журнал, IV, 1879.
Гельмерсен Г. Хива в нынешнем состоянии, Отечественные записки, т. VIII, 1840
Георгиевский Б. М. Южный Хорезм, Гидрогеологические и геологические исследования, изд. Комитета наук УзССР, Ташкент, 1937.
Герасимов И. П. О послетретичных отложениях западной части равнинного Туркестана, Известия Главного геолого-разведочного Управления, XLIX, 1930, № 9.
Герасимов И. П., Иванова Е. Н., Тарасов Д. И. Почвенно-мелиоративный очерк дельты и долины реки Аму-Дарьи, Труды Каракалпакской комплексной экспедиции 1931—1932 гг., 1935.
Герасимов И. П. Физико-географический очерк Сары-Камыша, ТИГ АН СССР, Отчеты Туркменской экспедиции, вып. 35, М.—Л., 1940.
Герасимов И. П. Четвертичная геология (Палеогеография четвертичного периода), М., 1939.
Гиршфельд. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. I—II, Ташкент, 1902—1908.
Глуховской А. И. Об исследованиях старого русла Аму-Дарьи, Известия РГО, т. XI, СПб., 1876.
Глуховской А. И. О пропуске вод реки Аму-Дарьи в Каспийское море и о значении водного Аму-Дарьинского Каспийского пути (Читано в годовом собрании Общества содействия русской промышленности и торговли 27 марта 1882 г.), СПб., 1889.
Глуховской А. И. Пропуск вод р. Аму-Дарьи по старому ее руслу в Каспийское море и образование непрерывного водного Аму-Дарьинско-Каспийского пути от границ Афганистана по Аму-Дарье, Каспию, Волге и Мариинской системе до Петербурга и Балтийского моря. Издано начальником экспедиции Генерального штаба генерал-лейтенантом А. И. Глуховским на английском и русском языках, СПб., 1893.
Глуховской А. И. Сообщения об исследованиях о старых руслах Аму-Дарьи, Известия РГО, т. X, вып. 6, 1874.
Гракова Р. А. Отчет о раскопках Алексеевской стоянки в Кустанайском районе. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941.
Гранитов И. И. К вопросу об естественной мелиорации такыров, в кн. «Хозяйственное освоение пустынь Средней Азии», сборник материалов, Москва — Ташкент, 1934.
Гребенкин А. Д. Узбеки, ТВ, 1871, № 41; то же в кн. «Русский Туркестан», сборник, изданный по поводу политехнической выставки, вып. II, М., 1872.
Грен Ар. Экспедиция для исследования реки Джана-Дарьи, Инженерный журнал, 1863, № 1.
Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, т. II, Л., 1940.
Григорьев Г. В. Краткий отчет о работах Янги-Юльской археологической экспедиции 1937 г., Ташкент, 1940.
Григорьев Г. В. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости, Записки РГО, 1861, № 2.
Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе Узбекской ССР в 1934 г., Ташкент 1935.
Громов М. и Баранов В. Чигирь как водоподъемная машина и как привод, Ташкент, 1931.
Гулямов Я. Г. Бируни об исторической географии низовьев Аму-Дарьи, сб. «Бируни — великий ученый средневековья», Ташкент, 1950.
Гулямов Я. Г. Городище Багдад, газ. «Советская Каракалпакия», Нукус, 7 сентября, 1946, № 177.
Гулямов Я. Г. Из истории орошения в Каракалпакии, Бюллетень АН УзССР, 1945, № 9—10.

Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней (автореферат докторской диссертации). Ташкент, 1949.
Гулямов Я. Г. К возникновению ирригации в Хорезме в свете данных археологии. Сборник материалов научной сессии АН УзССР. Ташкент, 1943.
Гулямов Я. Г. Памятники города Хивы. Труды ИИАЛИ УзФАН, сер. I, история и археология, вып. III, Ташкент, 1941.
Данилевский М. П. Земли древнего орошения Каракалпакии и перспективы их освоения, сб. «Каракалпакия», II, Л., 1934.
Данилевский. Описание Хивинского ханства. Записки РГО, кн. V, 1851, стр. 62—153.
Денике Б. Архитектурный орнамент Средней Азии, М.—Л., 1939.
Дильс. Античная техника. Перевод и примечания М. Е. Сергеенко, П. П. Забаринского, Гостехиздат, М.—Л., 1934.
Димо Н. А. Почвенные исследования в бассейне р. Аму-Дарьи, Ежегодник отдела земельных улучшений за 1913 г., ч. II, II., 1914.
Дингельштедт. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область, ч. 1—2, СПб., 1893.
Ермолаев М. Н. Пропуск вод Аму-Дарьи в Мервский и Тедженский оазисы *с целью орошения 516 000 десятин земли в восточной части Закаспийской области*. СПб., 1908.
Ермолаев М. Н. Современное орошение и хлопководство Египта. СПб., 1910.
Житов К. Е., Непомнин В. Я. От колониального рабства к социализму. Ташкент, 1939.
Жуковский В. А. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва. СПб., 1894.
Залеман К. Г. Легенда о Хаким ата. Известия АН, т. IX, вып. 2, СПб., 1898.
Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г., ВС, т. XXVI, 1861, № 11, стр. 41—92.
Захарьин И. П. (Якунин). Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву, ч. I—II, СПб., 1901.
Збруева А. В. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. ВДИ, 1946, № 3.
Збруева А. В. Коллективное жилище в Прикамье. ВДИ, 1940, № 2.
Зыков С. Очерки утверждения русского владычества на Аральском море с 1847 г. по 1862 г., Морской сборник, 1862, № 6.
Ибрагимов И. Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах, ВС, 1874, № 9.
Иванин М. И. О старом русле Аму-Дарьи. Материалы СТК, 1873.
Иванин М. И. Хива и река Аму-Дарья, СПб., 1873.
Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. (Исследование и описание документов с историческим введением). Новые источники для истории Средней Азии, ЗИВ, т. VII, М.—Л., 1940, стр. 5—26.
Иванов П. П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг. Источники и опыт их исследования, Труды ИВ АН, т. 28, М.—Л., 1937.
Иванов П. П. История царствования Сейид-Мухаммед-хана (1856—1865). Гульшен-и девлет. Соч. Мухаммед-Риза мираба Агехи, и кн. «Материалы по истории каракалпаков». Труды ИВ АН, т. VII, М.—Л., 1935.
Иванов П. П. Материалы к изучению истории каракалпаков, в кн. «Каракалпакия», Труды I конференции по изучению производительных сил КК АССР, т. I, Л., 1934, стр. 178—199.
Иванов П. П. Население Средней Азии. Вся Средняя Азия, Справочная книга на 1926 г., Ташкент.
Иванов П. П. Новые материалы по истории Средней Азии (по поводу открытия архива хивинских ханов), ИМ, 1937, № 3, стр. 220—222.
Иванов П. П. Очерк истории каракалпаков. Материалы по истории каракалпаков. Труды ИВ АН, т. VII, М.—Л., 1935, стр. 9—89.
Иванов П. П. Удельные земли Сейид-Мухаммед-хана хивинского (1856—1865). В порядке постановки вопроса о так называемых ханских землях в Средней Азии, Записки ИВ АН, т. VI, М.—Л.
Ивченко И. Через Кзыл-Кумы, Известия РГО, вып. I, 1916, стр. 27—59.
Известия о песошном золоте. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащих, 1760.
Изыскания в бассейне Аму-Дарьи, Ежегодник отдела земельных улучшений, М., 1913.
Иностранцев К. А. К истории домусульманской культуры Средней Азии, ЗВО, т. XXIV, П., 1917.
Иностранцев К. А. О домусульманской культуре Хивинского оазиса, ЖМНП, февраль, 1911 № 2.
История искусства Древнего Востока, т. I, Л., 1941.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней, изд. 2-ое, т. I, Алма-Ата, 1949.
История народов Узбекистана, т. II, АН УзССР, Ташкент, 1947.
Каразин Н. Н. В низовьях Аму, Вестник Европы, 1875, март.
Каракаллаки. Восточные известия, Астрахань, 1814, № 44.
Карелин Г. С. Путешествие Г. С. Карелина по Каспийскому морю, 1836, Записки РГО по отделу общей географии, т. X, СПб., 1883.
Карицкий Д. Беспочвенность мечтаний об орошении Туркестана, Туркестанский курьер, № 6, 1913.
Каульбарс А. В. Древнейшие русла Аму-Дарьи, Записки РГО по отделу общей географии XVII, № 4, СПб., 1887.
Каульбарс А. В. Исследования на старых руслах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, Известия РГО, т. XV, СПб., 1880.
Каульбарс А. В. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г., Записки РГО по отделу общей географии, кн. IX, 1884.
Каульбарс А. В. Полный список промеров, произведенных в 1873 г. в низовьях реки Аму-Дарьи, прилож. к т. IX Записок РГО по отд. общей географии, СПб., 1888.
Каульбарс А. В. Сообщение о новейших сведениях о старых руслах Аму-Дарьи, Известия РГО, XXII, 1886.
Кауфман А. А. *К вопросу о русской колонизации Туркестанского края.* Отчет членов Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ по командировке летом 1903 г., СПб., 1903.
Кауфман К. П. Проект всеподданнейшего отчета К. П. фон Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства, 7 ноября 1867—25 марта 1881 гг., СПб., 1885.
Кесь А. С. Русло Узбой и его генезис, Труды Института географии АН СССР, VII, вып. XXX, М.—Л., 1939.
Кесь А. С. и Федорович Б. А. Предварительные итоги работ Узбекского отряда Туркменской экспедиции АН СССР за 1934 г., СОПС АН СССР, 1935.
Кимберг Н. В. О резервных ирригационных земельных фондах в низовьях Аму-Дарьи, Бюллетень АН УзССР, 1946, № 12.
Клинген И. Среди патриархов земледелия, ч. III, Китай, СПб., 1899.
«Книга глаголемая Большой Чертеж», изд. Г. И. Спасского, М., 1846.
Книзе А. И. Хлопководство и правительственные мероприятия по его улучшению и развитию в среднеазиатских владениях России, СПб., 1911.
Ковалевский С. А. Пути Дженкинсона в 1558 г. от Мангышлака до Узбоя и по нему, Известия ВГО, т. 42, вып. VI, 1940, стр. 819—823.
Колокольцев. Экспедиция в Хиву в 1873 г. от Джизака до Хивы, Походный дневник, СПб., 1873.
Кондрашев С. К. Орошаемое хозяйство и водопользование Хивинского оазиса. Отчет о гидромозульных работах изысканий в бассейне р. Аму-Дарьи за 1914 год, М., 1916
Кондрашев С. К. Орошаемый Хорезм. Организация орошения территории и труда в дехканских хозяйствах низовьев р. Аму-Дарьи, М., 1931.
Коншин А. М. Геологический очерк Закаспийского края. Предварительный отчет об экспедиции в Закаспийский край и в Северный Хорасан в 1886 г., Тифлис, 1886.
Коншин А. М. О древнем течении Аму-Дарьи по современным геологическим и физико-географическим данным, Записки КОРГО, XV, с планами и с картой древнего течения Аму-Дарьи 1893 г., газ. «Кавказ», № 32, 33, 34, 1892.
Коншин А. М. Разъяснение вопроса о древнем течении Аму-Дарьи, По современным геологическим и физико-географическим данным, Записки РГО по общ. географии т. XXIII, № 1, СПб., 1897.
Коншин А. М. Сарыкамышский озерный бассейн и Западный Узбой, в кн.: Известия РГО, т. XXI, СПб., 1886, стр. 202—210.
Костенко Л. Ф. От Хивы до Казалинска, ВС, СПб., № 11, 1873.
Костяков А. Н. Состояние орошения в Заволжье и его первоочередные нужды, Изд. Всес. акад с/х наук им. В. И. Ленина, М., 1936.
Краузе И. Н. О хивинском земледелии, Изв. РГО, т. X, 1874.
Кремницкий Н. Д. К вопросу проектирования мельчайшей оросительной сети, Труды Института гидрографии и мелиорации, т. VII, 1932.
Куи А. Л. Доходы хивинского ханства, ТВ, 1873, № 32.
Куи А. Л. Заметки о хивинском ханстве, ТВ, 1873, № 46.
Куи А. Л. Культурный оазис Хивинского ханства, ТВ, 1874, № 2, 3, 9, 11, 12.
Куи А. Л. Поездка по Хивинскому ханству в 1873 г., Известия РГО, т. X, 1874, стр. 47 — 58.
Ладыгин Б. К. Ирригация Индии, Л., 1924.

Латынин Б. А. К вопросу об истории, в кн. «Из истории докапиталистических формаций», Л., 1935.
Латынин Б. А. Работы в районе проектируемой электростанции на реке Нарын в Фергане (гидроэлектропроект). Отчет о работах, Известия ГАИМК, вып. 110, Археологические работы Академии на новостройках в 1932 — 33 гг., М. — Л., 1935.
Лев Д. Н. Древний палеолит в Аман-Кутане (Предварительное сообщение), Труды УзГУ, новая серия, № 39, Самарканд, 1949.
Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, Сочинение Алексея Левшина, члена разных ученых обществ Российских и иностранных, т. I — III, СПб., 1832.
Ленц Р. Наши сведения о прежнем течении Аму-Дарьи, Записки РГО, т. IV, 1871.
Лессар П. Оксус. Его древнее соединение с Каспийским морем. Перевел с французского и снабдил примечаниями А. Романович, Ташкент, 1891.
Лессар П. М. *Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах.* (Поездка 1882 г.), Известия РГО, т. 20, вып. 1, СПб., 1884.
Лессар П. М. Узбой и Унгуз (1883 г.), Сборник материалов по Азии, VI, 1883.
Лобачевский В. Хивинский район. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа, Ташкент, 1912.
Ломакин. Рекогносцировка Узбоя (сухого русла Аму-Дарьи), Известия КОРГО IV, 1875, № 1.
Лохтин В. М. *Почему прекратилось течение Аму-Дарьи в Каспийское море*, ТВ, 1911, № 97.
Лохтин В. М. Река Аму и ее древнее соединение с Каспийским морем, СПб., 1879.
Лупандин. Описание части Узбоя (сухого русла Аму-Дарьи) от колодца Белашим до колодца Сары-Камыш (с картой), Известия КОРГО, IV, 1875, № 1.
Лурье И., Ляпунова К., Матье М., Пиотровский Б., Литнер Н. Очерки по истории техники Древнего Востока, М. — Л., 1940.
Лэн-Пуль-Стенли. Мусульманские династии, хронологическая и генеалогическая таблицы с историческими введениями. Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд, СПб., 1899.
Мак-Гахан. Военные действия на Окусе и падение Хивы, М., 1875.
Макензи Н. Ф. Очерки по ирригационным работам, М., 1918.
Макшеев А. И. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае, Записки РГО по отделу статистики, т. II, 1871, стр. 1—60.
Макшеев А. И. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю (1848—1853), СПб., 1896.
Масальский В. И. Туркестанский край, Россия, под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского, т. XIX, СПб., 1913.
Масальский В. И. Хлопковое дело в Средней Азии (Туркестан, Закаспийская область, Бухара и Хива) и его будущее, СПб., 1892.
Масперо Г. Древняя история народов классического Востока, М., 1911.
Масперо Г. Египет, М., 1916.
Массон М. Е. Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ), КСИИМК, VIII, 1940.
Массон М. Е. Экспедиция археологического надзора на строительстве БФК, КСИИМК, IV, 1940.
Михайлов К. А. *Коренное переустройство южно-хорезмской ирригационной системы*, Вестник ирригации, 1927, № 10.
Михайлов К. А. и Пославский В. В. Таш-Сака или Тюя-Муюн, Вестник ирригации, 1927, № 11.
Морган Л. Дома и домашняя жизнь американских туземцев, Л., 1934.
Моргуненков Ф. П. и Севастьянов И. А. Новая Туркмения. Ирригационные перспективы Туркменской ССР. Орошение Туркмении по проекту инж. Ф. П. Моргуненкова, с предисловием К. С. Атабаева, Ташкент, 1925.
Моргуненков Ф. П. Предположения об орошении юго-восточного побережья Каспийского моря зимними и избыточными паводковыми водами Аму-Дарьи, Записки Русского технического общества № 6/7, 1915.
Моргуненков Ф. П. Схема орошения приморского района водами реки Аму-Дарьи путем использования старого русла Узбоя, Вопросы водного хозяйства и земельных улучшений, 1915.
Морэ А., Давн Ж. *На заре истории, Очерки первобытной культуры* (сокращенный перевод), М., 1925, VII.
Мужчинкин Ф. Колодцы по Узбою от аула Молла-Кара до аула Беуграджи, Вестник ирригации, 1924, № 10.

Мужчинкин Ф. Некоторые данные по геологическим и гидрогеологическим исследованиям в районе Таш-Сака — Тюя-Муюн Хорезмской области летом 1925 г., Труды САГУ, серия VIIa, геология, вып. 6, Ташкент, 1928.
Мужчинкин Ф. Предварительный отчет по геологическим и гидрологическим исследованиям в районе Таш-Сака — Тюя-Муюн летом 1925 г. (машинопись), 1925.
Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров, ч. 1—2, М., 1822.
Мушкетов И. В. Туркестан, т. 1, СПб., 1886.
Мушкетов И. В. Геологическая карта Закаспийской области (1:1.260.000), СПб., 1900.
Небольсин П. И. Очерки торговли России с Средней Азией (со стороны Оренбургской линии), Записки РГО, т. 10, СПб., 1855.
Непомнин В. Я. К истории ирригации в Узбекистане, Ташкент, 1940.
Неустроев С. О геологических и почвенных процессах на равнине низовьев р. Аму-Дарьи, Почвоведение, 1911, № 2.
Никитин В. В. К характеристике низовьев Аму-Дарьи как объекта мелиорации, Промиздат, М.—Л., 1926.
Никитин С. А. и Песков С. Ф. Пески Юго-западных Кызыл-Кумов, сб. «Каракалпакия», т. II, М.—Л., 1936.
Никольский А. М. О рыболовстве в водах Аральского бассейна, Известия РГО, т. XXIII, 1888, стр. 654—698.
Никольский М. В. Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи из собрания Н. П. Лихачева (Древности восточные), Труды Восточной комиссии Московского археологического общества, т. 3, вып. 2..
Обручев В. А. Закаспийская низменность, Географический и орографический очерк по данным, собранным во время экскурсий в 1886 г. и 1887—1888 гг., Записки РГО по отделу общей географии, т. XX, 1890, № 3.
Общие замечания к проекту орошения Закаспийской области, Экономист России, СПб., 1911.
Окладников А. П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан, сб. «Тешик-Таш», 1949.
О повороте реки Аму-Дарьи по старому руслу, Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, СПб., 1873.
Основные вопросы древней истории Средней Азии, ВДИ, 1938, № 1.
Островский С. Ф. Ирригационные системы Индии. Отчет по поездке в Индию инженера путей сообщения С. Ф. Островского в 1906 г., СПб., 1907.
От Айбугырского залива до Кунграда, Уральские войсковые ведомости № 9, 1868.
Очерки Аму-Дарьинского края, ТВ, 1875, № 2.
Паленъ К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом, 18 выпусков, СПб., 1909—1910.
Пальмов Н. Н. Абул-гази в калмыцких кочевьях, (по данным Астраханских архивов XVII века), ркп. И. В. АН СССР.
Памятники сибирской истории XVIII века, кн. I, 1700—1713; кн. II, 1700—1713, СПб., 1882.
Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI вв., Очерки по истории края и его колонизации, М., 1877.
Петрусевич Н. Г. Исследования на старых руслах Аму-Дарьи, произведенные в 1876—1877 гг., Известия РГО, т. XV, СПб., 1830.
Петрусевич Н. Г. О гидротехнических условиях реки Аму-Дарьи и о возможности поворота ее течения в Каспийское море, Записки Русского технического общества, 1879, № 3.
Петрусевич Н. Г. Предварительный отчет об исследовании Дарьялыка (Узбоя) и местности между Аму-Дарьей и Сары-камышем, СПб., 1880.
Потанин Г. Н. Материалы по истории Сибири, М., 1867.
Православлев П. А. Северо-западное побережье Каспия, Известия центрального гидрометеорологического бюро, вып. 8, Л., 1929.
Прокошев Н. А. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья, МИА, 1940, № 1.
Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году, Сибирский вестник, издаваемый Гр. Спасским, 1818 год, ч. I и 3, СПб., 1818, стр. 37—110.
Путешествие через киргизские степи в Хиву в 1842—1843 гг. доктора философии Бэзинера ТВ, 1873, № 31 и 46.

Путешествия П. С. Карелина по Каспийскому морю, Записки РГО, т. X, СПб., 1883.
Реклю Э. Земля и люди, т. VI, СПб., 1900.
Риза Кули Мирза. Краткий очерк Аму-Дарьинской области, СПб., 1875.
Рудский М. П. Заметка по поводу вопроса о древних руслах Аму-Дарьи, Известия РГО, XXX, 1894.
Рыбачий стан на низовьях Аму-Дарьи, Всемирный иллюстратор, № 878, 1885.
Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750) под ред. и с примечаниями П. М. Гутьяра, Оренбург, 1896.
Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии, Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих, 1759.
Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, Оренбург, 1887.
Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное ...Петром Рычковым, ч. 1, и II, СПб., 1762.
Сальников К. В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки. МИА, 1940, № 1.
Самойлович А. Два отрывка из Хорезм-намэ, 3 ВОРАО, т. XIX, вып. I, 1909.
Самойлович А. Н. Краткий отчет о поездке в Ташкент, Бухару и Хивинское ханство в 1908 г., СПб., 1909.
Сведения о Хивинском ханстве, Журнал мануфактур и торговли, ч. 2, 1843.
Северцов Н. А. О результатах физико-географических наблюдений в Арало-Каспийских степях в 1874 г., Известия РГО, т. XI, СПб., 1875, № 3, стр. 219—231.
Северцов Н. А. Записка о действительной границе Российских и Хивинских владений в Сыр-Дарьинском крае. Составлена в 1858 г., Известия ТОРГО, т. XI, Ташкент, 1915.
Севастьянов И. А. К проблеме орошения Туркмении в связи с развитием хлопководства СССР, Новая Туркмения, 1925.
Семихатов Б. Краткий геологический очерк северной части дельты реки Аму-Дарьи. Почвенные экспедиции в бассейнах рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, вып. I, М., 1915.
Сенатский архив под ред. Репинского, СПб., т. V, 1892; т. VI, 1893; т. VII, 1895; т. VIII, 1897; т. X, 1903.
Серебренников А. Г. Туркестанский край, Сборник материалов для истории его завоевания (1840—1852), Ташкент, 1912—1916.
Скобелев М. Д. От Змукшира до Орта-Кую, с примечанием Стебницкого И. И., Известия КОРГО, III, 1893, № 3.
Скорняков Е. Е. Искусственное орошение (ирригация), М.—Л., 1930.
Скорняков Е. Е. Как поднимать воду, М., 1922.
Смирнов Е. А. Очистка ирригационной сети в Средней Азии и ее рационализация, Труды САНИИРИ, вып. XIV, 1933.
Снегирев И. Л. К проблеме культа матери-земли в архаическом Египте, Сборник египтологического кружка при ЛГУ, Л., 1929, № 2.
Соболев Л. Н. Обзор доступов к Хивинскому ханству и краткие сведения о нем, Военно-статистический очерк, ВС, кн. 5—6, 1873, стр. 127—164.
Соболев Л. Н. Письма об Аму-Дарьинской экспедиции, Русский Инвалид, 1874, № 213, 216.
Соболев Л. Н. Письмо к вице-председателю РГО, Известия РГО, т. X, 1874.
Соболев Л. Н. и Гродеков. Статистический обзор Хивинского ханства, издано на правах рукописи, Ташкент, 1882.
Согдийский сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР, АН СССР, Л., 1934.
Среднеазиатский экономический район, под ред. Поспавского Ю. И. и Черданцева Г. Н., Ташкент, 1922.
Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова (1620—1622), Сборник князя Хилкова, СПб., 1879, стр. 388—445.
Стебницкий И. Отчет о путешествии в Закаспийском крае в 1872 году, Известия КОРГО, т. II, 1873, № 1.
Стебницкий И. И. Обзор сведений о прежнем течении Аму-Дарьи в Каспийское море, Тифлис, 1876.
Струве В. В. История Древнего Востока, М.—Л., 1941.
Струве В. В. Восстание в Маргиане при Дарии I, ВДИ, 1949, № 2; также см. Материалы ЮТАКЭ, Ашхабад, 1949.
Струве В. В. Надпись Ксеркса о «дэвах» и религии персов, ИАН СИФ, т. I, 1944, № 3.
Струве В. В. Поход Дария I на саков-массагетов, ИАН СИФ, т. III, 1946, № 3.
Струве В. В. Родина Зороастризма, СВ, V, М.—Л., 1948.

Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае, Материалы по этнографии, III, 2, Л., 1927.
Тереножкин А. И. Археологическая разведка в Каракалпакии, СА, 1940, № 6.
Тереножкин А. И. Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана, ВДИ, 1947, № 2.
Тереножкин А. И. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, ВДИ, 1947, № 4.
Тереножкин А. И. Жилые постройки XI—XII вв. н. э. в Каракалпакской АССР, Известия УзФАН СССР, 1940, № 7.
Тереножкин А. И. К истории искусства Хорезма. Рельеф «сасанидского» блюда и архитектурные памятники Хорезма, Искусство, 1939, № 9.
Тереножкин А. И. О древнем гончарстве в Хорезме, Известия УзФАН СССР, 1940, № 6.
Тереножкин А. И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале (предварительные данные), Известия УзФАН СССР, 1940, № 4.
Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г., Труды АН УзССР, история, археология, Ташкент, 1941—1945.
Тилло А. А. Арало-Каспийская нивелировка, Известия РГО, т. X, 1874, № 8.
Толстов С. П., Древний Хорезм, М., 1948.
Толстов С. П. Древности верхнего Хорезма, ВДИ, 1941, № 1.
Толстов С. П. Древняя культура Узбекистана, ИЯЛИ, УзФАН, Библиотека бойца, Ташкент, 1943.
Толстов С. П. К истории Хорезмийских Сиявушидов, Известия АН СССР, 1945, № 4.
Толстов С. П. Монеты шахов Древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит, ВДИ, 1938, № 4.
Толстов С. П. Периодизация древней истории Средней Азии, КСИИМК, 28, 1949.
Толстов С. П. Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока», ВДИ, 1940, № 3—4.
Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, АН СССР, М.—Л., 1948.
Толстов С. П. Черты общественного строя Восточного Ирана и Средней Азии по Авесте, История СССР, т. I, М.—Л., 1939.
Торговая дорога из Астрахани через Каспийское море в Хиву и Бухару (сообщено из Астрахани от самовидца-путешественника). Отечественные записки, 1821, ч. V, № 10, февраль.
Трамбачев С. П. Орошение и осушение, М., 1932.
Трамбачев С. П. Предварительные материалы к вопросу о развитии ирригационного строительства в Средней Азии, Вестник ирригации, 1925, № 12.
Тревер К. В. Гопатшах-пастух-царь, ТОВЭ, т. II, 1940.
Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940.
Туманский А. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва, пер. В. А. Жуковского, ЗВОРАО, т. IX, вып. 1—4, СПб., 1896, стр. 300—303.
Федорович Б. А. К геологии Западных Каракумов, Материалы Каракумской экспедиции ИГ АН СССР, вып. 29, 1930.
Федорович Б. А. Приузбойские Каракумы, Труды Института географии АН СССР; Отчеты Туркменской экспедиции АН СССР, 1934.
Флитнер Н. Д. Земледельческие культы древней Месопотамии в свете последних, раскопок, ТОВЭ, т. I, Л., 1939.
Формозов А. А. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане, Вестник, Каз. ФАН СССР, 1945, № 2.
Фотеев М. Физико-географические условия Ханкинской волости Хорезмской области УзССР. Современный кишлак Средней Азии, вып. II, Ташкент, 1926.
Фрейман А. А. Хорезмийский язык, Записки ИВ АН СССР, т. VII, 1939.
Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843.
Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями, Записки РГО, кн. V, СПб., 1851, стр. 268—358.
Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах ибн Даста Абу-Али Ахмеда бен Омара, СПб., 1869.
Хива или географическое и статистическое описание Хивинского ханства, состоящего теперь в войне с Россией, заимствованное из разных отечественных и иностранных писателей, с изображением костюмов и вида гор. Хивы, М., 1840.
Цинзерлинг В. В. Орошение на Аму-Дарье, М., 1927.
Чайковский А. Важная нивелировка в Туркестанском крае. Проект восстановления прежнего течения речной системы этого края в Каспийское море, М., 1908.
Черняев М. Г., Низовья Аму-Дарьи до Кунграда, ТВ, 1873, № 3.

Чулошников Д. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII вв., Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Труды Историко-археологического института и ИВ АН СССР. Материалы по истории народов СССР, вып. 3, Л., 1932.
Шахназаров А. И. Сельское хозяйство в Туркестанском крае, СПб., 1908.
Шастали. Климат Хорезма. Сельскохозяйственные районы Хорезма. Материалы по районированию Средней Азии, кн. 2, Ташкент, 1926.
Шишкин В. А. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса, Ташкент, 1940.
Шишкин В. А. Археологические работы 1947 г. на городище Варахша. ИАН УзССР, № 5, Ташкент, 1948.
Шишкин В. А. Города Узбекистана, Ташкент, 1943.
Шишкин В. А. Предварительное сообщение об археологической рекогносцировке в Бухарскую область, Бюллетень АН УзССР, № 7, 1945.
Шкапский О. Аму-Дарьинские очерки, Ташкент, 1900.
Шкапский О. Как хивинцы ведут полевое хозяйство на своих безводных землях, М., 1900.
Шмидт А. В. Левшинская стоянка, Советская археология, 1940, № 5.
Юферев В. И. и Мастицкий Н. В. Очерки по водопользованию в Средней Азии, «Библиотека хлопкового дела», кн. 2, М., 1926.
Якубовский А. Ю. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.), КСИИМК, 28, 1949.
Якубовский А. Ю. ГАИМК-ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет, КСИИМК, вып. VI, 1940.
Якубовский А. Ю. Городище Миздахкан, ЗКВ, т. V, Л., 1930.
Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941.
Якубовский А. Ю. Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства, Сб. «Фердоуси», Л., 1934.
Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча, Известия ГАИМК, т. VI, вып. 2, Л., 1930.
Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. 1, Л., 1932.
Barthold W. Manqullar Davrida Turkestan, Maskavi-Samarqand, 1931.
Barthold W. Khwarizm, Enzyklopaedie des Islams, vol II, Leyden-Leipzig, 1927.
Browne E. J. The Press and Poetry of Modern Persia, partly based on the manuscript work of Mirza Muhammad Ali Khan „Tarbiyat" of Tabriz, Cambridge, 1914.
Boukhary Mir Abdoul Kerim, Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand) depuis les derniéres années du règne de Nadir-Chah (1153) jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740—1818). Publiée, traduite et annotée par Charles Schefer, Paris, 1876.
Darling M., The Punjab Peasant, London, 1925.
De Goeje M. C., Das alte Bett des Oxus, Leyden, 1875.
Harris, Irrigation in India, London, 1923.
Hermann A., Alte Geographie des unteren Oxusgebiets, Berlin, 1914.
Herzfeld E., Archeological History of Iran, London, 1935.
Herzfeld E., Iran in the ancient East, London—New-York, 1941.
Khwarizm, Encyclopoedia Britanica, vol. 17. London, 1911.
Lerch P., Khiva oder Kharezm. Seine historischen Verhältnisse (Mit einer Karte von Khiva), St.-Petersburg, 1873.
Morquart J. Eransahr nach der Geographie des Pseudo Moses Xorenaci, Mit historisch-Kritischen Kommentar und historischen und topographischen Excursen, Abhandlungen der Königlichen Gesellchaft der Wissenschaften zu Göttingen, philologisch-historische Klasse, Neue Folge, Band III, № 2, Berlin, 1901.
Morquart J. Wehrot und Arang, Leiden, 1938.
Meyendorff G. Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820 à travers les steppes qui s'étendent à l'Est de la mer d'Aral et au delà de l'ancien Jaxarter, Revue par M. le chevalier Amédée Jaubert, Paris, 1826.
Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilisations of Anau, 2 vols, Washington, 1908.
Sachau Ed. Zur Geschichte und Chronologie von Khwarism, Wien, 1873.
Sarre F. Die Kunst des Alten Persiens, Berlin, 1923.
Stein Aurel, Innermost Asia, I—IV, Oxford, 1928.
Tarn W. W. The greeks in Bactria and India, Cambridge, 1938.
Tomaschek W. „Akes", Pauly-Wissowa, Real enzyclopaedie.

Tomaschek W. Centralasiatische Studien. T. I. Sogdiana. Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Kais-Königl. Akademie der Wissenschaft. Band LXXXVII, Wien 1877.
Willcocks W. Egyptian Irrigation, vol. 1, London, 1913.
Willcocks W. Irrigation of Mesopotamia, London, 1911.
Willcocks W. The Nile in 1904, London, 1905.
Voyevodsky M. A Summary Report of a Khwarizm Expedition, Bulletin of the American Institute for Iranian Art and Archaeology, V, № 3, 1938.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От автора	5
Введение	7
I глава. Аму-Дарья и ее дельта	18
II глава. Первобытная культура на землях древнего орошения	41
III глава. Ранние государственные образования в Хорезме и возникновение искусственных каналов	61
IV глава. Ирригация в Хорезме в период рабовладельческого строя (IV в. до н. э.—VI в. н. э.)	97
V глава. Ирригация в период раннего феодализма (IV—IX вв. н. э.)	114
VI глава. Динамика ирригации в Хорезме в период развитого феодализма	125
VII глава. Динамика ирригационной сети Хорезма после XVI в. Расселение племен и политика ханских ханов	198
VIII глава. Из истории ирригационной техники в Хорезме	237
IX глава. Развитие ирригации в низовьях Аму-Дарьи после Великой Октябрьской социалистической революции	268
Заключение	279
Указатель литературы	289

Яхья Гулямович
Гулямов

История орошения
древнего Хорезма

Редактор Издательства
А. А. Левина

Обложка
Народного художника Узбекской ССР
И. И. Икрамова

Технический редактор
А. Т. Шепельков

Корректор
А. В. Баклицкая

* * *

Р02348 Подписано к печати 27/V—57 г. Бумага 70×108¹/₁₆ = 9,87 бум. л. — 26,5 печ. л. Изд. л. 26,0. Тираж 750. Цена 20 р. 75 к.

* * *

Типография Издательства АН УзССР
Ташкент, Хорезмская, 9. Заказ 524.
Адрес Издательства: Куйбышева, 15.